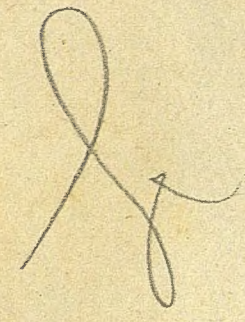


2/F. 16'40

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXII-й. ОКТЯБРЬ. 1901 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.** Н. Дубровина. . . . . 5— 41

II. **Кончина А. С. Грибоѣдова по армянскимъ источникамъ.** (Изъ сочиненія Галуста-Шермазаняна: „Матеріалы для національной исторіи"). Сообщ. съ дополненіемъ М. Я. Аладвердянцъ. . . . . 43— 68

III. **Императоръ Павелъ.** Очеркъ развитія его личности. II. 69— 84

IV. **Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова.** . . . . . 85—100

V. **Письма Г. С. Батенькова — князю Е. П. Оболенскому.** Сообщ. княг. М. Г. Оболенская. . . . . 101—108

VI. **Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.** 109—135

VII. **Былое.** Изъ воспоминаній о пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ. А. Р.. 137—158

VIII. **Россія и папскій престолъ.** П. Пирлинга. (Съ французскаго). . . . 159—192

IX. **Къ портрету графа Поццо-ди-Борго.** . . . . . 193—194

X. **Экспедиція Государствен. Хозяйства (1797—1803 гг.)** В. И. Вешнякова. . . . . 195—205

XI. **Николай Ивановичъ Тургеневъ въ своемъ оправданіи.** Сообщ. А. А. Ѳоминъ. . . . . 207—220

XII. **Письма В. А. Жуковскаго къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ изъ перваго его заграничнаго путешествія въ 1821 году.** Сообщилъ И. А. Быковъ. . . . . 221—240

XIII. **Записная книжка „Русской Старины":** Нотное пѣніе въ церквахъ. Предложеніе князя А. Н. Голицына Святѣйшему Правительствующему Синоду. 10-го января 1816 г. (стр. 42).— Памятники гр. Румянцову, кн. Суворову, Кутузову и Барклаю-де-Толли. Рескриптъ гр. С. К. Вязмитинову. 23-го сентября 1818 г. Ахенъ. (136).— Новороссійскій край въ 1816 году. Высочайшее повелѣніе министру финансовъ. 4-го мая 1816 г. (206).

XIV. **Библіографич. листокъ** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) **Дневники В. А. Жуковскаго.** Сообщилъ И. А. Быковъ.

2) Портретъ графа **Поццо-ди-Борго.** Грав. И. И. Хелмицкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1901 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза",

Большая Подъяческая, 39.

1901.

X-я книга „Русской Старины" вышла 1-го октября 1901 г.

Библіографическій листокъ.

14-е марта. Двадцатилѣтній періодъ товарищескихъ собраній „Дворянъ“ и „Константиновцевъ“ (1882 — 1901 гг.). Воспоминанія одного изъ участниковъ. Спб. 1901 г.

Ежегодно 14-го марта, начиная съ 1882 г., происходятъ товарищескія собранія «Дворянъ» и «Константиновцевъ», т. е. бывшихъ воспитанниковъ Дворянскаго полка и преемственныхъ ему заведеній. Не мало сердечныхъ, отрадныхъ минутъ пережито участниками этихъ собраній среди своихъ однокашниковъ. И вотъ, съ цѣлью напомнить товарищамъ о такихъ рѣдкихъ въ нашей жизни минутахъ, а также чтобы ознакомить съ происходившимъ на собраніяхъ всѣхъ тѣхъ, кто по какой-либо причинѣ не могъ лично присутствовать на нихъ, и составлены эти «Воспоминанія» однимъ изъ участниковъ, скрывшимъ свое имя подъ иниціалами М. Г.

На этихъ собраніяхъ, за пиршественнымъ столомъ, тѣсно объединяются всѣ выпуски, не смотря на то, что между старѣйшими и позднѣйшими лежитъ полустолѣтіе. Заздравные тосты, восторженныя, прямодушныя рѣчи, импровизаціи въ стихахъ, откровенные разсказы о минувшемъ веселятъ сердце стараго кадета, ободряя и возвышая духъ молодаго юнкера, который въ окружающихъ его старшихъ наглядно видитъ съ честью пройденный ими путь.

Независимо пріятныхъ встрѣчъ, иногда послѣ долгой разлуки, со своимъ однокашникомъ и испытываемаго ежегодно удовольствія обмѣна впечатлѣній и воспоминаній о дняхъ юности, проведенныхъ подъ кровомъ роднаго заведенія, собранія эти дали участникамъ ихъ, сверхъ нравственной отрады, еще весьма полезные и существенные результаты. Такъ, въ библіотекѣ Константиновскаго артиллерійскаго училища возникъ особый отдѣлъ литературныхъ трудовъ бывшихъ воспитанниковъ заведенія, давшаго немало дѣятелей въ сферѣ науки, исторіи и литературы.

Кромѣ того, возникло общество вспомоществованія бывшимъ «Дворянамъ» и «Константиновцамъ», считающее въ своемъ составѣ до 400 лицъ и владѣющее нынѣ капиталомъ свыше 9.000 руб., что дозволяетъ уже облегчать нужды, хотя еще только неотложныя, насущныя, тѣхъ несчастныхъ изъ бывшихъ питомцевъ товарищей, къ которымъ судьба отнеслась неблагопріятно и лишила возможности воспользоваться благами основъ, пріобрѣтенныхъ при воспитаніи въ родномъ заведеніи.

Результаты эти наглядно подтверждаютъ, что собранія «Дворянъ» и «Константиновцевъ» не изсякли духомъ благодарности къ учрежденію, поставившему на ноги каждаго своего питомца.

Первое товарищеское собраніе происходило 14-го марта 1882 г.,—въ день, когда исполнилось 75 лѣтъ съ учрежденія Дворянскаго полка; въ ресторанѣ «Демутъ» собралось болѣе 150 человѣкъ. Вывѣшенный при входѣ въ залъ аншлагъ извѣщалъ, что въ предстоящемъ собраніи за фельдфебеля будетъ М. И. Богдановичъ, воспитанникъ выпуска 1823 г., а за дневальныхъ—Д. Цикельнъ (вып. 1854 г.) и М. Гольмдорфъ (вып. 1855 г.). Собраніе ровно въ пять часовъ встрѣтило своего фельдфебеля, при чемъ оркестръ исполнилъ маршъ Дворянскаго полка. Тронутый торжественностью встрѣчи, Модестъ Ивановичъ сказалъ: «я не ожидалъ, что на склонѣ моей жизни буду участникомъ на обѣдѣ товарищей въ честь заведенія, въ которомъ воспитывался. Считаю себѣ за честь быть фельдфебелемъ такой прекрасной роты, какая собралась здѣсь». Потомъ, младшій изъ дневальныхъ, М. Г. Гольмдорфъ обратился къ собранію съ слѣдующею рѣчью: «Товарищи - однополчане! Сегодня минуло 75 лѣтъ съ того дня, когда императоръ Александръ I учредилъ военно-подготовительное заведеніе для дворянъ, сдѣлавшееся затѣмъ разсадникомъ офицеровъ нашей славной арміи. Убѣжденный, что каждому изъ бывшихъ питомцевъ этого заведенія дороги воспоминанія о немъ, позволяю себѣ напомнить, въ краткихъ чертахъ, его минувшее».

Въ своей рѣчи г. Гольмдорфъ ознакомилъ слушателей съ исторіей возникновенія Дворянскаго полка. Военныя событія начала XIX столѣтія потребовали усиленнаго и скораго пополненія войскъ офицерами, и Александръ I, рескриптомъ 14-го марта 1807 г. министру внутреннихъ дѣлъ, графу Кочубею, повелѣлъ: «молодыхъ дворянъ отъ 16 лѣтъ и болѣе, желающихъ вступить въ военную службу, вмѣсто опредѣленія прямо въ полки унтеръ-офицерами, присылать въ петербургскіе кадетскіе корпуса, гдѣ, оставляя ихъ самое короткое время для ознакомленія съ порядкомъ службы, производить въ полки прапорщиками и корнетами». Извѣщенные о дарованномъ правѣ, дворяне поспѣшили на службу, и въ столицѣ собралась масса молодыхъ людей, между которыми оказалось много слабыхъ, болѣзненныхъ и даже одинъ нѣмой. Вполнѣ годныхъ и возмужалыхъ, но въ большинствѣ неграмотныхъ, помѣстили въ деревянныхъ строеніяхъ полотняной фабрики на Петербургской сторонѣ, въ сосѣдствѣ со 2-мъ корпусомъ, и поручили корпусному маіору Гольдгоеру, а въ помощь ему назначили трехъ подпоручиковъ. Это заведеніе было названо корпусомъ волонтеровъ, а въ 1808 г. переименовано въ Дворянскій полкъ. Въ слѣдующемъ году ему пожалованы знамена, а въ 1810 г.—гладкіе, желтые погоны; въ 1811 г. при полку образованъ Дворянскій кавалерійскій эскадронъ [1]). Число воспитанниковъ, не превышавшее сначала 700, возросло въ 1812 г. до 2.000 человѣкъ, а къ 1815 г.—3.000. Въ то же время состоялось распоряженіе о присылкѣ въ Дворянскій полкъ изъ столичныхъ корпусовъ кадетъ дурной нравственности и лѣнтяевъ. Небольшой комплектъ офицеровъ употреблялся для неотложныхъ командировокъ, а возмужалые юноши, прозван-

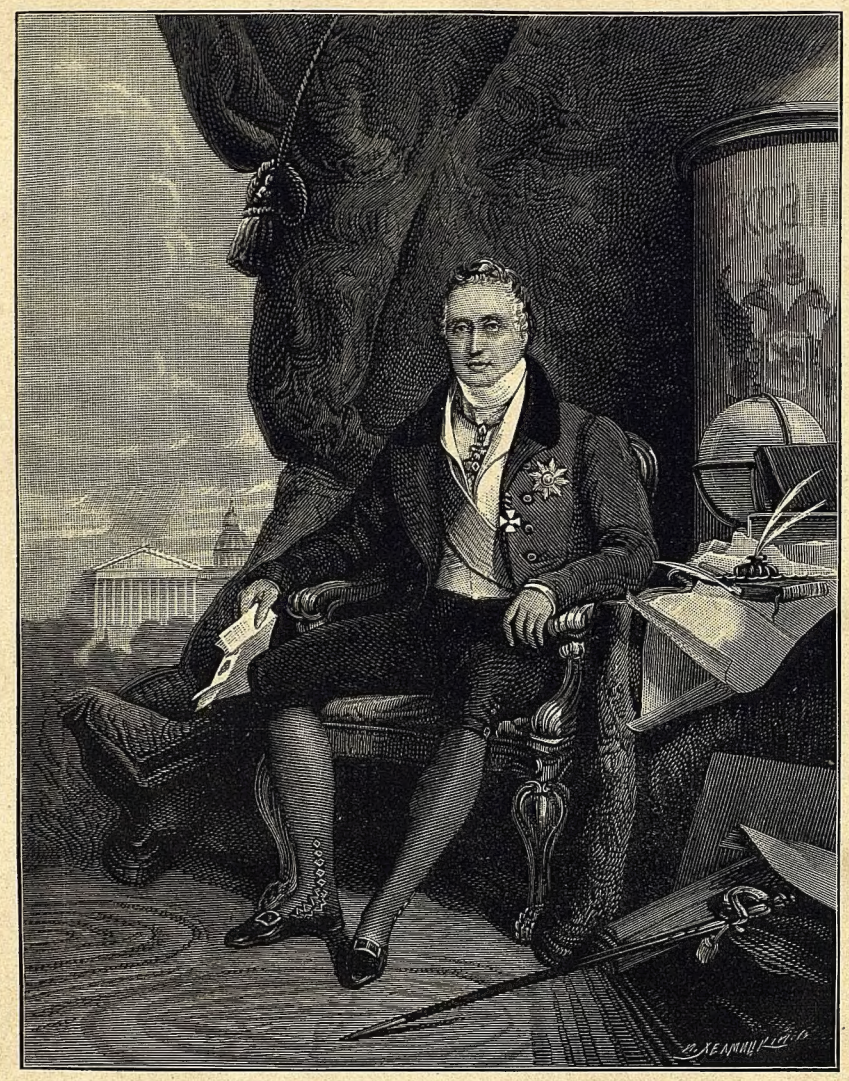
[1]) Въ концѣ 1826 г., по высочайшему соизволенію, Дворянскій кавалерійскій эскадронъ упраздненъ.

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
№
УПРАВЛЕНІЯ ЖЕЛ. ДОР.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Дозв. ценз. СПБ., 12 декабря 1900 г

Тип. тов. „Общ. польза", Б. Подъяч., д 39.



ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ

КАРЛЪ ОСИПОВИЧЪ ГРАФЪ ПОЦЦО-ДИ-БОРГО.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1901.

ОКТЯБРЬ.—НОЯБРЬ.—ДЕКАБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ВОСЬМОЙ.

25/35
49 г.
Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., № 39.
1901.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1902 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить **1-го числа** каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по **30** к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

---

*

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу

НОВАЯ КНИГА

ИСТОРІЯ

КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

и

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. Ѳ. ДУБРОВИНА.

ТРИ ТОМА,

заключающіе 1480 страницъ текста, съ картами и планами. Цѣна **9** рублей съ пересылкою. Съ требованіями обращаться въ **Товарищество «Общественная Польза»**, Большая Подъяческая, № 39.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XIII [1]).

Планъ всеобщаго государственнаго преобразованія.—Недостатки существовавшей администраціи.—Преобразованіе Государственнаго Совѣта.—Рѣчь императора Александра при его открытіи.—Недовѣріе общества къ преобразованіямъ вообще.—Новые налоги.—Неудовольствіе общества.—Н. М. Карамзинъ и его мнѣніе.—Мѣры къ успокоенію общества.—Охлажденіе Александра къ преобразованіямъ и энергія Сперанскаго.—Противодѣйствіе ему въ Государственномъ Совѣтѣ.—Тяжесть его положенія и желаніе сложить съ себя большую часть своихъ обязанностей.—Несогласіе на то императора Александра.—Проектъ преобразованія Сената.—Общее учрежденіе министерствъ.—Противорѣчія въ положеніяхъ.—Причины неудачи.

Во время пребыванія своего въ Москвѣ, императоръ Александръ подготовлялъ, составленный Сперанскимъ, по его порученію, планъ всеобщаго государственнаго преобразованія.

Съ уничтоженіемъ коллегій и съ образованіемъ министерствъ администрація не улучшилась. Министерскія канцеляріи заступили мѣста коллегій, а министры—присвоивали себѣ власть, принадлежавшую прежде Правительствующему Сенату; товарищеское обсужденіе дѣлъ замѣнилось единоличнымъ. Министры пользовались своею властью неограниченно, безъ всякаго контроля, безъ всякой отвѣтственности и безъ «всякаго со стороны прокуроровъ наблюденія за исполненіемъ законовъ». Каждый министръ поступалъ по-своему, не согласуясь съ товарищемъ, и государственныя учрежденія потеряли

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1901 г.

точку соединенія и лишились объединяющаго начала. Въ производствѣ дѣлъ не было никакой отвѣтственности, предѣлъ власти министровъ не былъ ни опредѣленъ, ни ограниченъ, и даже часть законодательная была раздѣлена между разными министрами. Все это вело къ произволу, вызывало недоумѣнія, противорѣчія и безпорядки въ администраціи еще бо̀льшіе, чѣмъ были прежде. Современники тяготились такимъ положеніемъ, были недовольны имъ и не знали, къ кому обратиться, у кого искать правосудія, суда и расправы.

Не желая, однако же, возвращаться къ старому порядку вещей, императоръ Александръ пришелъ къ заключенію, что пора привести въ исполненіе его излюбленную мысль—дать Россіи конституціонный порядокъ управленія.

Призвавъ къ себѣ М. Сперанскаго и объявивъ ему, что желаетъ даровать Россіи конституцію, Александръ показалъ ему предложенія Н. Новосильцова и князя Чарторыйскаго, «заключавшіяся въ пустыхъ либеральныхъ теоріяхъ не удобопримѣнимыхъ къ нашему отечеству» [1]).

Вопросъ о конституціи былъ поднятъ еще въ 1804 году и по высочайшей волѣ составленіе проекта ея было поручено барону Розенкампфу, секретарю и первому референдарію коммиссіи составленія законовъ. Справедливо ссылаясь на то, что для подобнаго проекта не было никакихъ матеріаловъ и подготовительныхъ работъ, что одною теоріею руководствоваться нельзя, Розенкампфъ могъ составить, да и то съ многими пробѣлами, такъ называемой кадръ конституціи [2]). Этотъ кадръ былъ переданъ Новосильцову и Чарторыйскому, которые хотя и выработали проектъ конституціи, но онъ не отличался ни полнотою, ни основательностью.

Наступившія войны оставили проектъ этотъ безъ примѣненія, и теперь онъ былъ переданъ Сперанскому. Задача, возлагаемая на послѣдняго, была, конечно, не по силамъ одному человѣку и тѣмъ болѣе, что по легкости взгляда, съ которымъ императоръ Александръ относился къ преобразованіямъ вообще, онъ требовалъ отъ Сперанскаго скорѣйшаго исполненія порученнаго ему дѣла. Недовѣріе къ окружающимъ его людямъ заставляло Александра держать все это дѣло въ секретѣ, который, впрочемъ, какъ увидимъ, онъ же первый и выдалъ.

Получивъ порученіе государя, Сперанскій съ особымъ рвеніемъ принялся за рѣшеніе предложенной ему задачи и, познакомившись съ переданнымъ ему проектомъ конституціи, пришелъ къ заключенію, что

---

[1]) Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго. „Русскій Вѣстникъ“. 1890 г. № 9, стр. 164.

[2]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“. Т. II, стр. 249.

исправить современный порядокъ администраціи даннымъ ему проектомъ конституціи невозможно, а нужно замѣнить его новымъ, построеннымъ на совершенно иныхъ началахъ.

«Всѣ жалуются,—писалъ онъ,—на запутанность и смѣшеніе нашихъ гражданскихъ законовъ. Но какимъ образомъ можно исправить и установить ихъ безъ твердыхъ законовъ государственныхъ? Къ чему законы, распредѣляющіе собственность между частными людьми, когда собственность сія ни въ какомъ предположеніи не имѣетъ твердаго основанія? Къ чему гражданскіе законы, когда скрижали ихъ каждый день могутъ быть разбиты о первый камень самовластія?

«Жалуются на запутанность финансовъ. Но какъ устроить финансы тамъ, гдѣ нѣтъ общаго довѣрія, гдѣ нѣтъ публичнаго установленія, порядокъ ихъ охраняющаго? Въ настоящемъ положеніи нельзя даже съ успѣхомъ наложить какой-нибудь налогъ къ исправленію финансовъ необходимо нужный: ибо всякая тягость народная приписуется единственно самовластію. Одно лицо государя отвѣтствуетъ народу за всѣ постановленія; совѣтъ же и министры всегда, во всякой мѣрѣ тягостной, могутъ отречься отъ участія тамъ, гдѣ нѣтъ публичныхъ установленій.

«Жалуются на медленность успѣховъ просвѣщенія и разныхъ частей промышленности. Но гдѣ начало ихъ животворящее? Къ чему послужитъ рабу просвѣщеніе? Къ тому только, чтобъ яснѣе обозрѣлъ онъ всю горесть своего положенія [1]).

«Наконецъ, сіе всеобщее неудовольствіе, сія приклонность къ горестнымъ изъясненіямъ всего настоящаго, есть не что другое, какъ общее выраженіе пресыщенія и скуки отъ настоящаго вещей порядка. Война и политическія происшествія, безъ сомнѣнія, занимаютъ тутъ свое мѣсто. Но были тягости, были войны, и духъ народный не былъ однакоже подавляемъ ими до такой степени, какъ нынѣ. Неужели дороговизнѣ сахару и кофе [2]) можно въ самомъ дѣлѣ приписать начало сихъ неудовольствій? Уменьшилась ли отъ нихъ роскошь? Обѣднѣлъ ли въ самомъ дѣлѣ народъ? Гдѣ тѣ жестокія несчастія, кои его на самомъ дѣлѣ постигли? Всѣ вещи остались въ прежнемъ почти положеніи, а между тѣмъ духъ народный страждетъ въ безпокойствѣ. Какъ можно изъяснить сіе безпокойство иначе, какъ совершеннымъ измѣненіемъ мыслей, глухимъ, но сильнымъ желаніемъ другаго вещей порядка.

«Таковы суть главные признаки, по коимъ можно опредѣлить мѣсто, которое Россія нынѣ занимаетъ въ лѣстницѣ гражданскаго образованія. По симъ признакамъ можно, кажется, съ достовѣрностью заключить,

---

[1]) Эти строки указываютъ на то, что въ планъ преобразованій Сперанскаго долженъ былъ войти и вопросъ объ освобожденіи крестьянъ.

[2]) См. „Русскую Старину“, 1901 г. сентябрь, № 9, стр. 450 и 451.

что настоящая система правленія несвойственна уже болѣе состоянію общественнаго духа, но что настало время ее перемѣнить и основать новую. Всѣ исправленія частныя, всѣ, такъ сказать, пристройки къ настоящей были бы непрочны; пусть составятъ какое угодно министерство, распорядятъ иначе части, усилятъ и просвѣтятъ полицейскія и финансовыя установленія, пусть издадутъ даже гражданскіе законы: всѣ сіи введенія, бывъ основаны единственно на личныхъ качествахъ исполнителей, ни силы, ни твердости имѣть не могутъ».

Приступая къ образованію новыхъ учрежденій, Сперанскій считалъ необходимымъ, чтобы правленіе, до сихъ поръ самодержавное, «постановить и учредить на непремѣняемомъ законѣ»; чтобы «не внѣшними только формами покрыть самодержавіе, но ограничить его внутреннею и существенною силою установленій и учредить державную власть на законѣ не словами, но самымъ дѣломъ». Такая форма правленія по словамъ преобразователя, свойственнѣе народу, «который имѣетъ болѣе добраго смысла, нежели пытливости, болѣе простаго и твердаго разума, нежели воображенія, коего характеръ трудно обольстить, но легко убѣдить простою истиною; словомъ, она можетъ быть свойственна такому народу, коего нѣтъ нужды прельщать и обманывать, по добронравію его и нѣкоторой лѣности, присущимъ всѣмъ народамъ сѣверной природы».

Послѣ взаимнаго обмѣна мыслями съ императоромъ, Сперанскій составилъ планъ всеобщаго государственнаго преобразованія.

Въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе частностей плана преобразованій [1]); мы ограничимся изложеніемъ его сущности и указаніемъ на то, какъ онъ отразился на обществѣ и былъ согласованъ съ потребностями русскаго народа.

Цѣлью преобразованій было утвердить власть правительства, поставить управленіе Имперіи на твердомъ законѣ и дать Россіи внутреннее политическое бытіе, «а съ этою цѣлью опредѣлить прежде всего разумъ коренныхъ государственныхъ законовъ, т. е. начертать планъ конституціи».

«Конституціи,—писалъ Сперанскій [2]), — во всѣхъ почти государствахъ устрояемы были въ разныя времена отрывками и по большей части среди жестокихъ политическихъ бурь. Россійская конституція одолжена будетъ бытіемъ своимъ не воспаленію страстей и крайности

[1]) Планъ государственнаго образованія впервые напечатанъ въ полномъ объемѣ Н. К. Шильдеромъ. См. „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе". Т. II, стр. 372–395.

[2]) Тамъ же, стр. 252.

обстоятельствъ, но благодѣтельному вдохновенію верховной власти, которая, устрояя политическое существованіе своего народа, можетъ и имѣетъ всѣ способы дать ему самыя правильныя формы».

Онѣ заключались въ томъ, что къ участію въ управленіи допускались народные представители и въ основаніе представительства положено было землевладѣніе. Установленіями законодательными должны были быть выборныя учрежденія: волостныя, окружныя, губернскія и Государственная Дума. Каждые три года, въ волостномъ городѣ изъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности должно было составляться собраніе подъ названіемъ волостной думы. Казенныя селенія отъ каждыхъ пятисотъ душъ посылали въ думу одного выборнаго. Волостныя думы избирали членовъ волостнаго правленія и депутатовъ въ окружныя думы; изъ депутатовъ окружныхъ думъ, черезъ каждые три года, должно было составляться собраніе въ губернскомъ городѣ подъ именемъ губернской думы. Изъ депутатовъ отъ губернскихъ думъ составлялось въ Петербургѣ законодательное сословіе подъ именемъ Государственной Думы. Для управленія и суда, устанавливались также учрежденія четырехъ степеней, и такимъ образомъ по плану Сперанскаго государственное управленіе должно было принять слѣдующій видъ:

Державная власть императора

Государственный Совѣтъ

Управленіе.	*Законодательство*	*Судъ*
Министерство въ соединеніи съ Правительствующимъ Сенатомъ	Государственная Дума	Судебный Сенатъ
Управленіе губернское	Дума губернская	Судъ губернскій
Управленіе окружное	Дума окружная	Судъ окружный
Управленіе волостное.	Дума волостная	Судъ волостной.

Изъ этого начертанія видно, что средоточіемъ всѣхъ учрежденій являлся Государственный Совѣтъ, предназначаемый для предварительнаго разсмотрѣнія законовъ, уставовъ и учрежденій въ «первообразныхъ ихъ начертаніяхъ».

Къ этой табели учрежденій Сперанскій присоединялъ Кабинетъ при императорѣ, въ который должны были стекаться высшія государственныя дѣла и получать тамъ окончательное рѣшеніе, а также Правительствующій Сенатъ, долженствовавшій замѣнить собою бывшій Комитетъ министровъ.

Проектъ Сперанскаго, по внѣшнему виду, долженъ былъ вполнѣ удовлетворять желанію императора Александра, и, по его увлекающемуся и порывистому характеру, требовалось только скорѣйшее приведеніе его въ исполненіе. Торопливости императора «совершенно отвѣчали и смѣлая и неутомимая и систематическая дѣятельность Сперанскаго» [1]).

Въ октябрѣ 1809 г. планъ преобразованій былъ уже представленъ государю и имъ одобренъ. Теперь являлся только вопросъ о томъ, съ чего начинать преобразованія, и рѣшено было начать съ Государственнаго Совѣта, для преобразованія котораго не встрѣчалось особыхъ затрудненій и не требовалось большихъ приготовленій.

По мнѣнію Сперанскаго, существовавшій уже Государственный Совѣтъ былъ, «мѣстомъ, такъ сказать, произвольнымъ, коего дѣйствія безгласны, неопредѣлительны и относятся, большею частію, къ дѣламъ текущимъ. Можетъ ли, въ настоящемъ составѣ его, стать онъ на чредѣ государственныхъ установленій, свойственныхъ Имперіи обширной? Министерскій комитетъ есть также установленіе, никакихъ публичныхъ формъ не имѣющее; въ самомъ разумѣ его онъ предустановленъ былъ для соображенія однѣхъ мѣръ исполнительныхъ. Слѣдовательно, никогда не могъ онъ быть средоточіемъ въ порядкѣ законодательномъ.

«Итакъ, важнѣйшая часть государственнаго управленія — соображеніе законовъ, уставовъ и учрежденій не имѣетъ, у насъ никакого постояннаго положенія и нѣтъ мѣста, гдѣ бы дѣла государственныя постоянно и единообразно были уважаемы. Въ государствѣ сильномъ и обширномъ разныя части управленія не могутъ идти съ стройностью и успѣхомъ, когда каждое движется по своему направленію и направленія сіи нигдѣ не приводятся къ единству; когда главныя отношенія разныхъ частей не опредѣлены и не соображены между собою, когда каждое дѣло можетъ по произволу поступать въ различныя установленія: въ Совѣтъ, Сенатъ или Комитетъ и не въ одномъ изъ нихъ не установлено порядка, теченію государственныхъ дѣлъ свойственнаго и единообразнаго.

«Отсюда происходитъ, что всѣ законы, всѣ учрежденія и мѣры правительства, даже и тѣ самыя, кои соображены были съ установленіями, нынѣ существующими, совокупно всѣми ихъ членами, имѣютъ у насъ видъ произвола и личнаго довѣрія, измѣняющагося по случаямъ и обстоятельствамъ. Отсюда происходитъ та великая несвязность, которая въ законахъ нашихъ на каждомъ шагу встрѣчается. — Всѣ они имѣютъ столько различныхъ свойствъ, сколько было разныхъ лицъ, кои поперемѣнно занимались ихъ составленіемъ.— Отсюда происходитъ,

---

[1]) А. Н. Пыпинъ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Изданіе 1900 г., стр. 129.

что учрежденія наши никогда не имѣли достоинства и важности, свойственной закону.—И какимъ образомъ могутъ они имѣть сію важность, когда начинались по одному личному довѣрію, соображались въ тайнѣ и издавались безъ всякаго публичнаго и единообразнаго ихъ уваженія? Отсюда происходитъ та великая и горестная удобность, съ коею законы наши были перемѣняемы.—Если одно лицо, часто дѣйствующее въ тайнѣ, могло предложить законъ и частнымъ соображеніемъ привесть его въ силу, то другое, пользуясь, въ свою очередь, тою же степенью довѣрія, могло отмѣнить его и ввести другое учрежденіе. — Отсюда происходитъ то всеобщее убѣжденіе, самимъ опытомъ оправданное, что нѣтъ въ Россіи закона постояннаго, и что можно перемѣнить все по личнымъ случаямъ и удобствамъ. — Отсюда происходитъ и та слабость въ исполненіи закона, на которую столько разъ жалобы были оглашаемы.—Каждый исполнитель, при первомъ затрудненіи въ законѣ, находитъ удобнѣйшимъ предложить его отмѣну, нежели стараться превзойти препятствія. — И понеже отмѣны сіи бывали часты и всегда производимы съ тою же удобностью, съ какой и законъ у насъ издавался, то и поселилась въ практикѣ нашихъ исполнителей несчастная привычка представлять непрестанно о неудобствахъ, изъ чего и составилась большая часть дѣлъ, тяготящихъ всѣ департаменты и ввергающихъ высшее управленіе въ непрерывный безпорядокъ. — Тщетно власть исполнительная гремѣла подтвержденіями и угрозами.— Самыя подтвержденія сіи и угрозы еще болѣе обнаруживали слабость закона.

«Изъ сего происходятъ слѣдующія истины: 1) что въ настоящемъ порядкѣ управленія нѣтъ установленія для общаго соображенія дѣлъ государственныхъ въ отношеніи ихъ къ части законодательной; 2) что отъ недостатка сего установленія происходитъ главный безпорядокъ и смѣшеніе во всѣхъ частяхъ управленія; 3) что твердость и постоянство закона требуютъ такого установленія и 4) что, наконецъ, великія государства движутся установленіями, лица перемѣняются и умираютъ, а духъ установленій живетъ и въ теченіе многихъ столѣтій охраняетъ оныя».

Планъ Сперанскаго не былъ приведенъ въ исполненіе въ полномъ его объемѣ; осуществилась только нѣкоторая незначительная его часть и прежде всего преобразованіе Государственнаго Совѣта.—При нетерпѣніи Александра и его настояніи образованіе Государственнаго Совѣта было написано менѣе чѣмъ въ три мѣсяца и при томъ однимъ человѣкомъ. — При такой спѣшности работы, Сперанскому не было, конечно, времени справляться съ лѣтописями и древними актами, хранившимися въ архивахъ; онъ не имѣлъ времени искать основъ ни въ Уложеніи, ни въ старинныхъ нашихъ Соборахъ, въ постановленіяхъ бояр-

скихъ и земскихъ Думъ, въ обычаяхъ и нравахъ народа [1]). — Въ Эрфуртѣ его увлекъ Наполеонъ и,подъ вліяніемъ поклоненія ему, Сперанскаго вдохновляли уставы императорской Франціи. Имѣя въ виду готовые образцы для исполненія возложенной на него задачи, Сперанскій «откинулъ прежнюю робость малоопытности. Вмѣсто осмотрительныхъ попытокъ и нѣкоторой сдержанности, наступила эпоха самоувѣренности и смѣлой ломки всего существовавшаго» [2]).

— Весьма заблуждаются тѣ,—говорилъ впослѣдствіи Трощинскій,— кои думаютъ, что одинакія установленія вездѣ могутъ сопровождаемы быть одинакими послѣдствіями.—Установленія, кои могли быть введены безъ неудобства въ одномъ государствѣ, могутъ произвести пагубныя послѣдствія въ другомъ, если во взаимствующемъ государствѣ образъ правленія и положенія народа, не будучи таковы же, каковы они въ государствѣ, изъ котораго формы заимствуются.

Защищая императора Александра отъ возводимыхъ на него впослѣдствіи обвиненій въ поспѣшности и необдуманности преобразованій, и обвиняя Сперанскаго, — Д. П. Трощинскій старался доказать, что воля государя состояла въ томъ, чтобы, не нарушая издавна установленнаго и свойственнаго русскому государству управленія, ввести въ немъ только нѣкоторыя измѣненія и улучшенія и тѣмъ доставить благоденствіе народу.—«Но усовершенія сіи, бывъ основаны, вмѣсто опытовъ, на однихъ отвлеченныхъ понятіяхъ вновь возникшей философіи, долженствовали произвести дѣйствія несообразныя съ предположенною и ясно выраженною цѣлью государя императора» [3]).

Ничего этого не было.—Сперанскій писалъ положеніе по указанію императора, съ которымъ постоянно совѣтовался; оба они одинаково думали, оба читали и исправляли написанное.

Еще во время пребыванія Александра въ Москвѣ, къ нему присылались изъ Петербурга таинственные конверты, смущавшіе публику и многихъ приближенныхъ къ императору, въ особенности графа Аракчеева. — Конверты эти, какъ узнали впослѣдствіи, были отъ Сперан-

---

[1]) Необходимо припомнить, что въ то время Свода законовъ не существовало, что руководствомъ служили многочисленные указы, не приведенные въ систему и противорѣчившіе другъ другу; что постановленія боярскихъ Думъ не были изданы и оставались не только неизвѣстными, но и не приведенными въ порядокъ, и что впослѣдствіи самъ Сперанскій, сознавая важность опыта предшествовавшей жизни русскаго народа, далъ намъ „Полное Собраніе законовъ Россійской Имперіи“.

[2]) А. Н. Пыпинъ „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“. Изданіе 1900 г., стр. 132 и 133.

[3]) Записка Трощинскаго: „О неудобствахъ, происходящихъ отъ государственнаго управленія въ формѣ единоличной и проч.“. Сборникъ Императ. Русскаго Историческаго Общества, т. III, стр. 23—162.

скаго и заключали въ себѣ проектъ новаго положенія о Государственномъ Совѣтѣ.—Не ожидая, чтобы лица, окружавшія государя и стоявшія во главѣ управленія, сочувствовали преобразованіямъ, Александръ сначала держалъ это дѣло въ большомъ секретѣ и, чтобы лучше сохранить тайну, поручилъ Сперанскому присылать свою рукопись по частямъ въ запечатанныхъ конвертахъ, которые надписывались камердинеромъ Мельниковымъ: «Къ государю въ Москву».

— Мельниковъ важный человѣкъ!—ѣдко замѣчалъ графъ Аракчеевъ, негодовавшій на то, что не знаетъ содержанія таинственныхъ пакетовъ.

Но сохранить тайну непроницаемою было очень трудно, и въ Москвѣ стали говорить, что въ конвертахъ заключается что-то важное.—Для разъясненія, что̀ именно, ловили каждое слово, вѣрили всякому слуху и стали разсказывать съ неудовольствіемъ, что готовится конституція и представительный образъ правленія.

При всѣхъ своихъ либеральныхъ стремленіяхъ и несмотря на мягкость характера, Александръ ревниво оберегалъ свое самодержавіе и неограниченность власти и въ этомъ отношеніи не допускалъ никакихъ посягательствъ. — Слухи, распространившіеся по Москвѣ, его смущали тѣмъ болѣе, что онъ зналъ о нерасположеніи общества къ его начинаніямъ. «Александръ не пользовался популярностью,—говоритъ князь А. Чарторыйскій. — По своему характеру онъ не былъ русскимъ человѣкомъ. — Отличаясь отъ русскихъ хорошими и дурными качествами, онъ, въ кругу своихъ, былъ похожъ на экзотическое растеніе и никогда не былъ счастливъ». Желая привлечь на свою сторону общественное мнѣніе, сохранить популярность, вызванную недавнею поѣздкою въ Москву и, наконецъ, уничтожить всѣ слухи, — Александръ самъ первый нарушилъ тайну и открылъ то, что̀ сначала такъ тщательно скрывалъ.

Въ декабрѣ 1809 года, въ разговорѣ съ княземъ Чарторыйскимъ, императоръ сказалъ ему, что готовится преобразованіе Государственнаго Совѣта и что онъ приметъ иную форму съ болѣе обширнымъ кругомъ дѣятельности; что устройство его произойдетъ по образцамъ, существующимъ въ иныхъ, лучше управляемыхъ государствахъ, каковы Франція и Англія.

— Есть много людей,—говорилъ при этомъ Александръ,—которые, не отдавая себѣ отчета въ значеніи словъ, воображаютъ, что будущее устройство Совѣта есть народное представительство, какъ будто можетъ быть народное представительство, избранное не страною, а зависимое отъ короны. То, что теперь будетъ сдѣлано для Совѣта, есть лишь первый шагъ для того, чтобы дойти до другихъ из-

мѣненій болѣе существенныхъ, относительно коихъ мнѣнія мои нисколько не измѣнились [1]).

Слова эти, сказанныя, конечно, для распространенія, скоро стали извѣстными многимъ, и имъ оставались неизвѣстными только частности, съ которыми императоръ рѣшилъ познакомить лишь не многихъ. Когда положеніе о новомъ устройствѣ Государственнаго Совѣта было окончательно обработано, то, по желанію Александра, оно было передано на обсужденіе графу Салтыкову, графу Завадовскому, князю Лопухину и графу Кочубею. По одобреніи ими, проектъ былъ переданъ на разсмотрѣніе графа Н. П. Румянцева, предназначавшагося предсѣдательствовать въ новомъ Совѣтѣ, въ случаѣ отсутствія императора. Только за нѣсколько дней до обнародованія манифеста о готовящемся преобразованіи было сообщено о томъ графу Аракчееву, да и то не для того, чтобы узнать его мнѣніе, а чтобы нѣсколько изгладить неудовольствіе, которое онъ проявлялъ, вслѣдствіе скрытности, съ какою велось все это дѣло.

Графу крайне досадно было,—пишетъ Марченко [2]), — «что новости сіи скрыты отъ него. Онъ готовился ѣхать въ Грузино, но государь задержалъ, обѣщая прочесть съ нимъ Наказъ Совѣту». Видимо недовольный, Аракчеевъ говорилъ, что такое чтеніе безполезно, что онъ гражданской части вовсе не знаетъ, но любопытство пересилило, и онъ остался. Государь хотѣлъ прислать за нимъ 24-го декабря, но вмѣсто того прислалъ къ нему Сперанскаго. «Не прошло и десяти минутъ,—продолжаетъ Марченко,—какъ графъ, отпустивъ Сперанскаго, спросилъ меня съ дѣлами. Я не видывалъ еще его въ подобномъ бѣшенствѣ. Не ставъ слушать бумагъ, приказалъ прислать ихъ въ Грузино, куда сейчасъ же онъ отъѣзжаетъ».

Оказалось, что Сперанскій привозилъ ему не проектъ образованія Государственнаго Совѣта, а одно оглавленіе, чтобы на словахъ разсказать сущность новой организаціи. Аракчеевъ не сталъ его слушать, отпустилъ съ неудовольствіемъ и грубостью и передъ отъѣздомъ въ Грузино, написалъ рѣзкое письмо государю съ просьбою объ отставкѣ [3]).

Ссылаясь на то, что въ молодости получилъ плохое образованіе и не въ состояніи будетъ защищать въ Совѣтѣ интересы военнаго вѣдомства, Аракчеевъ просилъ уволить его отъ званія военнаго министра и при томъ к а к ъ у г о д н о государю.

---

[1]) Разговоръ князя А. Чарторыйскаго съ императоромъ Александромъ. „Русскій Арх." 1870 г., т. I, стр. 761.

[2]) Въ своихъ запискахъ. „Русская Старина" 1896 г. № 3, стр. 485.

[3]) Въ недавно вышедшемъ изданіи „Государственный Совѣтъ 1801—1901 г." (стр. 18) весь этотъ эпизодъ разсказанъ не точно.

«Молю васъ, государь, — прибавлялъ онъ, — не затрудняться въ ономъ, ибо, черезъ не скорую перемѣну меня изъ сего званія, будетъ малая польза вамъ и государству, и только остановка въ дѣлахъ, въ коихъ дѣятельность по военной части необходима».

Письмо это должно было, конечно, удивить и огорчить императора Александра.

«Не могу скрыть отъ васъ, Алексѣй Андреевичъ, — писалъ государь [1]), — что удивленіе мое было велико при чтеніи письма вашего.

«Чему долженъ приписать я намѣреніе ваше оставить мѣсто, вами занимаемое. Говорить обинякомъ было бы здѣсь неумѣстно. Причины, вами изъясняемыя, не могу я принять за настоящія. Если до сихъ поръ вы были полезны въ званіи вашемъ, то при новомъ устройствѣ Совѣта почему сія полезность можетъ уменьшиться? Сіе никому не будетъ понятно. Всѣ читавшіе новое устройство Совѣта нашли его полезнымъ для блага Имперіи. Вы же, на чье содѣйствіе я болѣе надѣялся, вы, твердившіе мнѣ столь часто, что, кромѣ привязанности вашей къ отечеству, личная любовь ко мнѣ вамъ служитъ побужденіемъ, — вы, не взирая на оное, одни забывъ пользу Имперіи, спѣшите бросить управляемую вами часть въ такое время, гдѣ совѣсть ваша не можетъ не чувствовать, сколь невозможно васъ замѣнить. Вопросите искренно самого себя, какое побужденіе въ васъ дѣйствуетъ? и если вы будете справедливы на свой счетъ, то вы сіе побужденіе не похвалите.

«Но позвольте мнѣ, отложа здѣсь званіе, которое я на себѣ ношу, говорить съ вами какъ съ человѣкомъ, къ которому я лично привязанъ, которому во всѣхъ случаяхъ я доказалъ сію привязанность. Какое вліяніе произведетъ въ глазахъ публики ваше увольненіе отъ должности въ такую минуту, гдѣ преобразованіе, полезное и пріятное для всѣхъ, введено будетъ въ правительствѣ? Конечно, весьма дурное для васъ самихъ. Устройство Совѣта будетъ напечатано, всякій судить будетъ, что неотчего было вамъ оставлять своего мѣста, и заключенія будутъ весьма невыгодны на вашъ счетъ.

«Въ такую эпоху, гдѣ я право имѣлъ ожидать отъ всѣхъ благомыслящихъ и привязанныхъ къ своему отечеству жаркаго и ревностнаго содѣйствія, вы одни отъ меня отходите и, предпочитая личное честолюбіе, мнимо тронутое, пользѣ Имперіи, настоящимъ уже образомъ повредите своей репутаціи.

«Если все вышеписанное, противъ чаянія моего, надъ вами дѣйствія никакого не произведетъ, то, по крайней мѣрѣ, я въ правѣ требовать отъ васъ, чтобы до назначенія преемника вашего вы продолжали исполнять обязанность вашу, какъ долгъ честнаго человѣка онаго тре-

[1]) Н. К. Шильдеръ „Императоръ Александръ". Т. II, стр. 262 и 263.

буетъ. При первомъ свиданіи нашемъ вы мнѣ рѣшительно объявите, могу ли я въ васъ видѣть того же графа Аракчеева, на привязанность котораго я думалъ, что твердо могъ надѣяться, или необходимо мнѣ будетъ заняться выборомъ новаго военнаго министра».

Аракчеевъ остался при своемъ и просилъ избрать ему преемника.

«Мнѣнія публики столь различны,—писалъ онъ Александру [1]),—что на оныя никогда положиться нельзя, и лучшее мнѣніе въ свѣтѣ—спокойная въ человѣкѣ совѣсть; я имѣю ее и буду съ нею вездѣ спокоенъ».

Съ отъѣздомъ Аракчеева курьеры три дня скакали изъ Петербурга въ Грузино и обратно, пока, наконецъ, 29-го декабря 1809 г. графъ пріѣхалъ въ столицу. Этотъ и послѣдующій день прошли въ объясненіяхъ съ государемъ, и, наконецъ, Александръ спросилъ Аракчеева, чѣмъ желаетъ онъ быть, т. е. оставаться ли военнымъ министромъ или быть предсѣдателемъ военнаго департамента Государственнаго Совѣта.

— Лучше самъ буду дядькою,—отвѣчалъ Аракчеевъ, — чѣмъ надъ собою имѣть дядьку.

Императоръ изъявилъ согласіе и, возвратившись изъ дворца 1-го января 1810 года, послѣ открытія Государственнаго Совѣта на новыхъ началахъ и въ новомъ составѣ, графъ Аракчеевъ написалъ на прокладныхъ листахъ своего Евангелія: «Въ сей день сдалъ званіе военнаго министра. Совѣтую всѣмъ, кто будетъ имѣть сію книгу послѣ меня, помнить, что честному человѣку всегда трудно занимать важныя мѣста государства» [2]).

Случай съ Аракчеевымъ и слухи, ходившіе по Москвѣ, указывали императору, что новое образованіе Государственнаго Совѣта будетъ встрѣчено многими съ недовѣріемъ и потому въ день открытія Совѣта онъ писалъ главнокомандующему въ Москвѣ, графу Гудовичу [3]).

«Прежде, нежели въ обыкновенномъ порядкѣ дойдутъ къ вамъ акты объ открытіи Государственнаго Совѣта, въ сей день совершившагося, поспѣшаю доставить вамъ нѣсколько экземпляровъ манифеста и образованія сего государственнаго сословія. Я желаю, чтобъ, сообщивъ акты сіи кому вы за благо признаете, руководствовали вы о б щ и м ъ м н ѣ н і е м ъ къ истинному понятію о семъ важномъ государственномъ установленіи. А чтобъ поставить васъ къ большей къ тому возможности,

---

[1]) Въ письмѣ отъ 29-го декабря 1809 г.

[2]) Въ знакъ примиренія съ Аракчеевымъ государь прислалъ ему въ подарокъ пару лошадей съ санями. Графъ былъ очень обрадованъ такому небывалому подарку.

[3]) Въ рескриптѣ отъ 1-го января 1810 г. „Сборникъ Археологическаго института“, кн. 2, отдѣлъ II, стр. 50 и 51.

препровождаю при семъ, для особеннаго свѣдѣнія вашего, записку о причинахъ необходимости сего учрежденія. Я надѣюсь, что вы и съ вами всѣ благомыслящіе люди найдутъ въ немъ новый опытъ самаго твердаго моего желанія всѣми ввѣренными мнѣ отъ Бога средствами дѣйствовать къ единому благу любезнаго нашего отечества».

Въ манифестѣ объявлялось, что «къ утвержденію и распространенію единообразія и порядка въ государственномъ управленіи, признали мы нужнымъ установленію Государственнаго Совѣта дать образованіе свойственное пространству и величію нашей Имперіи»; что сколь ни были бы совершенны гражданскіе законы, они не могутъ быть тверды безъ государственныхъ установленій, во главѣ которыхъ долженъ стоять Совѣтъ. «Его разсмотрѣнію будетъ подлежать гражданское Уложеніе, которое,—говорилось въ манифестѣ,—по мѣрѣ совершенія его съ принадлежащими къ нему судебными обрядами и устройствомъ судебныхъ мѣстъ, будетъ поступать на его уваженіе. За симъ послѣдуетъ Уложеніе уголовное. Отъ успѣшнаго окончанія сего труда зависитъ общее устройство судебной части. Ввѣривъ оную особенно Правительствующему Сенату, мы не умедлимъ дать сему высшему въ Имперіи нашей судебному сословію образованіе, важному назначенію его свойственное, и присоединимъ къ установленіямъ его все, что можетъ ихъ усовершить и возвысить.

25/135

«Настоящее положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ требуетъ также неукоснительнаго разсмотрѣнія и опредѣленія. На сей конецъ доставимъ мы Совѣту планъ финансовъ, составленный на началахъ, части сей наиболѣе свойственныхъ. Главныя основанія сего плана состоятъ въ томъ, чтобы всевозможнымъ сокращеніемъ издержекъ привести ихъ въ подлежащую соразмѣрность съ приходами, установить во всѣхъ частяхъ управленія истинный разумъ доброй экономіи и самыми дѣйствительными мѣрами положить твердое основаніе постепенной уплатѣ государственныхъ долговъ, коихъ ненарушимость, удостовѣренную всѣми государственными богатствами, мы всегда признавали и будемъ признавать однимъ изъ важнѣйшихъ и неприкосновенныхъ обязательствъ нашей Имперіи [1]).

Въ 9 часовъ утра, 1-го января 1810 года императоръ Александръ прибылъ въ Шепелевскій дворецъ, гдѣ, по повѣсткамъ, разосланымъ наканунѣ, собрались 35 человѣкъ, первыхъ членовъ Государственнаго Совѣта. Занявъ предсѣдательское кресло и видя, что назначенные предсѣдателями департаментовъ не знаютъ, въ какомъ порядкѣ имъ сѣсть, и

---

[1]) Манифестъ 1-го января 1810 г. Полное Собраніе Законовъ, т. XXXI, № 24064.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

пересаживаются съ мѣста на мѣсто, государь приказалъ имъ занять мѣста по старшинству [1]).

Обратившись къ собранію, императоръ высказалъ, что порядокъ и единообразіе дѣлъ требуютъ, чтобы для ихъ средоточія и соображенія было центральное учрежденіе, что такого до сихъ поръ не было и такимъ отнынѣ будетъ Государственный Совѣтъ.

— Какимъ образомъ,—спрашивалъ Александръ,—въ государствѣ, столь обширномъ, разныя части управленія могутъ идти съ стройностью и съ успѣхомъ, когда каждая движется по своему направленію и направленія сіи нигдѣ не приводятся къ единству? Одно личное дѣйствіе власти въ великомъ разнообразіи дѣлъ государственныхъ не можетъ сохранить сего единства. Сверхъ сего лица умираютъ; одни установленія живутъ и въ теченіе вѣковъ охраняютъ основаніе государствъ. Всѣ благонамѣренные люди давно уже чувствовали сіи истины. Любя отечество, бывъ поставленъ въ отвѣтѣ передъ Богомъ въ счастіи его и благоустройствѣ, я болѣе другихъ долженъ былъ ихъ осуществить. Не частными исправленіями, не подробностями многосложными и преходящими стоятъ и процвѣтаютъ государства. Среди всѣхъ работъ, среди войны и мира, въ непрерывномъ движеніи дѣлъ внутреннихъ и внѣшнихъ, мысль о твердыхъ государственныхъ установленіяхъ никогда меня не оставляла. Я всегда желалъ, чтобы благосостояніе Имперіи утверждалось на законѣ, а законъ былъ неподвиженъ на установленіяхъ. Я считалъ всѣ минуты жизни моей потерянными для блага Россіи, въ кои войною и внѣшними происшествіями намѣренія мои отвлекались отъ сей великой цѣли. Не скрыты отъ меня были всѣ послѣдствія сего умедленія. Я чувствовалъ недостатокъ твердаго въ дѣлахъ порядка съ тою же живостью, съ коею обыкъ я любить и всему предпочитать пользы отечества. Наконецъ, Всевышній благословляетъ мои же ланія. Въ сей день, съ началомъ новаго года, имѣю я удовольствіе положить твердое основаніе одному изъ важнѣйшихъ государственныхъ установленій. Государственный Совѣтъ будетъ составлять сосредоточіе всѣхъ дѣлъ высшаго управленія. Бытіе его отнынѣ станетъ на чредѣ установленій непремѣнныхъ и къ самому существу Имперіи принадлежащихъ. Призвавъ васъ въ составъ сего сословія, я не могъ вамъ дать высшаго свидѣтельства моего къ вамъ довѣрія. Все, что въ мысляхъ и желаніяхъ человѣческихъ есть самаго твердаго и непоколебимаго, все будетъ мною употреблено, чтобы установить порядокъ и оградить Имперію добрыми законами. Вы пріемлете священную обязанность мнѣ

---

[1]) Департаменты не имѣли нумераціи, и потому предсѣдатели не знали, какъ имъ размѣститься. Пересаживаніе ихъ съ мѣста на мѣсто послужило темою для басни Крылова—Квартетъ.

въ семъ содѣйствовать. Передъ отечествомъ, передъ Богомъ, вы будете въ семъ отвѣтствовать. Передъ самыми высокими именами всѣ личныя уваженія должны исчезнуть. Изочтите милліоны (людей), кои отъ васъ ожидать будутъ твердой собственности, тишины и благоустройства, и измѣрьте симъ пространство вашихъ обязанностей и степень моего къ вамъ довѣрія. Уповая на благословеніе Всевышняго, мой долгъ будетъ раздѣлять труды ваши и искать одной славы, для сердца моего чувствительной, чтобы нѣкогда въ позднихъ временахъ, когда меня уже не будетъ, истинные сыны отечества, ощутивъ пользу сего учрежденія, вспомнили, что оно установлено было при мнѣ и моимъ искреннимъ желаніемъ блага Россіи [1]).

По словамъ барона М. А. Корфа, повтореннымъ потомъ и многими историками, рѣчь императора Александра произвела громадное впечатлѣніе. Никогда еще Россія, говорятъ они, не слыхала съ высоты престола рѣчи, исполненной такого чувства, такого достоинства и такихъ идей.

Кажется, это не совсѣмъ вѣрно: къ чувствительности Акександра привыкли и читали много теплыхъ его рескриптовъ и указовъ, но мало вѣрили, что эти рескрипты и указы будутъ исполнены; мало вѣрили въ практичность вводимыхъ преобразованій, мало вѣрили и въ то, что преобразованія эти будутъ доведены до конца.

«Мнѣ кажется,—писалъ кн. Анд. Ив. Вяземскій къ государственному канцлеру графу А. Р. Воронцову,—что я вижу [2]) преддверіе, строющееся съ необыкновенною роскошью и смѣлостью. Оно должно украсить зданіе, которое величиною и правильностью вѣроятно будетъ поражать потомковъ; но строится лишь одинъ фронтонъ, а о самомъ зданіи нѣтъ еще рѣчи. Вы не можете себѣ представить, какое впечатлѣніе все это производитъ на здѣшнюю (московскую) публику. Я вовсе не выѣзжаю, но тѣ не многіе, которые у меня бываютъ и которые часто вращаются въ обществѣ, увѣряютъ меня, что нѣсть конца сужденіямъ о будущихъ случайностяхъ и что съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ ожидаютъ послѣдствій всѣхъ этихъ начинаній... По-моему не стоило изъ-за столь малаго подымать столько шуму... Петръ I сказалъ какъ-то: на что законы, если по нимъ не исполняютъ? У насъ есть законы, но ихъ безпрерывное противорѣчіе, наглость, съ которою имъ не повинуются, открытое и нахальное лихоимство, безграничная роскошь, которая есть

[1]) Рѣчь эта была написана Сперанскимъ и исправлена императоромъ Александромъ. Она напечатана нѣсколько разъ, но вполнѣ точно въ сочиненіи Н. К. Шильдера „Императоръ Александръ I“. Т. III, стр. 1—3 и въ недавно вышедшемъ изданіи „Государственный Совѣтъ. 1801—1901 г.“ Стр. 18 и 19.

[2]) Арх. кн. Воронцова. Т. XIV.

первая причина всѣхъ золъ, невнимательность и даже презрѣніе, съ которымъ относятся къ должностямъ, если онѣ нед оставляютъ денегъ, этого единственнаго божества, передъ которымъ все преклоняется, пороки, свойственные нашей формѣ правленія и нашему строю, котораго однако исправить безъ неминуемой опасности невозможно—вотъ тѣ затрудненія, которыя я предвижу для преуспѣянія желаемаго. Пусть суды наши по закону осуждаютъ и оправдываютъ, но да будутъ они, сколь возможно, составлены изъ людей безукоризненной честности; государь да не наказуетъ никого, и нелицемѣрный законъ да не слабнетъ во вѣки; да будетъ наказаніе тѣмъ сильнѣе и тѣмъ примѣрнѣе, чѣмъ выше стоитъ преступникъ. Пороки правительства никогда не восходятъ снизу вверхъ. Для этого необходимо нравственное воспитаніе, о которомъ мы не имѣемъ почти понятія. Коль скоро дѣти наши становятся попугаями и начинаютъ лепетать на нѣсколькихъ языкахъ, коль скоро въ нихъ проявляется какой-нибудь легкій талантъ, все кончено—большаго не требуютъ...

«Изучая исторію и много размышляя, доходишь до того убѣжденія, что для государства, какъ и для отдѣльныхъ лицъ, бываютъ несчастныя эпохи, въ которыхъ при самыхъ благихъ побужденіяхъ не достигаемъ своей цѣли, и даже наоборотъ, доходимъ до совершенно противоположнаго.

Du destin qui fait tout tel est l'arrêt cruel... [1])

«Полнѣйшее отсутствіе людей способныхъ—вотъ характеристическая черта нашего времени. Не знаю, такъ ли вы судите, но по-моему, скудость эта наводитъ невольный ужасъ. Бездарность и нахальство, опасное даже при великихъ талантахъ, являются здѣсь порокомъ, облеченнымъ въ оскорбительный комизмъ. Отсутствіе всякаго дарованія соединено съ неимовѣрною самоувѣренностію. Присоедините къ этому всеобщую распущенность, забвеніе всего нравственнаго и честнаго. Лишь бы нажиться, а какимъ грязнымъ путемъ—это все равно. И все это съ цѣлью вдоволь насладиться роскошью и изнѣженностію, насытить самыя низкія и животныя страсти. Картина не привлекательная, но клянусь, такова она на мои глаза. Пріѣзжайте сюда и, быть можетъ, вдали отъ тлетворнаго воздуха, васъ окружающаго, вы сами все увидите въ томъ же свѣтѣ».

Но возвратимся ко дню открытія Государственнаго Совѣта. Послѣ рѣчи императора, Сперанскій, назначенный государственнымъ секретаремъ и директоромъ коммиссіи составленія законовъ [2]), прочиталъ ма-

[1]) Таковъ жестокій приговоръ судьбы, отъ которой все зависитъ.

[2]) Указъ Государственному Совѣту 1-го января 1810 г. Архивъ Сената, копіи высочайшихъ повелѣній, кн. 304, листъ 8.

нифестъ, положеніе, списокъ предсѣдателей департаментовъ, списокъ членовъ Совѣта, списокъ секретарей и росписаніе дней присутствія. Императоръ Александръ вручилъ предсѣдателю Совѣта гр. Н. П. Румянцеву [1]) проектъ первой части гражданскаго Уложенія и финансовый планъ. Это были первыя дѣла, предложенныя на обсужденіе Совѣта. При Совѣтѣ состояли: государственная канцелярія, коммиссія прошеній и коммиссія составленія законовъ.

Характеръ дѣятельности новаго учрежденія довольно точно опредѣлялся его раздѣленіемъ на департаменты: 1) Законовъ, предсѣдателемъ котораго былъ назначенъ гр. Завадовскій; 2) дѣлъ Военныхъ—предсѣдатель графъ Аракчеевъ; 3) дѣлъ Гражданскихъ—предсѣдатель князь Лопухинъ и 4) Государственной экономіи—предсѣдатель Н. С. Мордвиновъ.

Всякій новый законъ, уставъ или образованіе новаго учрежденія должны были поступать на разсмотрѣніе Совѣта; но рѣшеніе его приводилось въ исполненіе только по утвержденіи верховною властью.

Такимъ образомъ Государственный Совѣтъ становится посредникомъ между государемъ и министрами по всѣмъ частямъ управленія и главнѣйшимъ образомъ по законодательной части. Всѣ дѣла поступали въ Совѣтъ черезъ государственнаго секретаря, который докладывалъ ихъ Совѣту, подносилъ журналы на высочайшее усмотрѣніе и сообщалъ высочайшую волю Совѣту.

Къ предметамъ занятій Государственнаго Совѣта относились вопросы объ объявленіи войны, заключеніи мира, «когда, впрочемъ, по усмотрѣнію обстоятельствъ, могутъ они подлежать предварительному общему соображенію».

Одною изъ главнѣйшихъ обязанностей Совѣта было разсмотрѣніе отчетовъ министерствъ, съ цѣлью, конечно, повѣрять правильность ихъ дѣйствій. Эта обязанность была встрѣчена весьма многими съ большимъ сочувствіемъ, такъ какъ самовластіе министровъ и ихъ безотвѣтственность уже успѣли оказать вредное вліяніе на внутренній строй государства. «Хвалятъ,—писалъ изъ Москвы Ѳ. П. Ключаревъ министру полиціи А. Д. Балашову [2]),—учрежденіе Государственнаго Совѣта и радуются, что не черезъ министровъ пойдутъ дѣла». Впослѣдствіи оказалось, что радость эта была преждевременной.

Государственный Совѣтъ, по словамъ Сперанскаго [3]), былъ

---

[1]) Въ указѣ Государс. Совѣту 1-го января было сказано: „Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта въ отсутствіе наше, повелѣваемъ быть государственному канцлеру графу Румянцеву". Арх. Сената, копіи высоч. повелѣній, кн. 307.

[2]) Въ письмѣ отъ 30-го января 1810 г. „Русскій Арх." 1889 г. № 6, стр. 312.

[3]) Всеподд. отчетъ о дѣлахъ 1810 года. Сбор. Рус. Ист. общества, т. 21, стр. 458.

учрежденъ для того, чтобы власти законодательной, до сихъ поръ разбросанной, дать правильность, постоянство, твердость и однообразіе. Въ этомъ отношенія, спустя только годъ, по словамъ его, онъ, будто бы, исполнилъ уже свое назначеніе. Льстя императору Александру, Сперанскій слишкомъ увлекся и дошелъ до извращенія исторической истины.

«Никогда,—говорилъ онъ [1]),—въ Россіи законы не были разсматриваемы съ бо́льшею зрѣлостью, какъ нынѣ; никогда государю самодержавному не представляли истины съ бо́льшею свободою, такъ какъ никогда, должно правду сказать, самодержецъ не внималъ ей съ бо́льшимъ терпѣніемъ. Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластія къ истиннымъ формамъ монархическимъ. Два года тому назадъ умы самые смѣлые едва представляли возможнымъ, чтобы россійскій императоръ могъ съ приличіемъ сказать въ своемъ указѣ: внявъ мнѣнію Совѣта; два года тому назадъ сіе казалось бы оскорбленіемъ величества. Слѣдовательно, пользу сего учрежденія должно измѣрять не столько по настоящему, сколько по будущему его дѣйствію».

Современники рѣдко оцѣниваютъ распоряженія правительства по будущей ихъ пользѣ. Охотниковъ на жертвы для будущаго поколѣнія всегда мало, и позднѣйшему историку не слѣдуетъ прилагать свою мѣрку въ оцѣнкѣ фактовъ и упрекать предковъ въ томъ, что они встрѣчали то или другое распоряженіе непріязненно. Люди всегда останутся людьми, своя рубашка ближе къ тѣлу, и тяжесть положенія неизбѣжно вызываетъ ропотъ; такъ и случилось. Новое образованіе Государственнаго Совѣта было встрѣчено не сочувственно обществомъ, главнымъ образомъ потому, что первымъ распоряженіемъ Совѣта было усиленіе податей и налоговъ. 2-го февраля 1810 г. былъ обнародованъ манифестъ, которымъ повелѣвалось прекратить выпускъ ассигнацій, признанныхъ государственнымъ долгомъ, объявлено сокращеніе расходовъ и возвышеніе податей. Для общества распоряженія эти являлись новою тягостью.

«Многіе простодушные,—писалъ Н. М. Карамзинъ [2]),—впрочемъ не глупые, люди до нынѣ думаютъ, что совѣтники правительства въ семъ случаѣ имѣли свои тайные виды и хотѣли умышленно повредить государственному кредиту. Я изъясняю себѣ загадку, какъ и въ другихъ случаяхъ, одною извѣстною хвастливостью неосновательныхъ умовъ и не менѣе извѣстною ихъ охотою умничать. Доселѣ назывались въ Россіи государственными долгами только тѣ суммы, которыя наше правительство занимало въ Голландіи или въ другихъ земляхъ; никто не при-

---

[1]) Всеподд. отчетъ о дѣлахъ 1810 г.

[2]) Въ своей запискѣ „О древней и новой Россіи“ „Русскій Арх.“ 1870 г. т. II, стр. 2307 и 2305.

числялъ ассигнацій къ онымъ, и всякій считалъ ихъ деньгами, ибо онѣ служили какъ деньги въ куплѣ...

«Вмѣсто того, чтобы сказать просто: «необходимое умноженіе казенныхъ расходовъ требуетъ умноженія доходовъ, а новыхъ ассигнацій не хотимъ выпускать»—правительство торжественно объявило намъ, что ассигнаціи не деньги, но составляютъ необъятную сумму долговъ государственныхъ, требующихъ платежа металломъ, коего нѣтъ въ казнѣ!.. Слѣдствіемъ было новое возвышеніе цѣнъ на всѣ вещи и паденіе курса: первое отъ новыхъ налоговъ, второе отъ уменьшенія довѣренности иноземцевъ къ нашимъ ассигнаціямъ, торжественно оглашеннымъ сомнительными векселями...

«Умножать государственные доходы,—продолжалъ Н. М. Карамзинъ,—новыми налогами есть способъ весьма ненадежный и только временный. Земледѣлецъ, заводчикъ, фабрикантъ, обложенные новыми податьми, всегда возвышаютъ цѣны на свои произведенія необходимыя для казны, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ открываются въ ней новые недостатки... Опять надобно умножать налоги и такъ до безконечности».

Стѣсненіе внѣшней торговли и безпрерывныя войны, продолжавшіяся до 1810 года, разстроили государственные финансы, легли всею тяжестью на сельское населеніе. Цѣнность на всѣ предметы потребленія увеличивалась въ значительной степени, и само правительство откровенно заявляло въ манифестѣ, что разныя состоянія людей потерпѣли отъ сего великое отягощеніе. Подати стали поступать въ казну только на половину, а потомъ на одну четверть. Недостатокъ приходилось пополнять или внутренними займами или выпускомъ новыхъ ассигнацій. Къ 1810 году положеніе нашихъ финансовъ было самое печальное, и расходы превышали доходы «необъятнымъ количествомъ», какъ выразился императоръ Александръ въ рескриптѣ князю Куракину [1]).

По предварительнымъ соображеніямъ, доходъ исчислялся въ 125.000.000, а расходъ въ 230.000.000, и такимъ образомъ недостатокъ простирался до 105.000.000. Сверхъ того число ассигнацій, признанныхъ государственнымъ долгомъ и обращавшихся внутри государства, простиралась до 577.000.000, для покрытія которыхъ не имѣлось ни малѣйшаго запаснаго фонда или какого-нибудь источника.

Въ виду такого положенія нашихъ финансовъ, подъ предсѣдательствомъ графа Завадовскаго былъ составленъ особый комитетъ, которому поручено было во что бы то ни было уменьшить издержки въ будущемъ 1810 году по всѣмъ министерствамъ. «Я приму,—писалъ Александръ тому же князю Куракину,—особеннымъ доказательствомъ истиннаго

[1]) Отъ 21-го декабря 1809 г. См. „Русскую Старину“ 1901 г. № 9, стр. 642.

усердія къ пользамъ государственнымъ, всякое сбереженіе и умѣренность въ издержкахъ, которые министры найдутъ возможнымъ сдѣлать, каждый по своей части, хотя бы то было съ нѣкоторымъ стѣсненіемъ на 1810 годъ. Но стѣсненіе сіе спасетъ государство отъ самыхъ гибельныхъ послѣдствій упадающаго кредита». Уменьшеніе расходовъ не могло быть, конечно, значительно, не могло возстановить финансоваго равновѣсія, и потому императоръ принужденъ былъ обратиться къ пособію дворянства, коего ревность,—говорилъ онъ—и усердіе къ пользамъ отечества, во всѣхъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, всегда предшествовали всѣмъ другимъ состояніямъ и служили имъ примѣромъ и поощреніемъ.

«Дабы опредѣлить,—было сказано въ манифестѣ [1]),—сему пособію точную мѣру, полагается со всѣхъ помѣщичьихъ имѣній, не исключая и удѣльныхъ и прочихъ, императорской фамиліи принадлежащихъ, собрать единовременно и единственно на сей 1810 годъ умѣренную часть чистаго ихъ дохода, разсчисляя оный по количеству недвижимыхъ ихъ имуществъ, въ деревняхъ состоящихъ, по 50 коп. съ каждой ревизской души».

Манифестъ этотъ произвелъ сильное возбужденіе умовъ. Съ одной стороны, гласное сознаніе правительства, что финансы наши до сихъ поръ дурно управлялись, а съ другой, что отъ такого управленія казна вовлечена въ значительные долги, на покрытіе которыхъ недостаточно обыкновенныхъ средствъ,—было для массы населенія непріятною и ошеломляющею новостью; люди же свѣдущіе отлично понимали, что объявленные налоги, по тогдашнему внутреннему и политическому положенію Россіи, не могутъ ограничиться однимъ 1810 годомъ, когда «отъ блокады всѣхъ пристаней, вывозъ нашихъ произведеній и вообще вся торговля почти совершенно остановились». Такъ дѣйствительно и случилось. Манифестомъ 25-го января 1811 года, единовременные налоги 1810 года были обращены въ постоянные [2]).

Ропотъ и неудовольствіе распространились среди всѣхъ сословій, и убѣдить ихъ въ необходимости этихъ мѣръ было трудно, такъ какъ послѣдующія событія не облегчали, а увеличивали тяжесть положенія. Обѣщая прекратить выпускъ ассигнацій, правительство все-таки принуждено было въ томъ же 1810 году выпустить ихъ на сумму 43.060.000 руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ подушныя и оброчныя подати съ крестьянъ и мѣщанъ постепенно увеличивались; установлены были новые налоги: съ крестьянъ, торгующихъ въ обѣихъ столицахъ, съ иностранныхъ ремесленниковъ, съ домовъ и купеческихъ капиталовъ.

---

[1]) Отъ 2-го февраля 1810 г. Полн. Собр. Законовъ, т. XXXI, № 24116.
[2]) Полное Собр. Законовъ т. XXXI, № 24494.

Вслѣдъ за тѣмъ увеличены пошлины на гербовую бумагу и на бумагу для паспортовъ; увеличена цѣна на соль и пошлина на мѣдь, на продажу вина въ губерніяхъ малороссійскихъ, западныхъ и остзейскихъ, а таможенная пошлина вообще увеличена болѣе тѣмъ въ полтора раза.

Но и этихъ мѣръ оказалось недостаточно, и пришлось прибѣгнуть къ продажѣ государственныхъ имуществъ: лѣсовъ, арендныхъ и нѣкоторыхъ другихъ имѣній, съ ограниченіемъ, впрочемъ, что населенныя крестьянами земли могли быть покупаемы только дворянами и купцами 1-й гильдіи [1]).

Предвидя, что манифестъ о налогѣ и послѣдующія распоряженія правительства къ пополненію государственной казны произведутъ непріятное впечатлѣніе на общество и въ особенности на жителей Москвы, императоръ писалъ графу Гудовичу и выражалъ надежду, «что сіе первое положеніе въ Государственномъ Совѣтѣ со времени новаго его образованія, со всею зрѣлостію соображенное, принято будетъ въ Москвѣ, при руководительствѣ вашемъ, въ настоящемъ его видѣ необходимости и истинной государственной пользы» [2]).

Препровождая же манифестъ о государственномъ займѣ, Александръ писалъ тому же графу Гудовичу [3]),—«что заемъ учреждается не для новыхъ расходовъ, но единственно для того, чтобы, уменьшивъ массу ассигнацій, возвысить ихъ цѣну. Имущества, въ продажу назначаемыя, не уменьшатъ количества государственныхъ богатствъ. По трудности ихъ управленія, они никогда не приносили казнѣ важнаго дохода; въ частныхъ же рукахъ, они и государству будутъ полезнѣе. Впрочемъ, успѣхъ займа обезпеченъ предварительными соглашеніями съ капиталистами, и нарочитая часть его скоро пополнится. Симъ кредитъ государственный пріобрѣтетъ новую силу и утвержденіе. Впослѣдствіи соединеніемъ мѣръ, кои постепенно будутъ въ дѣйствіе приводимы, съ помощію Божіею, достигнемъ мы той цѣли, чтобы поставить финансы наши на твердыхъ основаніяхъ».

Эти основанія могли утвердиться только съ исполненіемъ всего плана преобразованій, но императоръ Александръ сталъ охладѣвать къ нимъ, сталъ тяготиться ими. Новое учрежденіе Государственнаго Совѣта была одна изъ тѣхъ его прихотей, которыя часто проявлялись въ немъ, «и онъ не успокоивался до тѣхъ поръ, пока его желанія не исполнялись. Когда же имъ овладѣвало такое неодолимое желаніе, то онъ не думалъ о томъ, будетъ ли это хорошо или дурно, полезно или

[1]) Манифесты 27-го мая и 10-го сентября 1810 г. Тамъ же, № 24244 и № 24346.

[2]) Рескриптъ гр. Гудовичу, 3-го февраля 1810 г. „Сборникъ Археологическаго Института“, 1879 г. Кн. II, отдѣленіе II, стр. 51.

[3]) Въ рескриптѣ отъ 3-го іюня 1810 г. Тамъ же, стр. 53 и 54.

вредно; онъ заботился только объ устраненіи всякихъ препятствій. Затѣмъ, достигнувъ цѣли, онъ успокаивался, становился иногда равнодушнымъ, а иногда впадалъ въ противорѣчіе съ самыми пламенными его желаніями» [1]). Подписавъ манифестъ объ образованіи Государственнаго Совѣта и положеніе о немъ, произнеся чувствительную рѣчь въ первомъ собраніи Совѣта, императоръ Александръ считалъ дѣло оконченнымъ, а Россію—получившею новыя либеральныя и лучшія установленія. Несмотря на данное обѣщаніе раздѣлять труды вмѣстѣ съ членами Государственнаго Совѣта, онъ присутствовалъ въ засѣданіи въ 1810 году только одинъ разъ, при разсмотрѣніи плана финансовъ, а въ 1811 г. четыре раза, при обсужденіи проекта учрежденія Правительствующаго и Судебнаго Сената, о чемъ мы скажемъ ниже [2]). Въ остальныхъ засѣданіяхъ его замѣнялъ графъ Румянцевъ.

«Въ сердцѣ императора,—писалъ де-Местръ [3]),—таится презрѣніе къ нынѣшнему устройству его Имперіи, и это чувство сильно благопріятствуетъ духу нововведеній... но когда дѣло доходитъ до приложенія и ему приходится дѣйствовать, то ему несчастливится, ибо на всѣхъ его дѣлахъ тяготѣетъ какое-то проклятіе. Его обвиняютъ въ недовѣрчивости, и дѣйствительно онъ недовѣрчивъ до крайности». Послѣдняя усиливалась подъ вліяніемъ всеобщаго ропота. Императора Александра тяготило то, что подданные не понимаютъ его благихъ намѣреній, но онъ не зналъ, отчего это происходитъ, не зналъ, что творилось внутри государства, и не подозрѣвалъ, какъ тяжело жилось всѣмъ сословіямъ. Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ положеніе двухъ преобразователей должно было измѣниться: нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Александръ поторопилъ Сперанскаго скорѣйшимъ обнародованіемъ преобразованій, а теперь Сперанскій умолялъ государя докончить начатое;

«Въ 1810 году,—писалъ онъ [4]),—положены одни первыя основанія. много начато и еще ничего не кончено... Отлагая до лучшихъ обстоятельствъ всѣ тѣ предположенія, кои собственно принадлежатъ къ устройству законодательнаго порядка, и ограничивъ себя на настоящее время однимъ устройствомъ порядка суднаго и исполнительнаго»—

---

[1]) Mémoires de prince A. Czartoryski etc. Préface de M. de-Mazade. T. I 360.

[2]) „Исторія образованія Государственнаго Совѣта въ Россіи", Даневскаго, стр. 81. Большая часть историковъ, повторяя слова М. А. Корфа, говорятъ, что Александръ присутствовалъ разъ въ недѣлю въ Общихъ Собраніяхъ Совѣта. Даневскій пользовался протоколами Совѣта, и потому мы остановились на его показаніи.

[3]) Отъ 10-го (22-го) августа 1809 г. „Русскій Арх.", 1871 г. Т. I, 135.

[4]) Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о дѣлахъ 1810 г., представленномъ императору Александру, 11-го февраля 1811 г. Сборникъ Императорскаго Русск. Историческаго Общества, т. XXI, стр. 458.

Сперанскій считалъ необходимымъ: составить Уложеніе гражданское, судебное и уголовное; преобразовать Сенатъ въ судебный и правительствующій; преобразовать губернскія учрежденія; принять мѣры къ погашенію долговъ, усилить государственные доходы введеніемъ новой переписи, учрежденіемъ поземельнаго сбора, улучшеніемъ устройства винныхъ откуповъ и доходовъ съ казенныхъ имуществъ.

«Можно съ достовѣрностью утверждать,—говорилъ Сперанскій,—что безъ окончанія ихъ, ни порядка въ дѣлахъ, ни силы во внутреннемъ управленіи быть не можетъ; что, напротивъ, совершеніемъ ихъ, хотя бы даже и ничего не сдѣлано было въ устройствѣ порядка законодательнаго, Имперія поставлена будетъ въ положеніе столь твердое и надежное, что вѣкъ вашего величества всегда будутъ именовать вѣкомъ благословеннымъ [1]).

«Посему одно непрерывное стремленіе къ совершенію сихъ дѣлъ должно считать настоящимъ дѣломъ, достойнымъ вниманія вашего. Всѣ прочія внутреннія дѣла текущія суть только зло необходимое, и примѣтить должно необходимое до тѣхъ поръ, доколѣ всѣ установленія, выше изображенныя, не устроятся: ибо съ устройствомъ ихъ и самыя дѣла текущія должны по всей необходимости исчезнуть или нарочито уменьшиться. И тогда одни дѣла воинскія и внѣшнія политическія составлять будутъ предметъ упражненій вашего величества; внутреннія же гражданскія потекутъ сами собою и будутъ требовать одного верховнаго надзора и направленія, не составляя, какъ нынѣ, ежедневной заботы и затрудненій. Таково есть пространство дѣлъ, къ окончанію предлежащихъ.

«Сколь дѣла сіи ни обширны, я надѣюсь, что виды вашего величества по всѣмъ симъ предметамъ будутъ съ точностью исполняться. Надежда сія утверждается болѣе тѣмъ, что я вошелъ уже, такъ сказать, въ существо ихъ; что матеріалы ихъ готовы и что, впрочемъ, по самому свойству своему, они между собою нераздѣльны».

На дѣлѣ надежды Сперанскаго не оправдывались. Не имѣя поддержки въ Александрѣ, онъ на первыхъ же порахъ встрѣтилъ противодѣйствіе въ старыхъ дѣльцахъ, каковыми были: Трощинскій, Мордвиновъ, Шишковъ, Философовъ и другіе.

Едва только была внесена въ Совѣтъ первая часть гражданскаго Уложенія, какъ члены Совѣта стали требовать, чтобы въ подтвержденіе каждой статьи были приведены русскіе законы, заявляя, что Уложеніе почерпнуто изъ Кодекса Наполеона и противно русскому духу. Шишковъ находилъ, что проектъ «даже по грамматической словесности»

---

[1]) Такимъ образомъ, титулъ Благословеннаго предсказанъ былъ императору Александру Сперанскимъ.

недостаточенъ; Трощинскій говорилъ, что первая часть Уложенія написана такъ, «чтобы, возмутя море, утопить одну муху», а Философовъ, «видя, что Уложеніе составляется изъ иностранныхъ, а не русскихъ законовъ, ѣздилъ самъ къ государю и лично о семъ докладывалъ. Онъ говорилъ императору, что главный участникъ въ составленіи гражданскаго Уложенія Розенкампфъ, нѣмецъ и не православнаго исповѣданія, то чтобы государь приказалъ вмѣсто него быть при докладѣ Уложенія въ Совѣтѣ Н. С. Ильинскому [1]).

Противъ Уложенія возставали многія частныя лица и въ томъ числѣ Карамзинъ, хотя и не вполнѣ основательно. «Уже въ манифестѣ объявлено,—писалъ онъ [2]),—что первая часть законовъ готова, что немедленно будутъ готовы и слѣдующія. Въ самомъ дѣлѣ, издаются двѣ книжки подъ именемъ проекта Уложенія. Что же находимъ? Переводъ Наполеонова Кодекса!

«Какое изумленіе для россіянъ! Какая пища для злословія! Благодаря Всевышняго, мы еще не подпали желѣзному скипетру сего завоевателя; у насъ еще не Вестфалія, не Итальянское королевство, не Варшавское герцогство, гдѣ Кодексъ Наполеоновъ, со слезами переведенный, служитъ уставомъ гражданскимъ. Для того ли существуетъ Россія, какъ сильное государство, около тысячи лѣтъ, для того ли около ста лѣтъ трудимся надъ сочиненіемъ своего полнаго Уложенія, чтобы торжественно передъ лицомъ Европы признаться глупцами и подсунуть сѣдую нашу голову подъ книжку, слѣпленную въ Парижѣ 6-ю или 7-ю эксъ-адвокатами и эксъ-якобинцами».

Подъ вліяніемъ ненависти къ Наполеону и оскорбленнаго чувства національной гордости, Н. М. Карамзинъ увлекся въ дальнѣйшемъ изложеніи до искаженія истины и исторической точности, до отрицанія даже существованія гражданъ въ Россіи [3]). Для насъ не важны эти увлеченія, но важно то, что Карамзинъ являлся отголоскомъ общества и того, что чувствовалось и говорилось. Эти разговоры значительно замедляли дѣло преобразованій.

Сперанскій объяснялъ ихъ только незнаніемъ общаго плана и отсутствіемъ способныхъ административныхъ дѣятелей.

— Тѣ,—говорилъ онъ императору Александру,—кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, какое Совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ вашихъ,

---

[1]) Записки Н. С. Ильинскаго, „Русскій Арх.“, 1879 г. Т. III, 433 и 434.

[2]) Въ своей запискѣ „О древней и новой Россіи, въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ“. Записка эта вполнѣ и точно напечатана А. Н. Пыпинымъ въ его книгѣ: „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“, изд. 1900 г. Приложеніе, стр. 479—534.

[3]) Подробный разборъ этой записки сдѣланъ А. Н. Пыпинымъ въ выше названной книгѣ, стр. 214—260.

не могутъ чувствовать его важности. Они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается еще начало; они судятъ объ огромномъ зданіи по одному краеугольному камню. Но если бы зданіе сіе и не совершилось, если бы политическія наши установленія и не двинулись впередъ, то и въ семъ предположеніи Совѣтъ есть уже весьма важное учрежденіе.

Осуждая большинство въ непониманіи истинныхъ пользъ сдѣланныхъ преобразованій, Сперанскій осуждалъ и наличный составъ членовъ Государственнаго Совѣта.

— Время,— говорилъ онъ,—съ какого начали у насъ заниматься публичными дѣлами, весьма еще не продолжительно; количество людей, кои въ предметахъ сихъ упражняются, вообще ограниченно, и въ семъ ограниченномъ числѣ надлежало еще, по необходимости, избрать только тѣхъ, кои по чинамъ ихъ и званіямъ могли быть помѣщены съ приличіемъ. При семъ составѣ Совѣта нельзя, конечно, и требовать, чтобы съ перваго шага поравнялся онъ въ правильности разсужденій и въ пространствѣ его свѣдѣній съ тѣми установленіями, кои въ семъ родѣ въ другихъ государствахъ существуютъ. Недостатокъ сей не можетъ, однако же, быть предметомъ важныхъ заботъ. По мѣрѣ успѣха въ прочихъ политическихъ установленіяхъ и сіе учрежденіе само собою исправится и усовершится.

Но на усовершеніе никто однако же не разсчитавалъ и не надѣялся; всѣ видѣли одну ломку старыхъ учрежденій и ожидали еще бо̀льшихъ безпорядковъ въ администраціи.

«Въ продолженіе цѣлаго лѣта,—говоритъ Вигель [1]),—все государственное зданіе трещало и ломилось подъ всесокрушительною и всезиждительною десницею Сперанскаго».

П. В. Чичаговъ уѣхалъ даже за границу, чтобы, по его словамъ, вырваться изъ бездны замѣшательства, неопытности, нелѣпости и самаго низкаго рабства. «Я бы долженъ былъ воздержаться говорить объ этомъ,— писалъ онъ графу С. Р. Воронцову изъ Парижа [2]),—по той причинѣ, что всѣмъ извѣстно, что тамъ (въ Россіи) произошло, что происходитъ и къ чему все это должно привести, и потому, что у меня слишкомъ большое отвращеніе вспоминать событія, которыя былъ бы счастливъ забыть. Но, такъ какъ мнѣ нужно, чтобы вы знали о поведеніи, котораго я держался, я позволю себѣ описать нѣкоторые особые случаи, которые характеризуютъ общій ходъ дѣлъ.

«Удары власти неограниченной, произвольной и необдуманной уничтожили зарождающуюся промышленность, а нововведенія и постоянныя перемѣны окончательно поколебали то небольшое довѣріе, которое еще

---

[1]) Записки Вигеля, ч. III, 107.

[2]) Въ письмѣ отъ 26-го марта. Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 168.

сохранялось къ распоряженіямъ правительства. Секретарь канцеляріи графа Кочубея Сперанскій—главный авторъ указовъ. Вы можете судить, сколько человѣкъ, воспитанный въ такой школѣ, долженъ понимать въ подобныхъ дѣлахъ. Чтобы подтвердить примѣромъ то, что я выразилъ, стоитъ сказать, что это онъ предложилъ и составилъ указъ о камергерахъ и гражданскихъ чиновникахъ».

Видя въ этой реформѣ лишь плохое подражаніе тому, что дѣлается при французскомъ дворѣ, П. В. Чичаговъ признавалъ, что и новое образованіе Государственнаго Совѣта не болѣе какъ каррикатура Совѣта во Франціи, каррикатура не пригодная для Россіи.

Самъ Сперанскій зналъ, что его обвиняютъ въ подражаніи французскому образцу, но, прибавлялъ онъ, «кромѣ раздѣленія дѣлъ ничего они не имѣютъ общаго» [1]). Современники же говорили, что это не подражаніе, а копія [2]), что Государственный Совѣтъ учрежденъ для ограниченія монархической власти и совершенно непригоденъ для Россіи. Наслушавшись толковъ и пересудъ, извѣстный де-Местръ сожалѣлъ также, что Сперанскій, увлекшись быстротою работы, сталъ самъ вѣрить во всесиліе формы и ея пригодность. По словамъ де-Местра, Сперанскій смотрѣлъ на человѣка какъ на существо отвлеченное, никогда и нигдѣ не измѣняющееся, и для этого воображаемаго существа писалъ столь же воображаемые планы государственнаго управленія.

«Опытъ доказываетъ однако,—прибавлялъ де-Местръ [3]),—самымъ явнымъ образомъ, что каждый народъ имѣетъ именно то правительство, которое онъ заслуживаетъ, такъ что всякій государственный проектъ, коль скоро онъ не вполнѣ гармонируетъ съ характеромъ націи—пагубная мечта».

Мечта эта лежала въ основѣ характера Александра, любившаго, по словамъ современника [4]), «тѣшиться искусственнымъ изображеніемъ представительнаго правленія. Кому же лучше Сперанскаго можно было знать это? Государственный Совѣтъ и Правительствующій Сенатъ умѣлъ онъ въ глазахъ царя представить подобіемъ верхней и нижней камеръ парламента, тогдашнихъ французскаго Сената и законодательнаго корпуса, тогда какъ они съ ними ничего не имѣли общаго. Совѣтъ былъ не что иное, какъ самъ Сперанскій, который предлагалъ

---

[1]) Письмо Сперанскаго императору Александру 5-го января 1813 года изъ Перми.

[2]) Замѣчанія тайнаго совѣтника Старынкевича. Госуд. Арх. XI, № 1170.

[3]) Въ письмѣ гр. Разумовскому въ іюнѣ 1810 г. Васильчиковъ, „Семейство Разумовскихъ“ т. II, 149.

[4]) Записки Ф. Вигеля, часть III, 79.

въ немъ къ слушанію дѣла, потомъ, среди общаго молчанія членовъ, самъ разсуждалъ о нихъ и опредѣленія свои давалъ имъ подписывать.

Про Сперанскаго разсказывали въ обществѣ самыя несбыточныя вещи. Его считали ярымъ приверженцемъ Наполеона, человѣкомъ, возбуждающимъ недовѣріе и непріязнь подданныхъ къ своему государю [1]), якобинцемъ, разрушающимъ государство, возгордившимся и зазнавшимся поповичемъ и проч.

Все это было хорошо извѣстно самому Сперанскому.

«Христосъ Воскресе!—писалъ ему В. Н. Каразинъ [2]). Подъ симъ заглавіемъ всякій пишущій можетъ почитать себя равнымъ съ тѣмъ, кому онъ пишетъ. И для того я спѣшу воспользоваться столь благопріятнымъ временемъ, дабы не быть въ необходимости употреблять титуловъ «милостиваго государя» и «превосходительства», которые, не знаю почему, дики для моего сердца, писавши къ вамъ Михаило Михайловичъ.

«Мы были друзья нѣкогда. Не одно письмо отъ васъ я храню, гдѣ вы меня [3])... и единственнымъ, душевнымъ другомъ называете. Отчего все это перемѣнилось и до такой крайности? (я разумѣю здѣсь не молчаніе ваше на какое-нибудь одно или два мои письма; между вами и Магницкимъ я умѣю дѣлать различіе; но напоминаю себѣ обѣдъ въ домѣ вашемъ, при которомъ я только у стола былъ и при которомъ я увидѣлъ впервые, что вы меня изъ остатка лишь пристойности у себя терпите). Отчего?.. [4]) видно надобно искать причины въ обстоятельствахъ. Тщетно я ищу ее въ самомъ себѣ. Я могъ быть легкомысленъ, затѣйливъ и проч., и проч. Но черенъ, или съ какой другой стороны недостоинъ прежнихъ чувствованій вашихъ... [5]) никогда.

«Было время, въ которое черезъ меня же о васъ, т. е. объ истинныхъ вашихъ достоинствахъ [6]), едвали не впервые свѣдали: ибо я смѣлъ говорить о васъ съ тѣмъ жаромъ, къ которому дружба лишь способна, когда меня спрашивали о связяхъ моихъ. Это, впрочемъ, какъ было до нынѣ, такъ и будетъ только Богу извѣстно.

«Теперь дѣло не о томъ—вы многомогущи»...

Не одинъ В. Н. Каразинъ называлъ Сперанскаго гордымъ и зазнавшимся и не одинъ онъ завидовалъ его быстрому возвышенію. Сперанскій былъ въ это время на вершинѣ своей славы: онъ былъ государственнымъ секретаремъ, директоромъ коммиссіи составленія зако-

---

[1]) Записки Бакуниной „Русс. Стар.“ 1885 г. № 9, стр. 394. Воспоминанія Ѳ. Булгарина, ч. V, стр. 319 и 320.

[2]) Отъ 18-го апрѣля 1810 г. „Русс. Старина“ 1872 г. т. V, изд. 2-е, стр. 82.

[3]) [4]) и [5]) Точки въ подлинникѣ.

[6]) Не о лицѣ, которое, конечно, было извѣстно. Примѣч. Каразина.

новъ, управляющимъ дѣлами Финляндіи, докладчикомъ по дѣламъ путей сообщеній и единственнымъ посредникомъ между государемъ и высшими государственными учрежденіями. Сверхъ того, императоръ Александръ весьма часто требовалъ его письменныя мнѣнія по разнымъ политическимъ вопросамъ, и Сперанскій среди своей колоссальной работы писалъ обширныя записки, свидѣтельствовавшія, что ему было близко извѣстно тогдашнее политическое положеніе Россіи [1]). Въ его лицѣ сосредоточивалось все управленіе государствомъ, его считали временщикомъ, и завистники распускали о немъ самые невыгодные слухи, ходившіе по всей Россіи. Злословіе ставило Сперанскаго въ крайне тяжелое, можно сказать, опасное положеніе, и онъ сталъ думать о томъ, какъ бы снять съ себя всѣ нареканія.

«Когда вашему величеству,—писалъ онъ [2]),—угодно было возложить на меня званіе государственнаго секретаря, я считалъ тогда невозможнымъ отъ сего уклониться. Можетъ быть, въ началѣ сего установленія было и нужно, чтобъ я понесъ сіе бремя, но теперь Совѣтъ принялъ уже свой ходъ. Званіе государственнаго секретаря, отдѣльно взятое, не трудно; но соединенное съ званіемъ директора коммиссіи (законовъ) и въ связи съ работами вышеприведенными (по преобразованіямъ) весьма тягостно и для силъ моихъ почти невозможно.

«Не скрою здѣсь, что раздѣленіе сихъ должностей имѣло бы еще другія личныя для меня выгоды.

«Меня укоряютъ, что я стараюсь всѣ дѣла привлечь въ однѣ руки. Вашему величеству извѣстно, сколь укоризна сія въ существѣ ея несправедлива; но во внѣшнемъ ея видѣ она имѣетъ всѣ вѣроятности. Представляясь поперемѣнно, то въ видѣ директора коммиссіи, то въ видѣ государственнаго секретаря, являясь по повелѣнію вашему, то съ проектами новыхъ государственныхъ постановленій, то съ финансовыми операціями, то со множествомъ текущихъ дѣлъ, я слишкомъ часто и на всѣхъ почти путяхъ, встрѣчаюсь и съ страстями, и съ самолюбіемъ, и съ завистью, а еще болѣе съ неразумѣніемъ. Кто можетъ устоять противъ всѣхъ сихъ встрѣчъ? Въ теченіе одного года я поперемѣнно былъ мартинистомъ, поборникомъ масонства, защитникомъ вольности, гонителемъ рабства и сдѣлался, наконецъ, записнымъ иллюминатомъ. Толпа подъячихъ преслѣдовала меня за указъ 6-го августа [3]) эпиграммами и каррикатурами; другая такая же толпа вельможъ со всею ихъ свитою, съ женами ихъ и дѣтьми, меня, заключеннаго въ моемъ

---

[1]) Нѣкоторыя изъ этихъ записокъ напечатаны нами въ „Русской Старинѣ“, а другія мы приведемъ впослѣдствіи.

[2]) Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о дѣлахъ 1810 г. „Сборникъ Императ. Русск. Историческаго Общества“, т. XIX, стр. 458 и слѣдующія.

[3]) О чинопроизводствѣ.

кабинетѣ, одного, безъ всякихъ связей,—меня, ни по роду моему, ни по имуществу не принадлежащаго къ ихъ сословію, цѣлыми родами преслѣдуютъ, какъ опаснаго уновителя. Я знаю, что большая ихъ часть и сами не вѣрятъ симъ нелѣпостямъ, но, скрывая собственныя ихъ страсти подъ личиною общественной пользы, они личную свою вражду стараются украсить именемъ вражды государственной. Я знаю, что тѣ же самые люди превозносили меня и правила мои до небесъ, когда предполагали, что я во всемъ съ ними буду соглашаться, когда воображали найти во мнѣ послушнаго кліента и когда польза ихъ страстей требовала противоположить меня другому. Я былъ тогда одинъ изъ самыхъ лучшихъ и надежнѣйшихъ исполнителей; но какъ скоро движеніемъ дѣлъ приведенъ я былъ въ противоположность имъ и въ разномысліе, такъ скоро превратился въ человѣка опаснаго и во все то, что вашему величеству извѣстно болѣе, нежели мнѣ.

«Въ семъ положеніи мнѣ остается или уступить имъ или терпѣть ихъ гоненія. Первое я считаю вреднымъ службѣ, унизительнымъ для себя и даже опаснымъ. Дружба ихъ еще болѣе для меня тягостна, нежели разномысліе.

«Къ чему мнѣ раздѣлять съ ними духъ партій, худую ихъ славу и то пренебреженіе, коимъ они покрыты въ глазахъ людей благомыслящихъ? Слѣдовательно, остается мнѣ выбрать второе. Смѣю мыслить, что терпѣніе мое, время и опытъ опровергнутъ всѣ ихъ навѣты. Удостовѣренъ я также, что одно слово ваше всегда довлѣетъ поразить ихъ покушенія.

«Но къ чему, всемилостивѣйшій государь, буду я бременить васъ своимъ положеніемъ, когда есть самый простой способъ изъ него выдти и разъ навсегда прекратить тягостныя для васъ и обидныя для меня нареканія. Способъ сей состоитъ въ томъ, чтобъ, отдѣливъ званіе государственнаго секретаря и сложивъ съ меня дѣла финляндскія, оставить меня при одной должности директора коммиссіи. Тогда:

1) Зависть и злорѣчіе успокоятся. Они почтутъ меня ниспровергнутымъ, я буду смѣяться ихъ побѣдѣ, а ваше величество разъ навсегда освободите себя отъ скучныхъ предположеній. Симъ приведенъ я буду пока въ то счастливое положеніе, въ коемъ быть всегда желалъ, чтобъ весь плодъ трудовъ моихъ посвящать единственно вамъ, не ища ни шума, ни похвалъ, для меня совсѣмъ чуждыхъ. Смѣю привести здѣсь на память тотъ девизъ, который нѣкогда вамъ понравился: j'ai desiré de faire du bien, mais je n'ai pas desiré de faire du bruit, parceque j'ai senti que le bruit ne fairait pas de bien, comme le bien ne fairait pas de bruit[1]).

[1]) Я желалъ сдѣлать добро, но не хотѣлъ дѣлать шума, потому что я чувствовалъ, что шумъ не сдѣлалъ бы добра, такъ же, какъ добро не сдѣлало бы шума.

2) Тогда, и сіе есть самое важнѣйшее, буду я въ состояніи обратить все время, всѣ труды мои на окончаніе предметовъ выше изображенныхъ (преобразованій), безъ коихъ, еще разъ смѣю повторить, всѣ начинанія и труды ваши будутъ представлять зданіе на пескѣ.

«Изъ сего ваше величество усмотрѣть изволите, что не охлажденіе къ дѣламъ, но самая польза и успѣхъ дѣлъ заставляютъ меня желать и просить сего раздѣленія. Не отъ трудовъ, не отъ службы (сколько, впрочемъ, она для меня ни тягостна и по стѣсненному положенію домашнихъ экономическихъ моихъ дѣлъ, и по личнымъ непріятностямъ) я ищу симъ уклониться, но желаю и ищу дать времени моему лучшее и полезнѣйшее употребленіе.

«Простите мнѣ, ваше величество, еще одно откровенное здѣсь изъясненіе. Изъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ счастіе къ вамъ приближаться, я имѣлъ случай, можетъ быть болѣе другихъ, познать силу и пространство вашихъ мыслей и желаній, не въ подробностяхъ ежедневныхъ текущихъ дѣлъ, но въ самыхъ коренныхъ истинахъ, на коихъ стоятъ государства.

«Слѣдовательно, доколѣ истины сіи будутъ составлять главный предметъ вашихъ намѣреній, доколѣ останется самый слабый лучъ надежды въ ихъ исполненіи, доколѣ могу я хотя нѣсколько быть для сего полезнымъ: дотолѣ никакія уваженія, никакія непріятности не превозмогутъ надъ моимъ желаніемъ видѣть ихъ событіе».

Прочитавъ эту исповѣдь и не находя тогда ни повода, ни основанія удалять отъ себя Сперанскаго, какъ это сдѣлалъ впослѣдствіи, въ 1812 г., императоръ Александръ поручилъ ему продолжать начатыя преобразованія. Сперанскій повиновался.

Еще 25-го іюля 1810 года было обнародовано особое раздѣленіе дѣлъ въ порядкѣ исполнительномъ, и всѣ дѣла были распредѣлены между 12 министерствами.

Въ началѣ же 1811 года Сперанскій представилъ проектъ новаго образованія Сената правительствующаго и судебнаго и считалъ утвержденіе его дѣломъ первостепенной важности.

«Здѣсь хотятъ насъ увѣрить,—писалъ Сперанскій еще 9-го августа 1809 года А. А. Столыпину [1]),—что Сенатъ вашъ есть самый высшій образецъ благоустроеннаго судилища. Вы знаете, склоненъ ли я симъ чудесамъ въ Россіи вѣрить; но по опыту я знаю, что когда люди пустятся защищать что-либо неимовѣрное, то спорить съ ними не должно; а надобно дать пройти этой горячкѣ, и они сами образумятся. Много уже пережилъ я сихъ странныхъ предубѣжденій и сіе переживу, да и

[1]) „Русскій Арх.“ 1870 г. № 4 и № 5, стр. 881.

само оно, кажется, близко къ своему паденію. Еще четыре мѣсяца, и къ новому году надобно ожидать въ сей части совсѣмъ другаго порядка».

«Къ новому году,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ [1]),—все Уложеніе будетъ непремѣнно кончено и Сенатъ преобразованъ».

Проектъ о преобразованіи Сената былъ разсмотрѣнъ въ особомъ комитетѣ, составленномъ изъ графа Завадовскаго, князя Лопухина и графа Кочубея. По одобреніи ими, проектъ былъ напечатанъ и въ началѣ іюня 1811 года внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Тамъ онъ встрѣтилъ горячія и рѣзкія пренія и былъ задержанъ. «Сенатъ нашъ остановился,—писалъ Сперанскій А. А. Столыпину [2]),—и ни съ мѣста; еще по крайней мѣрѣ годъ будетъ въ семъ положеніи».

За то 25-го іюня 1811 года было обнародовано Общее учрежденіе министерствъ, въ которомъ былъ объявленъ и наказъ министрамъ. Цѣлью всѣхъ этихъ преобразованій было: установить единообразіе и порядокъ въ государственномъ управленіи; сосредоточить дѣла, относящіяся къ законодательству; сократить и облегчить движеніе дѣлъ и въ производствѣ ихъ дать болѣе единообразія и, наконецъ, означить съ точностью предѣлы власти министровъ и ихъ отвѣтственность.

«Благія сіи намѣренія,—говорилъ Д. П. Трощинскій [3]), — дѣйствительно возбуждены были существовавшимъ въ то время положеніемъ вещей; но мѣры, принятыя къ приведенію ихъ въ исполненіе, какъ въ образованіи Государственнаго Совѣта, такъ и въ общемъ учрежденіи министерствъ, должны были произвесть совершенно противное дѣйствіе.

«Устройство центральнаго управленія, правящаго дѣлами всей Имперіи, заслуживаетъ безъ сомнѣнія величайшаго вниманія, но еще болѣе заслуживаетъ уваженія устройство мѣстныхъ управленій, коимъ въ каждой губерніи, въ каждомъ уѣздѣ, въ каждомъ городѣ и въ каждомъ селеніи ввѣряется исполненіе предписаній правительства, и кои производятъ ближайшее и непосредственнѣйшее вліяніе на благосостояніе жителей всѣхъ классовъ.

«Частный человѣкъ, въ отношеніяхъ своихъ къ правительству, не иначе можетъ быть притѣсненъ, какъ посредствомъ дѣйствія мѣстнаго управленія; въ отношеніяхъ гражданскихъ, онъ не иначе можетъ быть

---

[1]) Отъ 13-го сентября 1810 г. Тамъ же, стр. 882.

[2]) Отъ 24-го октября 1811 г. Тамъ же, стр. 884.

[3]) Въ запискѣ: „О неудобствахъ, происходящихъ отъ государственнаго управленія въ формѣ единоличной“ и проч. Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общ., т. III, стр. 98.

защищенъ отъ притѣсненій частнаго же человѣка и удовлетворенъ за понесенный ему вредъ, какъ посредствомъ дѣйствія мѣстнаго же управленія. Слѣдовательно, въ большей части случаевъ, во всякое время и на всемъ пространствѣ Имперіи благосостояніе, спокойствіе, собственность, честь и даже жизнь главнѣйшей части жителей государства зависятъ почти исключительно отъ мѣстныхъ управленій.

«Если мѣстныя управленія устроены сообразно центральному управленію, равно какъ физическому и политическому положенію того мѣста, для котораго они установлены,—правительство дѣйствуетъ тогда съ увѣренностью во всѣхъ своихъ предположеніяхъ; частные же люди безопасны отъ злоупотребленій власти чиновниковъ. Если же, напротивъ, мѣстныя управленія устроены несообразно центральному управленію, равно какъ физическому и политическому положенію мѣста, для коего они установлены,—самыя благотворныя предписанія правительства обращаются тогда въ источникъ разорительнѣйшихъ стѣсненій, и частные люди пользуются дарованными имъ правами въ такой только степени, до какой пожелаютъ допустить ихъ правительственные чиновники.

«Въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ частные люди обладаютъ средствами чинить сопротивленіе злоупотребленіямъ чиновниковъ, большаго труда стоитъ удержаться худому мѣстному управленію. Ежели оное и поддерживается нѣкоторое время, вопреки желанія жителей, то оно наноситъ вредъ одному только правительству, возбуждая неудовольствіе, имѣющее средства обратиться въ открытое сопротивленіе. Но въ Россіи, въ которой государь есть единственный покровитель народа, и въ которой худое мѣстное управленіе можетъ задавить частнаго человѣка прежде, нежели голосъ его будетъ услышанъ правительствомъ,—самое устройство мѣстнаго управленія долженствуетъ представлять обезпеченіе, т. е. мѣстное управленіе должно быть устроено такъ, чтобы никакой чиновникъ не могъ ничего дѣлать по самопроизволенію; чтобы, въ случаѣ желанія поступить самопроизвольно, удерживаемъ былъ бдительнымъ надзоромъ со стороны государя, какъ единственнаго покровителя народа, и чтобы частный человѣкъ, въ случаѣ притѣсненія, увѣренъ былъ найти близъ самаго мѣста своего жительства защитника, непрестанно бдящаго объ его безопасности».

Изъ всего этого видно, что наибольшая нужда была въ преобразованіи низшихъ, чѣмъ высшихъ центральныхъ управленій, а между тѣмъ, они были оставлены въ прежнемъ и, какъ намъ извѣстно, далеко не устроенномъ положеніи.

Положеніе о Государственномъ Совѣтѣ не было согласовано съ положеніемъ общаго образованія министерствъ и Комитета министровъ. По положенію Совѣта всѣ дѣла законодательныя должны были разсма-

триваться имъ, а по Положенію министерствъ не было указано ни одного дѣла по законодательной части, по которому министръ не могъ бы испросить высочайшаго повелѣнія. Министры могли не присутствовать въ Комитетѣ лично, а сноситься съ нимъ письменно. Въ главномъ теченіи дѣлъ Сенатъ былъ устраненъ, потерялъ свое значеніе, и ему предоставлено было только обнародовать выходящіе изъ министерствъ указы. Въ одномъ параграфѣ Положенія о министерствахъ было сказано, что гражданскіе губернаторы не имѣютъ права входить съ представленіемъ къ министру помимо генералъ-губернатора, а въ другомъ—имъ предоставлено право сноситься, когда пожелаютъ, прямо съ министромъ. Такихъ противорѣчивыхъ параграфовъ было нѣсколько, но, не перечисляя ихъ, должно сказать, что въ дѣлопроизводствѣ не было ни порядка, ни единообразія; дѣла одного и того же рода производились разными властями, безпрестанно сталкивавшимися между собою и пререкавшимися.

Наказъ министрамъ, имѣвшій цѣлью опредѣлить степень и предѣлъ ихъ власти, на самомъ дѣлѣ предоставлялъ имъ власть безпредѣльную. Они могли распоряжаться самовластно, и жаловаться на ихъ произволъ было некому. Это самовластіе повело къ тому, что въ самомъ непродолжительномъ времени даже и Государственный Совѣтъ подчинился Комитету министровъ.

«Министры,—говоритъ Н. С. Мордвиновъ [1]),—дабы отклонить возложенную на нихъ учрежденіемъ отвѣтственность, открыли легчайшій къ тому способъ въ самомъ учрежденіи Комитета министровъ. Они приняли правиломъ вносить въ оный на утвержденіе всѣ дѣла, до управленія ихъ касающіяся, сперва по важнѣйшимъ предметамъ, а, наконецъ, всѣ безъ изъятія и самыя мелочныя, дабы никогда и ни за что не отвѣчать, какія бы послѣдствія отъ ихъ предположеній и представленій ни оказались; ибо каждое ихъ дѣйствіе, будучи разрѣшено общимъ сословіемъ министровъ и утверждено высочайшею властью, до нихъ лично коснуться не можетъ»,

Въ Комитетъ министровъ стали поступать почти всѣ дѣла: тяжебныя, законодательныя, судныя, распорядительныя, и онъ представлялъ собою полное смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ дѣлъ.

Преобразованія остановились. Сперанскій не только былъ удаленъ, но и сосланъ. Комитетъ министровъ сталъ высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, гдѣ «дѣла всякаго рода, и малыя и большія, судебныя и правительственныя, рѣшались по голосамъ, и голоса сіи издавались во всеобщее извѣстіе. Между тѣмъ ни составъ сего мѣста, ни порядокъ, ни власть его, ни предѣлы, ни отношенія его къ другимъ установле-

[1]) Иконниковъ, «Графъ Мордвиновъ», стр. 544.

ніямъ не были опредѣлены никакими гласными учрежденіями (положеніями)» [1]).

Такимъ образомъ въ администраціи произошла полная путаница понятій и распоряженій. Доклады представлялись безъ справокъ и безъ приведенія соотвѣтствующихъ статей законовъ, и дѣла рѣшались по усмотрѣнію присутствовавшихъ въ засѣданіяхъ. Комитетъ министровъ завладѣлъ всею законодательною властью, сталъ верховнымъ министерствомъ и, устранивъ Государственный Совѣтъ и Сенатъ, захватилъ въ свои руки дѣла, подлежавшія ихъ рѣшенію. Своеволіе и безпредѣльность власти министровъ остались тѣ же, что и прежде, и весь ходъ административной машины не улучшился, а сталъ еще хуже и неопредѣленнѣе.

Кого винить въ этомъ? Планъ преобразованій, задуманный Сперанскимъ, по глубинѣ мысли и обширности взгляда автора, опередилъ современниковъ болѣе, чѣмъ на полстолѣтіе, но надо сознаться, что Россія тогда была еще не готова принять формы правленія, предлагаемыя Сперанскимъ.

Въ нѣсколькихъ предыдущихъ главахъ мы изложили степень образованія того общества, которому предлагалось новое правленіе, а здѣсь приведемъ слова г-жи Сталь.

«Большая часть русскихъ аристократовъ,—пишетъ она,—говоритъ такъ красиво и съ такимъ приличіемъ, что на первый разъ часто впадаешь въ иллюзію относительно степени ума и знанія у людей, съ которыми говоришь. На минуту можно почувствовать себя хорошо въ этой блестящей атмосферѣ, которая пріятно развлекаетъ; но въ концѣ концовъ, въ ней нельзя ничему научиться, нельзя развивать своихъ способностей, и люди, проводящіе время такимъ образомъ, не пріобрѣтаютъ никакой способности ни къ умственному труду, ни къ дѣламъ».

По словамъ Сталь, русскіе дворяне, въ особенности аристократія, привыкли быть неограниченными господами своихъ крестьянъ и желали, «чтобы монархъ въ свою очередь былъ всемогущимъ», для поддержанія ихъ деспотизма.

Этотъ деспотизмъ таился и въ душѣ Александра, при всѣхъ его либеральныхъ мечтаніяхъ. Увлекшись отвлеченною идеею быть благодѣтелемъ своего народа, воспитанный республиканцемъ, мечтавшій о конституціи и даже о представительномъ правленіи, Александръ одобрилъ и самъ развивалъ планъ Сперанскаго, но какъ только онъ сталъ исполняться на дѣлѣ, императоръ какъ бы опомнился, не желалъ по-

---

[1]) В. Г. Щегловъ: „Государственный Совѣтъ въ Россіи“, изданіе 1892 г., т. I, стр. 914—917.

ступиться своею властью и сталъ прислушиваться къ слухамъ, утверждавшимъ его въ томъ, что въ проектѣ Сперанскаго есть посягательство на ограниченіе его власти. Есть поводъ къ заключенію, что Александру не особенно нравилось начинать свои манифесты словами: «Внявъ мнѣнію Государственнаго Совѣта», и, впослѣдствіи онъ уклонился отъ этой фразы, просуществовавшей, и то не всегда, два съ половиною года. Соглашаясь въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ мнѣніемъ меньшинства членовъ Совѣта, и, утверждая его, онъ, конечно, *не внималъ* общему мнѣнію Совѣта, а поступалъ, какъ монархъ неограниченный и самодержавный.—Въ этой чертѣ характера государя и слѣдуетъ искать того, что онъ скоро охладѣлъ къ начатымъ преобразованіямъ и, не уступая просьбамъ Сперанскаго, не поддерживалъ его въ борьбѣ со старыми дѣльцами, являвшимися его противниками.

Сперанскій желалъ дать Россіи въ цѣломъ то, что по частямъ осуществлялось почти въ теченіе цѣлаго вѣка, да и до сихъ поръ еще вполнѣ не осуществилось. — Но онъ былъ одинъ и не имѣлъ поддержки.—«У Сперанскаго,—какъ говоритъ историкъ (А. Н. Пыпинъ),—не было умѣнья бороться съ интригою, отъ которой онъ и палъ, не было желанія устранить своихъ враговъ»,—онъ вполнѣ положился на поддержку Александра и впослѣдствіи увидѣлъ всю непрочность такой опоры.—Сперанскій умолялъ императора докончить начатое, но голосъ его и просьба остались одинокими. Работая безъ устали, онъ одинъ, безъ всякой посторонней помощи, въ два года написалъ и частію осуществилъ планъ всеобщаго государственнаго управленія, Положеніе о Государственномъ Совѣтѣ, Сенатѣ, Общее учрежденіе министерствъ, Наказъ министрамъ и, несмотря на упреки въ заимствованіи изъ французскихъ уставовъ, далъ имъ такое направленіе, которое, съ незначительными измѣненіями, сохранилось почти до нашихъ дней.—Выдающійся организаторъ, Сперанскій предлагалъ императору избѣгать всякой торопливости, открывать новыя учрежденія только тогда, когда все образованіе будетъ готово, переходъ отъ старыхъ учрежденій къ новымъ дѣлать постепенно, такъ чтобы имѣть возможность остановиться и сохранить въ силѣ прежній порядокъ, если бы для введенія новаго встрѣтились неодолимыя препятствія. Но для всего этого необходимо было время, твердость, упорство и настойчивость. Александръ же постоянно колебался между мыслію и дѣйствительнымъ ея исполненіемъ.

«Признаюсь,—писалъ князь А. Чарторыйскій въ одномъ изъ писемъ государю [1]),—что я увидѣлъ слишкомъ быть можетъ поздно и съ глубокимъ прискорбіемъ, что ваше величество не составили себѣ

---

[1]) Въ апрѣлѣ 1806 г. «Русскій Арх.» 1871 г. Т. I, стр. 722—746.

рѣшительнаго убѣжденія на счетъ предметовъ, занимавшихъ вашъ кабинетъ.

«Разобравши дѣло во всѣхъ подробностяхъ, условившись съ вами въ принципѣ, ваше величество, по прошествіи нѣкотораго времени, приходили въ колебаніе, предавались сожалѣніямъ тягостнымъ для васъ, но еще болѣе для вашего кабинета.—Въ то время, когда, по собственнымъ вашимъ рѣшеніямъ, событія уже принимали опредѣленное направленіе, намъ приходилось все передѣлывать съизнова, какъ будто бы ничего не было ни рѣшено, ни условлено.—Мы никогда не были увѣрены въ своей исходной точкѣ и лишь только пускались въ исполненіе данныхъ намъ приказаній, вновь возникали сомнѣнія, и всѣ основы нашей дѣятельности приходили въ колебаніе..... Ваше величество удостоивъ своего довѣрія, для составленія обширнаго плана, извѣстное число лицъ, перестали ихъ слушать, какъ только было приступлено къ его исполненію.—Никогда ваше величество не оказываете полнаго довѣрія, и вотъ, можетъ быть почему, ничто не приходило къ желаемому концу.... Когда дѣла ведутся, и съ людьми обращаются такъ, какъ это было испытано нами, то теряется желаніе, едва поворачивается языкъ предлагать совѣты, не хочется настаивать на ихъ принятіи, утрачивается всякая надежда на правильное ихъ исполненіе.—Государю также весьма нужно внушать довѣріе.—Вашему величеству, если смѣю такъ выразиться, слѣдовало ободрять, примирять, вызывать совѣты, разбирать ихъ съ участіемъ и обдуманностію.—Дѣло въ томъ, что вы не хотите ихъ принимать, не придавая имъ ни цѣны, ни довѣрія».

Современники обвиняли Сперанскаго въ недосмотрахъ, а между тѣмъ, среди своей колоссальной работы, онъ ежедневно докладывалъ государю о самыхъ важныхъ дѣлахъ и писалъ записки по разнымъ политическимъ вопросамъ. Не слѣдовало ли облегчить Сперанскаго и передать разработку частностей другимъ лицамъ? Онъ самъ просилъ о томъ и признавалъ незаконченность и несовершенство составленныхъ имъ положеній, просилъ дать ему время и настоять, чтобы новыя учрежденія велись «единообразно и неослабно». На пора увлеченій миновала, голосъ его не былъ услышанъ, и де-Местръ былъ правъ, говоря, что на всѣхъ преобразованіяхъ Александра лежитъ какое-то проклятіе.

Были и современники, которые отдавали должное блестящему организаторскому таланту Сперанскаго. — Такъ И. И. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ [1]) говоритъ, что всегда находилъ въ Сперанскомъ просвѣщеніе, благородство и привѣтливость. — Хотя впослѣдствіи между ними и произошло охлажденіе, «но это не мѣшало мнѣ,—пишетъ Дмитріевъ,—отдавать ему полную справедливость и желать искренно, чтобы

[1]) Взглядъ на мою жизнь, стр. 199.

важный трудъ его, новое Уложеніе, которому онъ посвятилъ свои способности, лучшіе годы жизни своей, усовершенный Государственнымъ Совѣтомъ и впослѣдствіи собственной опытностью, скорѣе былъ довершенъ и обнародованъ.—Тогда имя его дошло бы до потомства».

Желаніе Дмитріева исполнилось: имя Сперанскаго всегда сохранится въ исторіи, какъ выдающагося организатора и лучшаго сына Россіи.—Потомки сожалѣютъ и будутъ сожалѣть только о томъ, что ему не было оказано помощи и возможности окончить начатое и привести свой планъ въ исполненіе.—Разочарованный, подъ впечатлѣніемъ первыхъ слуховъ и разсказовъ, мнимою неблагодарностью своихъ подданныхъ, Александръ уклонился отъ начатыхъ преобразованій и всецѣло обратилъ свое вниманіе на подготовку борьбы съ Наполеономъ, его сердечнымъ врагомъ.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Нотное пѣніе въ церквахъ.

Предложеніе князя А. Н. Голицына Святѣйшему Правительствующему Синоду.

10-го января 1816 г. № 29.

Государь императоръ, извѣстясь, что во многихъ церквахъ поютъ по нотамъ, не соотвѣтственно тому роду пѣнія, какое можетъ быть принято въ церквахъ, высочайше повелѣлъ, дабы впредь не вводить въ употребленіе тетрадей рукописныхъ, кои отнынѣ строжайше запрещаются, но все, что ни поется въ церквахъ по нотамъ, должно быть печатное и состоять или изъ собственныхъ сочиненій директора придворнаго пѣвческаго хора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бортнянскаго, или и другихъ извѣстныхъ сочинителей, но сихъ послѣднихъ сочиненія непремѣнно должны печатаемы быть съ одобренія г. Бортнянскаго.

Его императорское величество изъявилъ при томъ волю свою, чтобы на преосвященныхъ епархіальныхъ архіереевъ возложено было строгое и неослабное смотрѣніе за тѣмъ, чтобы кромѣ печатныхъ нотъ отнюдь не были въ церквахъ ихъ вѣдомства вводимы тетради рукописныя.

Объявляя высочайшее его императорскаго величества повелѣніе Святѣйшему Синоду, имѣю честь присовокупить для свѣдѣнія, что вмѣстѣ съ симъ я отнесся къ г. управляющему министерствомъ полиціи объ учиненіи циркулярныхъ по гражданскому управленію предписаній относительно непечатанія впредь нотныхъ церковныхъ сочиненій, безъ одобренія директора придворнаго пѣвческаго хора.

Кончина А. С. Грибоѣдова по армянскимъ источникамъ.

(Изъ сочиненія Галуста Шермазаняна [1]): „Матеріалы для національной исторіи“).

Ереванскій мирза Якубъ-Маркарянъ родился въ Эриванѣ отъ скромныхъ, но довольно извѣстныхъ въ этомъ городѣ родителей. Онъ сталъ изучать древне-армянскій языкъ еще въ Эриванѣ и затѣмъ для усовершенствованія отправился въ Эчміадзинъ къ одному изъ учениковъ извѣстнаго въ то время Бертуміана.

Въ 1804 году во время осады крѣпости Эривани, когда конный отрядъ грузинскихъ добровольцевъ, поссорившись съ княземъ Циціановымъ, рѣшилъ возвратиться на родину, къ нему присоедини-

[1]) Галустъ Шермазанянъ (онъ же Шермазанъ-Вартановъ), извѣстный общественный дѣятель и писатель по новѣйшей армянской исторіи и археологіи, родился въ г. Тифлисѣ въ 1815 году. Онъ высшаго образованія не получилъ, но, будучи одаренъ отъ природы большими способностями, сначала развилъ себя чтеніемъ, а потомъ путешествіями по разнымъ странамъ Востока. Въ молодости своей по торговымъ дѣламъ часто ѣздилъ въ Персію, а особенно въ Тавризъ и Тегеранъ, гдѣ онъ былъ избранъ главою тифлисскихъ купцовъ, въ то время проживавшихъ въ Тегеранѣ. Въ 1861 году онъ былъ избранъ въ городскіе головы г. Тифлиса, которому онъ оказалъ большія услуги; но въ 1865 году онъ сильно пострадалъ нравственно и матеріально во время „такъ называемаго бунта“. Объ этомъ бунтѣ газета „Кавказъ“ (№ 53, 1865 г.) передаетъ слѣдующее: „на объявленіе Закавказской казенной палаты о взносѣ дополнительнаго налога, назначеннаго съ лавокъ для продажи питей, съ цѣлью усиленія городской казны на покрытіе необходимыхъ городскихъ расходовъ, всѣ тифлисскіе торговцы и ремесленники, составляющіе корпораціи, извѣстныя подъ названіемъ а м к а р ъ, и въ особенности, виноторговцы, на коихъ прямо падалъ увеличенный налогъ,

лось много армянскихъ купцовъ и мѣстныхъ жителей со своими семействами. При слѣдованіи каравана мимо Св. Эчміадзина, Якубъ (Яковъ), не говоря ни слова ни своему учителю, ни товарищамъ по классу, безъ провизіи, даже безъ пары платья для перемѣны, съ однѣми книгами за спиной, вышелъ изъ монастыря и присоединился къ отряду, разсчитывая попасть въ Тифлисъ къ только-что пріѣхавшему туда изъ Константинополя извѣстному ученому (кажется, это былъ Серопе Патканьянъ) [1]), для усовершенствованія въ наукахъ.

Якубъ два дня шелъ пѣшкомъ съ караваномъ, получая хлѣбъ отъ незнакомыхъ спутниковъ, но около Бамбакацора персидское войско внезапно атаковало и разсѣяло караванъ; большая часть была пере-

---

отвѣчали отказомъ, ссылаясь на существующую дороговизну съѣстныхъ припасовъ и на опасеніе еще бо̀льшаго возвышенія цѣны на продукты, такъ какъ хлѣбные посѣвы во многихъ мѣстахъ края истреблены саранчею, мышами и градомъ"...

„27-го іюня народъ, собравшійся толпами, хотя и невооруженными, и озлобленный противу нѣкоторыхъ изъ своихъ выборныхъ, не отстоявшихъ, по его мнѣнію, общихъ интересовъ, произвелъ безпорядки, разрушивъ и разграбивъ дома городскаго головы Шермазана-Вартанова и сборщика податей Бажбеукъ-Меликова, при чемъ сей послѣдній, хотя и встрѣтилъ нападающихъ неустрашимо и защищался мужественно, былъ избитъ камнями и дручьями до такой степени, что вскорѣ умеръ".

Во время безпорядковъ у Шермазаняна пропала масса цѣнныхъ рукописныхъ историческихъ матеріаловъ. Съ этихъ поръ онъ уже окончательно покидаетъ арену общественной дѣятельности и всецѣло посвящаетъ себя собиранію и изученію матеріаловъ для новѣйшей армянской исторіи и археологіи. Онъ предпринялъ путешествіе по Арменіи и результаты его, полные интереса и содержательности, печаталъ сначала въ журналѣ „Крункъ", а затѣмъ въ „Араратѣ" за 1876 и 1877 годы (этотъ послѣдній журналъ издается и въ настоящее время въ Эчміадзинѣ) подъ заглавіемъ „Путешествіе по Арменіи". Тутъ онъ коснулся разнообразныхъ вопросовъ по этнографіи армянъ и, между прочимъ, возбудилъ вопросъ о воспитаніи армянскихъ женщинъ. Принимая дѣятельное участіе въ кавказскихъ армянскихъ и русскихъ органахъ печати того времени, онъ напечаталъ нѣсколько переводныхъ и оригинальныхъ статей, немало поработалъ и въ Константинопольскихъ газетахъ „Аршалуйсъ, Араратянъ" и „Масисъ". Въ Тифлисѣ онъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: „Анекдоты, забавные разсказы, басни и пр., взятые преимущественно изъ народной жизни". Достойнымъ же украшеніемъ трудовъ Шермазаняна являются „Матеріалы для національной исторіи". Трудъ этотъ увѣнчанъ Измировской преміей именъ Месропа и Саака—этихъ армянскихъ первоучителей, и изданъ въ годъ смерти автора. Девятую главу этого труда составляетъ переведенная и дополненная нами статья „Евнухъ Мирза-Якубъ Маркарянъ". Галустъ Шермазанянъ умеръ въ 1891 году въ Орловской губерніи въ селѣ Залѣсномъ, гдѣ и похороненъ, вдали отъ любимой родины, которой отдалъ всѣ свои силы и всю энергію. М. А.

[1]) Дѣдъ бывшаго профессора С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ армянскаго языка и словесности. Примѣч. переводчика.

бита, а уцѣлѣвшіе взяты въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ оказался и Якубъ, который былъ тогда въ возрастѣ 18—19 лѣтъ. Его и нѣсколькихъ плѣнниковъ [1]) оскопили въ Тавризѣ и отослали въ Тегеранъ въ шахскій гаремъ, гдѣ они воспитывались подъ руководствомъ своего именитаго соотечественника, главнаго евнуха Ага-Якуба-Кутули.

Исторія дѣтства Якуба неизвѣстна, и мы знаемъ лишь, что онъ былъ свѣдущъ въ древне-армянскомъ языкѣ, на которомъ писалъ безошибочно. По поступленіи въ гаремъ, Якубъ началъ изучать персидскій и арабскій языки подъ руководствомъ Ага-Якуба-Кутули, для усовершенствованія въ этихъ языкахъ нанималъ еще очень хорошо подготовленнаго учителя, который кромѣ этихъ языковъ обучилъ его и персидскому счетоводному искусству—бухгалтеріи, которой персы обучались не менѣе 10—15 лѣтъ, какъ самому трудному и сложному искусству, чтобы по окончаніи получить званіе «метофа».

Якубъ за знаніе и любознательность получилъ титулъ мирзы, который даютъ въ Персіи лицу, владѣющему перомъ; очень часто въ корреспонденціи и въ «Исторіи Каджаровъ» дается также прозвище «ага» тому лицу, которое имѣетъ титулъ или чинъ среди евнуховъ.

Случилось, что въ то время въ Тегеранъ пріѣхалъ изъ Норъ-Джуга нѣкто Степанъ, оказавшійся знатокомъ въ веденіи книгъ по двойной системѣ бухгалтеріи на армянскомъ и англійскомъ языкахъ, благодаря тому, что въ теченіе ряда лѣтъ въ англійскомъ бюро въ Мадрасѣ исправлялъ обязанности бухгалтера. Онъ обучилъ Мирзу-Якуба двойной бухгалтеріи и поступилъ въ торговое товарищество того же Якуба, Манучара и Хосрова хановъ въ качествѣ бухгалтера. Первоначальной причиною успѣха Мирзы-Якуба въ Персіи и является именно знаніе бухгалтерскаго искусства. По свидѣтельству Хосровъ-хана годовой расходъ шахскаго гарема въ тѣ времена приблизительно достигалъ 300.000 тумановъ [2]); для приведенія въ порядокъ запутанныхъ счетовъ и составленія краткаго отчета для шаха проходило 4—5 мѣсяцевъ и два или три метофа должны были заниматься исключительно этимъ дѣломъ. Когда же Кутули поручилъ отчетъ Мирзѣ-Якубу, то онъ въ теченіе 20 дней, самое большее въ мѣсяцъ, привелъ все въ порядокъ и на одномъ листѣ представилъ его шаху, который былъ не мало этому удивленъ. Наградивъ Якуба, шахъ приказалъ Кутули, чтобы тотъ оказывалъ особое ему покровительство. Благодаря этому Якубъ сдѣлался лично

---

[1]) Вмѣстѣ съ Якубомъ были взяты въ плѣнъ Хосровъ и Манучаръ, которые впослѣдствіи сдѣлались ханами и играли видную роль при дворѣ Фетъ-Али-Шаха. Примѣч. переводчика.

[2]) Персидскій туманъ того времени равнялся 4 рублямъ. Примѣч. переводчика.

извѣстенъ шаху. Онъ поручилъ ему составить годовой отчетъ по приходу и расходу Ирана; разбросанныя въ отдѣльности статьи соединить вмѣстѣ и представить ему. Всѣ эти и т. п. отчеты Мирза-Якубъ до такой степени упростилъ, что больше не было надобности въ метофѣ, который бы докладывалъ шаху; теперь шахъ самъ читалъ отчетъ, распредѣлялъ суммы и быстро охватывалъ всѣ данныя.

Мирза-Якубъ, взамѣнъ старинныхъ персидскихъ знаковъ, приводилъ денежныя суммы индусскими цифрами (то, что европейцы называютъ арабскими цифрами, у персовъ принято называть индусскими). Онъ много хлопоталъ, чтобы «индусскія» цифры были введены въ оффиціальной перепискѣ и отчетахъ Ирана, и были изгнаны изъ употребленія трудныя и запутанныя персидскія. Но старомодные метофы изъ-за личныхъ выгодъ являлись его противниками: бухгалтерское искусство, по большей части, считалось между ними наслѣдственнымъ, и другихъ ему не обучали.

Итакъ Мирза-Якубъ, благодаря своимъ трудамъ и природнымъ способностямъ, быстро выдвинулся и сталъ наравнѣ съ передовыми дѣятелями своего времени. Говорили, что, если бы онъ держался до конца жизни магометанства, то навѣрное пошелъ бы очень далеко: достигъ и высшихъ должностей и высокихъ титуловъ; но онъ не пожелалъ получить даже званія хана—настолько онъ былъ твердый христіанинъ въ душѣ; днемъ и ночью онъ помышлялъ, какъ бы уйти изъ Персіи, чтобы подъ покровительствомъ христіанской державы свободно исповѣдовать свою религію. И, можетъ быть, для этого за три—четыре года до того времени, какъ его убили, онъ началъ изучать французскій языкъ и, какъ передавали, достаточно смѣло говорилъ и писалъ по-французски. Онъ думалъ также изучить русскій языкъ, но не нашелъ учителя и держалъ при себѣ одного плѣннаго солдата, чтобы у него учиться говорить по-русски до пріисканія лучшаго учителя.

Ага-Якубъ-Кутули, какъ главный евнухъ или «князь» гарема, не могъ искоренить дурнаго обыкновенія, уже давно привившагося въ гаремахъ, и особенно въ гаремѣ шаха: нѣсколько престарѣлыхъ евнуховъ и старыхъ женщинъ, долгое время проведшихъ въ гаремѣ, покупали на базарѣ по высокой цѣнѣ въ кредитъ разные старые, плохіе женскіе наряды, иногда и драгоцѣнные камни, приносили въ гаремъ и за еще болѣе дорогую цѣну продавали здѣсь женщинамъ, также въ кредитъ. По прошествіи срока, когда продавцы отъ упомянутыхъ посредниковъ, а послѣдніе отъ женщинъ гарема настойчиво требовали уплаты, женщины, не будучи въ состояніи выплатить долговъ, возбуждали энергичныя жалобы и протесты, чѣмъ причиняли крупныя непріятности Кутули. Поэтому послѣдній предложилъ шаху разрѣшить ему составить изъ нѣсколькихъ евнуховъ-капиталистовъ то-

варищество, которое устанавливало бы цѣны всѣмъ нужнымъ для женщинъ товарамъ при содѣйствіи опытныхъ купцовъ и за опредѣленныя цѣны покупало бы также и драгоцѣнные камни въ присутствіи Кутули и надежныхъ ювелировъ, чтобы не было обмана; затѣмъ всѣ женщины могли бы покупать за цѣны, однажды назначенныя, а не такъ, чтобы сегодня за дорогую, а завтра за дешевую цѣну.

Шахъ принялъ это предложеніе Кутули; но ни одинъ изъ евнуховъ не рѣшался брать на себя это дѣло, такъ какъ требовался большой капиталъ. Тогда Ага-Манучаръ Ениколопянцъ [1]) предложилъ товарищамъ по плѣну Ага-Хосрову Кайтмазянцу и Мирзѣ-Якубу принять предложеніе Кутули съ его капиталомъ, подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы выручка была распредѣляема на четыре равныя части: одна часть въ основной капиталъ, а остальныя три дѣлились бы между тремя участниками, конечно, за вычетомъ расходовъ. Хосровъ говорилъ: «когда Манучаръ сообщилъ мнѣ объ этомъ, я думаю самъ-себѣ, будь я дуракъ, если не соглашусь. Чѣмъ я рискую: масла ли потрачу, или риса? Если потерпимъ убытки, чѣмъ я отвѣчаю, потому и согласился». Впослѣдствіи я догадался, что Манучаръ опасался за меня и особенно за Мирзу-Якуба, который состоялъ счетоводомъ гарема, такъ какъ для этого коммерческаго товарищества нанялъ вышепоименованнаго Степана, изъ Испагани, въ качествѣ бухгалтера и дѣловаго корреспондента.

Эти три личности обладали удивительно противоположными вкусами. Хосровъ любилъ держать хорошихъ верховыхъ лошадей, имѣть богатую сбрую, украшать домъ богатою домашнею утварью и жить въ роскоши. Мирза-Якубъ заработанныя деньги тратилъ на ученье, на пріобрѣтеніе богатой библіотеки, на наемъ учителей, а излишекъ отъ всего этого постоянно высылалъ въ Эривань роднымъ.

Манучаръ же преслѣдовалъ одну цѣль—собирать и накоплять богатство. Фирманомъ шаха товарищество было утверждено и, насколько оно въ началѣ было замкнуто, настолько быстро расширило впослѣдствіи свои операціи. Товарищество посылало своихъ агентовъ и находило корреспондентовъ въ Буширѣ, въ торговыхъ греческихъ городахъ, въ Багдадѣ, Тавризѣ, въ Константинополѣ; черезъ нихъ выписывало разныя мѣстныя, модныя, шелковыя, бумажныя и шерстяныя издѣлія и драгоцѣнные камни; продавало ихъ не только въ гаремъ, но и самому шаху, который одарялъ ими своихъ сыновей и дочерей, при выходѣ замужъ.

---

[1]) Главный шахскій евнухъ; въ 1820-хъ годахъ въ Гиляни при шахскомъ сынѣ Ягъ-Ча-Мирза онъ управлялъ намѣстничествомъ. (Ср. А. С. Грибоѣдовъ—„О Гиляни". Пол. собр. соч. Грибоѣдова подъ ред. И. А. Шляпкина. Т. I, С.-Петербургъ 1889 г., стр. 70). Примѣч. переводчика.

Товарищество продавало также сыновьямъ шаха и намѣстникамъ, которые пріѣзжали изъ отдаленныхъ областей, во время новруза [1]), представляться шаху и, по возвращеніи къ мѣсту своего служенія, везли подарки своимъ женамъ. Когда же Хосровъ-хана назначили гилянскимъ правителемъ, товарищество вступило въ торговыя сношенія и съ Россіей, то-есть, съ Астраханью и Макарьемъ, служащимъ мѣстомъ ярмарки для Нижняго, посылая туда шелкъ, шелковыя матеріи и разныя издѣлія съ цѣлью ихъ продать, а мѣстные мануфактурные товары Россіи доставить въ Тегеранъ.

Товарищество просуществовало до 1819 года, а затѣмъ распалось, такъ какъ каждый изъ его участниковъ получилъ то или другое назначеніе: Мирза-Якубъ получилъ должность управляющаго шахскимъ казначействомъ. Онъ долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, какія издержки имѣетъ гаремъ, подводить расходы и деньги на нихъ получать изъ казны помѣсячно. До его убійства шахъ три раза назначалъ его на эту должность и три раза отставлялъ, такъ какъ одинъ разъ онъ былъ посланъ въ Хоросанъ, правитель котораго вслѣдствіе упущеній въ городахъ не могъ явиться къ новрузу и представить отчеты шаху; Мирза-Якубъ, по приказанію шаха, отправился туда въ качествѣ надсмотрщика (ревизора) за разсчетами, получилъ оставшуюся отъ податей сумму и привезъ въ Тегеранъ; другой разъ также командировали его къ ширазскому правителю въ качествѣ бухгалтера.

Такъ какъ главнымъ виновникомъ возмутительнаго убійства русскаго посла А. С. Грибоѣдова и его подчиненныхъ былъ Мирза-Якубъ, то необходимо подробнѣе ознакомиться съ этою личностью. Заранѣе признаюсь, что не намѣренъ обращаться къ оффиціальнымъ документамъ и къ персидской исторіи, которая всегда, съ цѣлью себя оправдать, перекраиваетъ по-своему, а русскіе историки передаютъ то, что въ то время узнали изъ оффиціальныхъ персидскихъ же сообщеній. Я привожу слышанное отъ лицъ, бывшихъ на мѣстѣ происшествія, и отъ очевидцевъ [2]), что̀ можетъ представлять большія противорѣчія съ

---

[1]) Новрузъ—начало года, время представленія отчета.
Примѣч. переводчика.

[2]) Таковыми были Амбарцумъ (онъ же Ибрагимъ-бегъ)—куламъ русскаго посла, т. е. курьеръ (гонецъ), который, въ этотъ день, будучи въ посольскомъ домѣ, тяжко былъ раненъ и оставался полумертвымъ между убитыми. Но въ полночь почувствовалъ, что еще живъ и, положивъ руку на израненную шею, съ трудомъ добрался до дома одного знакомаго армянина, у котораго и остался до выздоровленія. Онъ до своей смерти получалъ изъ Россіи черезъ тавризскаго консула содержаніе 120 голландскихъ червонцевъ. Армянинъ Якубъ-Султанъ, который въ тотъ день со своими подчиненными солдатами охранялъ посольскій домъ; шахъ-Абдулъ-Азимъ—стражъ крѣпости,

оффиціальными корреспонденціями обѣихъ державъ, но предоставляю читателямъ самимъ найти истину.

Когда мать Манучаръ-хана, Ускумъ-ханумъ, отправилась изъ Тифлиса въ Тегеранъ, ее сопровождалъ князь Давидъ Меликянцъ, который приходился ей внукомъ. Въ 1828 году братъ этого послѣдняго, Соломонъ Меликянцъ, сопровождалъ Грибоѣдова. Такъ какъ посолъ запоздалъ въ Тавризѣ, Соломонъ раньше его уѣхалъ въ Тегеранъ и остановился въ домѣ своего дяди Манучаръ-хана, помѣщающемся въ цитадели сзади шахскаго дворца, около, такъ называемой, крѣпости, Шимранъ. Владѣльцы и родные плѣнниковъ, узнавъ о выѣздѣ посла изъ Тифлиса, отправились слѣдомъ за нимъ въ Тегеранъ; но посолъ, какъ упомянуто, на время задержался въ Тавризѣ, а потому и они, слѣдуя за нимъ, отыскивали своихъ плѣнныхъ; но что было имъ дѣлать, когда персіяне не желали и отказывались возвращать ихъ [1]).

Извѣстіе объ этомъ дошло до Грибоѣдова, который просилъ Аббаса-Мирзу написать своему отцу шаху о недовольствѣ русскаго посла. Шахъ назначилъ Манучаръ-хана и Калантара изъ Тегерана, чтобы, въ случаѣ указанія имъ русскими подданными мѣста жительства плѣнниковъ, они посылали своихъ людей, чтобы привести плѣнниковъ къ себѣ и затѣмъ публично опрашивали: и того изъ плѣнныхъ, который заявитъ желаніе возвратиться, обязательно передавали владѣльцу. Вслѣдствіе этого распоряженія многіе персы стали тайно высылать изъ Тегерана своихъ плѣнниковъ, или въ самомъ Тегеранѣ переводить изъ одного раіона города въ другой, чтобы замести ихъ слѣдъ; многіе изъ плѣнныхъ уже впередъ отказывались вернуться на родину, такъ какъ персы съ угрозами заставляли ихъ, въ случаѣ опроса, отвѣчать отказомъ, и пускали въ ходъ тысячу другихъ подобныхъ средствъ, лишь бы не возвращать плѣнныхъ обратно.

Поэтому Манучаръ и Калантаръ не могли исполнить возложенной на нихъ обязанности, главнымъ образомъ потому, что нѣкоторые

казначей армянской церкви Паронъ-Худадатъ. Паронъ-Мелкумъ изъ Тавриза, который былъ агентомъ Мирзы-Якуба и ѣздилъ въ Тегеранъ для сдачи отчетности ему. Сосѣдъ посольскаго дома іавваръ (т. е. маіоръ) Фата-бегъ. Тифлисцы—Иванъ Манташянцъ и Магдесъ-Эго Маркарянъ и другіе, изъ коихъ многіе живы и понынѣ (1883 годъ). Прим. автора.

[1]) Въ оффиціальныхъ бумагахъ встрѣчаются разсказы о нѣкоторыхъ случаяхъ; между прочимъ, какъ нѣмецъ изъ Маріенфельда, найдя въ Казбинѣ свою дочь, взятую въ плѣнъ и вышедшую за мужъ за одного сепда, явившись въ Тавризъ, заявилъ Грибоѣдову протестъ, что персъ, владѣлецъ плѣнницы, отказался вернуть ему его дочь. Грибоѣдовъ, какъ только прибылъ въ Казбинъ, приказалъ привести нѣмку и на нѣмецкомъ языкѣ приглашалъ ее вернуться въ Россію къ своему отцу; но она не согласилась. Прим. автора.

изъ плѣнныхъ находились у высокопоставленныхъ лицъ. Манучаръ, видя эти затрудненія, съ оффиціальнаго разрѣшенія шаха, отказался отъ даннаго ему порученія и просилъ, чтобы это дѣло было поручено другому.

Когда Грибоѣдовъ въѣзжалъ въ Тегеранъ, персидское правительство приняло его самымъ пышнымъ образомъ, и старожилы говорили: «никогда мы не видывали такого пріема»; посла встрѣтили у такъ-называемой крѣпости шахъ-Абдулъ-Азимъ и отвели помѣщеніе тамъ же въ прекрасномъ и просторномъ домѣ, принадлежащемъ одному шахзадэ [1]). Этотъ домъ, если считать кривыя улицы, находился, навѣрное, болѣе чѣмъ въ полутора верстахъ отъ царскаго дворца. Разсказывали, что шахъ первый разъ во время пріема встрѣтилъ Грибоѣдова съ веселымъ и радостнымъ лицомъ и довольно продолжительное время задержалъ его у себя. По выходѣ отъ шаха, посолъ, предшествуемый нѣсколькими чинами двора, вошелъ въ большой залъ, гдѣ его ожидали всѣ высшіе сановники (въ числѣ коихъ находился и Мирза-Якубъ). Здѣсь подносили послу сахарную воду, халвіатъ, чай, кофе и проч. Всѣ бокалы, стаканы и прочая сервировка была изъ чистаго золота. Точно такимъ же образомъ угощали свиту посла и его прислугу въ другихъ комнатахъ, гдѣ ихъ размѣстили по чинамъ; только съ тою разницею, что тамъ сервировка была изъ серебра, вмѣсто золота.

Распорядителемъ всего былъ Манучаръ-ханъ. До выхода посла изъ пріемной шаха, нѣкоторые изъ сопровождавшихъ его съ интересомъ осматривали шахскій дворецъ. Въ числѣ ихъ было трое грузинъ, которыхъ узналъ по одеждѣ Иванъ Манташянцъ. Онъ съ своимъ дядей Хосровъ-ханомъ пришелъ во дворецъ, желая быть зрителемъ этого роскошнаго пріема. Манташянцъ подошелъ къ нимъ, познакомился и разспрашивалъ о разныхъ тифлисскихъ новостяхъ. По окончаніи торжествъ и возвращеніи домой, Манташянцъ передалъ Хосрову о своемъ разговорѣ съ грузинами. Послѣдній, сильно разсердившись на него, приказалъ, чтобы послѣ этого онъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ ними. «Этотъ ничтожный, непонятный для меня эпизодъ—говорилъ Манташянцъ — имѣлъ значительныя послѣдствія». Спустя два или три дня послѣ сего Манучаръ-ханъ пошелъ навѣстить Хосровъ-хана. Послѣдній спросилъ Манучара: «неужели не боишься, что разрѣшаешь Соломону (Меликянцу) бывать у посла?» Тотъ отвѣтилъ: «какъ я могу воспретить,

---

[1]) Ср. Nouvelles Annales des voyages 1830 г. Relation des événements qui ont précédé et accompagné le massacre de la dernière ambassade russe en Perse. — „L'ambassadeur descendit dans la belle maison de feu Mohammed Khan Zambor Ektchi Bachi, qui avait eté parfaitement arrangée pour lui avec des bains et toutes les commodités imaginables". T. 48. P. 345. Прим. переводчика.

когда они старые знакомые и вмѣстѣ путешествовали изъ Тифлиса до Тавриза». Послѣ этого Хосровъ приказалъ Манташянцу выйти изъ комнаты. Немного спустя пришелъ Мирза-Якубъ, и всѣ трое уединились и разговаривали продолжительное время.

Затѣмъ, въ домѣ у Манучара или Хосрова эти три лица часто собирались, уединялись и долго-долго бесѣдовали. Манташянцъ прибавилъ: «я замѣтилъ, что у нихъ было какое-то особенное дѣло, но въ чемъ оно заключалось, не могъ догадаться, впослѣдствіи же узнавъ о намѣреніи Мирзы-Якуба вступить подъ покровительство посла и его защиту, тотчасъ понялъ, что это и было причиною ихъ уединенныхъ и тайныхъ бесѣдъ. Отсюда я заключилъ, что возможно и вѣроятно, что Манучаръ и Хосровъ также намѣрены послѣдовать примѣру Мирзы-Якуба, если посолъ будетъ въ состояніи помочь ему».

Когда посолъ достигъ Тегерана, владѣльцы и родные плѣнниковъ подавали ему тысячи жалобъ; но посла болѣе озабочивало дѣло плѣнниковъ Мазандарана, такъ какъ наибольшее число ихъ было тамъ, ибо еще тогда, когда война оффиціально не была объявлена, кавалерія Мазандарана, которая вела свое происхожденіе отъ Каджара, т. е. изъ племени шаха, неожиданно напала на русскую границу, предала многія селенія огню и, во время набѣговъ, забрала множество плѣнниковъ, которыхъ отсылала въ Мазандаранъ, гдѣ не было ни русскаго консула, ни агента; поэтому-то посолъ считалъ невозможнымъ вывести оттуда плѣнниковъ хотя и намѣревался послать консула или туда, или въ Рэштъ. Но персидское правительство мѣшало ему въ этомъ, говоря, что въ трактатѣ не упоминается о такомъ условіи.

Хотя мы значительно уклонимся отъ разсказа, тѣмъ не менѣе упомянемъ здѣсь объ одномъ трогательномъ происшествіи, которое имѣетъ прямое отношеніе къ матеріаламъ національной исторіи [1]). Одинъ извѣстный ханъ писалъ изъ Мазандарана Хосровъ-хану, что у него есть много плѣнниковъ и плѣнницъ въ гаремѣ или внѣ гарема и, что, «желая послать тебѣ въ подарокъ одну плѣнницу, за цѣломудріе которой ручаюсь, выбралъ эту восьми или девятилѣтнюю плѣнницу, по имени Диль-Фрушъ, которую посылаю вамъ въ подарокъ» и пр. Эта плѣнница красивая, смышленая и говорунья, въ короткій промежутокъ времени выказала удивительную симпатію къ Хосровъ-хану, также и этотъ послѣдній полюбилъ ее, какъ свою дочь.

Манташянцъ разсказывалъ, что когда Хосровъ-ханъ бывалъ дома, Диль-Фрушъ (т. е. радость сердца) не отходила отъ него, и ханъ также любилъ съ нею говорить, шутить и слушать ея остроумные разсказы;

---

[1]) Рѣчь идетъ объ армянской національной исторіи.

Прим. переводчика.

онъ заказалъ для нея нѣсколько паръ разныхъ платьевъ; кромѣ того подарилъ ей 20 золотыхъ монетъ для ожерелья и 20 для лобной повязки. Мирза-Якубъ также подарилъ ей нѣсколько перстней съ драгоцѣнными камнями; и онъ каждый разъ, приходя къ намъ, приносилъ для нея подарокъ и обучалъ 3-мъ армянскимъ словамъ. Диль-Фрушъ не переносила ни одного магометанина—говорилъ Манташянцъ; отъ нихъ она не принимала ни фруктовъ, ни сластей; увидя ихъ, она недовольная убѣгала, какъ молнія, и скрывалась или за ханомъ или за за мною и молчала. Сколько мы ни заговаривали съ нею, заставляли отвѣчать на наши вопросы, она, заупрямившись, не давала отвѣта. Наоборотъ, когда къ намъ приходили Манучаръ-ханъ, Зурабъ-ханъ и другіе армяне или грузины-плѣнники, она безъ зова сама прибѣгала, подходила, разговаривала съ ними; своими наивными, но остроумными разсказами смѣшила и удивляла ихъ. Иногда приходили такіе персы, которыхъ Диль-Фрушъ не видала, и отъ нихъ тѣмъ не менѣе убѣгала. Хосровъ-ханъ, смѣясь, спрашивалъ: «Диль-Фрушъ, почему ты отличаешь, что одинъ турокъ, а другой христіанинъ, когда мы сами не можемъ ихъ отличать?»—«Видно, отвѣчала она, что въ вашихъ глазахъ нѣтъ свѣта и въ вашемъ носу нѣтъ обонянія». Однажды изъ Шамхора пришелъ армянинъ въ домъ хана и сначала, встрѣтивъ меня—разсказывалъ Манташянцъ—спросилъ: «слыхалъ ты, что здѣсь есть одна армянка, можетъ быть, она моя родственница, прошу покажите мнѣ ее».

Я пошелъ дать знать хану, который вмѣстѣ съ Диль-Фрушъ вышелъ изъ комнаты.

Диль-Фрушъ, увидѣвъ шамхорца, растерялась, поблѣднѣла, бросалась съ мѣста на мѣсто, вдругъ остолбенѣла, сдвинула брови, прищурилась и стала пристально смотрѣть ему въ лицо. Шамхорецъ подошелъ къ Диль-Фрушъ и со слезами на глазахъ сказалъ: «Назлу-джанъ [1]), Назлу-джанъ»... Но она, испугавшись, на нѣсколько шаговъ отступила назадъ и стала по другую сторону хана и не сводила глазъ съ него. Шамхорецъ вновь началъ къ ней приближаться и сталъ доставать фрукты изъ кармана для передачи Диль-Фрушъ; она, отвергнувъ, подалась назадъ, отошла въ сторону хана и, подобно коту-воришкѣ, выпучивъ глаза, смотрѣла на него. Въ это время ханъ смѣялся и говорилъ: «Диль-Фрушъ, не бойся, не убѣгай» и, когда я глазомъ и головой далъ знакъ, чтобы она приняла сласти, Диль-Фрушъ, тихо подойдя, приняла сласти; опять хотѣла двинуться назадъ, но шамхорецъ, схвативъ ея руку и прослезившись, сказалъ: «Назлу-джанъ, Назлу-джанъ!» при этомъ прибавилъ: «узнаешь твоего амуд-

[1]) Назлу—христіанское имя Диль-Фрушъ, а „джанъ“ выражаетъ слово душечка. Прим. переводчика.

жана (т. е. дядю), ахъ! вѣдь я твой амуджанъ, готовъ на все для тебя; Назлу-джанъ, умоляю тебя, подойди же, подойди же ко мнѣ». При этихъ словахъ лицо Назлу вдругъ приняло цвѣтъ абрикоса, потомъ покраснѣло, какъ пунцовая роза, и она расплакалась навзрыдъ. Когда же шамхорецъ рѣшительно привлекъ ее къ себѣ, приласкалъ ее, заключилъ въ свои объятія и горячо поцѣловалъ, Назлу не цѣловала его руки, а прямо лизала и приговаривала: «амуджанъ, амуджанъ». При этомъ невыразимо трогательномъ зрѣлищѣ даже присутствующіе мусульмане отирали слезы. Разсказывая это, Иванъ Манташянцъ, не смотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло 30 лѣтъ, прослезился. «Въ теченіе трехъ недѣль»—разсказывалъ онъ—«шамхорецъ каждый день посѣщалъ нашъ домъ, желая повидаться съ Назлу, и каждый разъ приносилъ сласти, чтобы ими расположить ее къ себѣ.

«Особенно памятенъ тотъ день, тотъ часъ и та минута, когда Назлу-Диль-Фрушъ должна была проститься съ нами. Узнавъ объ этомъ, нѣкоторые изъ плѣнниковъ-армянъ приходили нарочно навѣстить хана. Къ ранѣе подареннымъ нарядамъ ханъ присоединилъ еще одну кашемировую шаль, нѣсколько драгоцѣнныхъ перстней, серегъ, булавокъ и др., множество шелковыхъ и шерстяныхъ тканей, ковровъ, при чемъ сказалъ шамхорцу, чтобы они спрятали все это для приданаго Диль-Фрушъ; далъ также тюкъ сушеныхъ сластей, одну верховую лошадь и 50 тумановъ деньгами. Мирза-Якубъ подарилъ отъ себя хорошаго коня и деньгами 10 тумановъ. Другіе также подарили шаль и куски шелковыхъ и шерстяныхъ матерій, теперь не припомню, кто изъ нихъ, что̀ далъ.

«Тихая и грустная Назлу подходила при прощаніи ко всѣмъ присутствующимъ гостямъ, цѣловала руку; вотъ подошла къ Хосровъ-хану, тутъ же стоявшему; рыдая, вся въ слезахъ, припала она къ его ногамъ, попеременно цѣловала ихъ, приговаривая «х а н ъ-д ж а н ъ, х а н ъ-д ж а н ъ». Хосровъ-ханъ насильно ее приподнялъ и, плача, началъ цѣловать въ лицо; тогда Назлу слезами покрыла его руки и, вновь неожиданно припавъ къ его ногамъ, обняла ихъ и стала осыпать поцѣлуями». Въ этомъ мѣстѣ, при разсказѣ, у Манташянца показались крупныя слезы на глазахъ, и онъ заплакалъ; черезъ минуту онъ продолжалъ: «изъ присутствующихъ никто не могъ удержаться отъ слезъ. Шамхорецъ и я съ трудомъ отняли Назлу отъ ногъ хана и, на рукахъ отнесли ее въ ту улицу, гдѣ ожидали насъ готовыя лошади. Когда ее хотѣли посадить на лошадь, она жалобно, со слезами умоляла Яхья-бега (такъ звали Ивана Манташянца): «амуджанъ, прошу еще разъ, разрѣшите пойти послѣдній разъ поцѣловать ноги хана, а потомъ пуститься въ путь». Это еще болѣе растрогало и разжалобило присутствующихъ. Плача и рыдая, она побѣжала, припала къ ногамъ хана, восклицая: «ханъ-

джанъ, не забывай меня, я прахъ ногъ твоихъ»... Три человѣка съ трудомъ могли оторвать ее, отвести и посадить на коня. Такъ Дильфрушъ,—«радость сердца»,—въ тотъ же день для всѣхъ превратилась въ «печаль сердца».

«Ханъ приказалъ мнѣ, говорилъ Яхья-бегъ, послать за Назлу-Дильфрушъ нѣсколько фарашей (служителей), чтобы они проводили ее до каравана, ушедшаго уже часъ тому назадъ. Я, хорошо зная манеру служителей, не понадѣялся на нихъ, а приказалъ осѣдлать пять коней и самъ съ четырьмя служителями догналъ караванъ и проводилъ незабвенную «радость сердца» до станціи Кіараджъ; поручилъ ее вожаку каравана, попросилъ беречь ее въ дорогѣ и вернулся».

Вернемся и мы къ нашему Мирзѣ-Якубу. Его, какъ христіанина-фанатика, не могла прельщать блестящая слава и почетъ, а потому онъ всегда думалъ оставить это обманчивое и непрочное положеніе и сдѣлаться виднымъ человѣкомъ на своей родинѣ, которая находилась подъ властью христіанскаго царя; тамъ онъ могъ бы свободно исповѣдывать свою религію.

Когда русскій посолъ прибылъ въ Тегеранъ, Мирза-Якубъ искалъ повода съ нимъ познакомиться, чтобы объявить ему свою сокровенную тайну. Его знакомые и тотъ же Хосровъ-ханъ впослѣдствіи разсказывали, что когда возникъ вопросъ о двухъ армянкахъ-плѣнницахъ, находящихся въ гаремѣ Аллаяръ-хана (который въ то время исправлялъ обязанности садръ-азама), шахъ въ качествѣ легата послалъ къ Грибоѣдову Мирзу-Якуба переговорить о плѣнницахъ. Воспользовавшись этимъ, онъ только тогда объявилъ послу о своихъ убѣжденіяхъ и намѣреніи. А сколько знатныхъ лицъ, не посвященныхъ въ смыслъ этой миссіи, по свойственной персамъ привычкѣ, клеветало на Мирзу-Якуба, утверждая, будто-бы онъ сообщилъ послу о томъ, что вышеупомянутыя плѣнницы находятся въ гаремѣ Аллаяръ-хана! Нѣсколько дней спустя Якубъ ночью отправился въ посольскій домъ съ цѣлью остаться тамъ; но посолъ сказалъ ему: «не могу принять тебя тайно ночью, такъ какъ всѣ мои дѣла должны быть извѣстны и явны; поэтому иди теперь, хорошенько подумай и если дѣйствительно желаешь вернуться на родину, приходи въ другой разъ днемъ, чтобы я могъ принять тебя подъ свою защиту».

Якубъ возвратился, но на слѣдующій день съ разсвѣтомъ, спустя часъ или два, вмѣстѣ съ своимъ братомъ и двумя плѣнниками-армянами пришелъ опять въ посольскій домъ. Въ тотъ же день главнымъ предметомъ для разговора въ Тегеранѣ былъ переходъ Мирзы-Якуба подъ русское знамя; этому факту многіе не вѣрили, говоря, что Якубъ не оставитъ славы и почета изъ-за такой перемѣны. На второй день посолъ отправилъ одного изъ служителей посольства вмѣстѣ съ слугами

Якуба, чтобы они принесли имущество послѣдняго, которое было помѣщено въ семи ящикахъ. Навьючивъ семь муловъ, слуги хотѣли вывезти ихъ изъ дворца, но люди Манучаръ-хана запретили это и задержали ихъ у себя. На слѣдующій день посолъ отправилъ оффиціально драгомана посольства Мирзу-Наримана Меликъ-Шахназарянца спросить Манучаръ-хана о причинѣ запрета и задержанія. Послѣдній отвѣтилъ: «я воспретилъ, въ силу шахскаго приказа, и муловъ съ семью ящиками послалъ садръ-азаму». Драгоманъ обратился къ садръ-азаму; но тотъ отвѣчалъ, что Якубъ, какъ бывшій казначей и экономъ шахскаго гарема, долженъ казнѣ; кромѣ того у него была масса драгоцѣнныхъ вещей и нарядовъ, принадлежащихъ гарему; поэтому согласно приказу шаха они и арестовали его имущество.

Посолъ сообщилъ объ этомъ извѣстіи Якубу, который отвѣтилъ: «все это ложь и клевета, такъ какъ ровно годъ, какъ я отстраненъ отъ этой должности. Поэтому если какіе счеты и имѣли со мною, то почему же не кончали до сего дня. На службѣ я въ разное время получалъ суммы изъ казны, но, по отстраненіи отъ должности, покончилъ счеты, въ чемъ имѣю квитанціи, которыя находятся въ ящикахъ; могу показать ихъ, кому пожелаете. Во-вторыхъ, передавая драгоцѣнности и дорогіе наряды въ гаремъ, гардеробмейстеръ или казначей получаетъ квитанціи въ пріемѣ отъ получателя; поэтому, если они имѣютъ отъ меня одно такое обязательство, пусть предъявятъ, и я отвѣчу. Неужели же въ теченіе цѣлаго года они ни разу не хватились нарядовъ и драгоцѣнныхъ вещей, ежедневно нужныхъ для гарема».

На слѣдующій день посолъ поручилъ драгоману посольства Мирзѣ-Нариману отправиться вмѣстѣ съ Мирзою-Якубомъ въ домъ Манучаръ-хана, гдѣ было нѣсколько лицъ, оффиціально назначенныхъ отъ шахскаго двора для разбора этого дѣла. Здѣсь выяснилось, что захваченные отъ Мирзы-Якуба ящики, дѣйствительно, Манучаръ отправилъ во дворецъ, гдѣ ихъ поставили въ одной комнатѣ, и дверь запечатали его печатью; но затѣмъ въ тотъ же день ночью во дворцѣ распорядились сорвать печать съ дверей комнаты безъ вѣдома Манучара и вынули изъ ящиковъ вещи, какія хотѣли. Нариманъ, усомнившись въ показаніи, возвратился вмѣстѣ съ Якубомъ. Это былъ уже важный фактъ, что во дворцѣ, узнавъ о существованіи квитанцій въ ящикахъ Якуба, безъ вѣдома Манучара сорвали его печать съ дверей, можетъ быть, съ цѣлью вынуть оттуда квитанціи, а если окажутся,—и другіе оправдательные документы. На самомъ дѣлѣ, такъ и случилось: изъ имущества Якуба почти половины не оказалось въ ящикахъ. Посолъ, видя, что это дѣло осложнилось, послалъ къ садръ-азаму перваго секретаря посольства Мальцева, драгомана Мирзу-Наримана и Мирзу-Якуба. Оффиціальные переговоры въ этотъ день вызвали смуту между представи-

телями обѣихъ сторонъ: такъ вскрытіе ящиковъ Якуба и изъятіе оттуда документовъ Мальцевъ называлъ сперва нападеніемъ и насиліемъ, а затѣмъ даже воровствомъ, которое приписывалось придворнымъ, конечно, поощрявшимъ находившихся тамъ персовъ. Тогда Манучаръ-ханъ отказался отъ участія въ этой коммиссіи, чтобы впослѣдствіи не быть причастнымъ къ этому дѣлу. Въ тотъ же день Манучаръ-ханъ отправился къ Хосровъ-хану. Бывшій при этомъ Манташянцъ разсказывалъ: «они уединились, я же сталъ за дверью съ цѣлью подслушать ихъ, такъ какъ переѣздъ Якуба въ посольство меня сильно интересовалъ; я желалъ во что бы то ни стало что-нибудь узнать объ этомъ происшествіи. Манучаръ-ханъ сказалъ Хосровъ-хану, что причиною сегодняшняго отказа отъ участія въ коммиссіи онъ выставилъ, будто его обидѣли слова, произнесенныя Мальцевымъ; но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что русское посольство теперь имѣетъ явное доказательство для выясненія истины, а тотъ, кто окажется соумышленникомъ правды, во что̀ бы то ни стало, будетъ сочтенъ за врага Ирана; онъ не желаетъ пріобрѣсти этого имени. Тѣмъ не менѣе, если бы онъ былъ на мѣстѣ Мальцева, то сказалъ бы, что «я не знаю имени вашему поступку, научите меня такому слову, которымъ я могъ бы назвать этотъ поступокъ, чтобы просить васъ извиниться въ немъ». Итакъ, случилось, что въ этомъ происшествіи не только шахъ, но и занимающія высшіе посты лица были виновны; они не только не запрещали распространять въ городѣ разные нелѣпые слухи, и не обнародывали истины, чѣмъ успокоили бы умы, но, наоборотъ, распространяли сами невѣроятныя легенды; напримѣръ, будто Якубъ выругалъ мусульманскую религію, чему каждый, услышавшій эти слова, еще болѣе поражался и возмущался. Конечно, распространители этой клеветы и нелѣпыхъ слуховъ имѣли свои разсчеты: создать возмущеніе, не возвращать плѣнниковъ и запугать посла, чтобы онъ болѣе не домогался ихъ выдачи.

Цѣль большинства заключалась въ этомъ, а не въ безпорядкахъ, дошедшихъ до убійства людей и даже изувѣченія и смерти посла, что̀ по шіитскому ученію магометанской религіи считается неизгладимымъ смертнымъ грѣхомъ. Итакъ, переговоры по вышеприведенному происшествію между иранскимъ дворомъ и посольствомъ продолжались недѣлю, но они ни къ чему не привели, такъ какъ требованія персидскаго правительства отъ Якуба были совершенно нелѣпы, въ чемъ шахскій дворъ не хотѣлъ признаться; посольство же строго требовало, чтобы не только наличное имущество Якуба было возвращено, но и пропавшее, то-есть квитанціи, отчеты, драгоцѣнные камни, ткани и особенно рѣдкія рукописи, гдѣ бы онѣ ни были, были собраны.

Дворъ находился въ самомъ затруднительномъ положеніи, такъ какъ

назначенными для открытія ящиковъ людьми было присвоено много вещей; или, говоря проще, было украдено и унесено, а теперь или становилось невозможнымъ собрать и раскрыть, кто что взялъ, такъ какъ виновные скрылись отъ гнѣва шаха, или дворъ самъ не хотѣлъ собирать, не желая получить названія воровъ.

Среди этихъ обстоятельствъ наступило 29-е января 1829 года. День былъ воскресный. Праздношатающаяся толпа, возбужденная и взволнованная, въ предшествіи, а быть можетъ, и подстрекаемая, нѣсколькими разсвирѣпѣвшими муллами и сеидами, явилась въ мечеть къ Имамъ-Зумэ - Мулла - Мсеху и предложила слѣдующій вопросъ: «какъ слѣдуетъ, по шаріату, поступить съ тѣмъ, кто былъ уже омусульманенъ и вновь вернулся къ своей прежней религіи?» Мулла-Мсехъ отвѣтилъ: «его слѣдуетъ убить». Эти-то три слова и послужили поводомъ къ извѣстной трагедіи. Нѣкоторые говорили, будто Имамъ-Зумэ спросилъ, кто этотъ вѣроотступникъ? Изъ толпы отвѣчали, это—евнухъ Мирза-Якубъ. Имамъ-Зумэ спросилъ: «вы слыхали изъ его устъ объ отступленіи отъ мусульманства». Толпа отвѣтила—«нѣтъ». «Итакъ»—сказалъ вновь Имамъ-Зумэ — «вы должны были собственными ушами услышать отъ него или должны были слышать трое лицъ, заслуживающихъ довѣрія, чтобы быть свидѣтелями, а потомъ уже этотъ вопросъ предлагать мнѣ». Были и такіе, которые говорили, что изъ среды толпы вышло нѣсколько лицъ и удостовѣрили, будто слышали собственными ушами, какъ Якубъ произнесъ это отреченіе. Другіе говорили, будто именно подстрекатели-муллы пошли и изъ шахскаго дворца привели къ Муллѣ-Мсеху людей, засвидѣтельствовавшихъ, что они присутствовали на одномъ частномъ собраніи, когда Якубъ обругалъ мусульманство, сказавъ: «я принялъ христіанство». Увѣряли, будто мулламъ и сеидамъ свыше было внушено проводить толпу до посольскаго дома и тамъ научить, что и какъ кричать, но внутрь не входить и никому вреда не причинять, пока изъ дворца не придутъ разсѣять толпу, чтобы посолъ только испугался и не предъявлялъ строгихъ требованій о плѣнникахъ. Но высочайшій дворъ не смогъ своевременно прислать помощи, а потому вопреки его желанію произошло печальное происшествіе и избіеніе.

Какъ бы то ни было, но доказано, что толпа, услыхавъ отъ Муллы-Мсеха вышеописанное рѣшеніе, согласно инструкціи сопровождавшихъ ее муллъ, въ тотъ же день разсѣялась, чтобы на слѣдующій день собраться въ оградѣ мечети Имама-Зумэ. Главные бунтари отправились на базаръ, ходили изъ магазина въ магазинъ, обходили каравансарай и наказывали на слѣдующій день не открывать ни магазиновъ, ни каравансарая, а собраться въ оградѣ мечети Имама-Зумэ; въ противномъ

случаѣ, если кто откроетъ магазинъ или каравансарай, то его имущество и все тамъ находящееся будетъ уничтожено.

Теперь опишемъ дворецъ или такъ-называемый посольскій домъ. Въ какомъ печальномъ видѣ былъ онъ въ то время, когда ввелъ меня туда армянинъ Якубъ-Султанъ въ 1852 году [1]), когда я былъ въ Тегеранѣ. Онъ показалъ мнѣ сѣни, комнаты, подробно разсказывалъ, какой эпизодъ, гдѣ произошелъ, такъ какъ онъ въ тотъ день былъ въ посольскомъ домѣ, какъ я выше упомянулъ. Домъ былъ расположенъ около рва крѣпостной ограды; его главный входъ приходился съ запада надъ рвомъ. Передъ главнымъ входомъ была сдѣлана полукругомъ, то-есть, лунообразно, площадка, которая какъ бы сливалась съ улицей, чтобы у входа и во рву можно было многимъ свободно собраться и поставить лошадей. Черезъ главныя высокія и широкія ворота входишь плохенькимъ, полумрачнымъ темнымъ проходомъ — длиною въ 50 шаговъ— внутрь въ передній дворъ. Правая сторона этого прохода—кирпичной стѣны—во время безпорядковъ мѣстами была пробита, а въ кирпичномъ сводчатомъ потолкѣ сдѣлана масса отверстій, черезъ которыя проникали лучи солнца, оттѣняя еще больше печальную картину. Выйдя изъ передняго двора, вступаешь въ четыреугольный просторный внутренній дворъ, въ центрѣ котораго находится большой полуразрушенный изъ тесаннаго камня высохшій бассейнъ, узкія дорожки съ четырехъ сторонъ котораго указывали, что когда-то этотъ дворъ былъ разбитъ на четыре части, на четыре цвѣтника, которые теперь поросли дикой заглохшей травой. По четыремъ сторонамъ этого двора были выстроены одноэтажныя большія и малыя комнаты, двери безъ створа, окна безъ рамъ, известка на потолкахъ тутъ и тамъ обсыпалась, мѣстами балки совершенно сгнили, обрушились или искривились. Въ комнатахъ видны куски земли, обросшіе дикими, печальными, будто одѣтыми въ трауръ травками, которыя выросли и засохли; вновь выросли и вновь засохли... Все это наводило тоску на душу и сердце зрителя. Въ комнатѣ на южной сторонѣ этого двора и пребывалъ нашъ Мирза-Якубъ Маркарянъ.

Изъ этого двора направляясь на востокъ, выходишь черезъ маленькую дверь и вступаешь въ другой дворъ—гаремъ, который, какъ и первый, построенъ четыреугольникомъ, съ комнатами въ одинъ этажъ по всѣмъ четыремъ сторонамъ, но поменьше, также обрушившимися и разоренными. Здѣсь, на стѣнахъ нѣкоторыхъ комнатъ до сихъ поръ еще оставались куски зеркалъ и были нарисованы масляными красками

[1]) Домъ этотъ, повидимому, былъ еще цѣлъ и въ 1853 году. (См. А. Берже. Смерть А. С. Грибоѣдова. „Русская Старина“ 1872 г. августъ, стр. 170, прим. А. Б.). „Въ бытность мою, въ 1853 г., въ Тегеранѣ, въ домѣ, гдѣ жилъ Грибоѣдовъ, помѣщалась верблюжья артиллерія“. Прим. переводчика.

цвѣты, различныя птицы и животныя. Все показывало, что этотъ дворъ, когда-то служилъ для знатныхъ людей, какъ роскошный, красивый гаремъ. Посереди этого двора росъ одинокій тополь; безъ воды онъ пожелтѣлъ и лишился зелени, многія вѣтви засохли, и онъ, точно въ глубокомъ горѣ, являлся безмолвнымъ свидѣтелемъ, напоминавшимъ человѣку о давно минувшей, ужасной кровавой бойнѣ. Отсюда попадаешь въ третій дворъ черезъ тѣсную и низкую дверь; но этотъ дворъ значительно меньше двухъ предыдущихъ. На его южной сторонѣ находилось только одно зданіе, состоящее изъ шести комнатъ; три внизу и три во второмъ этажѣ, гдѣ Грибоѣдовъ отдыхалъ, спалъ и занимался корреспонденціей или чтеніемъ.

Съ середины двора была сдѣлана одна узкая съ высокими ступенями лѣстница для входа въ верхнія комнаты. Сбродная толпа въ дьявольскомъ бѣшенствѣ разрушила балки верхнихъ комнатъ, мѣстами просверлила потолки, проникла во внутрь, убила посла, отрѣзала ему голову и руки и бросила; затѣмъ выбѣжала во дворъ и разграбила имущество, находившееся въ комнатахъ. Мы хотѣли подняться по этой лѣстницѣ наверхъ, войти въ комнаты и осмотрѣть ихъ, но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ ступеньки лѣстницы были полны щебня и было очень скользко; особенно балки потолковъ были навалены въ безпорядкѣ; мы не могли пролѣзть подъ ними и потому вернулись назадъ. По серединѣ этого двора мѣстами я останавливался и, какъ бы остолбенѣвъ, устремлялъ взоры на разрушенное печальное зданіе, потомъ молча вышелъ вонъ. При выходѣ Якубъ-Султанъ разсказывалъ о разныхъ происшествіяхъ: о послѣ, объ его храбрыхъ казакахъ, но чувства и мысли были спутаны, и я ничего не могъ понять.

Въ понедѣльникъ, 30-го января, едва забрезжилось, какъ дали знать Манучаръ-хану, что нѣсколько муллъ и сеидовъ ходятъ по базару и запрещаютъ открывать лавки, говоря, что «сегодня нужно идти въ посольскій домъ, насильно взять Мирзу-Якуба-вѣроотступника и изрубить его въ куски». Манучаръ приказалъ разбудить Соломона Меликянца и послалъ его въ посольскій домъ—сказать послу, что пока базаръ еще не открылся весь и толпа не успѣла соединиться, пусть онъ пошлетъ Мирзу-Якуба съ нѣсколькими людьми въ мечеть шахъ-Абдулъ-Азима, откуда никто не осмѣлится взять его или напасть на него. А то если толпа соберется и пойдетъ на посольскій домъ, правительство не будетъ въ состояніи помѣшать и отразить ея страшное нападеніе, даже если бы подвергся опасности посольскій домъ. Соломонъ, дойдя до посольскаго дома, узналъ, что Грибоѣдовъ еще спитъ. Никто не осмѣливался его разбудить, но Соломонъ неотступно настаивалъ, чтобы прислуга разбудила его. Спустя довольно продолжительное время, посла, наконецъ, разбудили.

— Если кто-нибудь, а особенно русско-подданный, приходитъ подъ русское царское знамя и находится подъ его покровительствомъ, сказалъ посолъ Соломону, я не могу его выгнать изъ посольскаго дома; но, если Якубъ самъ добровольно уйдетъ, я мѣшать не буду.

Соломонъ отправился къ Мирзѣ-Якубу и увѣщевалъ, чтобы онъ исполнилъ предложеніе Манучаръ-хана, но тотъ отвѣчаетъ: «я пришелъ и отдался сильному русскому знамени, поэтому, если посолъ выгонитъ меня изъ посольскаго дома, пойду въ мечеть шахъ-Абдулъ-Азима; въ противномъ случаѣ я своею волею отсюда не выйду; если бы даже меня здѣсь изрубили въ куски, я съ радостью готовъ умереть».

Соломонъ возвратился къ Манучару и сообщилъ о переговорахъ, которые велъ въ посольствѣ. Манучаръ вновь послалъ Соломона сказать послу, что Манучаръ-ханъ ручается черезъ нѣсколько дней благополучно взять Мирзу-Якуба отъ шахъ-Абдулъ-Азима—хранителя неприкосновенности мусульманскихъ завѣтовъ и въ случаѣ желанія доставить къ нему или въ Тавризъ, къ консулу, но только пусть слушается и отправитъ Якуба къ хранителю завѣтовъ, пока толпа не направилась на посольскій домъ. Посолъ и этого предложенія не принялъ. Тогда Соломонъ вновь обратился къ Якубу, чтобы тотъ вышелъ добровольно изъ посольскаго дома и, хоть бы съ нимъ, то-есть съ Соломономъ, отправился къ хранителю завѣтовъ; но Якубъ спокойно, не смущаясь, отважно повторялъ то, что и прежде отвѣчалъ. Соломонъ уже хотѣлъ идти сообщить о результатахъ переговоровъ Манучаръ-хану, какъ встрѣтилъ во внутреннемъ дворѣ Авраама Дадашянца—астраханца, ночью прибывшаго сюда. Онъ долгое время прослужилъ въ Персіи при русскомъ посольствѣ и хорошо зналъ характеръ и обычаи персовъ; онъ оставался въ Тавризѣ, чтобы привезти грузъ для посольства, и въ прошлую ночь около двухъ часовъ прибылъ въ Тегеранъ. Поэтому Соломонъ, увидѣвъ его, очень обрадовался и, вкратцѣ разсказавъ сущность дѣла, попросилъ, уговорить посла—принять предложеніе Манучаръ-хана. Дадашянцъ пошелъ просить посла, но посолъ удивился, сказавъ: «въ такомъ дѣлѣ твое вмѣшательство совершенно лишне, запрещаю тебѣ вмѣшиваться не въ свое дѣло, какъ это ты дѣлалъ при моихъ предшественникахъ».

Соломонъ, услыхавъ отъ Дадашянца приведенныя слова, возвратился и сообщилъ Манучару.

Не прошло и полъ-часа послѣ ухода Меликянца, какъ сбродная толпа съ ревомъ и крикомъ подошла къ посольскому дому, но не осмѣлилась войти внутрь. Посолъ же, замѣтивъ происшедшее, приказалъ казакамъ и коннымъ солдатамъ изъ грузинъ взять оружіе, при чемъ одной части остаться на переднемъ дворѣ, а другой подняться на крышу

и тамъ стоять [1]). Затѣмъ велѣлъ запереть главныя ворота; такъ какъ толпа постепенно увеличивалась, скоплялась и время отъ времени издавала неистовые крики «аллахъ, аллахъ», но никому еще не причиняла вреда. Въ самомъ дѣлѣ, толпа, какъ уже сказано, была подговорена муллами и сеидами съ цѣлью запугать посла; поэтому бродяги и оборванцы начали черезъ посланнаго требовать, чтобы вывели изъ посольства Мирзу-Якуба, иначе они разломаютъ ворота посольскаго дома, войдутъ внутрь и, вырвавъ Якуба изъ ихъ рукъ, выведутъ вонъ; но муллы и сеиды грозили имъ и удерживали ихъ отъ такого поступка. При дворѣ, узнавъ о затѣяхъ толпы, распорядились, чтобы нѣсколько шахзадэ [2]) отправились туда убѣдить и разогнать ее; но пока шахзадэ умывались, одѣвались, сѣдлали коней и собирали прислугу, прошло много времени, и они пришли, уже когда имъ дѣлать было нечего [3]). Тутъ немного остановимся. Участвовавшіе [4]) въ этомъ грустномъ происшествіи и очевидцы разсказывали, что вооруженные русскіе солдаты, стоя на крышѣ корридора, завтракали; принесли вино и, выпивая, поднимали стаканы, будто пьютъ за здоровье другъ друга. Одинъ изъ нихъ вызывающимъ образомъ, держа стаканъ въ рукѣ, сдѣлалъ знакъ толпѣ, какъ бы приглашая придти выпить.

Раздраженная этой выходкой толпа хотѣла подняться на крышу со стороны конюшни (которая была ниже) и на мѣстѣ убить ихъ; но муллы и сеиды, сдерживая толпу, не позволили ей устремиться туда. Вѣроятенъ слухъ, будто муллы эти собрали толпу, согласно приказу отъ двора, и знали, что шахзадэ должны были придти, поэтому и не допускали, быть можетъ, ожидая ихъ. Когда русскіе солдаты окончили свой завтракъ, вдругъ раздался звукъ отъ выстрѣла изъ ружья или пистолета, и въ толпѣ, на разстояніи 20 или 25 шаговъ къ югу

---

[1]) Вмѣстѣ съ ними было нѣсколько лицъ изъ армянъ, пришедшихъ за плѣнниками. Прим. переводчика.

[2]) Принцевъ.

[3]) Исторія Каджаровъ передаетъ, что „шахзадэ пошли, много просили толпу разойтись, но толпа ихъ не послушалась и пр. и пр.“ Изъ лицъ, бывшихъ на мѣстѣ, никто этого не удостовѣрилъ; поэтому и написанное въ исторіи Каджаровъ—вымыселъ. Прим. автора.

[4]) Въ Тегеранѣ многіе персы, бывшіе на мѣстѣ происшествія, и очевидцы не только разсказывали съ хвастовствомъ объ этомъ происшествіи, и не боялись говорить, что сами участвовали въ этой рѣзнѣ; даже поименно называли тѣхъ, кто что сдѣлалъ въ этотъ день и что вытерпѣлъ и кто былъ изъ муллъ и сеидовъ, указывая для примѣра на ага-Миръ-Асада изъ Казвани, Сеидъ-Муртаза изъ Зеандяна, муллу-Махмудъ-Боландриша, муллу-Саманда-Морисхана и другихъ.

Прим. автора.

отъ главныхъ воротъ, одинъ 15 или 16-лѣтній юноша оказался раненнымъ.

Тогда чернь оставила главныя ворота посольскаго дома и въ гнѣвѣ, съ яростью и звѣрскимъ шумомъ и крикомъ окружила юношу, а черезъ нѣсколько минутъ прошелъ слухъ, что раненый уже испустилъ духъ.

Въ этотъ моментъ, къ несчастію, Соломонъ Меликянцъ верхомъ, окруженный служителями и лакеями Манучаръ-хана изъ персовъ, появился съ южной стороны, гдѣ былъ раненъ и испустилъ духъ юноша. Онъ ѣхалъ отъ Манучаръ-хана сказать послу, что шахзадэ идутъ разсѣять толпу, поэтому и посолъ хорошо поступилъ бы, передавъ Якуба шахзадэ, чтобы благодаря этому толпа успокоилась и была бы вынуждена повиноваться имъ; но если бы и случилось затѣмъ что-нибудь съ Якубомъ, пусть это произойдетъ внѣ посольскаго дома. Освирѣпѣвшая толпа, думая, что Соломонъ—чиновникъ посольства, такъ какъ онъ былъ одѣтъ въ посольскую форму, напала на него со всѣхъ сторонъ, стащила съ коня, избила его и потащила къ тому мѣсту, гдѣ былъ раненъ и скончался юноша. Ударами кулаковъ и палокъ Соломонъ былъ убитъ.

Послѣ этого муллы и сеиды, потерявъ свое вліяніе, не въ состояніи были уже сдерживать толпу. Впослѣдствіи говорили, что никто не зналъ, какимъ путемъ проникла толпа въ посольскій домъ, такъ какъ, хотя она, взломавъ главныя ворота, и открыла ихъ, однако внутри находящаяся стража изъ персовъ со своимъ начальникомъ (во главѣ ея былъ Якубъ-Султанъ изъ армянъ), успѣла ихъ выгнать и вновь запереть ворота [1]). Толпа, мучительнымъ образомъ убивъ Соломона, съ страшнымъ ревомъ и мятежнымъ крикомъ: «джихате-джихатъ», то-есть, религіозный походъ, обратившись къ посольству, кричала: «невѣрующія собаки должны околѣть и подобно имъ должны быть избиты!»

Довольно продолжительное время мятежники пытались сокрушить главный створъ, но не могли сдѣлать ничего, такъ какъ сзади разношерстая толпа стала каменнымъ градомъ закидывать посольскій домъ. Тѣмъ временемъ съ рынка и откуда-то еще принесли большіе молотки, въ родѣ мотыгъ и заступы и со страшнымъ трескомъ проломали ворота. Къ этому шуму присоединился неистовый крикъ черни, отчего городъ пришелъ въ ужасъ. Толпа, подобно неудержимому по-

---

[1]) Якубъ-Султанъ говорилъ, что „посольство заподозрило персидскую стражу, но почему, не понимаю. Русскіе насъ могли быстро выгнать изъ зданія посольства, если бы не боялись раскрыть ворота, и когда толпа собралась около раненаго Соломона, русскіе нашли удобный случай быстро открыть ворота и выгнали насъ. Допустимъ, что солдаты были персы, ихъ могли подозрѣвать, но я же былъ христіанинъ и сильно расположенъ къ нимъ“.

Прим. автора.

току, наполнила проходъ въ посольство, но казаки, армяне и грузины съ отчаянной храбростью довольно продолжительное время оказывали сопротивленіе, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ были ранены, а другіе убиты. Такимъ образомъ посольская стража не позволяла толпѣ вступить въ слѣдующій дворъ; но когда замѣтила, что толпа съ крыши перваго двора спустилась по стѣнамъ, то стража посольства спѣшила занять дверь прохода втораго двора, чтобы толпа не проникла туда. Большая часть необузданной толпы, оставшаяся на улицѣ, сообразивъ, что русскіе стоятъ въ тѣсномъ проходѣ и не позволяютъ передовой части толпы войти въ посольскій домъ, поднялась черезъ низкія стѣны конюшни на крышу и оттуда перешла на крышу посольскаго дома, между тѣмъ какъ бывшая тамъ вооруженная русская охрана спускалась внизъ въ проходъ на помощь казакамъ, рѣшивъ, что съ высокой крыши посольство безопасно. Амбарцума-бега, который по одеждѣ и наружности сильно походилъ на перса, толпа не убила; онъ говорилъ, что Мирза-Якубъ, до того момента спокойно и весело настроенный, сидѣлъ въ своей комнатѣ; но когда увидѣлъ, что голова толпы уже проникаетъ въ его комнату (Амбарцумъ прибавилъ, что, кажется, солдаты изъ нашей персидской охраны послѣ изгнанія изъ посольскаго дома, находясь внѣ, сообщили толпѣ мѣстопребываніе Якуба, поэтому толпа прямо и направилась къ его жилищу), онъ, Якубъ, всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и сказалъ: «меня хотите? я безоружный передъ вами, убейте меня скорѣе, чтобы по моей винѣ другіе не были убиты». До послѣдняго издыханія онъ повторялъ «бзанидъ, бзанидъ», то-есть бейте, бейте. Такъ и вышло: его тѣло было изрублено въ куски; затѣмъ толпа бросилась на другой дворъ, дверь котораго охранялась вооруженными русскими. Тутъ совершались съ обѣихъ сторонъ ужасныя, душу потрясающія убійства; но русскіе солдаты, съ неимовѣрнымъ упорствомъ и храбростію сражаясь и постепенно уменьшаясь въ численности, не въ состояніи были противодѣйствовать; они вынуждены были уступить свою позицію и войти во второй дворъ.

Грибоѣдовъ, видя изъ окна своей комнаты эту ужасную картину, приказывалъ остальнымъ солдатамъ собраться на ступенькахъ лѣстницы, ведущей въ верхній этажъ, и, держа передъ собой шашки, ружья и пистолеты, стоять и не допускать толпу войти на верхъ и забраться въ его комнаты, пока отъ шахскаго двора не поспѣетъ помощь. Самъ онъ одѣлся въ парадное платье и надѣлъ ордена, чтобы толпа, узнавъ его, отнеслась съ почтеніемъ и не посягнула бы на его особу. Но напрасенъ былъ его разсчетъ! Взбѣшенная толпа ни на что не смотрѣла и уже ничего не боялась.

Подстрекатели и иниціаторы-муллы и сеиды послѣ убійства Мирзы-

Якуба исчезли. Также и опытные старцы-фанатики послѣ убійства Мирзы-Якуба, согласно мусульманскому шаріату, считая свой священный долгъ исполненнымъ, подобно статуямъ, стояли на улицахъ или внутри въ углахъ дворовъ, въ качествѣ зрителей и ждали конца; а бродяги и городскіе негодяи, не зная, на что устремиться, дѣлали, что хотѣли.

Посолъ въ одномъ и томъ же положеніи долгое время выдерживалъ осаду въ верхнемъ этажѣ, подъ защитой нѣсколькихъ отважныхъ и храбрыхъ казаковъ. Какъ только толпа, сбитая въ тѣсномъ и узкомъ дворѣ, замѣтила, что не въ состояніи окончательно уничтожить своихъ противниковъ, она бросилась на крышу, разрушила кровлю комнаты, занимаемой посломъ, снимала балки и бросала ихъ въ голову осажденныхъ; въ открывшіяся отверстія крыши бросали внутрь комнаты камни, палки, молоты; выстрѣлами изъ ружей и пистолетовъ убили посла, сорвали съ него ордена, надѣтое на немъ платье и его трехуголку и выбросили его изъ окна, тѣмъ самымъ желая показать толпѣ, что одержана полная побѣда [1]). Затѣмъ выйдя изъ комнатъ и двора, мятежники напали на храбрыхъ казаковъ и дрались съ ними, пока, наконецъ, подоспѣли шахзадэ и разсѣяли толпу [2]). Изъ служащихъ въ посольствѣ спасся только одинъ Мальцевъ [3]) со своимъ слугою и вышепоименованный Амбарцумъ-бегъ, хотя послѣдній и былъ сильно раненъ, когда бродяги его распознали. Манучаръ-ханъ въ тотъ же день вечеромъ послалъ людей перевезти къ себѣ въ домъ тѣло Соломона Меликянца. Съ Ускумъ-ханумъ, при видѣ трупа внука, сдѣлался параличъ, и на второй день она скончалась. Манучаръ оба эти трупа отправилъ, для преданія землѣ въ оградѣ армянской церкви, чтобы черезъ нѣсколько дней перевезти въ Св. Эчміадзинъ и тамъ похоронить. Трупы убитыхъ во время неистовства черни цѣлыхъ три дня оставались въ посольскомъ домѣ [4]); на четвертый день Калантаръ изъ Тегерана, по

[1]) Здѣсь авторъ противорѣчитъ сказанному на стр. 59. Ред.

[2]) Неизвѣстное лицо въ письмѣ безъ подписи, адресованномъ изъ Тегерана аштаракскому Нерсесу-архіепископу (впослѣдствіи католикосу), описывая это печальное происшествіе, сообщало, что число убитыхъ достигало 54 человѣкъ; а русскіе оффиціальные источники показываютъ, что число однихъ пришедшихъ на поиски плѣнниковъ достигало 48 лицъ. Прим. автора.

Письмо это въ переводѣ на русскій языкъ напечатано въ журналѣ, выходившемъ подъ редакціей Ал. Д. Ермолова, „Кавказская Старина“ 1872 г. № 1, ноябрь, стр. 28. Прим. переводчика.

[3]) Ср. разсказъ Мальцева о своемъ спасеніи. „Рус. Вѣстникъ“ 1890 г. № 6, стр. 164 и слѣд. Прим. переводчика.

[4]) Объ издѣвательствѣ надъ трупомъ А. С. Грибоѣдова см. Пушкина А. С., Собр. соч. т. IV, стр. 431. Изд. Литературнаго фонда. „Обезображенный трупъ его, бывшій три дня игралищемъ Тегеранской черни“... Nouvelles Annales des voyages. 1830. T. 48. P. 366. Разсказъ

приказанію шаха, ночью, тайкомъ, взялъ людей, передъ зданіемъ посольства во рву крѣпости выкопалъ яму и, собравъ всѣ трупы, приказалъ свалить вмѣстѣ въ эту яму и покрыть землей. Шесть или семь дней спустя послѣ этого происшествія, правительство, узнавъ, что Манучаръ намѣренъ трупы своей матери и племянника отправить въ Св. Эчміадзинъ, не знаю по чьей иниціативѣ, послалъ людей раскопать яму, найти трупъ посла, отвезти въ армянскую церковь и также предать землѣ въ оградѣ ея, на случай, если русское правительство потребуетъ его выдачи. Посланные не могли узнать трупа Грибоѣдова, поэтому пригласили Аветиса Кузиняна и другихъ купцовъ—русскихъ подданныхъ—чтобы хоть тѣ могли распознать, но никто не могъ узнать его. Кто-то сказалъ, что дѣло не въ настоящемъ трупѣ посла, а въ его

персіанина: „J'appris par mes domestiques qu'on avait traîné le cadavre mutilé de Mirza Iakoub par toute la ville, et qu'ensuite on l'avait jeté dans un fossé profond.

Il en fut de même d'un corps qu'on supposait être celui de M. Griboyedov. On attacha des cordes aux jambes et un cortège dérisoire l'escorta dans les principales rues et les bazars de Téhéran en criant par intervalles: „Place, place à l'ambassadeur russe qui va rendre visite au schâh. Restez debout pour témoigner votre respect, et saluez-le à la mode des Francs, en vous découvrant la tête". Après l'avoir longtemps promené ainsi, on l'exposa à la vue du public dans la place qui mène à la porte principale de la citadelle. A la chute du jour, tout étant rentré dans le calme, on le transporta, d'après les ordres du prince-gouverneur dans, la maison de Mohammed Khan. La nuit se passa tranquillement et le lendemain le ferach-bachi Kérim khan fut désigné pour faire opérer la translation de tous les cadavres; 44 personnes de l'ambassade russe avaient péri. Après quelques recherches, on retrouva le corps de M. Griboyedov au milieu d'un tas de morts devant une des fenêtres de son appartement. Je vis avec une sorte de satisfaction qu'il n'avait essuyé aucun outrage".

Переводъ. Я узналъ отъ моихъ слугъ, что изувѣченный трупъ Мирзы-Якуба таскали по всему городу, а затѣмъ бросили въ глубокій ровъ. Точно также было поступлено и съ предполагаемымъ тѣломъ г. Грибоѣдова. Къ его ногамъ привязали веревки, и шутливый поѣздъ сопровождалъ его по главнымъ улицамъ и по базарамъ Тегерана, крича время отъ времени: „Дайте мѣсто, дайте мѣсто русскому посланнику, который ѣдетъ съ визитомъ къ Шаху. Стойте прямо, чтобы выказать ему ваше почтеніе, и поклонитесь ему по-европейски, обнаживъ голову". Проволочивъ его такимъ образомъ долгое время, его выставили на показъ толпѣ на площади, которая ведетъ къ главнымъ воротамъ крѣпости. Когда съ наступленіемъ сумерекъ вездѣ водворился порядокъ, то его перенесли, по приказанію губернатора, въ домъ Мохаммедъ-хана. Ночь прошла спокойно, а на слѣдующій день ферахъ-беги Керимъ-ханъ былъ назначенъ для перенесенія всѣхъ тѣлъ; погибло 44 человѣка русскаго посольства. Послѣ нѣкоторыхъ поисковъ было найдено тѣло г. Грибоѣдова среди груды труповъ передъ однимъ изъ оконъ его квартиры. Я увидѣлъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, что ему не было нанесено никакого оскорбленія (?).

Прим. переводчика.

имени, поэтому на второй день взяли одинъ трупъ, который сравнительно менѣе былъ израненъ, и отвезли его въ армянскую церковь, гдѣ въ ея оградѣ и похоронили.

Черезъ двѣ недѣли, когда Манучаръ-ханъ трупы своей матери и Соломона помѣстилъ на одномъ тахтъ-реванѣ и отправилъ въ Эчміадзинъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ верховыхъ, тогда на другомъ тахтъ-реванѣ былъ отправленъ и предполагаемый трупъ Грибоѣдова: наполнили два мѣшка соломою, навьючили ими одну лошадь и трупъ, уложенный въ гробъ, помѣстили посерединѣ двухъ мѣшковъ, такъ какъ однимъ только гробомъ нельзя было навьючить лошадь.

Послѣ этого печальнаго происшествія около мѣсяца спустя, одинъ персидскій купецъ явился къ Манучаръ-хану и заявилъ, что Мирза-Якубъ за нѣсколько дней до этого происшествія вручилъ ему одну связку кашемировыхъ шалей, вышитыхъ, съ его иниціалами, съ тѣмъ, что сообщитъ впослѣдствіи, кому онѣ должны быть переданы; теперь, послѣ его убійства, онъ не знаетъ, что съ ними дѣлать, кому вручить? Манучаръ приказалъ отнести ихъ и передать верховному визирю, который, опечатавъ своею печатью, приказалъ Манучаръ-хану—хранить, какъ наслѣдственное имущество.

Говорили, что Якубъ имѣлъ массу драгоцѣнныхъ камней и роздалъ разнымъ лицамъ, но никто объ этомъ не заявилъ, такъ они и пропали. Спустя нѣкоторое время, т. е. въ 1832—1833 годахъ, оставшееся имущество отъ Якуба русскій тавризскій консулъ вручилъ мужу дочери брата Якуба (братъ Якуба былъ убитъ также въ посольствѣ) Мкртичу Карташяну, въ то время секретарю Эчміадзинскаго Синода.

Въ заключеніе приводимъ разсказъ Амбарцума, напечатанный въ газетѣ «Мшакъ» подъ заглавіемъ: «Убійство А. С. Грибоѣдова» [1]).

Разсказъ Амбарцума: «Нашъ вазиръ-мухтаръ (полномочный посолъ) былъ очень добродушный и милостивый человѣкъ,—сказалъ старецъ-разсказчикъ,—хотя господинъ въ высшей степени раздражительнаго характера. Въ числѣ лицъ, желающихъ вернуться на родину, были и такія, которыя сдѣлались евнухами при дворѣ Фетъ-Али-Шаха, и такія женщины, которыя поступили въ шахскій гаремъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ была одна очень красивая женщина, которая иногда, ночью, тайкомъ приходила къ вазиръ-мухтару въ домъ, находящійся въ кварталѣ Дараваза-Шахъ-Абдулъ-Азимъ (этотъ домъ и до сихъ поръ существуетъ) и умоляла посла выслать ее на родину, въ Тифлисъ. Ее принимали за мусульманку (она была грузинка). Когда узнали объ этомъ, то какъ шахъ, такъ и народъ страшно воз-

---

[1]) См. №№ 2 и 3 за 1895 г.

мутились; подумали, что эта грузинка находится въ любовныхъ отношеніяхъ съ вазиръ-мухтаромъ; въ глазахъ же мусульманъ такой проступокъ можетъ быть смыть только убійствомъ нарушителя закона.

«По шаріату, и женщина и вазиръ-мухтаръ должны были быть избиты камнями.

«Шахъ считалъ себя обезчещеннымъ, а духовенство считало святую религію поруганною. Каждый день на базарѣ мы слышали, какъ муллы въ мечетяхъ и на рынкахъ возбуждали фанатическій народъ, убѣждая его отомстить, защитить исламъ отъ осквернения «кяфиромъ». Мы приходили и разсказывали вазиръ-мухтару, но онъ только смѣялся и не вѣрилъ тому, чтобы они осмѣлились что-нибудь подобное сдѣлать. По настоянію нашихъ казаковъ и тѣлохранителей, онъ только одинъ разъ обратился шаху и заявилъ о возбужденіи народа.

«Шахъ просилъ быть покойнымъ, говоря, что никто не осмѣлится ничего сдѣлать.

«Въ 1829 году въ послѣднихъ числахъ января, волненіе и возбужденіе въ городѣ постепенно увеличивались; шахъ со своими приближенными и своимъ гаремомъ выѣхалъ изъ города и поѣхалъ въ одну изъ близъ лежащихъ деревень.

«Мы—курьеры и казаки, постоянно держали наготовѣ наши ружья и пистолеты, но посолъ считалъ невозможнымъ какое бы то ни было нападеніе на посольскій домъ, надъ крышей котораго развѣвался русскій флагъ.

«30-го января, едва забрезжилось, какъ вдругъ послышался глухой ревъ; постепенно слышались традиціонные возгласы: «Эа́ Али, салаватъ» (съ Богомъ), исходящіе изъ устъ тысячной толпы. Нѣсколько служащихъ бѣгомъ пришли извѣстить о томъ, что многочисленная толпа, вооруженная камнями, кинжалами и палками, приближается къ посольскому дому, предшествуемая муллами и сеидами. Возгласъ: «смерть кяфирамъ» былъ слышенъ очень хорошо. Посолъ теперь понялъ опасность: онъ приказалъ запереть ворота, всѣмъ казакамъ и курьерамъ числомъ около 40 велѣлъ стоять позади воротъ и охранять домъ, а самъ вмѣстѣ съ двумя казаками, имѣя въ рукахъ ружье и пистолетъ, сталъ передъ дверью комнаты. При крикахъ: «Эа́ Али, салаватъ» и страшномъ грохотѣ обрушилась дверь подъ ударами топоровъ. Толпа завопила: «гдѣ невѣрующій вазиръ-мухтаръ?» Нѣсколько десятковъ персидскихъ солдатъ, пришедшихъ для вида изъ сосѣднихъ казармъ, моментально скрылись. Казаки героически дрались, постепенно отодвигаясь къ комнатамъ. Когда почти всѣ были избиты и толпа приблизилась къ комнатамъ, посолъ со мною и вмѣстѣ съ двумя казаками лицомъ къ лицу стали навстрѣчу толпѣ.

«Видя, что наступила послѣдняя минута, я подошелъ къ послу и по-

просилъ, чтобы онъ вошелъ въ комнату, влѣзъ въ печную трубу и черезъ нее поднялся на крышу дома. Оказалось, что онъ съ мѣста ранилъ нѣсколькихъ и изъ ружья убилъ нѣсколько десятковъ персовъ. Я остановился передъ дверью и своимъ корпусомъ помѣшалъ толпѣ войти; сильные удары посыпались на мою голову, я упалъ, но все-таки произнесъ: «визиръ-мухтаръ уже убитъ, чего вы еще хотите?»

«Не найдя никого въ комнатѣ, толпа повѣрила и вышла вонъ возвѣстить слухъ и отыскать трупъ. Въ это время кто-то замѣтилъ на крышѣ двухъ скрывающихся казаковъ; толпа тотчасъ взобралась на крышу и убила ихъ камнями; одинъ изъ мятежниковъ заглянулъ въ дымовую трубу и крикнулъ: «вотъ одинъ кяфиръ спрятался въ печкѣ». Въ одно мгновеніе разрушили печку и, извлекши оттуда уже избитое тѣло (это было тѣло Грибоѣдова), подвергли его тысячѣ ударовъ. Лежа на мѣстѣ, я слышалъ эти удары; меня считали уже умершимъ, или, можетъ быть, меня спасло отъ смерти то, что я былъ одѣтъ въ платье персидскаго курьера.

«Изуродованный и избитый трупъ посла вытащили во дворъ, и быстро все успокоилось...

«Когда я очнулся черезъ нѣсколько часовъ, кругомъ себя увидѣлъ однѣ развалины, трупы, человѣческое мясо и кровь...

«Скрылся въ домѣ одного милосерднаго персіанина; узналъ, что цѣлыхъ два дня таскали по улицамъ трупы посла и казаковъ вмѣстѣ съ трупами дохлыхъ собакъ.

«Спустя два дня, наконецъ, пришелъ самъ шахъ; сердился, горевалъ и приказалъ подобрать трупы».

Я [1]) спросилъ старца-Амбарцума: «но неужели не нашли трупъ визиръ-мухтара?» «Нашли одинъ трупъ и говорили, что это трупъ Грибоѣдова, но Богъ знаетъ, тотъ былъ или нѣтъ»...

«По нашему мнѣнію, этотъ разсказъ, переданный лицомъ-очевидцемъ и принимавшимъ участіе въ избіеніи, долженъ быть признанъ за самый достовѣрный».

Сообщ. съ дополненіями **М. Я. Алавердянцъ.**

---

[1]) Авторъ статьи, скрывающійся подъ иниціалами Г. А.

Императоръ Павелъ.

Очеркъ развитія его личности.

III [1]).

Внутренній міръ юноши—Павла Петровича, со времени прекращенія Порошинымъ своихъ записокъ (13-го января 1766 года) остается совершенно неизвѣстнымъ. Да и вообще нѣтъ почти-никакихъ свѣдѣній объ его юношескихъ годахъ. Такъ продолжается до 1772 года, года совершеннолѣтія Павла Петровича, когда различные честолюбцы начинаютъ выдвигать впередъ его имя, какъ лица, имѣющаго всѣ права на занятіе россійскаго престола, якобы незаконно удерживаемаго за собой Екатериною. Такимъ образомъ, силою вещей былъ выдвинутъ впередъ и получилъ особое значеніе вопросъ объ отношеніяхъ Екатерины и Павла. Съ этого же собственно времени начинаютъ портиться и взаимныя отношенія ихъ. А разъ начавъ ухудшаться, они ухудшались въ дальнѣйшемъ, почти помимо воли матери и сына, чисто роковымъ образомъ, въ силу неумолимой логики обстоятельствъ.

Почва для этого, по отношенію къ Павлу Петровичу, была подготовлена той обстановкой, среди которой разыгралось передъ нимъ событіе 28-го іюня 1762 года. Въ этотъ день, утромъ, чтобы перевести его изъ Лѣтняго дворца въ Зимній, его выхватили прямо изъ постели и, какъ онъ былъ, въ ночномъ костюмѣ, перенесли въ коляску, которая понеслась затѣмъ такъ, что, по свидѣтельству современника, казалось,

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1901 г.

что лошади летѣли. Въ этотъ же день, чтобы примирить его съ совершившимся фактомъ, ему было сказано, что Петръ Ѳеодоровичъ имѣлъ намѣренія посягнуть на его жизнь. Это сообщеніе произвело на мальчика потрясающее дѣйствіе, и, какъ доносилъ позднѣе французскій посланникъ Сабатье-де-Кобръ, «онъ былъ охваченъ столь сильнымъ ужасомъ, что съ тѣхъ поръ его организмъ повредился». Самъ Павелъ Петровичъ высказывалъ впослѣдствіи (въ 1773 году), что «страхъ и обычная принужденность» вкоренились въ него съ 1762 года, и что именно съ этого времени у него создалась «привычка» къ подозрительности.

«Ко всѣмъ личнымъ дѣтскимъ воспоминаніямъ, — пишетъ Н. К. Шильдеръ,—нужно еще присоединить вліяніе услужливыхъ или же опрометчивыхъ нашептываній со стороны разныхъ лицъ, отъ которыхъ, даже при идеальномъ надзорѣ, трудно было уберечь цесаревича.

«Весьма естественно поэтому, что въ умѣ маленькаго Павла прочно засѣло предубѣжденіе противъ матери. Оно выразилось въ непреоборимомъ ничѣмъ чувствѣ подозрительнаго страха, сознательнаго недоброжелательства къ лицу, вдобавокъ, якобы похитившему что-то, безспорно ему одному принадлежавшее по праву рожденія. Неумолимая послѣдовательность въ развитіи психическихъ явленій должна была сдѣлать свое дѣло и въ разсматриваемомъ случаѣ, а между тѣмъ доказано, до какой степени жестоко работаетъ, при извѣстной обстановкѣ, логика дѣтей; приговоръ этой логики, въ большинствѣ случаевъ, безпощадный; когда же, наконецъ, разсудокъ вступаетъ въ свои права, онъ оказывается безсильнымъ въ борьбѣ съ разыгравшимися страстями и установившимися предубѣжденіями.

«Екатерина, въ перепискѣ съ Гриммомъ, однажды замѣтила: «Не всегда знаютъ, что думаютъ дѣти, и трудно узнать дѣтей, особливо, когда доброе воспитаніе пріучило ихъ слушать съ покорностію». Павелъ именно повиновался съ покорностію и, конечно, объ извѣстныхъ вещахъ научился своевременно молчать, но отъ этого, разумѣется, нисколько не выигрывали его сыновнія чувства по отношенію къ матери. Послѣ 6-го же іюля взаимныя отношенія получили еще новый, отсутствовавшій дотолѣ, непріязненный оттѣнокъ. Между матерью и сыномъ появилась тѣнь, хотя и не грозная, но наложившая, однако, неизгладимую печать на отношенія императрицы къ своему первому вѣрноподданному».

Въ довершеніи всего, и самъ главный воспитатель цесаревича, Никита Ивановичъ Панинъ, всегда придерживался убѣжденія, что «по устраненіи Петра III, всѣ права на русскій престолъ должны были перейти прямо къ цесаревичу Павлу Петровичу, а Екатерина, какъ его мать, должна была быть признана только правительницею до совер-

шеннолѣтія сына. Предположенія Панина (въ свое время) ни въ комъ не встрѣтили поддержки, и оберъ-гофмейстеру Павла Петровича пришлось, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ примириться съ совершившимся фактомъ; но свои мысли и взгляды Панинъ старался внушить своему воспитаннику». Въ соотвѣтствіи съ этимъ онъ не призналъ нужнымъ выяснить цесаревичу «истинный смыслъ переворота 1762 года и историческое значеніе воцаренія Екатерины, сравнительно съ правленіемъ ея предшественниковъ. Напротивъ того, восхваляя отца и вселяя въ сына снисходительное отношеніе къ его заблужденіямъ и увлеченіямъ, онъ ни слова не сказалъ о томъ, чѣмъ Россія обязана Екатеринѣ, а подобное слово, услышанное изъ устъ Панина, имѣло бы громадное значеніе для Павла и не прошло бы для него безслѣдно. Это одно только и могло бы побудить наслѣдника быть продолжателемъ дѣлъ своей матери на пользу Россіи». Подобный образъ дѣйствій со стороны Панина Н. К. Шильдеръ объясняетъ тѣмъ, что «оскорбленное самолюбіе Панина не устояло противъ искушенія подготовить себѣ въ наслѣдникѣ мстителя за непризнаніе со стороны Екатерины его, панинской, политической мудрости; расходясь во взглядахъ съ императрицею, онъ задумалъ создать себѣ въ лицѣ своего воспитанника болѣе покорнаго слушателя и послѣдователя. Очевидно, что Павлу разсказали исторію его отца, какъ человѣка, желавшаго добра Россіи и ею непонятаго, неоцѣненнаго; отсюда явилось въ цесаревичѣ желаніе подражать отцу».

Слѣдствіемъ перечисленныхъ условій явилось то, что постепенно имя Павла Петровича сдѣлалось знаменемъ, вокругъ котораго стали группироваться недовольные правленіемъ Екатерины, по тѣмъ или другимъ причинамъ жаждавшіе перемѣны. «Въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—читаемъ мы въ сочиненіи Н. К. Шильдера,—они дѣйствовали съ согласія или съ вѣдома великаго князя, въ другихъ случаяхъ — злоупотребляли его именемъ. Такъ было въ дѣлѣ Гурьева, Хитрова, Арсенія Мацѣевича, Беніовскаго и другихъ». Все это, конечно, дѣлалось извѣстнымъ императрицѣ и не могло не отражаться на взаимныхъ отношеніяхъ матери и сына.

Заброшенное въ душу Павла Петровича сѣмя недовѣрія къ матери взошло въ немъ пышнымъ, но ядовитымъ цвѣткомъ: онъ сталъ сосредоточиваться въ самомъ себѣ, въ немъ стали развиваться подозрительность и мнительность, опасеніе за свою жизнь. Одно время онъ самъ понялъ, что зашелъ по этому пути слишкомъ далеко. Такъ, въ 1773 году онъ признавался своему другу графу А. К. Разумовскому: «своею дружбою вы произвели чудо во мнѣ: я начинаю относиться съ недовѣріемъ къ моей прежней недовѣрчивости; но, мой другъ, необходимо, чтобы вы проявили настойчивость по отношенію ко мнѣ, потому что

вы имѣете дѣло съ десятилѣтней привычкой и боретесь съ тѣмъ, что вкоренили въ меня страхъ и обычная принужденность». Въ другомъ случаѣ, въ томъ же 1773 году, онъ писалъ: «Я проводилъ время въ величайшемъ согласіи со всѣмъ окружающимъ меня—доказательство, что я держалъ себя сдержанно и ровно. Я все время прекрасно чувствовалъ себя, много читалъ и гулялъ, настоятельно помня то, что вы такъ рекомендовали мнѣ; я раздумывалъ лишь о самомъ себѣ, и, благодаря этому (по крайней мѣрѣ, я такъ думалъ), мнѣ удалось отдѣлаться отъ безпокойствъ и подозрѣній, сдѣлавшихъ мнѣ жизнь крайне тяжелой... Я составилъ себѣ планъ поведенія на будущее время, который изложилъ вчера графу Панину, и который онъ одобрилъ—это какъ можно чаще искать возможности сближаться съ матерью, пріобрѣтая ея довѣріе, какъ для того, чтобы по возможности предохранить ее отъ инсинуацій и интригъ, которыя могли бы затѣять противъ нея, такъ и для того, чтобы имѣть своего рода защиту и поддержку въ случаѣ, если бы захотѣли противодѣйствовать моимъ намѣреніямъ. Таковы мои планы».

Черезъ нѣсколько дней онъ снова писалъ графу А. К. Разумовскому: «Разъ уже было принято за принципъ стараться жить со всѣми, по возможности, въ самыхъ сердечныхъ отношеніяхъ, все обстояло благополучно и спокойно, какъ внутри, такъ и извнѣ. Я поступалъ такъ и замѣтилъ, что очень часто наши собственныя ошибки являются первоначальными причинами обратныхъ явленій, что̀ вызывается безпокойствомъ, которое мы допускаемъ проявляться внутри самихъ себя, и которое заставляетъ насъ считать чернымъ если не бѣлое, то сѣрое... Я обуздываю свою горячность, на сколько могу... Не переходя въ сплетничаніе, я сообщаю графу Панину обо всемъ, что представляется мнѣ двусмысленнымъ или же сомнительнымъ».

Рѣшимость сближаться съ матерью, пріобрѣсти ея довѣріе, обнаруженная цесаревичемъ весною 1773 года, повидимому, особенно окрѣпла въ первое время послѣ брака Павла Петровича съ Натальей Алексѣевной. Это обстоятельство императрица приписывала вліянію своей невѣстки, которую называла «золотой женщиной»; по этому поводу она высказала однажды: «я обязана великой княгинѣ возвращеніемъ мнѣ сына и отнынѣ всю жизнь употреблю на то, чтобы отплатить ей за услугу эту».

Вскорѣ, однако, и въ Натальѣ Алексѣевнѣ проснулись честолюбивые замыслы, и въ ея интересахъ стало сѣять раздоръ между мужемъ и своею свекровью. Но ранняя смерть помѣшала осуществленію ея конечныхъ плановъ, а обнаружившійся при этомъ характеръ ея отношеній къ графу А. К. Разумовскому подорвалъ ея авторитетъ въ глазахъ Павла Петровича. Вмѣстѣ съ тѣмъ, горькое разочарованіе въ горячо любимой женѣ и въ своемъ другѣ Разумовскомъ, подталкивавшемъ его

къ «дѣйствамъ» противъ императрицы Екатерины, естественно должно было способствовать улучшенію его отношеній къ матери. И, дѣйствительно, вся его переписка съ матерью во время его вторичнаго сватовства проникнута столь несомнѣнной задушевностью, что положительно исключаетъ возможность какого бы то ни было притворства со стороны цесаревича. Къ тому же, и по своему характеру, лишенному всякой выдержки, онъ не былъ способенъ прятать свои истинныя чувства за красивыми фразами. А въ перепискѣ этой встрѣчаются такія мѣста: «За долгъ считаю вамъ первой открывать всегда самыя скрытныя чувства сердца своего и за первое удовольствіе свое поставляю». «Сколь счастливъ я, всемилостивѣйшая государыня, если, вами будучи руководимъ, заслужу выборомъ своимъ еще болѣе милость вашу». «Богъ благословляетъ всѣ намѣренія ваши, ибо благословляетъ Онъ всегда добрыя». «Препоручаю невѣсту свою въ милость вашу и прошу о сохраненіи ея ко мнѣ». Въ свою очередь, въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ, императрица писала въ одномъ случаѣ, что нашла въ письмахъ цесаревича множество знаковъ любви и привязанности къ себѣ, а въ другомъ случаѣ выразилась слѣдующимъ образомъ: «Утѣшеніемъ же наипаче сердцу моему есть ваше ласковое ко мнѣ расположеніе, кое при всякомъ случаѣ мнѣ изъявляете съ чувствительностью».

Характеръ отношеній Павла Петровича къ императрицѣ Екатеринѣ за это время отразился и въ наставленіи, которое онъ далъ своей невѣстѣ, относительно взаимныхъ отношеній ея и императрицы. «Къ императрицѣ,—писалъ онъ,—принцессѣ слѣдуетъ быть предупредительной и кроткой, не выказывать досады и не жаловаться на нее кому бы то ни было; объясненіе съ глазу-на-глазъ всегда будетъ наилучшее. Этимъ она избавитъ себя отъ многихъ интригъ и происковъ, которые не замедлятъ коснуться ея. Такъ какъ принцесса не можетъ имѣть никакихъ личныхъ цѣлей, то ей не придется что-либо скрывать отъ ея величества. Поэтому она хорошо поступитъ, говоря ей всегда откровенно все то, что у нея будетъ на душѣ: это (не говоря уже объ интригахъ), будетъ гораздо лучше для ея собственнаго спокойствія».

Улучшенію отношеній императрицы и Павла Петровича способствовалъ самый бракъ его съ Маріей Ѳеодоровной. Послѣ свадьбы великій князь, по словамъ Н. К. Шильдера, «сіялъ радостью», а эту радость, въ лицѣ Маріи Ѳеодоровны, онъ получилъ по выбору, такъ сказать, изъ рукъ Екатерины. О степени же нѣжныхъ чувствъ, связывавшихъ въ то время цесаревича и Марію Ѳеодоровну, можно судить по ихъ письмамъ, записочкамъ, впервые напечатаннымъ нынѣ въ сочиненіи «Императоръ Павелъ Первый». «Я не могу лечь, мой дорогой и обожаемый князь,—писала Марія Ѳеодоровна еще невѣстой,—не сказавши вамъ еще разъ, что я до безумія люблю и обожаю васъ; моя дружба

къ вамъ, моя любовь, моя привязанность къ вамъ еще болѣе возросла послѣ разговора, который былъ у насъ сегодня вечеромъ. Богу извѣстно, какимъ счастьемъ представляется для меня вскорѣ принадлежать вамъ; вся моя жизнь будетъ служить вамъ доказательствомъ моихъ нѣжныхъ чувствъ; да, дорогой, обожаемый, драгоцѣннѣйшій князь, вся моя жизнь будетъ служить лишь для того, чтобы явить вамъ доказательства той нѣжной привязанности и любви, которыя мое сердце будетъ постоянно питать къ вамъ. Покойной ночи, обожаемый и дорогой князь, спите хорошо, не безпокойтесь призраками, но вспоминайте немного о той, которая обожаетъ васъ».

«Клянусь этой бумагой,—писала она на второй день своего обрученія,—всю мою жизнь любить, обожать васъ и постоянно быть нѣжно привязанной къ вамъ; ничто въ мірѣ не заставитъ меня измѣниться по отношенію къ вамъ. Таковы чувства вашего на вѣки нѣжнаго и вѣрнѣйшаго друга и невѣсты».

«Душа моя,—писала она нѣсколько позднѣе,—я надѣюсь, что вы будете мною довольны, когда вамъ сообщу первой мой переводъ съ французскаго на русской языкъ. Это вамъ докажетъ, сколько я стараюся вамъ во всемъ угодить, ибо, любя русскій языкъ, васъ я въ немъ люблю: я очень сожалѣю, что не могу изъяснить всего того, что сердце мое чувствуетъ, и съ сожалѣніемъ оканчиваю, сказавъ токмо вамъ, что вы мнѣ всего дороже на свѣтѣ».

«Всякое проявленіе твоей дружбы, мой милый другъ,—въ свою очередь писалъ цесаревичъ,—крайне драгоцѣнно для меня, и клянусь тебѣ, что съ каждымъ днемъ все болѣе люблю тебя. Да благословитъ Богъ нашъ союзъ такъ же, какъ Онъ создалъ его».

«Живое, непосредственное чувство не можетъ быть выражено,—писала великая княгиня уже 20-го сентября 1777 г., поздравляя Павла Петровича съ днемъ его рожденія,—таково мое положеніе, мое драгоцѣннѣйшее сердце; въ этотъ день, когда увидѣлъ свѣтъ самый обожаемый, самый любимый изъ мужей, моя душа преисполнена радостью, удовлетвореніемъ, счастіемъ, и несмотря на всѣ мои усилія, мнѣ не удается описать вамъ эти чувства столь же живо, какъ ихъ чувствуетъ мое сердце. Живите долго, живите счастливый и довольный, живите, если возможно, тысячу лѣтъ, чтобы составить счастіе нѣсколькихъ милліоновъ душъ; вотъ тѣ моленія, которыя я возношу къ небу въ этотъ чудный день. Я присоединяю къ нимъ еще одно: благоволите сохранить мнѣ вашу дружбу; она составляетъ мое счастіе, и я осмѣливаюсь надѣяться, что нѣсколько заслужила ее нѣжной привязанностью, которую питаю къ вамъ и которая кончится лишь съ моею жизнью. Вашъ нѣжнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ и жена.

«Я обожаю васъ, до безумія люблю васъ; вы мой кумиръ, мое вы-

сочайшее благо, и я васъ люблю столько, столько, что не съумѣю выразить вамъ этого».

Вскорѣ однако совершилось событіе, роковымъ образомъ повліявшее на отношенія Павла къ Екатеринѣ: 12-го декабря 1777 года родился великій князь Александръ Павловичъ.

Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна мечтали о счастьи имѣть ребенка. Насколько цесаревичъ проникался святостью новыхъ предстоявшихъ ему обязанностей, видно изъ письма его къ архіепископу Платону отъ 23-го октября.

«Молите теперь Бога,—писалъ онъ,—о подвигѣ, которымъ счастіе и удовольствіе мое усугубятся удовольствіемъ общимъ. Начало декабря началомъ будетъ отеческаго для меня званія. Сколь велико оное по пространству новыхъ возлагаемыхъ чрезъ сіе отъ Бога на меня должностей! Его рука мнѣ всегда видна была. Грѣшилъ бы, если бы при семъ случаѣ усумнился... Мы, слава Богу, здоровы и наслаждаемся взаимною дружбою и спокойствіемъ, происходящимъ отъ чистой совѣсти. Пожелайте и молите Бога, чтобъ Онъ намъ на вѣки ее сохранилъ, безъ чего ни пользы, ни славы быть не можетъ».

Въ письмѣ къ Платону отъ 25-го ноября великій князь снова возвратился къ этому вопросу и писалъ: «Благодарю васъ за доброе ваше о мнѣ мнѣніе. Стараться буду его вяще заслужить, а особливо исполненіемъ новыхъ должностей вступленіемъ чрезъ короткое время въ новое званіе, столь важное по отчету, которымъ всякій въ ономъ долженъ, а особливо каждой, въ моемъ мѣстѣ находящійся. Помолитесь о мнѣ. Богъ, благословлявшій меня въ столь различныхъ случаяхъ, меня и при семъ да не оставитъ».

«Если бы все прочее въ жизни моей соотвѣтствовало пріятностямъ внутренней моей, то бъ я былъ совершенно счастливъ», писалъ цесаревичъ въ это же время графу Н. И. Панину.

И въ этомъ-то вопросѣ, столь глубоко захватывавшемъ все его существо, его ожидало внезапное и глубокое разочарованіе. «Признавая сына и невѣстку неспособными воспитать будущаго русскаго государя,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—Екатерина, какъ глава императорскаго дома, считала своимъ правомъ и обязанностью взять на себя заботы по воспитанію внука, въ надеждѣ увидѣть въ немъ впослѣдствіи воплощеніе лучшихъ своихъ думъ и стремленій. Воспитаніе собственнаго сына не удалось Екатеринѣ въ желаемомъ ею смыслѣ по не зависѣвшимъ отъ ея воли обстоятельствамъ; теперь же передъ императрицею явилась новая задача, и всѣ ея материнскія нѣжныя чувства обратились къ внуку, въ надеждѣ достигнуть иного, лучшаго результата».

Такимъ образомъ, въ извѣстной степени, снова была повторена ошибка, сдѣланная нѣкогда императрицей Елисаветой Петровной. И

хотя на этотъ разъ полнаго отчужденія сначала одного, а потомъ и другого сына отъ родителей и не послѣдовало, но эта «уступка родительскимъ правамъ сына» не поправила дѣла: пропасть между матерью и сыномъ разверзлась окончательно,

Какъ же, съ своей стороны, относилась Екатерина къ цесаревичу Павлу Петровичу?

Какъ извѣстно, тотчасъ по рожденіи, Павелъ Петровичъ былъ совершенно отчужденъ отъ матери. «Новорожденный младенецъ,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—всецѣло овладѣлъ вниманіемъ двора; что же касается матери, то она сдѣлала свое дѣло, и всѣ о ней позабыли». Мѣры, принятыя императрицей, препятствовали ей быть матерью и руководить первыми шагами своего первенца, при чемъ ничего не было упущено, чтобы довести взаимное отчужденіе до степени какъ бы нормальной привычки. Екатерина могла только украдкою узнавать о положеніи своего ребенка, потому что всякіе вопросы о немъ могли быть истолкованы въ смыслѣ сомнѣнія въ заботливости императрицы. Наконецъ, для полной характеристики этой безотрадной семейной картины достаточно упомянуть, что только въ концѣ царствованія императрицы Елисаветы Петровны Екатерина получила дозволеніе видѣть сына разъ въ недѣлю. А ранѣе того было еще хуже. Когда весною 1755 года великокняжескій дворъ собирался переѣхать въ Ораніенбаумъ, императрица разрѣшила Екатеринѣ передъ отъѣздомъ взглянуть на сына; по счету это было въ третій разъ послѣ его рожденія».

При такой обстановкѣ въ Екатеринѣ не могли развиться нѣжныя материнскія чувства. Когда же Екатерина получила свободу дѣйствій, было уже слишкомъ поздно для этого. Но что было въ ея силахъ—она дѣлала. Она всячески старалась приблизить къ себѣ сына, обращеніе ея съ нимъ было самое нѣжное, она внимательно слѣдила за его воспитаніемъ и ученіемъ: мы видѣли выше, какимъ почетомъ былъ окруженъ 10—11 лѣтній Павелъ Петровичъ. Однимъ словомъ, по справедливому замѣчанію покойнаго князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, «Екатерина видимо старалась подготовить достойнаго себѣ преемника». При этомъ не слѣдуетъ забывать, что въ глазахъ Екатерины Павелъ Петровичъ являлся единственнымъ и естественнымъ залогомъ упроченія порядка вещей, созданнаго ею 28-го іюня 1762 года.

Несмотря на всю скудость свѣдѣній о юношескомъ періодѣ жизни Павла Петровича, позволительно думать, что въ юношѣ-великомъ князѣ прорывалось невольное влеченіе къ своей державной матери. По крайней мѣрѣ, вотъ что писала сама Екатерина 24-го августа 1772 года, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Бьелькэ: «во вторникъ я возвращаюсь въ городъ съ моимъ сыномъ, который не хочетъ уже оставлять меня ни на шагъ и котораго я имѣю честь такъ хорошо забавлять, что онъ

за столомъ иногда перемѣняетъ записки, чтобы сидѣть со мною рядомъ; я думаю, что мало можно найти примѣровъ подобнаго соотвѣтствія въ настроеніи».

Если же, несмотря на всѣ перечисленныя выше условія, прочнаго сердечнаго сближенія между сыномъ и матерью не установилось ко времени совершеннолѣтія цесаревича, то это должно быть объяснено почти исключительно потрясеніемъ, испытаннымъ Павломъ Петровичемъ 28-го іюня 1762 года и оставившимъ слѣды на всю его жизнь, внушеніями Панина и, несомнѣнно, наслѣдственными особенностями въ характерѣ цесаревича, перешедшими къ нему отъ Петра Ѳеодоровича.

Когда, при приближеніи совершеннолѣтія Павла Петровича, начались происки со стороны разныхъ лицъ, имѣвшіе цѣлью очистить для него престолъ, и когда въ одномъ случаѣ въ дѣлѣ Сальдерна оказался замѣшаннымъ самъ цесаревичъ, и онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ признаться во всемъ императрицѣ, Екатерина не придала участію его въ этомъ дѣлѣ бо́льшаго значенія, чѣмъ оно имѣло въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, благодаря доброй волѣ Екатерины, несомнѣнно старавшейся сблизиться съ цесаревичемъ, это обстоятельство не отразилось на отношеніи ея лично къ самому Павлу Петровичу. Быть можетъ, при этомъ случаѣ она усмотрѣла лишь необходимость обратить большее вниманіе на окружающихъ ея сына. Поэтому становится вполнѣ понятной фраза ея въ письмѣ къ Бьелькэ, въ которомъ она извѣщала ее объ удаленіи Панина: «мой домъ очищенъ или почти-что очищенъ», сообщила она. Вмѣстѣ съ тѣмъ она писала самому Павлу Петровичу, по поводу назначенія къ нему Салтыкова: «ваши поступки очень невинны, я это знаю и убѣждена въ томъ; но вы очень молоды, общество смотритъ на васъ во всѣ глаза, а оно—судья строгій».

Насколько Екатерина старалась, такъ сказать, приручить къ себѣ цесаревича, видно изъ ея инструкціи Салтыкову. Она предписывала ему: 1) Tâchez de vous rendre agréable à mon fils (старайтесь сдѣлаться пріятнымъ моему сыну); 2) Montrez-lui le plus de déférence possible, accompagnée de beaucoup de respect. (Выказывайте ему какъ можно болѣе вниманія, соединеннаго съ большимъ уваженіемъ); 3) Tâchez de gagner sa confiance (старайтесь пріобрѣсти его довѣріе), но не спѣшите всѣмъ и безъ всякой суеты, ибо сначала думать надлежитъ, что, по молодости и по другимъ побочнымъ причинамъ, онъ нѣсколько дичиться станетъ: но вы на сіе не смотрите, и возьмите одинаковое, ровное и почтительное поведеніе». Въ заключеніе Екатерина высказала: «Il est ambitieux, vous pourrez le prendre de ce côté là utilement. (Онъ честолюбивъ, вы съ пользою можете дѣйствовать на него съ этой стороны»).

Съ своей стороны, она письменно говорила цесаревичу: «приходите ко мнѣ за совѣтомъ такъ часто, какъ вы признаете въ томъ необхо-

димость: я скажу вамъ правду со всею искренностью, къ какой только способна, а вы никогда не оставайтесь недовольнымъ, выслушавъ ее. Понимаете! Вдобавокъ, чтобы основательнѣе занять васъ, къ удовольствію общества, я назначу часъ или два въ недѣлю, по утрамъ, въ которые вы будете приходить ко мнѣ одинъ для выслушанія бумагъ, чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, съ законами страны и моими правительственными началами. Устраиваетъ это васъ?»

Къ сожалѣнію, это не устроило самое Екатерину. Именно на этой, дѣловой, почвѣ послѣдовало полное духовное разобщеніе между матерью и сыномъ: постепенно она стала убѣждаться, что Павелъ Петровичъ кореннымъ образомъ расходится съ нею во взглядахъ на задачи государственнаго управленія.

Рѣшающее значеніе въ этомъ отношеніи имѣло, по мнѣнію Н. К. Шильдера, представленное цесаревичемъ императрицѣ въ 1774 году «Разсужденіе о государствѣ вообще, относительно числа войскъ, потребнаго для защиты онаго, и касательно обороны всѣхъ предѣловъ». Это «разсужденіе», по заключенію автора сочиненія «Императоръ Павелъ Первый», «по существу своему является ничѣмъ инымъ, какъ жестокой критикой царствованія, начавшагося въ 1762 году». Въ «Разсужденіи», между прочимъ, проводилась мысль, что Россіи необходимъ покой, предлагалось покрыть Россію чѣмъ-то въ родѣ военныхъ поселеній, ввести въ военномъ дѣлѣ столь строгую регламентацію, чтобы «никто отъ фельдмаршала до солдата не могъ извиниться недоразумѣніемъ, начиная о мундирныхъ вещахъ, кончая о строѣ», и т. п.

По словамъ В. А. Бильбасова, «Екатерина ставила выше всего интересы государства,—приносила имъ въ жертву всѣ другія соображенія и чувствованія», а потому понятно, какое разочарованіе должно было постигнуть ее въ этомъ дѣлѣ. «Вижу, въ какія руки попадетъ Имперія послѣ моей смерти»,—воскликнула она впослѣдствіи,—и слова эти проникнуты несомнѣнно горечью.

Вполнѣ естественно, что, пока Павелъ Петровичъ являлся въ глазахъ Екатерины единственнымъ залогомъ упроченія ея династіи и обезпеченія въ Россіи правильнаго теченія государственной жизни, она почти безсознательно должна была стремиться къ поддержанію съ нимъ болѣе или менѣе близкихъ отношеній. Но коль скоро у него родился одинъ сынъ, а вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ и другой, необходимость чисто инстинктивнаго насилованія своихъ собственныхъ чувствъ и мыслей исчезла. Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, человѣкъ впадаетъ даже въ противоположную крайность. Повидимому, въ своемъ отношеніи къ Павлу Петровичу послѣ рожденія Александра и Константина Павловичей, великая Екатерина не избѣгла вліянія этого общечеловѣческаго закона или этой общечеловѣческой слабости. Она не

только наносила болѣзненному самолюбію цесаревича ничѣмъ не поправимые удары, но, повидимому, даже отказывала ему въ несомнѣнно присущемъ ему благородствѣ стремленій. Такъ, когда въ 1787 году Павелъ Петровичъ рвался на Турецкую войну волонтеромъ, но Екатерина первоначально не пускала его; она сочла желаніе цесаревича притворнымъ и писала Потемкину, что Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна, желавшая послѣдовать за мужемъ, «были весьма довольны остаться, разславляя только, что ѣхать хотѣли». Между тѣмъ лучшимъ опроверженіемъ словъ Екатерины служитъ то, что, въ концѣ-концовъ, цесаревичъ добился все-таки разрѣшенія ѣхать на войну, хотя уже ему пришлось отправиться на войну не съ турками, а со шведами; что же касается Маріи Ѳеодоровны, то отъ огорченія, что императрица не разрѣшила ей сопровождать Павла Петровича въ армію, она почти цѣлую недѣлю ничего не ѣла.

Логическимъ послѣдствіемъ всѣхъ изложенныхъ условій неизбѣжно долженъ былъ явиться и явился въ дѣйствительности проектъ объ устраненіи отъ престолонаслѣдія Павла Петровича и о передачѣ престола, помимо сына, внуку. Выполненіе этого плана облегчалось тѣмъ, что въ царствованіе Екатерины оставался въ силѣ законъ Петра Великаго, по которому правительствующіе государи Россійскаго престола имѣли право назначать своимъ преемникомъ кого имъ будетъ угодно, не стѣсняясь стариннымъ правомъ первородства, а въ случаѣ, если назначенный уже наслѣдникомъ окажется неспособнымъ, могли отрѣшить его отъ престола.

О томъ, что Екатеринѣ не легко было примириться съ мыслью о необходимости устранить Павла Петровича отъ престолонаслѣдія, свидѣтельствуетъ слѣдующая собственноручная замѣтка Екатерины: «признаться должно, что несчастливъ тотъ родитель, который себя видитъ принужденнымъ, для спасенія общаго дѣла, отрѣшить своего отродія. Тутъ уже совокупляется или совокуплена есть власть самодержавная и родительская. Итакъ, я почитаю, что премудрый государь Петръ I, несомнѣнно, величайшія имѣлъ причины отрѣшить своего неблагодарнаго, непослушнаго и неспособнаго сына. Сей наполненъ былъ противъ него ненавистью, злобою, ехидною завистью, изыскивалъ въ отцовскихъ дѣлахъ и поступкахъ въ корзинѣ добра пылинки худаго, слушалъ ласкателей, отдѣлялъ отъ ушей своихъ истину, и ничѣмъ на него не можно было такъ угодить, какъ понося и говоря худо о преславномъ его родителѣ. Онъ уже самъ былъ лѣнтяй, малодушенъ, двоякъ, нетвердъ, суровъ, робокъ, пьянъ, горячъ, упрямъ, ханжа, невѣжда, весьма посредственнаго ума и слабаго здоровья».

Измѣненіе Екатериною своего отношенія къ Павлу Петровичу со времени рожденія первыхъ внуковъ естественно отразилось и на отно-

шеніи цесаревича къ матери, внеся существенное отличіе въ самый характеръ этихъ отношеній противъ того, чѣмъ они были ранѣе.

Можно сказать, что въ общемъ до 1778 года Павелъ Петровичъ въ своихъ отношеніяхъ къ Екатеринѣ строго различалъ въ ней мать и императрицу: безмолвно преклоняясь передъ первой, онъ расходился во взглядахъ со второй. Начиная же съ 1778 года, оба эти понятія постепенно стали смѣшиваться у него или, вѣрнѣе, императрица стала заслонять собою мать. При этомъ въ ихъ отношеніяхъ сталъ проскальзывать и незамѣтно усиливаться оттѣнокъ личной враждебности, обусловленный положеніемъ, занятымъ императрицей, послѣ рожденія внуковъ. Этотъ элементъ враждебности особенно усилился съ 1793—1794 гг., когда стало совершенно явнымъ намѣреніе Екатерины устранить Павла Петровича отъ престола.

Въ отзывахъ своихъ объ Екатерининскомъ правленіи, относящихся по времени до 1778 г., цесаревичъ обнаруживаетъ свое несочувствіе ея системѣ и указываетъ на различные безпорядки, но какъ-бы винитъ во всемъ не ее лично, а тѣхъ, кто окружалъ ее. Въ томъ, что онъ доводитъ объ этихъ безпорядкахъ и неустройствахъ до ея свѣдѣнія, онъ видитъ даже выполненіе своего долга передъ императрицей и отечествомъ. Такъ, пресловутое «Разсужденіе» заканчивалось слѣдующими словами: «показавъ теперь все то, что къ равновѣсію потребно, и какую военная часть связь и пропорцію имѣть должна въ разсужденіи всего государства... совершилъ намѣреніе себя сдѣлать полезнымъ государству, писавъ сіе отъ усердія и любви къ отечеству, а не по пристрастію или корысти, въ такое время, гдѣ, можетъ быть, многіе, забывъ первые два подвига, заставившіе меня писать, слѣдуютъ двумъ послѣднимъ, а что больше еще, и жертвуя всѣмъ тѣмъ, чего святѣе быть не можетъ. А сему я былъ самъ очевидцемъ и узналъ самъ собою вещи и, какъ вѣрный сынъ отечества, молчать не могъ».

Позднѣе, въ началѣ 1777 года, объясняя барону К. И. Сакену о причинахъ, побудившихъ его увѣдомить императрицу о «страшныхъ безпорядкахъ», открытыхъ имъ по военному вѣдомству въ Ригѣ, онъ писалъ: «Если бы я нуждался въ политической партіи, я могъ бы умолчать о подобныхъ безпорядкахъ, чтобы пощадить извѣстныхъ лицъ; но, будучи тѣмъ, что я есмь, я не могу имѣть ни партій, ни интересовъ, кромѣ интересовъ государства, а при моемъ характерѣ тяжело видѣть, что дѣла идутъ вкривь и вкось, въ особенности же, что причиною тому являются небрежность и личные виды. Я предпочитаю быть ненавидимымъ за правое дѣло, чѣмъ любимымъ за дѣло неправое».

Съ 1778 года картина мѣняется. Уже весною этого года Павелъ Петровичъ входилъ въ дружественную переписку съ графомъ П. И. Па-

нимъ, «первымъ враломъ» и «персональнымъ оскорбителемъ» Екатерины, съ которымъ онъ предается мечтамъ о томъ, что «достанется» имъ «вмѣстѣ исполнить то, о чемъ» разсуждаютъ. Около того же времени Марія Ѳеодоровна жалуется своей матери на «испорченность» императрицы. Черезъ годъ Павелъ Петровичъ называетъ жестокостью осужденіе его на полное бездѣйствіе. Въ 1781 году, передъ отправленіемъ въ заграничное путешествіе, онъ снова позволяетъ Никитѣ Панину застращать себя различными опасеніями насчетъ плановъ Екатерины и уѣзжаетъ изъ Петербурга подъ сильнымъ впечатлѣніемъ ужаса. Наконецъ, во время своего пребыванія въ Парижѣ на вопросъ, сдѣланный Людовикомъ XVI, правда ли, что въ его свитѣ нѣтъ лица, на которое онъ могъ бы положиться, онъ отвѣчалъ: «Я былъ бы очень недоволенъ, если бы возлѣ меня находился какой-нибудь привязанный ко мнѣ пудель: прежде, чѣмъ мы оставили бы Парижъ, моя мать велѣла бы бросить его въ Сену съ камнемъ на шеѣ» [1]). Въ 1782 году англійскій посланникъ Гаррисъ прямо пишетъ о «неестественной враждѣ», существующей между матерью и сыномъ. Когда около половины восьмидесятыхъ годовъ возникъ вопросъ о союзѣ нѣмецкихъ князей, «Павелъ Петровичъ,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—всѣми средствами противодѣйствовалъ намѣреніямъ императрицы, не одобрявшей этого союза; онъ не стѣснялся даже принять на себя какъ бы роль агента Фридриха Великаго при русскомъ дворѣ, поддерживая съ нимъ тайную переписку; такую же переписку онъ велъ и съ его преемникомъ». Въ 1784 году цесаревичъ иронизируетъ насчетъ возможности того, что его пошлютъ въ Индію для исправленія. Въ томъ же году онъ сообщаетъ барону Сакену, что его вліяніе таково, что стоитъ ему указать на что-нибудь или на кого-нибудь, чтобы тѣмъ самымъ достигнуть какъ разъ обратнаго. Въ 1789 году онъ высказываетъ, что «русскіе предпочитаютъ видѣть на престолѣ юбку вмѣсто мундира», говоритъ съ Сегюромъ «о мнимыхъ обидахъ со стороны императрицы и князя Потемкина, о непріятныхъ сторонахъ своего положенія, о страхѣ, съ которымъ относились къ нему, и о печальной участи, которую готовилъ ему дворъ». Осенью 1793 года гнѣвъ цесаревича противъ державной матери доходитъ одно время до того, что первоначально Павелъ Петровичъ отказывается присутствовать на свадьбѣ Александра Павловича. Въ 1794 году онъ высказываетъ уже, что «привыкъ къ шиканамъ».

---

[1]) Хотя достовѣрность этихъ словъ, произнесенныхъ въ присутствіи довольно большаго числа лицъ, засвидѣтельствована двумя очевидцами—королевой Маріей-Антуанеттой и m-me Кампанъ, но все же думается, что въ передачу ихъ вкралась какая-то неточность: вѣдь въ свитѣ велико-княжеской четы находились между прочимъ и князь А. Б. Куракинъ и Е. И. Нелидова.

Но какъ ни ухудшались взаимныя отношенія Екатерины съ одной стороны и Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны—съ другой, но, все-таки, моментами, въ нихъ какъ бы просвѣчивали проблески чего-то другаго. И по этому поводу невольно приходитъ на мысль, что въ сокровенной глубинѣ ихъ душъ таилось неясное, быть можетъ, безсознательное сожалѣніе, что ихъ отношенія сложились такъ, а не иначе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, раздвоеніе отношенія Павла Петровича къ Екатеринѣ, какъ къ императрицѣ и матери, какъ будто бы не исчезло совершенно. По крайней мѣрѣ, оно несомнѣнно проявилось тотчасъ послѣ кончины государыни. Первыя же правительственныя мѣропріятія Павла Петровича явились полнымъ отрицаніемъ предшествовавшаго царствованія, а между тѣмъ, въ то же время, онъ проявилъ большое вниманіе къ памяти Екатерины, какъ человѣка. Такъ, Завадовскому, бывшему когда-то фаворитомъ Екатерины II, пожаловано было графское достоинство, а проживавшему въ Ревелѣ Алексѣю Григорьевичу Бобринскому повелѣно было прибыть въ Петербургъ. Послѣ этого на Бобринскаго посыпались щедрыя и неожиданныя милости: 12-го ноября ему пожаловано было графское достоинство, подаренъ домъ, утверждены за нимъ имѣнія, назначенныя Екатериною; затѣмъ послѣдовало назначеніе его шефомъ 4-го эскадрона конной гвардіи, награжденіе Аннинской лентой, производство въ генералъ-маіоры и т. д. Наконецъ, на пріемѣ во дворцѣ императоръ Павелъ, выведя графа Алексѣя Григорьевича впередъ, представилъ его присутствовавшимъ, какъ своего брата. По случаю выселенія князя Зубова изъ дворца, для него былъ купленъ домъ и снабженъ всѣмъ необходимымъ. Павелъ Петровичъ посѣтилъ его въ сопровожденіи императрицы, при чемъ при встрѣчѣ съ княземъ Зубовымъ произнесъ достопамятныя слова: «Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ». Когда подали шампанское, государь сказалъ: «Сколько здѣсь капель, столько желаю тебѣ всего добраго», и, обращаясь къ императрицѣ, прибавилъ: «Вышей все до капли». И, выпивши самъ, онъ разбилъ бокалъ. Платонъ Александровичъ припалъ къ стопамъ государя и былъ поднятъ имъ со словами: «Я тебѣ сказалъ, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ». Когда же затѣмъ подали самоваръ, государь сказалъ Маріи Ѳеодоровнѣ: «Разлей чай, у него вѣдь нѣтъ хозяйки». Позднѣе, черезъ годъ, когда возникъ вопросъ о празднованіи дня восшествія Павла Петровича на престолъ, и было сдѣлано предположеніе праздновать это событіе 6-го ноября, т. е. въ самый день кончины императрицы Екатерины, Павелъ Петровичъ съ неудовольствіемъ отвергъ это предложеніе, высказавъ, что «восшествіе свое на престолъ въ день смерти матери» онъ «почитаетъ непристойнымъ праздновать».

Что касается почестей, возданныхъ новымъ государемъ праху

Петра Ѳеодоровича, то неизвѣстно еще, какъ смотрѣлъ на это самъ Павелъ Петровичъ: являлось ли въ глазахъ сына возданіе праху отца почестей, равныхъ почестямъ, воздаваемымъ праху матери, сознательнымъ оскорбленіемъ послѣдней, или же въ этой двойной процессіи похоронъ отца и матери онъ видѣлъ лишь какъ бы торжественное примиреніе ихъ за гробомъ?

При выясненіи взаимныхъ отношеній императрицы Екатерины и Павла Петровича естественно возникаетъ вопросъ, какъ смотрѣлъ Павелъ Петровичъ на возможность какого-нибудь «дѣйства» противъ нея? Справедливость требуетъ отвѣтить, что собственно только въ одномъ случаѣ, въ дѣлѣ Сальдерна, цесаревичъ примкнулъ къ планамъ, враждебнымъ Екатеринѣ. Это было въ 1772—1773 году, когда крайняя молодость цесаревича дѣлала его особенно доступнымъ постороннему вліянію. Но затѣмъ уже никакія внушенія, никакое сцѣпленіе тяжелыхъ для него жизненныхъ условій не могли заставить его выйти изъ роли вѣрноподданнаго сына. Напротивъ того, извѣстны нѣсколько его поступковъ и отвѣтовъ, проникнутыхъ несомнѣннымъ благородствомъ и свидѣтельствующихъ о его безупречности въ этомъ отношеніи.

Такъ Кастера въ своей исторіи Екатерины разсказываетъ, что графъ Разумовскій, пораженный сочувствіемъ, которое народъ выказывалъ цесаревичу въ Москвѣ въ 1775 году, сказалъ ему:

— Вы видите, какъ вы любимы, выше высочество! О, если бы только вы захотѣли!..

Цесаревичъ ничего не отвѣтилъ на это, но бросилъ на Разумовскаго взглядъ, доказывавшій, что онъ умѣетъ быть почтительнымъ сыномъ.

Въ откровенной бесѣдѣ съ прусскимъ посланникомъ барономъ Келлеромъ въ 1787 году, Павелъ Петровичъ говорилъ о необходимости заставить русскій народъ утратить привычку къ дѣйствамъ. Тогда же онъ высказываетъ слѣдующія мысли:

«Какимъ образомъ могли опасаться какихъ-либо начинаній въ мою пользу со стороны иностраннаго принца, не имѣющаго здѣсь друзей (принцъ Фридрихъ Виртембергскій). Они должны были быть увѣрены, что я никогда не одобрю чего-либо подобнаго. Не мнѣ судить, насколько было справедливо сдѣланное двадцать четыре года тому назадъ. Весь народъ присягнулъ тогда государынѣ, которая понынѣ царствуетъ надъ нимъ; была ли эта присяга искренняя или нѣтъ—не знаю, но я былъ свидѣтелемъ общей покорности. Это дѣло лежитъ на совѣсти людей, дѣйствовавшихъ въ то время; что же касается меня, то я хочу жить въ ладахъ съ моею совѣстью. Я всегда совѣтуюсь съ нею, ничего не дѣлаю противнаго ей, и это счастіе я предпочитаю той болѣе блестящей роли, которая можетъ предстоять мнѣ въ исторіи... не знаю, будетъ ли

*

ей передано мое имя. Таковы мои чувства: ихъ должны бы знать и не забывать того случая, при которомъ я открыто высказалъ ихъ».

Наконецъ, извѣстны его прекрасныя слова: «Я — подданный россійской и сынъ императрицы россійской; что между мною и ею происходитъ, того знать не подобаетъ ни женѣ моей, ни родственникамъ, ниже кому другому».

Екатерина прекрасно понимала характеръ своего сына и нисколько не опасалась какого-нибудь «дѣйства» съ его стороны. По словамъ князя Адама Чарторыйскаго, она спокойно спала подъ охраной роты гренадеръ, тогда какъ въ полумилѣ отъ нея Павелъ маневрировалъ со своею маленькою арміею. «Разстучалъ мнѣ голову своею пальбою», только жаловалась императрица.

Нѣкоторые изъ современниковъ высказывали, что Екатерина не боялась Павла Петровича, потому что онъ отличался недостаткомъ личной смѣлости, и она прекрасно знала это. Подобный взглядъ представляется намъ ни на чемъ не основаннымъ и безусловно несправедливымъ, по скольку онъ касается Павла Петровича.

Отношеніе его къ вопросу о «дѣйствахъ» объясняется, по нашему мнѣнію, несомнѣнно отличавшимъ его всегда стремленіемъ къ законности. «Во всемъ томъ, что я дѣлаю, у меня нѣтъ и не будетъ иной цѣли кромѣ Бога», писалъ Павелъ Петровичъ въ 1784 году, и, высказывая это, онъ былъ совершенно искренен. «Кто повиноваться не можетъ, тотъ и повелѣвать не умѣетъ», сказалъ Павелъ Петровичъ еще въ дѣтствѣ. И, оставаясь вѣренъ этой мысли, онъ повиновался Екатеринѣ, готовясь про себя повелѣвать впослѣдствіи.

П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова.

XI [1]).

Введеніе земскихъ учрежденій.— Письмо В. П. Титова.— Предположенія о возвышеніи бѣлаго духовенства.— Война Пруссіи съ Австріей.— Переводъ проповѣдей митрополита Филарета на французскій языкъ.— Желаніе иностранцевъ познакомиться съ догматами и обрядами православной церкви. — Лекція профессора Пальмера.— Приглашеніе о. Базарова на должность ректора С.-Петербургской духовной академіи.— Назначеніе ректоромъ протоіерея И. Л. Янышева.

Прежде чѣмъ продолжать мои воспоминанія о событіяхъ 1866 года, я не могу не подѣлиться здѣсь съ моими читателями выдержкою изъ письма ко мнѣ моего усерднаго корреспондента и друга, дѣлившагося со мною впечатлѣніями происходившихъ въ ту пору реформъ и нововведеній въ государственной жизни въ Россіи, Владиміра Павловича Титова. Въ этомъ письмѣ, писанномъ наканунѣ новаго 1866 года, онъ излагаетъ свои впечатлѣнія и свои взгляды по случаю введенія земства, въ которомъ онъ принималъ личное участіе въ качествѣ рязанскаго землевладѣльца. Каждая подробность въ этомъ письмѣ даже на разстояніи столькихъ лѣтъ дышетъ новизною и во всякомъ случаѣ интересна, какъ зачатокъ новой жизни, которой суждено было сложиться впослѣдствіи въ ту или другую форму,—тогда еще нельзя было предугадать—въ широкую ли, или узкую формальность самоуправленія. Вотъ эта выдержка.

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1901 г.

Извиняясь, что, за недосугомъ, онъ не могъ отвѣчать многимъ изъ своихъ знакомыхъ въ Стутгардѣ, В. П. Титовъ продолжаетъ: «А послѣ новаго года будетъ и еще труднѣе, ибо хотя еще нѣтъ оффиціи, однако меня сажаютъ, кажется, въ департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ. Я не прочь возобновить поближе знакомство со старою рутиною. Она хоть отживаетъ свой вѣкъ предъ новыми судебными уставами, не менѣе того, пробудетъ неизбѣжно еще нѣсколько лѣтъ, доколѣ очередь не обошла весь кругъ губерній. При томъ же къ ней привита временно гласность, что, по сознанію многихъ сенаторовъ, теперь уже способствуетъ яснѣе разумѣть интересы и права тяжущихся. Передъ моимъ проѣздомъ обратно черезъ Москву тамошняя публика, слишкомъ 500 человѣкъ, около 10 часовъ сряду просидѣла на уголовномъ допросѣ дѣлателей фальшивыхъ кредитокъ. Защита обвиняемыхъ была весьма драматична. Особенное вниманіе приковалъ плутовскою ловкостью и краснорѣчіемъ ляхъ Адаховскій (на Руси рѣшительно нѣтъ ни спасенія безъ нѣмцевъ, ни бѣды безъ ляховъ. Гони ихъ въ дверь на западѣ, лѣзутъ въ окно съ востока, являясь неизбѣжно и нежданно подъ всякими видами и продѣлками. Тютчевъ въ этомъ вопросѣ находитъ у насъ сходство съ человѣкомъ, который, замѣтивъ мышьякъ у себя въ комнатѣ и желая очистить воздухъ отъ отравы, рѣшился ее глотать). Бытность моя въ Рязани была во многомъ еще хлопотливѣе Питера. Засѣданія длились 18 дней, не исключая праздниковъ, ибо ради безденежья никому не хотѣлось заживаться въ губернскомъ городѣ. Кромѣ 3-хъ—4-хъ часовъ собранія до обѣда, приходилось мнѣ сидѣть съ 8-ми—9-ти часовъ за полночь въ докладной коммиссіи, гдѣ сдѣлали мнѣ честь выбрать меня предсѣдателемъ. Она, по существу предметовъ, состояла изъ 4-хъ отдѣловъ, по 3 гласныхъ въ каждомъ. Изъ 85 гласныхъ было на лицо до 65, большинство дворяне, въ томъ числѣ довольно столбовыхъ и богатыхъ. Изъ другихъ сословій безъ малаго 20; священниковъ всего 2, прочіе на половину изъ купцовъ и крестьянъ; между послѣдними 4 волостныхъ старшины. Они и одинъ изъ священниковъ, сельскій благочинный о. Молчановъ, говорили застѣнчиво по слогу, но смѣло и вообще дѣльно по существу. Сословной вражды я ни въ чемъ и ни разу не могъ замѣтить. Собраніе при томъ не заносилось въ общія начала. Да и вообще обнаруживается въ земствѣ губерній болѣе практичности, чѣмъ въ столицахъ. Конечно, и между вопросовъ чисто практичныхъ, есть не лишенные шероховатости, напримѣръ, передача капиталовъ. По одной продовольственной части земство Рязанской губерніи имѣетъ получить назадъ отъ казенныхъ вѣдомствъ до 1.400.000 руб. сер. Пренія иногда возникали очень живыя, подъ часъ не безъ кляузы, но всегда взаимно вѣжливо. Во многихъ нельзя было не любоваться природному дару слова и отмѣнно простой, здоровой ясности взгляда. Всего казуснѣе были два

послѣднія засѣданія. При закрытіи предложено «принести государю всеподданнѣйшую признательность за права, дарованныя земству». Гласный Офросимовъ возразилъ цѣлымъ цицероновскимъ спичемъ въ такомъ смыслѣ, что находитъ это преждевременнымъ, несовмѣстимымъ съ тою благоговѣйною осторожностью, какой требуетъ всякое заявленіе, подносимое высочайшей власти; посмотримъ-де, какъ все пойдетъ на дѣлѣ: позже будетъ время для признательныхъ заявленій и т. д. Это повело ко многимъ другимъ спичамъ, гдѣ говорили, кромѣ нѣсколькихъ дворянъ, и крестьяне, и купцы, и вашъ духовный собратъ о. Молчановъ. Обмѣномъ рѣчей разъяснилось, за что и въ какихъ именно предѣлахъ желательно теперь же принести признательность. Священникъ сказалъ: «духовенство доселѣ жило отлученное отъ свѣтскихъ интересовъ, теперь призвано въ нихъ участвовать и подавать голосъ отъ имени церкви». Крестьяне, благодаря за право участвовать въ совѣщаніяхъ такого почтеннаго собранія, объяснили, что въ 1861 году дѣло шло лишь о двухъ сословіяхъ, а теперь всѣ созываются земскими учрежденіями какъ бы въ одну семью, гдѣ и они почитаютъ себя счастливыми занимать свое мѣсто. Короче—признательность состоялась единодушно, и сами возражавшіе ораторы отказались на другой день отъ несогласія. Всѣ наиболѣе сложные предметы поручены управамъ для разныхъ предварительныхъ распоряженій и доклада собранію на будущій годъ. Значитъ, засѣданія декабря 1866 года будутъ практически важнѣе нынѣшняго, а нынѣ главная задача заключалась въ хорошемъ выборѣ губернской управы. Предсѣдателемъ ея выбранъ раненбургскій помѣщикъ князь Волконскій, тотъ самый, съ коимъ происходила, по приказанію королевы, переписка объ имѣніи покойной А. А. Окуловой (школа ея рушилась, и самая вотчина, поступивъ къ ея племяннику, продана съ тѣхъ поръ въ чужія руки). Волконскій слыветъ за человѣка толковаго, съ умомъ расторопнымъ и твердою волею. Въ собраніи говорилъ довольно часто, но коротко и всегда дѣльно. Въ члены губернской управы выбраны шестеро: дворянъ 5 и 1 купецъ. Вотъ вамъ, почтенный батюшка, матеріалъ для разсказа нашимъ, а можетъ быть при случаѣ и ея королевскому величеству. Впрочемъ, теперь у васъ въ гостяхъ на новый годъ изустный повѣствователь всякой отечественной сути — синодальный оберъ-прокуроръ. Дядя его, графъ Димитрій Николаевичъ Толстой, также сидѣлъ со мною въ числѣ гласныхъ, но захворалъ и уѣхалъ къ себѣ въ деревню, не дождавшись конца сессіи. Не взыщите за долговязое письмо, дорогой батюшка, и молитесь, да пошлетъ Господь силъ намъ грѣшнымъ сочетать дѣловую жизнь со свѣтскою. Къ послѣдней никогда я не чувствовалъ пристрастія, но дознался опытомъ, что безъ ущерба дѣламъ нельзя отъ нея вовсе устраниться. Христосъ съ вами».

30-го декабря 1865 года. С.-Петербургъ.

Въ апрѣлѣ этого года мнѣ пожалована была митра, и опять В. П. Титовъ является первымъ поздравить меня съ этою монаршею милостью. Очень странная мысль пришла ему по этому поводу,—мысль соединить съ этимъ архіерейскимъ отличіемъ бѣлаго духовенства особый титулъ преосвященства. Впрочемъ, это не было простою фантазіею. Напротивъ, въ это время начинали проявляться тенденціи возвысить бѣлое духовенство если не надъ черными, по крайней мѣрѣ до высоты послѣдняго. Въ это время въ Святѣйшемъ Синодѣ засѣдали уже два представителя бѣлаго духовенства: протопресвитеръ Бажановъ и протоіерей И. В. Рождественскій. Была мысль увеличить число главныхъ священниковъ по разнымъ отраслямъ церковнаго управленія и такимъ образомъ создать противовѣсъ черному духовенству, забравшему власть исключительно въ свои руки. Разъ промелькнула мысль даже оберъ-прокурора Св. Синода замѣнить докладчиковъ изъ бѣлаго духовенства, а князь Горчаковъ не прочь былъ назначить, по крайней мѣрѣ, въ Константинополь, Аѳины и Римъ, посланниками людей изъ бѣлаго духовенства и разъ серьезно предлагалъ мнѣ одно изъ такихъ мѣстъ. Но я отклонилъ отъ себя такую честь, замѣтивъ, что было бы болѣе канонически, если бы Св. Синодъ рѣшился имѣть своихъ представителей при патріаршихъ каѳедрахъ. Тогда, конечно, нашлись бы въ средѣ бѣлаго духовенства люди, которые могли бы съ честію и пользою для церкви проходить подобныя должности. Въ это время князь Горчаковъ такъ увлекался цвѣтущею эпохою Франціи, что мечталъ создать и въ Россіи Мазарини и Ришелье, а въ шутку или полусерьезно называлъ Василія Борисовича «нашъ кардиналъ Бажановъ».

Наступившая весна 1866 года была тревожнымъ временемъ для Германіи. Давно возгорѣвшаяся борьба между Пруссіею и Австріею изъза гегемоніи въ германскомъ союзѣ должна была рѣшиться междоусобною войною. Между тѣмъ какъ сѣверныя государства Германіи, за исключеніемъ Ганновера и корфюршества Гессенскаго, держали сторону Пруссіи, вся южная часть германскаго союза бросилась въ объятія Австріи, трепеща за свое существованіе, и даже склонялась на сторону Франціи, надѣясь въ этой борьбѣ за существованіе найти опору въ Наполеонѣ III противъ разыгравшагося аппетита Бисмарка, готовившагося поглотить всю Германію pour le roi de Prusse.

Въ это время мое положеніе при королевѣ, далеко не политическое, стало затруднительно вслѣдствіе моего твердаго въ то время убѣжденія, что Германія идетъ неудержимыми шагами къ политическому объединенію подъ главенствомъ Пруссіи, и я въ первый и единственный разъ принужденъ былъ стать въ оппозицію противъ королевы, тогда убѣжденной совсѣмъ въ противномъ. Мнѣ это было тѣмъ тяжелѣе, что въ эту тяжелую для Ольги Николаевны, какъ королевы Виртембергской,

эпоху, я, въ качествѣ ея духовника, не могъ по внутреннему убѣжденію принять ея сторону и быть ея утѣшителемъ даже въ поддержаніи ея упованія на Бога, дающаго побѣды на враги. Мое внутреннее убѣжденіе говорило мнѣ, что готовившаяся междоусобная война будетъ только безполезнымъ братоубійствомъ, и потому я всячески старался убѣдить королеву отступить отъ ложнаго увлеченія въ союзѣ съ Австріею покорить Пруссію и ввести ее въ предѣлы бывшаго корфюршества Бранденбургскаго. Напрасно я указывалъ ея величеству на историческую судьбу Россіи, также объединившейся когда-то подъ главенствомъ Москвы. Королева отвѣчала мнѣ, что это не примѣръ для Германіи, такъ какъ въ Россіи былъ одинъ народъ, раздѣленный на удѣлы, между тѣмъ какъ Германія состоитъ изъ отдѣльныхъ племенъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою исторію. Такъ, напримѣръ, Швабскій царствующій домъ гораздо древнѣе Гогенцоллернскаго, и корень исторіи нѣмецкаго народа находится въ его южныхъ отрогахъ, а никакъ не въ Пруссіи, которая не имѣетъ даже характера нѣмецкаго, образовавшись изъ разныхъ пришельцевъ и хищныхъ рыцарей, завоевавшихъ силою Поморье, (Pommern), населенное чуждымъ народомъ. Указывалъ я на Францію, также образовавшуюся изъ мелкихъ графствъ, наконецъ на Италію, начавшую тогда уже объединяться подъ главенствомъ Савойскаго дома. Въ отвѣтъ на все это королева прислала мнѣ для прочтенія статью въ «Revue des deux mondes», въ которой предвѣщалось неминуемое разрушеніе плановъ Бисмарка. Когда я возвратилъ эту статью ея величеству и на ея вопросъ, убѣдился ли я въ томъ, что было высказано въ этой статьѣ? я отвѣчалъ, что я остаюсь при прежнихъ мысляхъ, и еще разъ сердечно сожалѣю, что польется кровь вѣрноподданныхъ ихъ величествъ безполезно, королева отпустила меня со словами: «сожалѣю, что вы находитесь на фальшивой дорогѣ». Послѣ этого я попросилъ себѣ отпуска на нѣсколько недѣль и отправился на воды въ Тельцъ въ Южную Баварію, гдѣ и переждалъ окончаніе возгорѣвшейся съ такимъ увлеченіемъ междоусобной войны и окончившейся очень скоро полнымъ пораженіемъ юга и торжествомъ Бисмарка.

Вспоминая теперь на разстояніи почти четверти вѣка тогдашнее состояніе умовъ въ Германіи, не вѣришь самому себѣ, какая невѣроятная перемѣна произошла въ политическомъ настроеніи нѣмцевъ. Ненависть къ Пруссіи, особенно къ Бисмарку была такъ сильна, что опасно было показать малѣйшее сочувствіе къ этимъ тогдашнимъ заклятымъ врагамъ особенно южныхъ фатерландовъ. Какъ часто мы вдвоемъ съ моимъ пріятелемъ Н. Ѳ. Аделунгомъ, секретаремъ королевы, разсуждали потихоньку о томъ, что настанетъ время, когда тѣ же нѣмцы станутъ ставить памятники Бисмарку во всѣхъ своихъ столицахъ. И время это настало. Говорятъ, Бисмаркъ—врагъ Россіи. Но всѣ же

говорятъ, что это—единственный великій человѣкъ своего времени. Конечно, успѣхомъ своимъ въ объединеніи Германіи онъ всецѣло обязанъ Россіи и благоволенію къ Пруссіи покойнаго государя Александра Николаевича. Не то было бы при покойномъ императорѣ Николаѣ. Довольно вспомнить, какъ отнесся онъ къ подобной реформѣ Швейцарскаго союза въ сороковыхъ годахъ. Вѣрный политическимъ принципамъ, императоръ Николай не призналъ новой конституціи Швейцарскаго союза, какъ противорѣчившей постановленіямъ вѣнскаго конгресса, и отозвалъ свое посольство изъ Берна, а вмѣстѣ съ нимъ и наша тамошняя церковь была запакована въ ящики и долго хранилась въ нихъ безъ употребленія во Франкфуртѣ, пока, уже въ пятидесятыхъ годахъ, не была снова возвращена въ Женеву по просьбѣ проживавшей тамъ въ это время великой княгини Анны Ѳеодоровны, разведенной супруги великаго князя Константина Павловича. Германскій союзъ былъ также узаконенъ вѣнскимъ трактатомъ и теперь безнаказанно разрушался политикою Бисмарка.

Но пока я находился въ добровольномъ изгнаніи въ Тельцѣ, событія шли такъ быстро, что пруссаки успѣли разбить стотысячную армію южанъ и при Кенигсгрецѣ окончательно выбросить Австрію изъ германскаго союза. Уже 31-го іюля мнѣ писалъ изъ Стутгарта мой пріятель Аделунгъ слѣдующее: «на счетъ политическихъ взглядовъ вы найдете въ Стутгартѣ совершенную перемѣну. Куда дѣвались эти лютые пруссоѣды, эти завоеватели Берлина, мечтавшіе не на шутку королевство Пруссію обратить опять въ курфюршество. Они затихли и—кажется навсегда. По мѣрѣ того, какъ прусское побѣдоносное войско, разбивая на каждомъ шагу австрійцевъ, пошло на Вѣну, а съ другой стороны нѣсколько тысячъ пруссаковъ, разбивъ 100.000 союзныхъ, пошли на Мюнхенъ, занявъ безъ боя столицу Сейма (блаженныя памяти) Франкфуртъ, крикуны затихли и стали исподтишка закупать разныя провизіи для ожидаемыхъ пруссаковъ (captatis benevolentiae), благоразумные же люди убѣдились въ совершенной гнили великой Австріи и въ всепокоряющей интеллигенціи и ограниза ціи Пруссіи. Всѣ же довольны, что отдѣлались синяками, и пришли къ тому заключенію, что вся будущность мелкихъ государствъ зависитъ теперь отъ ими же поруганнаго графа Бисмарка, который съумѣлъ же осуществить то единство Германіи, которое нѣмцы мнили составить изъ отвлеченности. Даже во дворцѣ произошелъ разительный переворотъ въ мнѣніяхъ. Теперь на повѣрку выходитъ, что правы были тѣ, которыхъ взгляды казались такъ сумасбродными и такъ ошибочными».

Еще раньше, когда южане собирались на войну съ Пруссіею и выставили три соединенные корпуса подъ предводительствомъ трехъ принцевъ, Александра Дармштадтскаго (отца Баттенберговъ), Виль-

гельма Баденскаго (мужа Маріи Максимиліановны) и Карла Баварскаго, Аделунгъ уже подшучивалъ надъ этими предводителями, называя ихъ — одного Александромъ Великимъ, другаго Вильгельмомъ Завоевателемъ, а третьяго Карломъ Смѣлымъ, и предвѣщалъ имъ скорое и неминуемое пораженіе, что̀ и случилось. Пруссаки дѣйствовали съ такою быстротою, что не давали непріятелю времени соединиться и разбивали по частямъ отдѣльные корпуса. Такъ, виртембергское воинство, шедшее на соединеніе съ главными силами, было застигнуто недалеко отъ Стутгарта на бивуакѣ, и въ то время, какъ gemütliche Schwaben собирались варить себѣ ужинъ, вдругъ съ окрестныхъ возвышенностей на нихъ посыпались прусскія пули, положившія на мѣстѣ много невинныхъ жертвъ этой братоубійственной войны. Такъ было, между прочимъ, въ Киссингенѣ, гдѣ больные, между которыми было не мало и нашихъ соотечественниковъ, преспокойно пили свои утреннія воды, какъ, откуда ни возьмись, отрядъ пруссаковъ ворвался въ городъ и уже на улицахъ началъ перестрѣлку съ находившимся тамъ гарнизономъ баварцевъ, не ожидавшихъ вовсе нападенія на мѣсто водъ, наполненное при томъ больными иностранцами.

Многіе изъ благоразумныхъ нашихъ соотечественниковъ поспѣшили во̀-время оставить Германію до начала междоусобицы и воротиться въ Россію. Такъ, одно семейство Трофимовыхъ, нѣсколько лѣтъ прожившее въ Стутгартѣ для воспитанія дѣтей, поспѣшно оставило намѣченное было здѣсь гнѣздо и переѣхало на житье въ свою деревню, откуда глава этого семейства, бывшій впослѣдствіи извѣстнымъ мировымъ судьею въ Петербургѣ, писалъ мнѣ отъ 20-го сентября слѣдующее: «Трудно себѣ представить, съ какою жадностью мы всѣ, не выключая и маленькихъ дѣтей, читали газеты во время недавняго нашествія варваровъ на цвѣтущія плодородіемъ южно-германскія земли. Мы боялись за милый Виртембергъ и дорогой намъ Стутгартъ. Слава Богу, кончилось братоубійство, за которое поплатились невинныя жертвы прусскаго властолюбія. Кстати, позвольте познакомить васъ съ новымъ произведеніемъ ветерана русскаго Парнаса, князя Вяземскаго.

Противно мнѣ самохваленье!
Неправда душу мнѣ скребетъ!
Меня смущаетъ Провидѣнье,
Когда на землю язвы шлетъ.
А въ мірѣ мысли и въ природѣ
Какъ бы на зло мнѣ съ трехъ концовъ
Вдругъ разыгрались на свободѣ
Холера, Бисмаркъ и Катковъ!

«Катковъ попалъ въ уровень съ истребителями рода человѣческаго потому, вѣроятно, что онъ въ чаду патріотизма хватилъ черезъ край, какъ почтмейстеръ Гоголя. Покровительственный и нравоучительный

тонъ передовыхъ статей Каткова съ каждымъ днемъ уменьшаетъ число его приверженцевъ. Катковъ осуществляетъ басню «Пустынникъ и Медвѣдь»,—изъ усердія бьетъ наповалъ».

Наконецъ, буря пронеслась, оставивъ по себѣ роковые для южныхъ государствъ слѣды въ тайномъ договорѣ, по которому и войска, и дипломатія отдавались въ полное распоряженіе Пруссіи, и который хранился въ секретѣ до самаго столкновенія Пруссіи съ Франціей въ 1870 году. Все возвратилось опять къ мирнымъ занятіямъ. Королева уѣхала на морскія купанья въ Остенде; я поселился на своемъ мирномъ Ротенбергѣ. Правда, меня приглашали было въ Женеву на освященіе отстраивавшейся тамъ русской церкви. Но какъ это было уже въ концѣ августа и мы ожидали возвращенія королевы къ 30-му, дню ея рожденія, въ Фридрихсгавенъ, гдѣ обыкновенно праздновался этотъ день богослуженіемъ, то я и принужденъ былъ отказаться отъ участія въ женевскомъ торжествѣ, за что навлекъ на себя неудовольствіе собравшихся тамъ съ разныхъ сторонъ сослуживцевъ, какъ видно изъ прилагаемаго при семъ письма ко мнѣ о. Іосифа Васильева. Писано оно было главнымъ образомъ по тому поводу, что одинъ французъ, m-r Serpinet, издавшій въ это время переводъ проповѣдей митрополита Филарета, обратился ко мнѣ съ просьбою поднести это изданіе отъ его имени королевѣ. Прежде чѣмъ исполнить эту просьбу, я обратился къ о. Васильеву за справками о личности этого француза, и вотъ что мнѣ отвѣчалъ на это о. Васильевъ:

21-го октября (2-го ноября) 1866 года Парижъ.

«Глубокоуважаемый мною о. Иванъ Ивановичъ.

«Только-что возвратился изъ поѣздки во внутреннюю Францію, какъ сего же дня ѣду въ Россію. А потому поспѣшно отвѣчаю на ваше любезное письмо.

«Г. Serpinet былъ учителемъ французскаго языка въ многихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, преимущественно женскихъ. Въ двѣнадцатилѣтнее пребываніе въ нашемъ отечествѣ, онъ, какъ я слышалъ, пользовался заслуженнымъ уваженіемъ. Въ Парижѣ я встрѣчалъ его у гр. Толстыхъ, г.г. Плотниковыхъ и слышалъ отличные отзывы о г. Serpinet. И самъ я пользовался его посѣщеніями и бесѣдами, которыя всегда находилъ занимательными и съ благороднымъ и просвѣщеннымъ взглядомъ на лица и вещи. Вѣрнымъ же переводомъ проповѣдей преосвященнаго митрополита московскаго г. Serpinet оказалъ нашей церкви и Россіи важную услугу. Но объ этомъ вы разсудите лучше меня.

«Всѣ мы душевно сожалѣли, что лишены были въ Женевѣ вашего почтеннаго присутствія. Наше сожалѣніе могло бы обратиться въ осужденіе ваше, если бы уваженіе къ вамъ и увѣренность въ невозможности не удержали насъ.

«Зачѣмъ это онъ ѣдетъ въ Россію? думаете вы обо мнѣ. Не на чужую свадьбу собираюсь, а хлопочу устроить таковую въ моемъ семействѣ. Одинъ баккалавръ Московской духовной академіи желаетъ вступить со мною въ родство. А мой Кавказъ? Рушился, благодаря Св. Синоду, который отвергъ мое условіе о независимости отъ главнаго священника арміи и флотовъ. Но это не мое дѣло. Меня просили на Кавказъ, я согласился условно. Надо мыкать горе въ Парижѣ.

«Зовутъ въ Посольство за депешами. Не осудите моего скораго и плохаго писанія, и вѣрьте моему сердечному уваженію и неизмѣнной преданности».

Наша духовная литература и наше богослуженіе сильно интересовали въ это время иностранныхъ богослововъ, которые старались поближе познакомиться съ нашею церковью и ея обрядною стороною. Такъ, этою же осенью по поводу погребенія скончавшагося въ Тюбингенѣ Пелопидаса, тамошній профессоръ университета, Пальмеръ, обратился ко мнѣ письмомъ за разъясненіемъ нѣкоторыхъ подробностей нашего богослуженія, при чемъ онъ писалъ между прочимъ слѣдующее: «Присутствуя при погребеніи статскаго совѣтника Пелопидаса, я не могъ довольно насмотрѣться на достоинство вашего обряда, ни довольно наслушаться замѣчательно прекрасныхъ аккордовъ богослужебнаго пѣнія. Но я желалъ бы знать, слова этихъ пѣснопѣній были ли псалмы или молитвы вродѣ de Profundis или Miserere латинской церкви? У меня есть ваша книжка (мой переводъ панихиды съ объясненіями), но я просилъ бы указать мнѣ въ ней тѣ слова, которыя были пѣты при погребеніи. Кромѣ того, я позволю себѣ еще одинъ вопросъ. Въ письмахъ Муравьева о богослуженіи восточной церкви въ переводѣ Муральта находится, конечно, болѣе риторическое, чѣмъ наглядное, описаніе пасхальной ночи. Я бы хотѣлъ знать, дѣйствительно ли это изображеніе пасхальнаго торжества вѣрно и соотвѣтствуетъ дѣйствительности? Такъ ли это совершается и теперь въ Россіи? И въ самомъ ли дѣлѣ, въ праздникъ Пасхи всѣ привѣтствуютъ другъ друга словами: Христосъ воскресе! Воистину воскресе!? Я предлагаю эти вопросы особенно потому, что мнѣ назначено на слѣдующей недѣлѣ держать въ Штутгартѣ публичное чтеніе, предметомъ котораго я избралъ сопоставленіе символики и литургики въ различныхъ исповѣданіяхъ христіанской церкви, при чемъ мнѣ хотѣлось бы выставить на видъ эстетическую сторону богослуженія въ каждой церкви». Конечно, я не замедлилъ увѣрить профессора Пальмера въ томъ, что въ описаніи Муравьева пасхальной службы не было ничего преувеличеннаго и что напротивъ это, какъ ему казалось, риторическое изображеніе ниже дѣйствительности, что надо самому присутствовать въ ночь Пасхи, особенно въ Москвѣ, чтобы придти въ религіозный восторгъ отъ этого торжественнаго празд-

нованія воскресенія Христова православною церковью. Послѣ этого я съ любопытствомъ ожидалъ назначеннаго публичнаго чтенія въ Стутгартѣ. Мнѣ особенно было интересно услышать, какъ этотъ профессоръ протестантскаго университета выразится передъ смѣшанною аудиторіею католиковъ, протестантовъ и православныхъ на счетъ той церкви, которую западные христіане привыкли считать заброшенною, темною и отсталою. Но профессоръ Пальмеръ, несмотря на свою сдержанность, противъ воли увлекся восторгомъ при изображеніи обрядности православной церкви и особенно при описаніи торжества пасхальной ночи въ Россіи и увлекъ за собою слушателей, отвѣтившихъ ему на это громкими рукоплесканіями.

Но благоденственное и мирное житіе мое въ Стутгартѣ въ концѣ этого года было нарушено еще разъ повторившеюся попыткою вызвать меня на служеніе въ Россію. 3-го ноября 1866 г. получилъ я нежданно-негаданно отъ графа Д. А. Толстаго, бывшаго тогда оберъ-прокуроромъ Св. Синода, слѣдующее приглашеніе:

«По поводу имѣющаго вскорѣ послѣдовать назначенія на епархію ректора С.-Петербургской духовной академіи епископа выборгскаго Іоанна, озабочиваясь избраніемъ ему достойнаго преемника въ должности ректорской, я обратилъ вниманіе на ваше высокопреподобіе, ученые труды и просвѣщенная дѣятельность котораго на пользу православной церкви извѣстны не только въ Россіи, но и за границей.

«Покорнѣйше прошу ваше высокопреподобіе увѣдомить меня съ полною откровенностью, въ какой мѣрѣ означенное предположеніе мое согласуется съ вашими собственными намѣреніями и желаніемъ, дабы сообразно съ симъ, въ случаѣ вашего согласія, я могъ предложить о семъ Святѣйшему Синоду. Польза службы и личное мое къ вамъ уваженіе побуждаютъ меня выразить, что для меня было бы весьма пріятно, если бы вы приняли предлагаемую вамъ высокую должность. Въ случаѣ вашего на то согласія, благоволите испросить предварительно августѣйшее соизволеніе ея величества королевы, такъ какъ безъ разрѣшенія ея величества ни въ какомъ случаѣ не можетъ состояться ваше назначаніе, буде же таковое разрѣшеніе послѣдуетъ, то примите на себя трудъ испросить у ея величества приказаній касательно замѣщенія вашего мѣста.

«Въ ожиданіи отвѣта вашего, съ которымъ покорнѣйше прошу по возможности не замедлить, остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью вашего высокопреподобія покорнѣйшимъ слугою. Графъ Дмитрій Толстой».

Вотъ и опять я былъ поставленъ въ затруднительное положеніе борьбы между долгомъ службы и моимъ личнымъ отношеніемъ къ моей августѣйшей духовной дочери. И вотъ я отправился съ этою бумагою на

совѣтъ къ ея величеству. И. въ этотъ разъ, королева отвѣчала мнѣ, что она согласна разстаться со мною, если того требуетъ польза службы. Но въ настоящемъ дѣлѣ она желала бы знать, почему выборъ о. ректора академіи падаетъ на меня, а не на кого другаго? Ожидаютъ ли чего лучшаго отъ моей личности, или хотятъ имѣть по тогдашнему стремленію къ всевозможнымъ реформамъ новаго человѣка съ новыми взглядами? Во всякомъ случаѣ она совѣтуетъ мнѣ напередъ выяснить себѣ, чего отъ меня хотятъ, и какъ графъ Толстой самъ приглашаетъ меня высказаться на это съ полною откровенностію, то королева и совѣтуетъ, прежде чѣмъ дать рѣшительный отвѣтъ, списаться съ графомъ Толстымъ и написанное предварительно показать ея величеству. На этомъ основаніи я отвѣтилъ графу Толстому слѣдующимъ письмомъ:

15-го (27-го) ноября 1866 г. Стутгартъ.

«Предложеніе, которое ваше сіятельство дѣлаетъ мнѣ въ почтеннѣйшемъ письмѣ вашемъ отъ 3-го ноября, такъ важно, что я стараюсь забыть при этомъ и свою личность, и свои интересы, и только имѣть въ виду самое дѣло. И потому покорнѣйше прошу принять мой отзывъ съ тою благосклонностью, съ которою вы изволили вызывать меня на полную откровенность.

«Назначеніе на мѣсто ректора духовной академіи лица изъ бѣлаго духовенства—дѣло у насъ довольно новое, и имѣя до сихъ поръ одинъ только предшествующій примѣръ въ Московской духовной академіи, при предстоящемъ повтореніи того же и въ С.-Петербургской духовной академіи, заставитъ предполагать особые виды или намѣренія духовнаго начальства. Поэтому очень естественно освѣдомиться напередъ, какія требованія будутъ поставлены отъ того лица, на которое падетъ выборъ въ такую важную должность? Соединено ли съ этимъ нововведеніемъ какое-либо особое направленіе въ воспитаніи и образованіи духовнаго юношества? Или же эта мѣра только случайная, не имѣющая никакого отношенія къ столь желаемому измѣненію прежнихъ порядковъ и отношеній?

«Если одно только послѣднее предположеніе вѣрно, то мои служебныя и личныя отношенія не позволятъ мнѣ прервать той священной для меня связи, которая удерживаетъ меня здѣсь при особѣ ея величества. Другое дѣло, если выборъ начальства на такую важную должность падаетъ на меня, въ томъ предположеніи, что моя личность, моя долголѣтняя наглядность къ другимъ порядкамъ, моя совершенная новость въ застарѣлой рутинѣ нашихъ училищныхъ преданій именно нужны въ данную минуту,—въ такомъ только случаѣ могу я принести въ жертву новому званію своему мои, болѣе чѣмъ служебныя только, отношенія къ августѣйшей особѣ, при которой я имѣю счастіе состоять духовникомъ.

Говоря это, я выражаю не одни только свои чувства, но вмѣстѣ и взглядъ на это дѣло ея величества.

«Переходя отъ общаго взгляда на дѣло къ моимъ личнымъ отношеніямъ къ оному, я долженъ поставить на видъ, кромѣ моей совершенной неопытности въ училищной службѣ, главнымъ образомъ мою долголѣтнюю отчужденность отъ нашихъ порядковъ, вслѣдствіе которой я могъ бы провести въ свою должность новость взгляда на веденіе управленія однимъ изъ высшихъ нашихъ духовныхъ заведеній, могущую повести ко многимъ преобразованіямъ какъ внутренняго состоянія онаго, такъ и внѣшнихъ отношеній его. При этомъ я, конечно, долженъ приготовиться ко многимъ нареканіямъ въ европеизмѣ и еще, чего избави Боже, въ протестантизмѣ, но, идя на великое дѣло, я готовъ бы былъ переносить злобную молву, если бы только я былъ увѣренъ въ сочувствіи къ моимъ дѣйствіямъ высшаго начальства.

«Но такъ какъ вы въ вашемъ письмѣ благосклонно коснулись и моихъ собственныхъ намѣреній и интересовъ, то я долженъ признаться, что переходъ отсюда на какую бы то ни было службу въ Россію въ настоящую минуту помѣшалъ бы исполненію моихъ уже очень недалекихъ ожиданій. На первомъ планѣ въ этомъ отношеніи стоитъ окончаніе образованія моихъ сыновей, находящихся теперь при мнѣ, которое должно послѣдовать не ранѣе 2-хъ лѣтъ. Затѣмъ 16-го апрѣля 1869 года исполнится 25-ти-лѣтіе моего служенія за границею и съ этимъ соединенное право на пенсію. Если бы предлагаемое мнѣ назначеніе могло совпадать съ этимъ срокомъ, то это много облегчило бы мою рѣшимость разстаться съ настоящею моею службою за границею.

«На основаніи всего этого, я позволяю себѣ, съ высочайшаго соизволенія ея величества, въ отвѣтъ на дѣлаемое мнѣ предложеніе, представить слѣдующія соображенія на ваше благоусмотрѣніе:

1. Прежде всего желательно было бы имѣть полное и ясное свѣдѣніе о видахъ духовнаго начальства при предполагаемомъ назначеніи меня на мѣсто ректора С.-Петербургской духовной академіи.

2. Затѣмъ я просилъ бы покорнѣйше прислать мнѣ инструкцію ректора академіи съ дозволеніемъ войти по оной въ изложеніе моихъ личныхъ взглядовъ на это дѣло и моихъ предположеній по веденію управленія академіею.

3. Наконецъ, въ виду совершенной новости для меня этого дѣла и полной неопытности въ управленіи заведеніями, я сталъ бы просить дать мнѣ сроку до 1869 года, въ продолженіе котораго я могъ бы приготовить себя къ предлагаемой мнѣ высокой должности какъ предварительнымъ изученіемъ самаго дѣла по инструкціямъ и уставамъ духовныхъ училищъ, такъ и болѣе спеціальнымъ наблюденіемъ надъ состояніемъ и управленіемъ подобныхъ заведеній за границею, какъ

протестантскихъ, такъ и католическихъ не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ.

«Въ заключеніе прошу вѣрить, что всѣ эти соображенія основаны не столько на личныхъ интересахъ, сколько на глубокомъ сознаніи важности того дѣла, къ которому высшему начальству угодно будетъ призвать меня.

«Примите, высокоуважаемый графъ, увѣреніе въ глубокой преданности къ вамъ и моей искренней готовности жертвовать всѣмъ на благо родной церкви и отечества.

«Вашего сіятельства искренно и глубоко преданный слуга протоіерей І. Базаровъ».

Этотъ отвѣтъ былъ принятъ въ Петербургѣ въ смыслѣ отказа, и уже 29-го ноября графъ Толстой изъявилъ мнѣ въ частномъ письмѣ свое сожалѣніе о несостоявшемся намѣреніи опредѣлить меня на мѣсто ректора С.-Петербургской духовной академіи. Я помѣщаю здѣсь и это письмо графа Толстаго ко мнѣ, изъ котораго снова до ясности видно, что судьба моя связана была моимъ положеніемъ при королевѣ, и потому каждая попытка привлечь меня на службу въ Россію ставилась прежде всего въ зависимость отъ воли ея величества. Самъ же я не могъ настоятельно стремиться оставить свое мѣсто въ Стутгартѣ, не оскорбивъ чувства привязанности или просто долговременной привычки ко мнѣ моей августѣйшей духовной дочери. Это же чувство деликатности руководило и самое начальство, имѣвшее право и возможность вызвать меня въ Россію на ту или другую должность. Лестныя выраженія по отношенію ко мнѣ въ письмѣ графа Толстаго сводятся однако же къ тому же предвзятому началу, что я, несмотря на то и на это, прежде всего принадлежу по службѣ королевѣ и безъ ея воли не могу распоряжаться собою. Вотъ это письмо графа Толстаго:

«Какъ ни прискорбно было для меня получить отъ васъ отказъ на предложеніе принять мѣсто ректора С.-Петербургской духовной академіи, но, взвѣсивъ приводимые вами доводы, я не могу не сознать, что въ настоящее время дѣйствительно вамъ невозможно было поступить иначе. Я съ удовольствіемъ ожидалъ бы васъ до 1869 года, но вы знаете сами, что учебное заведеніе не можетъ оставаться безъ начальства въ продолженіе трехъ лѣтъ; потому ректоромъ академіи назначенъ сегодня протоіерей Янышевъ. Во всякомъ случаѣ, если только я самъ останусь оберъ-прокуроромъ Св. Синода еще три года, я буду счастливъ предоставить вамъ то мѣсто, которое въ то время откроется и будетъ соотвѣтствовать какъ вашимъ достоинствамъ, такъ и собственному вашему желанію. Разумѣется, какъ теперь, такъ и тогда я ничего не предприму безъ предварительнаго соизволенія ея величества королевы, такъ какъ для меня воля ея величества священна, не въ оффиціальномъ, но въ дѣйствительномъ и полномъ значеніи этого слова.

«Когда представится случай, прошу покорнѣйше повергнуть предъ ея величествомъ искреннѣйшее выраженіе моей безграничной преданности. Очень одолжили бы меня, также напомнивъ обо мнѣ давнишней моей знакомой г-жѣ Томиловой. Вашъ покорнѣйшій слуга Д. Толстой».

29-го ноября 1866 года.

Вслѣдъ за этимъ я получилъ письмо и отъ моего добраго пріятеля В. П. Титова, которому я тотчасъ же сообщилъ смыслъ моего отвѣта на предложеніе графа Толстаго и просилъ его сообщить мнѣ о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ мой отзывъ на мое начальство. Изъ письма В. П. Титова видно, что мой отзывъ былъ принятъ не совсѣмъ въ смыслѣ полнаго отказа. Вотъ что писалъ мнѣ объ этомъ В. П. Титовъ:

С.-Петербургъ. 30-го ноября 1866 года.

«Прибавляю нѣсколько строкъ въ отвѣтъ на ваши довѣрительныя извѣстія отъ 15-го (27-го), дражайшій батюшка, объ отзывѣ, сдѣланномъ вами на предложеніе академическаго ректорства. Съ тѣхъ поръ дошла, вѣроятно, и до вашего свѣдѣнія мысль о назначеніи туда Ивана Леонтьевича Янышева. Дѣло такимъ образомъ, кажется, можетъ почитаться на первый разъ оконченнымъ. Зная ваше мнѣніе объ о. Янышевѣ и дружескія къ нему отношенія, не сомнѣваюсь, что и вы порадуетесь этому выбору, какъ одному изъ самыхъ лучшихъ. Вы посмотрите, если состоится назначеніе Ивана Леонтьевича, какъ пойдетъ дѣло на ладъ. Пройдетъ года два, въ теченіе которыхъ самыя событія представятъ вѣрнѣйшія ручательства того, какія на дѣлѣ окажутся трудности и какого позволительно ожидать успѣха. Съ другой же стороны, лишь бы удачно обошелся первый опытъ участія бѣлаго духовенства въ исправленіи важнѣйшихъ должностей по дѣлу церковныхъ училищъ, лишь бы обратилось благополучно это initium dimidium laboris, важныхъ и существенно полезныхъ мѣстъ найдется болѣе, чѣмъ вдоволь, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и на другихъ видныхъ и вліятельныхъ пунктахъ просторной нашей матушки-Россіи».

Назначеніе о. Янышева на мѣсто ректора С.-Петербургской академіи было самымъ подходящимъ дѣломъ во всѣхъ отношеніяхъ, и я удивляюсь, почему не палъ на него перваго этотъ выборъ, и почему для этого обратились напередъ ко мнѣ и Ключареву (впослѣдствіи архіепископу харьковскому Амвросію)? Единственною причиною тому могло быть только то, что о. Янышевъ въ то время былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы занять мѣсто, которое до сихъ поръ замѣщалось архіереями. Должность ректора академіи не могла ему помѣшать продолжать свои отношенія къ цесаревнѣ, и вотъ вслѣдъ за моимъ уклончивымъ отвѣтомъ ему предложили это мѣсто, которое онъ и принялъ, хотя, по свойственному ему смиренію, со страхомъ и трепетомъ, но вмѣстѣ и съ

полнымъ сознаніемъ важности принимаемаго на себя долга. Я помѣщаю здѣсь его письмо ко мнѣ, писанное при самомъ вступленіи его въ эту должность, характеризующее личность этого одного изъ лучшихъ нашихъ дѣятелей на поприщѣ духовнаго просвѣщенія. Его хотя и недолговременная служба въ должности ректора академіи оставитъ по себѣ свѣтлую страницу въ исторіи академіи. Но пусть потомки прочитаютъ сами это письмо его ко мнѣ и судятъ, съ какими чувствами онъ вступалъ на это поприще.

4-го декабря 1866 года. Волково.

«Ваше любезное письмо еще отъ 25-го октября дошло ко мнѣ чрезъ Ивана Васильевича Рождественскаго вмѣстѣ съ извѣстіемъ, что, въ случаѣ отказа Ключарева принять ректорство въ академіи, его предложатъ вамъ, такъ какъ вы вмѣстѣ съ нимъ были предложены первыми кандидатами на этотъ постъ. Вашъ отвѣтъ былъ понятъ здѣсь какъ тонкій отказъ, ибо нельзя же было оставить мѣсто незанятымъ на два года, и вотъ мнѣ предложили его съ словами, что если и я откажусь, то бѣлое духовенство надолго снова будетъ устранено отъ подобныхъ мѣстъ. Зная желаніе цесаревны видѣть меня поближе къ Петербургу и видя невозможность занять мѣсто въ Аничковомъ дворцѣ, уже давно занятое моимъ же товарищемъ и не представляющее ни средствъ къ жизни, ни поприща для дѣятельности, къ какимъ сдѣлана своего рода привычка, а съ другой стороны опасаясь, что, возвратившись въ Висбаденъ, я не найду покоя въ совѣсти за бѣгство отъ важнаго дѣла, я отдалъ себя на волю Божію. И тамъ и здѣсь—мнѣ приходится быть какъ будто вашимъ преемникомъ, по крайней мѣрѣ опытно взойти въ исполненіе мысли, вамъ впервые заявленной и давно предначертанной. Говорить ли, какъ бы мнѣ дорогъ былъ всякій вашъ совѣтъ, а тѣмъ болѣе участіе въ нашемъ общемъ дѣлѣ и долгѣ духовнаго просвѣщенія. А случаевъ къ оному много. Вы можете написать что̀ угодно для «Христіанскаго Чтенія», что́ угодно для прочтенія въ засѣданіи конференціи, которой предполагается дать по возможности дѣйствительное значеніе, и наконецъ можете, во имя блага церкви и моего личнаго спасенія, прямо бранить или поощрять меня, щадить и наказывать, и я, какъ неизбѣжно преданный вамъ, приму все къ самому серьезному соображенію и послѣдую вашему слову съ любовію и покорностью, ибо знаю, что вы всегда были только благодѣтельны во всѣхъ вашихъ отношеніяхъ ко мнѣ грѣшному. Усерднѣйше прошу чрезъ ваше благосклонное посредничество и отца Репловскаго, если бы онъ вздумалъ снова перомъ послужить церкви, принять участіе въ нашемъ «Христіанскомъ Чтеніи», которое во всѣхъ отношеніяхъ хотѣлось бы поставить на болѣе разумныхъ и для сотрудниковъ болѣе привлекательныхъ основаніяхъ, о которыхъ въ свое время будетъ публиковано.

*

«Не могу вамъ описать, какая тревожная доселѣ была жизнь моя и здѣсь въ Питерѣ, при переѣздахъ изъ столицы въ Царское и обратно, при новыхъ знакомствахъ и возобновленіи старыхъ, при множествѣ родныхъ, разсѣянныхъ по самымъ отдаленнымъ концамъ Питера, при неимѣніи квартиры, которая и теперь состоитъ изъ маленькаго угла на Волковомъ, гдѣ мы всѣ сбиты въ кучу и гдѣ я едва нахожу возможность писать даже эти строки. Но въ академіи будетъ попросторнѣе квартира, хотя едва-ли не тѣснѣе отъ дѣла. Однако о томъ позвольте писать вамъ изъ академіи. Кабы вы знали, какъ горячо желаю послужить церкви въ самыхъ нѣдрахъ ея. Вспомяните, смѣю просить васъ, и меня грѣшнаго съ академіею и въ сердцѣ и въ молитвахъ вашихъ и продлите дружбу вашу къ преданному вамъ всецѣло протоіерею І. Янышеву».

Не могу здѣсь не прибавить изъ моихъ воспоминаній о прошломъ оцѣнки столь близкой мнѣ личности І. Л. Янышева. Онъ былъ человѣкъ увлекающійся, и все, что замѣчалось имъ хорошаго, въ личностяхъ ли или въ жизни вообще, приводило его въ восторгъ; напротивъ, всякая слабость въ человѣкѣ, всякій безпорядокъ въ дѣлахъ приводилъ его въ сердечное уныніе. Но рядомъ съ этимъ онъ живо интересовался успѣхами въ научной ли или церковной жизни. Живя въ Германіи среди ученыхъ богослововъ и образованныхъ пастырей, среди упорядоченной жизни гражданской, онъ горѣлъ желаніемъ все это пересадить на родную почву и скорбѣлъ душою о томъ, что все это хорошее такъ трудно принимается у насъ въ Россіи. Ему было все свято, что служило къ возрастанію внутренняго человѣка въ вѣрѣ, надеждѣ и любви. Въ своей должности ректора академіи онъ обратилъ преимущественное вниманіе на учено-богословское образованіе духовнаго юношества и успѣлъ достигнуть въ этомъ отношеніи блистательныхъ результатовъ.

Періодъ управленія о. Янышевымъ академіею останется однимъ изъ блестящихъ въ исторіи этого высшаго богословскаго института.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма Г. С. Батенькова—князю Е. П. Оболенскому.

1.

7-го марта 1848 года. Томскъ.

И ваше письмецо, почтеннѣйшій Евгеній Петровичъ, я имѣлъ удовольствіе получить, точно уже удовольствіе потому, что не ожидалъ. Будучи такъ добры, вы повѣрите и моей благодарности.

Вы справедливо замѣчаете, что наукѣ нашего времени именно недостаетъ благочестія. Она вышла бы изъ своей шаткости и противорѣчій, еслибъ признала Бога всему причиною. Какъ ни гляди, а приписывая все, даже и красоту природы, кругообращенію шара, дѣйствію центральнаго огня, возвышенію земной коры, электричеству, магнитизму и проч. и проч., даже пожалуй самому золоту—ничего изъяснить нельзя. Понадобится непремѣнно воля, разумъ и намѣреніе. Вотъ почему и можно похвалить начинавшееся стремленіе молодыхъ литераторовъ искать прогрессъ въ духѣ и внутреннею истиною объяснять явленія.

Наука не разобрала даже самыхъ простыхъ предметовъ: времени и пространства. Она безусловно вѣритъ зрѣнію и слуху и всегда колеблется вѣрить разуму.

Обстоятельства моей жизни заставляли меня думать о времени. Прежде я едва ли не смѣшивалъ его съ машиною и опредѣлялъ простымъ счисленіемъ. Прошелъ возрастъ школьническихъ привычекъ, и ясно стало мнѣ, что всѣ извѣстныя теоріи времени не содержатъ въ себѣ и столько даннаго (?), сколько требуетъ простая тригонометрія. Тамъ необходимо дѣйствительно измѣрить хотя одно основаніе. Считая цифрами часы, дни и годы, нельзя было ничего сказать о времени. Я примѣтилъ, что не цифрами, а скукою существеннѣе знаю время, и тогда понялъ, что чувство есть лучшее учебное пособіе, а когда прожилъ пятьдесятъ лѣтъ, конечно, уже не пропустивъ ни одной минуты, то вотъ и измѣрилъ

нѣчто. Не тутъ ли путь къ открытію въ наукѣ Америки. Почему бы не стать уму въ свойственномъ ему самопознаніи; тогда онъ станетъ къ пространству не какъ къ стереометрической пустотѣ и къ времени, не какъ къ грубому механическому движенію, но въ прямомъ ихъ къ себѣ, къ жизни и къ Богу отношеніи, и вообще на природу будетъ смотрѣть тогда не какъ на взъерошенную дѣйствіемъ мертвыхъ силъ поверхность шара, но какъ на полное отраженіе вѣчнаго бытія живой разумной причины, и въ ней будетъ искать себѣ силы и благодати, столько же для знанія, сколько и для дѣйствія. Тогда достойно будетъ называть землю міромъ и обиталищемъ умной твари.

Мы уже слишкомъ умны и все, что насъ окружаетъ, чрезъ мѣру искусственно, нами самими изобрѣтено и произведено, но кто это все сохранитъ? и гдѣ гарантіи, что будетъ на это воля?.... должно вѣровать.

Вы упоминаете о послѣднемъ произведеніи Гоголя. Очевидно, что онъ въ состояніи переходномъ. Можно однако же опасаться, что не вполнѣ выразилъ смиреніе. Да и дѣло чрезмѣрно трудное. Самые ревностные подвижники не всегда могли довести эту добродѣтель до отреченія отъ собственнаго своего авторитета и замѣненія его вѣрою живому Богу. Тутъ не безнадежность, не уныніе, не сотреніе себя, а тихій свѣтъ Святыя Славы. Очевидно, что тутъ и для изящества словесности источникъ совершеннѣйшій; но достиженіе его, ежели и возможно индивидуально, то едва-ли скоро можетъ быть до того сообщительнымъ, чтобы и прессъ тому содѣйствовалъ. Вотъ почему переходное состояніе есть преимущественно состояніе страданія, и чудно было бы, еслибъ кому-нибудь удалось прійти въ дѣйствительный покой. И то много, если можно почерпать какое-нибудь утѣшеніе.

Въ письмѣ къ Ивану Ивановичу вы прочитаете нѣкоторыя подробности моего житья. Вамъ ихъ не повторяю, да и не интересны онѣ столько.

Господь да хранитъ васъ и милуетъ; не забывайте меня. Батеньковъ.

Кланяйтесь отъ меня всѣмъ вашимъ товарищамъ.

2.

17-го января 1856 г. Село Петрищево (Бѣлевъ).

Уже мнѣ извѣстно, что знаменитая нѣкогда Ялуторовская колонія обречена на запустѣніе, и главные ея представители удалились; въ числѣ ихъ и вы сами. Привѣтствую васъ съ давно желаемымъ возвращеніемъ къ роднымъ и на родину. Ежели все тридцатилѣтнее терпѣніе обратимъ мы въ живое чувство, трудно будетъ соперничать съ нами въ глубинѣ и прочности любви и во всей ея благородной дѣятельности по вѣрѣ и долгу.

Это въ первый разъ пишу я прямо къ вамъ. Израиль въ разсѣяніи, и никакая сжатость уже не возможна. Жалѣю, что, проѣхавъ Калугу на разсвѣтѣ и спѣша воспользоваться невѣрною переправою черезъ рѣку, я не могъ представиться княгинѣ Натальѣ Петровнѣ. Опасеніе мое было справедливо, ибо оттепель гналась по стопамъ и настигла меня, какъ только успѣлъ стать на мѣсто.

Я бы охотно отправился и теперь, сколько для свиданія съ вами, столько же и для того, чтобы проводить отдѣлившуюся на время отъ нашей семьи Марью Васильевну Кирѣевскую, но это предпріятіе не совпадаетъ теперь съ другими задуманными поѣздками, и я ограничиваюсь письменною бесѣдой. Правду сказать, дальняя дорога такъ меня утомила, что я не успѣлъ въ два мѣсяца исчерпать всю пріятность наслажденія покоемъ, а долговременная разлука, почти чудомъ кончившаяся, такъ сокращаетъ время настоящее, что кажется, оно наполнено однимъ свиданіемъ. Вѣрно, не чуждо и вамъ такое чувство.

Ни отъ кого изъ товарищей я прямо свѣдѣніе не получилъ, хотя знаю о нихъ нѣкоторыя подробности по письмамъ изъ Москвы и Питера. Можно, кажется, надѣяться, что около васъ составляется небольшая группа, хотя и не полагаюсь я на вѣрность данныхъ.

Одинъ только баронъ (Розенъ?) обогрѣлъ себѣ мѣсто въ столицѣ. Почему же и всѣмъ не желать бы того же, а совокупнымъ стремленіемъ и настойчивостью, при нынѣшнемъ расположеніи къ добру, почему бы и не одолѣть надзоръ и ограниченіе. Кажется, уже одни лѣта наши даютъ достаточный залогъ.

Прошу васъ, Евгеній Петровичъ, сохранить ко мнѣ пріязнь, а отъ меня примите искреннее желаніе благословенія Божія на васъ и все ваше.

Новый годъ мы встрѣтили въ новой обстановкѣ или, точнѣе сказать, въ возобновленной. По общему смыслу, это—добро, предзнаменованіе и возобновленіе добра. Дай Богъ.

Будьте здоровы! Вашъ преданный Батеньковъ.

3.

15-го сентября 1857 г. Петрищево.

.....Отъ нечего дѣлать я принялся теперь за переводъ цѣлыхъ 28 томовъ «Histoire du bas Empire», самаго непростительнаго пробѣла въ нашей литературѣ, и хорошо бы было для этого образовать въ помощь мнѣ цѣлую Академію у васъ, особливо изъ молодыхъ артиллерійскихъ для славы ихъ и выгодъ; а для напечатанія книгопродавцы готовы; однако дають, собаки, только пять рублей съ печатнаго листа. По опыту, уже сдѣланному, мнѣ нужно три недѣли времени на одинъ томъ.

При томъ я беру на себя не болѣе 10 книгъ, а остальныя (будетъ переводить?) здѣшній народъ: оно бы не худо и одному зашибить тысячи полторы цѣлковыхъ; переводить крайне легко. Г. Le Beau пишетъ ясно и просто, какъ всѣ авторы XVIII вѣка, кротокъ, умный, но немного съ папскимъ или католическимъ душкомъ. Но за это мы не въ отвѣтѣ. Предметъ же этой судьбы Византіи—постоянно занимательный.

Ай батюшки, все исписалъ и поклониться негдѣ, а хочется поклониться всѣмъ, каждому и каждый съ каждымъ поклонись. Что симъ и исполнено.

Да хранитъ васъ Господь. Вѣрный вашъ Батеньковъ.

4.

29-го іюня 1861 г. Сел. Мишенское.

Благодарю васъ, мой добрый другъ Евгеній Петровичъ, за ласковое и подробное извѣщеніе. Сегодня навечеріе назначеннаго у васъ семейнаго торжества, и надлежало бы пустить входъ все краснорѣчіе и обратиться съ моимъ словомъ ко всѣмъ на особицу, но несносный жаръ не хуже болѣзни отнимаетъ всѣ силы, а мнѣ не хочется углубиться въ даль безпочтовую, не перекинувъ къ вамъ нѣсколько словъ. Оставьте меня на волю предаться въ эти дни простому душевному къ вамъ чувству и по возможности молитвѣ. Я и усталъ не много: ходилъ пѣшій къ обѣднѣ въ Бѣлевъ, хотѣлось видѣть тульскаго архіерея, въ епархіи котораго чаще всего болтаюсь почти пять лѣтъ, а самого не видалъ, хотя это уже при мнѣ третій.

Не больше какъ черезъ мѣсяцъ времени письменная наша бесѣда замѣнится изустною, хотя, правду сказать, не много я вывезу для ея содержанія. Съ пріѣзда занимало меня то, что появленіемъ какихъ-то калужскихъ помѣщиковъ разыгрывалась здѣсь страшная буря и насъ красными, разумѣется по-французски, называли потому, что отъ фатальнаго декабря, какъ отъ бѣгства изъ Мекки въ Медину, считается лѣтосчисленіе всѣхъ возможныхъ эмансипацій. Теперь все утихло, можно сказать, забыто, и я свернулся въ мой покой, какъ моллюскъ въ свою раковину.

Вопросами намъ перекидываться довольно трудно какъ по недостаткамъ сельской почты, такъ и по неимѣнію содержанія.

Теперь открываютъ волости, выбираютъ старшинъ и сельскихъ судей въ родѣ присяжныхъ. Новость, конечно, и занимательна, но желаемый тактъ далеко не установился. Первая присяга избирателей въ сословіи, гдѣ они не допускались, вѣроятно, производитъ впечатлѣніе въ умахъ, но жаль, что Св. Синодъ не позаботился изложить ее по самому существу дѣла, понятно и впечатлительно простому человѣку, а эта генеральная,

сочиненная Петромъ I и испещренная иноязычіемъ, далеко не соотвѣтствуетъ предмету. Мировые посредники все здѣсь разбираютъ на словахъ, по пятницамъ еженедѣльно съѣзжаются въ уѣздномъ городѣ. Но идетъ одна разработка и значительнаго доселѣ не предстало. Губ. присутствіе циркуляромъ сильно понизило значеніе своего урочнаго положенія. Ему это легче потому, что составлено тяжелымъ для крестьянъ, а съ помѣщиками ближе уже имѣть дѣло.

Много слышимъ критики на самый уставъ, особенно добровольное соглашеніе почитаютъ въ конецъ непрактичнымъ. Жалуются, что право владѣнія перестало быть обезпеченнымъ, когда теперь при полноправности такое обширное поле произволу, то легче уже послѣ кроить собственность административно. Наконецъ, вопіютъ и на новыя учрежденія, называя ихъ огульною опекой надъ всею собственностью, а не находятъ ничего незаконнаго, если кто и не пуститъ мироваго посредника въ свое имѣніе.

Все это, какъ я сказалъ выше, разработка. Дѣло доселѣ не тронутое, подобно американскимъ лѣсамъ съ ихъ ліанами.

Простите, ежели опять найдете неясности, право, и разсуждать страшно, чтобъ не ударило солнце въ голову, при 30° температуры.

Будьте здоровы!

По описанію банкета заключаю, что Маріи Яковлевны нѣтъ это лѣто въ Калугѣ.

Спросите у Петра Николаевича, достанетъ ли у него на мѣсяцъ терпѣнія или переслать его книги по почтѣ?

5.

15-го февраля 1862 г. Усадьба Уткино.

Хотя отсутствіе мое весьма недолговременно и говорить рѣшительно не о чемъ, но какъ завтра я располагаю ѣхать въ Бѣлевъ 17-го, а въ субботу пойдетъ къ вамъ почта, то и не хочется не окликнуть Калугу, при таковой оказіи.

Къ Цуриковымъ писано уже два раза, и оставалось рѣшить, кому адресовать въ вашъ домъ, моральной разницы нѣтъ: къ княгинѣ ли Натальѣ Петровнѣ или къ товарищу Евгенію Петровичу, а прочтутъ вѣрно сообща. Одно только обстоятельство послужило опредѣленію. Можетъ быть, доведется попросить о чемъ-нибудь, чтобъ было передано ко мнѣ домой, а это при всей вѣжливости въ обращеніи къ главному лицу, кажется, немного не вѣжливымъ по содержанію, раздѣлить же самое чувство, впадая въ какой-то дуализмъ, мнѣ рѣшительно не возможно. И такъ, схватывая выраженіе французскаго конвента, пишу «единое и нераздѣльное».

Деревенская жизнь моя течетъ тихо и спокойно. Два раза только отворялъ наружныя двери. Однажды сдѣлалъ пѣшкомъ самую крошечную прогулку и въ воскресенье ѣздилъ къ обѣднѣ въ нашу Петрищевскую церковь; но какъ она, по обыкновенію, холодная, и мнѣ это тяжело, то и собираюсь, какъ выше сказано, въ городъ, на навечеріе и утро прощенаго дня. Не маловажно для успокоенія и то, что во все время бытности здѣсь, въ расходной книжкѣ записано только бѣлый серебряный гривенникъ и 43 копѣйки серебряной мѣди. Думаю, что и Бѣлевъ не разоритъ: количество наличной кассы уйметъ его прыть, а пріютъ въ немъ и еще одинъ на дорогѣ готовы, а весь путь составляетъ верстъ 15. Самойло, принимая должность возницы, говоритъ, что это пустяки.

Въ большомъ дѣлѣ крестьяне вообще и, кажется повсемѣстно, представляютъ неодолимую стѣну для отраженія подписи на уставныхъ грамотахъ. Нельзя бы по справедливости правительству не обратить на это вниманіе особливо въ концѣ тысячелѣтія, какъ на выработавшійся въ этотъ циклъ характеръ, логику и голосъ своего, неоспоримо великаго народа. Славянофилы утверждаютъ, что всякая сила дѣйствуетъ до нѣкоторой мѣры въ прямомъ направленіи, а потомъ въ обратномъ, развивается ли по свойству упругости или просто толкаетъ. Едва-ли теорія ихъ теперь не оправдывается на дѣлѣ. Крестьяне не грубятъ, не буянятъ, мало спорятъ и даже добровольно соглашаются въ надѣлѣ. Одни представляютъ, что они не грамотны, на письмѣ добра и зла въ будущемъ различать не могутъ и смиренно покоряются закону, въ составленіи котораго не участвовали и не способны были участвовать. Вѣрятъ, что такъ и есть законъ, какъ имъ читаютъ и толкуютъ помѣщики, предводители, посредники и исправники, но принять на себя утвержденіе закона они не могутъ, и подпись ихъ излишня и неразумна, когда все дѣйствіе законно по взгляду знающихъ. У нихъ нѣтъ средствъ и искусства удержать за собою и тѣмъ обезпечить владѣніе землею. Напишутъ иначе, иначе и будетъ, какъ они уже привыкли видѣть. Крѣпости уже нѣтъ, въ остальномъ имъ старое понятнѣе. Ежели нужно что дѣлать съ отмѣной крѣпости, это знаютъ лучше, кто ее отмѣняетъ. Пусть указъ, а не сами они, не зная, что дѣлаютъ, кабалятъ себя. Намъ нужна земля, и часто обидно насъ надѣляютъ, но скажите на милость, какъ мы повѣримъ и подпишемъ, сколько оброка и сколько когда рабочихъ дней, когда читаютъ о данныхъ десятинахъ, когда мы едва смекаемъ на фунты сѣна и на неполныя сажени дровъ и всегда почти доводится спорить, не говоря уже о мѣрѣ, вѣсѣ и складкѣ, въ чемъ мы тянемъ къ себѣ, а покупщики къ себѣ, и нѣтъ на свѣтѣ суда, который бы насъ помирилъ. А тутъ же разсчетъ на дни и часы съ штрафами, голова идетъ кругомъ и не можемъ сказать ни да, ни нѣтъ. Такъ законно, пустозаконно не противимся.

Вотъ крестьянская логика, такъ ясная, что разобрать ее можно. Не могу я назвать это ни гражданскимъ расколомъ, ни оппозиціей, а точно дѣйствіе упругости въ обратномъ направленіи. Пусть иныя подавали руки, и считается это подписью, но тутъ одно повиновеніе и уступка на соглашеніе и миръ, но закона никто не подписывалъ. Вотъ что похоже на протестацію. Объясняютъ безнравственнымъ разсчетомъ, мечтательными надеждами; но о цѣлой массѣ этого сказать нельзя; она лучше и разумнѣе.

Нельзя сказать, чтобъ самъ я глубоко входилъ въ это дѣло, но понимаю, что бюрократическимъ путемъ оно вполнѣ не устроится.

Съ россійской почты уже пересланы мнѣ письма, но изъ Калуги такъ скоро, исключая особенную надобность, я не требовалъ и не имѣю. Это равно форменному донесенію, что все благополучно.

Зима доселѣ крѣпится, но съ новымъ мѣсяцемъ можетъ быть и перемѣна; почему нельзя рисковать дорогою, и я остаюсь при прежнемъ намѣреніи выѣхать въ лунную ночь 2-го или 3-го марта, никакъ уже не позже втораго въ постъ воскресенья. Объ этомъ и надобно сказать Цуриковымъ, съ тѣмъ, чтобъ почту 3-го марта взяли уже къ себѣ, а тѣ два письма, о которыхъ я просилъ, чтобъ не зависѣть много отъ здѣшняго почтмейстера и не посылать нарочнаго въ Дельцы, надобно адресовать въ Бѣлевъ на имя Авдотьи Петровны Елагиной для передачи мнѣ. Вотъ и все.

Полагая, что кромѣ васъ не достанетъ ни у кого терпѣнія прочитать такое длинное и сухое посланіе, я ограничиваюсь поклонами Свистунову, Виктору Антоновичу и всей публикѣ. Прошу извиненія у Натальи Петровны, княгини Александры Андреевны, у Натальи Сергѣевны, Варвары Самсоновны и цѣлую ихъ ручки. Близокъ день, когда всѣхъ прощаютъ, простятъ и меня, навѣрное простятъ. Я всегда такъ надѣюсь, что бы ни дѣлалъ. Нельзя однако на особицу не привѣтствовать Андрея Васильевича и Александра Михайловича, не обнять дѣтей и не погрозить нѣкоторой изъ нихъ, а Татьянѣ Александровнѣ не пожелать скораго и полнаго выздоровленія, и Кашкиныхъ забыть нѣтъ возможности; я поклонюсь ихъ замку, когда буду проѣзжать черезъ гостепріимныя Прыски.

Кажется, довольно: не напрасно заплачено за марку; руки хотя и безъ толку, но въ волю расходились.

Слышу теперь лучше. Вылѣчилъ здѣсь дружественный песъ своимъ цѣлительнымъ языкомъ, точно уже противъ ожиданія непріятности совсѣмъ оглохнуть отъ старости. Грудь однако давитъ, и это не льститъ надеждѣ помолодѣть.

Да хранитъ васъ Господь и укрѣпитъ ко мнѣ въ дружбѣ. Батенькъвъ.

Тетенькѣ моей кивнуть не упустите. Ежели поѣду мимо, утромъ, можетъ быть, доведется ей стащить съ ногъ огромные сапоги.

Мы получили адресъ тверскихъ дворянъ, надѣлавшій шуму въ Москвѣ. Просятъ объ уничтоженіи (отмѣнѣ) всѣхъ сословныхъ привилегій и созваніи Земской Думы. Неуважительно отзываются о царскихъ совѣтникахъ, бюрократіи и мировыхъ учрежденіяхъ.

Письмо еще имѣю отъ Натальи Петровны Киреевской; Цуриковымъ кланяется, Сашенькѣ почти завидуетъ, какъ удалившейся отъ мірскихъ треволненій. Отъ Погодина уже два письма. Все ихъ содержаніе, что писать ко мнѣ сбирается. Лучшеву я еще не отвѣчалъ.

Сообщ. княгиня **М. Г. Оболенская.**

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXIV [1]).

Драматическая труппа прежнихъ годовъ: В. А. Каратыгинъ.—Брянскій.—Дюръ.—Сосницкій.—Каратыгинъ 2-й.—Максимовъ.—Самойловъ.—Григорьевъ 1-й.—Григорьевъ 2-й.—Марковецкій.—Бурдинъ.—Мартыновъ.—Асенкова.—Самойлова 1-я.—Дюръ.—Самойлова 2-я.—Московская труппа: Мочаловъ.—Щепкинъ.—Самаринъ.—Шумскій.—Садовскій.—Оперная труппа: Артемовскій.—Воробьева.—Петрова.—Леоновъ.—Степанова.—Французская труппа М-г и М-me Alan.—Alexandre Méer.—Bresfan.—Verné.—Росси.—Причины упадка русскаго театра.

Было бы нѣкоторымъ упущеніемъ съ моей стороны, если бы я, въ своихъ «воспоминаніяхъ», не отвелъ нѣсколько страницъ въ память знаменитой, во всѣхъ отношеніяхъ, драматической труппѣ конца тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, тѣмъ болѣе, что прошло уже болѣе 30 лѣтъ, какъ она стала испаряться, а, между тѣмъ, такой совокупности, одновременно, столькихъ крупнѣйшихъ талантовъ едва ли мы дождемся. Эта совокупность не была однако слѣдствіемъ одной случайности, а имѣла, конечно, свою причину, о которой я упомяну лишь мелькомъ въ концѣ главы.

Прежде каждый родъ драматической литературы имѣлъ блестящихъ представителей среди артистовъ. Со смертью Каратыгина 1-го трагедія пала окончательно. О Шекспирѣ и даже о Шиллерѣ или о трагедіяхъ иныхъ авторовъ не можетъ быть уже давно и рѣчи. Безъ великихъ талантовъ трагедія является пародіей не только на драматическое искус-

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1901 г.

ство, но и на драматическую литературу; и потому нельзя не отдать справедливости нынѣшнимъ артистамъ въ томъ, что они не берутся за трагическія роли. А между тѣмъ отсутствіе трагедіи составляетъ отсутствіе главнаго звена въ цѣпи драматическаго искусства.

Прежде всего, я постараюсь охарактеризовать всѣхъ наиболѣе талантливыхъ артистовъ.

Каратыгинъ 1-й (Василій Андреевичъ). Онъ исполнялъ исключительно роли трагическія и высоко-драматическія. Я съ полнымъ убѣжденіемъ ставлю его въ разрядъ самыхъ геніальныхъ артистовъ. Впервые я увидалъ Каратыгина въ 1836 году, и до нынѣ, въ теченіе полувѣка, я не встрѣчалъ для трагедіи ни у насъ, ни между иностранными артистами хотя бы единаго артиста, близко подходящаго къ Каратыгину 1-му. Этотъ человѣкъ точно родился трагикомъ. Усвоить себѣ до поразительной естественности движенія сильныхъ душъ изображаемыхъ имъ людей едва-ли возможно, не нося подобныхъ задатковъ въ своей натурѣ. Къ тому же, внѣшнія условія Каратыгина были особенно благопріятны для артиста, изображающаго трагическія и драматическія роли. Онъ былъ большаго роста, имѣлъ чрезвычайно стройную фигуру, достойную для модели скульптора; движенія его, отъ выработки или по натурѣ, были изящно пластичны; голосъ его былъ особенно звучный баритонъ, достигавшій, въ нужные моменты, до потрясающаго могущества. Вѣрность интонаціи и размѣръ рѣчи, сообразно обстоятельствамъ, составляютъ, конечно, одно изъ главныхъ условій для артиста, въ особенности въ трагедіи или въ драмѣ. Иногда требуется особенная быстрота рѣчи, другой разъ наоборотъ, и Каратыгинъ, какъ въ интонаціи, такъ и въ размѣрахъ рѣчи, былъ не только не погрѣшителенъ, но достигалъ въ этихъ отношеніяхъ полнаго совершенства.

Но превыше всего въ этомъ артистѣ горѣлъ задушевный, неподдѣльный и истинный огонь. Каратыгинъ дѣйствовалъ на публику обаятельно; съ появленіемъ его, бывало, просіяетъ, будто-бы, не только сцена, но и публика, которую онъ держалъ постоянно въ напряженномъ состояніи, потому, что она не желала пропустить ни единаго звука, ни единаго измѣненія его лица, или движенія его фигуры. Публика всегда была въ неистовомъ восторгѣ отъ игры Каратыгина; но онъ имѣлъ враговъ во вліятельномъ литературномъ кружкѣ: объ этомъ я упомяну ниже. Несмотря, однако, на этихъ и другихъ завистливыхъ враговъ, сценическое поприще Каратыгина было постояннымъ тріумфальнымъ его шествіемъ до конца жизни.

Натуральность и естественность игры Каратыгина составляли, конечно, главное его достоинство. Извѣстно, что господствуютъ два противоположные взгляда на сценическую игру; одни полагаютъ, что артистъ, при игрѣ, отнюдь не долженъ чувствовать и увлекаться, а дол-

женъ изучить всѣ внѣшнія условія изображаемаго имъ лица такъ, чтобы зрителю казалось, что артистъ въ самомъ дѣлѣ все чувствуетъ. Я жетого мнѣнія, что истинный цѣнитель сценическаго искусства всегда подмѣтитъ, въ данномъ случаѣ, въ артистѣ натянутости чувства, и подобная игра не удовлетворитъ зрителя, а скорѣе оскорбитъ его. Другіе полагаютъ, что изученіе есть дѣло лишнее, что достаточно играть, какъ они говорятъ, однимъ нутромъ. Этотъ послѣдній взглядъ составляетъ другую крайность. Конечно, можно предпочитать игру нутромъ игрѣ дѣланной, безъ истиннаго чувства и увлеченія, но одного этого недостаточно: изученіе должно быть необходимымъ условіемъ для артиста. Онъ долженъ обдумать и изучить все, одинъ на одинъ, самъ съ собою; но когда, на сценѣ, является извѣстный, подходящій моментъ, истинный артистъ не можетъ не увлечься, смотря по состоянію своего духа,—одинъ разъ такъ, другой—иначе; между тѣмъ, предварительное изученіе, незамѣтно, безотчетно послужитъ артисту непремѣнно въ пользу увеличенія силы впечатлѣнія на зрителя.

Каратыгинъ совмѣщалъ въ себѣ оба условія: и истинный жаръ, и всѣ внѣшніе атрибуты, необходимые для искусства игры, которые онъ пріобрѣталъ тщательнымъ изученіемъ, и доводилъ такимъ образомъ игру до полной иллюзіи и совершенства.

Племянникъ Василія Андреевича Каратыгина, Петръ Петровичъ, сынъ артиста Каратыгина 2-го, извѣстный отчасти въ литературѣ и котораго я хорошо зналъ, разсказывалъ мнѣ, что у его дяди была комната, обставленная кругомъ зеркалами, въ которую онъ всегда запирался передъ представленіемъ,—хотя бы онъ игралъ уже въ предстоящей пьесѣ множество разъ,—и просилъ домашнихъ находиться въ это время въ болѣе удаленныхъ комнатахъ.

Въ одной изъ своихъ статей Бѣлинскій, отдавая полную справедливость великому таланту Каратыгина, не призналъ за нимъ огненной страсти и трепетнаго одушевленія. Я позволю себѣ не согласиться въ этомъ отношеніи съ Бѣлинскимъ. Во-первыхъ, Бѣлинскій никогда не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, произведеннаго на него игрою Мочалова въ Гамлетѣ и Отелло, которую онъ называлъ вулканическимъ вдохновеніемъ. Во-вторыхъ, въ другой статьѣ встрѣчается какъ бы нѣкоторое противорѣчіе высказанному выше взгляду. Бѣлинскій, характеризуя игру Каратыгина въ «Заколдованномъ домѣ», гдѣ Каратыгинъ игралъ Людовика XI, и восхитившись этой игрою, замѣтилъ, что во всей пьесѣ было только два мѣста, гдѣ Каратыгинъ показался ему не Людовикомъ XI, а Каратыгинымъ. Надо знать, что недоброжелатели Каратыгина упрекали его за то, что онъ слишкомъ силенъ въ извѣстныхъ сценахъ, отдаваясь своему темпераменту, тогда какъ роль того не требуетъ. Изъ этого слѣдуетъ, что Бѣлинскій упрекнулъ Каратыгина

за то, чѣмъ онъ восторгался въ Мочаловѣ, т. е. вулканическимъ вдохновеніемъ. Какъ бы то ни было, означенный упрекъ противорѣчитъ съ непризнаніемъ за Каратыгинымъ огненной страсти и трепетнаго одушевленія.

Я утверждаю, съ полнымъ убѣжденіемъ, что Каратыгинъ обладалъ и священнымъ огнемъ, и одушевленіемъ, и творческимъ талантомъ, необходимыми для истиннаго артиста-художника.

Я уже высказывалъ прежде то глубокое уваженіе, которое я питалъ къ Бѣлинскому; но это не можетъ помѣшать мнѣ сказать, что я не могу признать за Бѣлинскимъ его компетентности во взглядѣ на Каратыгина, и это по слѣдующей, весьма вѣской причинѣ. Бѣлинскій, послѣ переѣзда своего въ Петербургъ, въ 1839 году, и по день смерти, въ 1848 году, видѣлъ Каратыгина всего 4 или 5 разъ. Хотя это обстоятельство было хорошо мнѣ извѣстно, но лучшимъ подтвержденіемъ этого факта служатъ его рецензіи. Вообще, Бѣлинскій имѣлъ нѣкоторое предубѣжденіе противъ игры Каратыгина, заимствованное имъ отъ другихъ, которое онъ не могъ разбить окончательно по той причинѣ, что онъ слишкомъ рѣдко видалъ Каратыгина.

По отношенію къ Каратыгину, Бѣлинскій довѣрялся своимъ пріятелямъ, которые не симпатизировали Каратыгину.

Я очень хорошо помню, какъ эти господа, пойдя посмотрѣть, ради новинки, какую-нибудь пошлую драму Кукольника, зажужжатъ Бѣлинскому, что Каратыгинъ невозможенъ, что противно идти смотрѣть его, что онъ только реветъ и больше ничего. Между тѣмъ Каратыгинъ, обязанный играть въ этихъ драмахъ, дѣлалъ съ своей стороны всевозможныя усилія, чтобы подобныя пьесы не проваливались сразу, такъ какъ онѣ находили поддержку въ извѣстныхъ слояхъ общества.

Итакъ, Бѣлинскій видѣлъ Каратыгина два раза въ Москвѣ: въ «Гамлетѣ» и въ «Коварство и любовь». Затѣмъ, въ Петербургѣ, онъ видѣлъ: «Велизарія», «Парашу Сибирячку», «Гвельфы и Гибелины» и «Заколдованный домъ». Я свидѣтельствую, что, въ Петербургѣ, Бѣлинскій ни разу не видалъ Каратыгина ни въ «Гамлетѣ», ни въ «Отелло».

Приведу здѣсь подлинные отрывки изъ рецензій Бѣлинскаго объ игрѣ Каратыгина въ пьесахъ, которыя онъ, Бѣлинскій, самъ видѣлъ. Въ то же время, это будетъ доказательствомъ великой добросовѣстности незабвеннаго критика, такъ какъ я знаю, какъ сильно наускивали Бѣлинскаго на Каратыгина.

Въ «Гамлетѣ», — говоритъ Бѣлинскій, — Каратыгинъ игралъ «искусно».

О представленіи «Коварство и любовь» вотъ что сказалъ Бѣлинскій: «Въ искусствѣ изящная форма великое дѣло, особенно тамъ, гдѣ вдохновеніе не прорывается бурными волнами. Г. Каратыгинъ заговo-

рилъ... Въ его словахъ, въ его дикціи мы не слыхали трепетнаго одушевленія, но, несмотря на то, чувствовали себя подъ вліяніемъ какого-то обаянія».

Послѣ представленія «Велизарія», Бѣлинскій написалъ довольно большую статью, гдѣ, признавая въ Каратыгинѣ высокаго художника, говоритъ, между прочимъ: «Пусть Каратыгинъ не перестаетъ показывать, что̀ такое художественность формы, безъ которой и истинное искусство не достаточно и не полно. Каратыгинъ создалъ роль Велизарія. Онъ является на сценѣ Велизаріемъ и сходитъ съ нея Велизаріемъ, а Велизарій, котораго онъ игралъ, есть великій человѣкъ, герой, который является грозой готѳовъ и вандаловъ, руководителемъ христіанскаго міра противъ враговъ». Далѣе—«словомъ, въ продолженіе цѣлой роли, благородная простота, геройское величіе видны были въ каждомъ; шагѣ, слышны были въ каждомъ словѣ, въ каждомъ звукѣ Каратыгина передъ вами постоянно являлось несчастіе въ величіи».

Увидавъ «Парашу Сибирячку», Полевого, Бѣлинскій такъ отозвался объ игрѣ Каратыгина: «Его игра была, по обыкновенію, торжествомъ сценическаго искусства со стороны художественнаго созданія характера, въ пьесѣ довольно неопредѣленнаго. Въ самомъ дѣлѣ, увидѣвъ разъ Каратыгина въ этой роли, нельзя забыть этого высокаго человѣка съ густыми усами, съ мрачнымъ видомъ, съ порывистыми движеніями, обличающими огненныя страсти и желѣзную душу»... Далѣе: «Прекраснъ былъ Каратыгинъ, въ сценѣ свиданія съ дочерью и въ этомъ безуміи, съ какимъ онъ узнаетъ отъ нея о прощеніи».

Случилось Бѣлинскому видѣть Каратыгина въ «Гвельфахъ и Гибелинахъ», и Бѣлинскій отнесся къ его игрѣ, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: «Пьеса составлена для роли Каратыгина, который, по обыкновенію, сыгралъ ее обдуманно, съ мыслью, умно и ловко воспользовался всѣми средствами, какія только могла она дать его таланту. О родѣ таланта г. Каратыгина каждый можетъ имѣть свое мнѣніе [1]), но никто не можетъ, безъ нарушенія добросовѣстности, не согласиться, что онъ—артистъ въ душѣ, и что съ его удаленіемъ со сцены Александринскаго театра, удалится оттуда искусство, не оставивъ по себѣ и слѣда».

Что же касается до отзыва Бѣлинскаго объ игрѣ Каратыгина въ «Заколдованномъ домѣ», гдѣ Каратыгинъ игралъ Людовика XI, то Бѣлинскій посвятилъ этому представленію очень обширную статью, восхваляющую Каратыгина. Я приведу изъ этой статьи только нѣсколько строкъ: «Таковъ Каратыгинъ въ этой роли! Въ каждомъ словѣ, въ

[1]) Очевидный намекъ на тѣхъ, которые называли Каратыгина балаганнымъ актеромъ.

каждомъ жестѣ вы видите характеръ историческаго Людовика XI. Посмотрите, какъ онъ согнулся, какъ часто кашляетъ, задыхается, какъ медленна и слаба его походка, какое коварство въ его будто-бы простодушномъ смѣхѣ, какъ онъ все видитъ, притворяясь, что ничего не видитъ, какъ онъ умѣетъ прикинуться обманутымъ, чтобы вдругъ и врасплохъ схватить свою жертву и заставить ее во всемъ сознаться, замѣтьте, какъ ужъ черезчуръ обыкновененъ его языкъ, простонародны его манеры, грубы шутки, и какъ сквозь все это виденъ король, знающій, что онъ король, увѣренный въ своемъ могуществѣ, въ силѣ своего ума и непреклонности воли! Вотъ вамъ игра Каратыгина, если это даетъ вамъ о ней хоть какое-нибудь понятіе!.. Игру его невозможно характеризовать словами, а надо видѣть, чтобы понять и оцѣнить верхъ драматическаго искусства и торжество его таланта, являющагося въ этой роли въ своемъ апоѳеозѣ».

Таковы отзывы Бѣлинскаго о тѣхъ роляхъ, въ которыхъ онъ самъ видѣлъ Каратыгина. Изъ этихъ отзывовъ видно, что Бѣлинскій, вопреки всѣмъ наускиваніямъ, признавалъ въ Каратыгинѣ великій талантъ и великаго драматическаго артиста и художника, одареннаго творческимъ элементомъ.

Я остановился довольно долго на вопросѣ о взглядѣ Бѣлинскаго на игру Каратыгина потому, что я возымѣлъ смѣлость высказать, что я не согласенъ съ Бѣлинскимъ въ томъ, что Каратыгинъ будто-бы былъ лишенъ вдохновеннаго огня. Я счелъ своею обязанностью не только парализовать означенный взглядъ, но и доказать ошибочность его, и кажется, я доказалъ это фактами, т. е. тѣмъ, что Бѣлинскій видѣлъ Каратыгина въ серьезныхъ роляхъ всего 4 или, быть можетъ, 5 разъ, а равно и тѣмъ, что артистъ, лишенный вдохновенія, не могъ бы произвести на Бѣлинскаго такого впечатлѣнія, какое произвелъ на него Каратыгинъ, судя по рецензіямъ самого Бѣлинскаго.

Теперь я сообщу вкратцѣ объ игрѣ Каратыгина въ другихъ наиболѣе сильныхъ роляхъ:

«Коварство и любовь». Шиллера. Я привелъ уже выше отзывъ Бѣлинскаго объ игрѣ Каратыгина въ этой пьесѣ. Къ этому отзыву я могу добавить, что большинство публики, во время игры Каратыгинымъ Фердинанда, проливало потоки слезъ.

«Разбойники», Шиллера. Каратыгинъ игралъ Карла Мора, а Брянскій его брата, Франца. Роль Карла не естественна и до невозможности натянута. Роль Франца очень благодарна, и всякій умный актеръ, и безъ выдающагося таланта, можетъ сыграть ее очень хорошо и сосредоточить вниманіе публики на себѣ. Между тѣмъ, въ Петербургѣ, Франца игралъ такой сильный артистъ, какъ Брянскій. Несмотря однако на это, Каратыгинъ сумѣлъ привлекать вниманіе публики на

Карла. Резонерства Карла выходили у него не противны, и необычайный тактъ для игры, которымъ обладалъ Каратыгинъ, подсказывалъ ему сглаживаніе того, что приторно и для зрителя скучно. Но въ пьесѣ есть высшій сценическій моментъ; это тотъ моментъ, когда Карлъ, велѣвъ взломать двери подвала, наталкивается на отца, выходящаго оттуда еще живымъ, тогда какъ Карлъ считалъ его давно умершимъ. Представьте же себѣ положеніе человѣка, передъ которымъ внезапно предстало лицо, считавшееся давно умершимъ, но лицо живое. Страшное недоумѣніе и ужасъ должны охватить человѣка. Изобразить, въ подобномъ обстоятельствѣ, внезапный ужасъ и недоумѣніе въ томъ—стоитъ ли человѣкъ передъ живымъ лицомъ, или передъ призракомъ, должно представлять для артиста неодолимую трудность. Въ подобный моментъ, всякія слова, выражающія ужасъ и недоумѣніе, покажутся непремѣнно пошлыми и слабыми. Каратыгинъ, при своемъ громадномъ тактѣ для игры, чувствовалъ, что подобный моментъ надо изобразить не рутинно-пошлыми жестами или словами ужаса, а сообразно положенію духа человѣка, инымъ, болѣе натуральнымъ образомъ. Какъ же онъ поступалъ? Только-что Карлъ увидалъ призракъ—какой-то ураганъ отталкиваетъ его отъ отца и ураганъ такой силы, что роняетъ Карла на колѣна, назадъ, и продолжаетъ толкать его, уже въ этомъ положеніи, чрезъ всю сцену, какъ будто человѣкъ катится по рельсамъ. Каково же должно было быть изученіе и сколько надо было употребить времени для того, чтобы достигнуть подобнаго движенія. Но, кромѣ того, нужна была огромная сила мускуловъ и внутренняя сила духа для иниціативы такого движенія. Такимъ образомъ, самый затруднительный моментъ изображался Каратыгинымъ блестящимъ образомъ. Потомъ, отецъ медленно идетъ къ Карлу; тогда только онъ убѣждается, что видитъ дѣйствительно не призракъ, а живаго человѣка, и только тогда начинается уже рѣчь. Послѣ Каратыгина я раза три видалъ Карла Мора на нѣмецкихъ сценахъ: въ Дрезденѣ, Вѣнѣ и еще гдѣ-то. Я видѣлъ тоже Карла Мора въ Москвѣ и въ провинціи, и повсюду онъ былъ болѣе нежели противенъ.

«Уголино», Полевого. Въ этой пьесѣ Каратыгинъ игралъ Ноно.—Читателямъ, болѣе или менѣе, должно быть извѣстно содержаніе пьесы. Я напомню только самую сильную сцену трагедіи.

Два молодыхъ существа, Ноно и Вероника, любятъ другъ друга, но они принадлежатъ къ семействамъ, враждующимъ между собою и питающимъ мысль о мщеніи. Ноно убѣгаетъ съ Вероникой, и они скрываются въ горахъ, въ хижинѣ. Ежедневно Ноно ходитъ въ деревню за добываніемъ провизіи. Сцена представляетъ площадку въ горахъ; въ ущельи видна хижина, и Ноно съ Вероникой сидятъ на скамьѣ подъ деревомъ, передъ его уходомъ на часокъ въ деревню. Мо-

лодая пара наслаждается любовью, и Каратыгинъ особенно рельефно напиралъ на эту сцену, чтобы рельефнѣе вышла слѣдующая за тѣмъ ужасающая, трагическая сцена. Въ роли Вероники я видѣлъ сначала г-жу Дюръ, но она была полна для этой роли; а потомъ я видѣлъ въ этой роли восхитительную Вѣру Самойлову, не задолго до того, поступившую на сцену. Иллюзія нѣжныхъ взаимныхъ ласкъ была полная. Для Каратыгиня Вѣра Самойлова была дитятей, его учиницей. Веронику безпокоитъ какое-то тяжелое предчувствіе, а потому она старается какъ можно долѣе задерживать Ноно; любящая другъ друга парочка не подозрѣваетъ однако, что за нею уже слѣдятъ.

Спустя не много по уходѣ Ноно, является дядя Ноно, Уголино, который требуетъ, чтобы Вероника слѣдовала за нимъ. Вероника убѣгаетъ, но Уголино догоняетъ ее, въ ярости, закалываетъ и оставляетъ кинжалъ, принадлежащій его врагу Руджиро, дабы отстранить отъ себя подозрѣніе. Вскорѣ возвращается Ноно, удивляется, что Вероника не бѣжитъ къ нему, по обыкновенію, на встрѣчу, и полагаетъ, что она спряталась гдѣ-нибудь за деревьями; но никого не видно и не слышно. Тогда Ноно идетъ въ хижину. Публика ждетъ неистоваго крика и вопля отчаянія; ничуть не бывало; въ хижинѣ царитъ гробовая тишина и такая пауза длится нѣсколько минутъ. Наконецъ, появляется на порогѣ Ноно, молча, блѣдный, какъ смерть; его ноги дрожатъ, онъ прислоняется спиной къ стѣнѣ хижины, у самыхъ дверей, и молчаніе продолжается. Потомъ, Каратыгинъ нѣсколько нагибается и манитъ къ себѣ рукой старика-пастуха, тутъ находящагося. Старикъ подходитъ, Каратыгинъ схватываетъ его за воротъ у затылка, сильно нагибаетъ его голову и тычетъ ее въ низенькую дверь хижины. Тогда только Каратыгинъ раскрываетъ ротъ и спрашиваетъ шопотомъ, но такимъ шопотомъ, отъ котораго волосъ становится дыбомъ и который былъ слышенъ во всѣхъ концахъ залы: «Видалъ ли ты мертвыхъ?» и повторяетъ этотъ вопросъ раза три, при чемъ съ каждымъ разомъ усиливаются въ голосѣ звуки подготовляемаго рыданія, и затѣмъ Каратыгинъ грохается во весь ростъ на землю безъ чувствъ. Послѣ того прибѣгаютъ люди, вмѣстѣ съ убійцей, и приводятъ Ноно въ чувство. Но когда онъ приходитъ въ себя, когда ему показываютъ кинжалъ, тогда только вступаетъ въ свои права могучій голосовой органъ Каратыгина; зритель слышитъ какъ бы рыканія льва въ пустынѣ; нѣтъ мѣры проклятіямъ, нѣтъ тѣхъ тиранній, которымъ не придумывалъ бы Ноно подвергнуть убійцу Вероники. Всю эту сцену Каратыгинъ ведетъ не подымаясь еще на ноги. Такъ изображалъ Каратыгинъ ужасающую трагическую сцену, которая у всѣхъ, видѣнныхъ мною послѣ Каратыгина актеровъ въ этой роли, выходила до невозможности слаба. Въ самомъ дѣлѣ, моментъ для Ноно ужасенъ, и нуженъ могучій талантъ, нуженъ для артиста

большой умъ, чтобы дѣйствительно потрясти зрителя, и чтобы вся описанная сцена не представилась ему зрѣлищемъ балаганнымъ. Бѣлинскій не видалъ Каратыгина въ этой роли, но замѣтилъ, въ одной своей статьѣ, что въ этой роли Каратыгинъ долженъ быть превосходенъ и можетъ пожинать лавры вмѣстѣ съ Полевымъ. Эта иронія относилась къ Полевому, а не къ Каратыгину. Каратыгинъ долженъ былъ играть эту роль и игралъ ее болѣе, нежели превосходно. Но и иронія относительно Полеваго совершенно не заслужена, такъ какъ трагедія Полеваго комбинирована искусно и удачно.

«Тридцать лѣтъ или жизнь игрока». Пьеса эта, конечно, далека до Шекспировскаго пошиба, она не затрогиваетъ общечеловѣческихъ струнъ; но не менѣе того обнимаетъ развитую въ человѣчествѣ страсть къ игрѣ. И эту страсть пьеса исчерпываетъ до дна. Пьеса эта преисполнена трагическими моментами и предоставляла Каратыгину широкую арену для его могучаго таланта. Онъ всегда и вездѣ выдерживалъ свои роли съ начала до конца; но выдержка роли въ этой пьесѣ, гдѣ человѣкъ является въ разныхъ, ужасныхъ контрастахъ своей жизни, выше всякаго сравненія. Во всѣхъ сценахъ онъ былъ превосходенъ, но два момента и, при томъ, моменты безъ словъ, гдѣ играло одно выраженіе лица, неизгладимо рисуются въ моихъ глазахъ, какъ бы это было сейчасъ. Вотъ эти моменты: когда Каратыгинъ въ рубищѣ, голодный, пришелъ просить чего-нибудь, чтобы притащить женѣ хлѣба, онъ встрѣчаетъ въ Обержѣ путешественника, видимо богатаго, который приглашаетъ нищаго закусить съ нимъ и проситъ его проводить по неизвѣстной ему въ горахъ дорогѣ. Вся внутренняя борьба, начавшая совершаться въ душѣ игрока, читалась зрителемъ въ выраженіяхъ лица Каратыгина, моментально измѣнявшагося, смотря по пробѣгавшимъ въ его умѣ мыслямъ, и читалась какъ бы по книгѣ. Этотъ моментъ игры былъ самымъ выразительнымъ въ игрѣ Каратыгина. Другой моментъ: товарищъ по игрѣ, въ дѣйствительности, мошенникъ-шулеръ, Вагнеръ, сообщаетъ игроку, что, пробираясь къ нему, онъ наткнулся на свѣже разрытую землю, расшевеливъ которую, увидѣлъ трупъ убитаго человѣка, еще не остывшаго. За часъ до того игрокъ сдѣлался уже убійцей, и при словахъ Вагнера въ немъ должна была возбудиться не внутренняя борьба, подобная той, которая была передъ тѣмъ въ Обержѣ, а иное душевное движеніе страха отъ уличаемаго преступленія. Въ этотъ моментъ, тоже молча, Каратыгинъ наводитъ ужасъ на зрителя. Затѣмъ, игрокъ и Вагнеръ садятся играть въ карты. Замѣчу здѣсь, мимоходомъ, что Каратыгинъ тасовалъ при этомъ карты, какъ можетъ дѣлать это только фокусникъ. Это показываетъ, до какой степени Каратыгинъ относился серьезно къ ролямъ, которыя онъ долженъ былъ изображать. Послѣдняя сцена этой пьесы была преисполнена

внѣшняго эффекта. Игрокъ,—уличенный Вагнеромъ въ убійствѣ и подстрекаемый имъ на новое убійство заснувшаго въ хижинѣ офицера, какъ на дѣло уже знакомое,—рѣшается на это преступленіе; но въ эту минуту молнія ударяетъ въ хижину, она загорается; прибѣгаетъ отсутствующая до того жена и объявляетъ, что спящій въ хижинѣ офицеръ—ихъ сынъ. Игрокъ, сознавая всю страшную пропасть своего нравственнаго паденія, схватываетъ упирающагося Вагнера какъ щенка и бросается вмѣстѣ съ нимъ въ огонь, при крикѣ: «намъ съ тобой только и есть мѣсто въ аду!» Эта сцена исполнялась Каратыгинымъ съ потрясающимъ ужасомъ, и въ подобныхъ сценахъ внѣшняго эффекта сами враги Каратыгина признавали его превыше всякаго сравненія. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ я долго жилъ въ Парижѣ. Знаменитый артистъ, Фредерикъ Леметръ былъ еще живъ, и хотя онъ оставилъ уже сцену, но изрѣдка появлялся на ней. Мнѣ случилось однако видѣть его два раза въ «Жизни игрока». Объ игрѣ его, въ этой роли, я слышалъ еще въ Петербургѣ отъ пріѣзжавшихъ изъ Парижа, когда случалось завести рѣчь о Каратыгинѣ. Дѣйствительно, я увидалъ великаго артиста, но о сравненіи впечатлѣнія, произведеннаго на меня имъ и производимаго на меня Каратыгинымъ, не могло быть и рѣчи: во всѣхъ отношеніяхъ Каратыгинъ былъ превосходнѣе.

Брянскій. Это былъ сильный драматическій и трагическій артистъ, съ талантомъ, можно сказать, первокласснаго пошиба. Его игра была умна, строго размѣрена и строго разсчитана. Огненной игры у него не было, онъ принадлежалъ къ классической школѣ, совершенно подобной школѣ парижскаго Théâtre Français. Лучшей характеристики игры Брянскаго я не могу сдѣлать, какъ назвать его роднымъ братомъ итальянскаго актера Росси, котораго еще недавно видѣли у насъ въ Россіи: отчетливая, превосходная декламація, съ оттѣнкомъ пѣвучести и съ размѣренно повторяющимися повышеніями и пониженіями тоновъ голоса. Но пѣвучесть и постоянныя повышенія и пониженія тоновъ далеко не доходили у Брянскаго до надоѣдливости, какъ у Росси; вообще, игра Брянскаго была естественнѣе, чѣмъ у Росси. Въ памяти моей остались сильныя впечатлѣнія отъ игры Брянскаго въ «Отелло»—Яго, въ «Эсмеральдѣ»—Казимода, въ «Разбойникахъ»—Франца, въ «Жизни игрока»—Вагнера и др.

Но я долженъ сказать, что едва-ли я видѣлъ Брянскаго болѣе десяти разъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ Брянскій оставилъ почему-то на долго сцену, именно въ то время, когда мнѣ всего чаще приходилось бывать въ театрѣ; хотя впослѣдствіи онъ и появился вновь на сценѣ, но не надолго.

Дюръ. Этого артиста я всего видѣлъ раза четыре потому, что онъ скоро умеръ. Но мнѣ помнится, что его игра меня восхитила. Несмо-

тря на свою молодость, Дюръ имѣлъ громадное имя, и его потеря была очень чувствительна какъ для сцены, такъ и для обширнаго числа поклонниковъ его таланта.

Сосницкій. Это былъ первостепенный артистъ для, такъ называемой, высокой комедіи, а равно и для драмы; артистъ умный и съ огромнымъ талантомъ. Разнообразіе его амплуа было поразительно. Иногда онъ появлялся не только въ драмѣ, но и въ трагедіи. И кого бы онъ ни игралъ, зритель былъ напередъ увѣренъ, что получитъ не только полное удовлетвореніе, но и огромное удовольствіе, и что онъ, зритель, увидитъ какъ бы настоящее лицо, которое желаетъ видѣть въ пьесѣ. Въ комедіяхъ Мольера Сосницкій былъ особенно хорошъ. Въ «Горе отъ ума», онъ, можно сказать, сотворилъ Репетилова. Многіе ходили на «Горе отъ ума» единственно для того, чтобы видѣть Репетилова-Сосницкаго. Городничій-Сосницкій въ «Ревизорѣ», по-моему, былъ почти такъ же хорошъ, какъ Щепкинъ. Послѣдняго я видѣлъ въ роли городничаго два раза, и, конечно, безспорно, что я видѣлъ того самаго городничаго, котораго сотворилъ Гоголь. Но мнѣ кажется, что въ отзывѣ Бѣлинскаго, мелькомъ сдѣланнаго, о томъ, что «Сосницкій въ городничемъ на столько плохъ, на сколько въ этой роли превосходенъ Щепкинъ»—слышится, отчасти, тонъ пристрастія къ Щепкину. Коротко говоря, съ уходомъ Сосницкаго со сцены, въ драматической труппѣ обнаружилась громадная брешь.

Каратыгинъ 2-й. Это былъ комикъ по природѣ. Артистъ умный, талантливый, острый и находчивый, съ неподдѣльнымъ юморомъ. На сценѣ онъ былъ всегда какъ дома. Но мнѣ было часто досадно, когда его заставляли играть третьестепенныя роли въ драмахъ и трагедіяхъ. Къ этимъ ролямъ, не подходящимъ къ нему ни съ какой стороны, онъ, видимо, относился съ пренебреженіемъ, и потому почти всегда былъ плоховатъ. Но въ амплуа, сродныхъ его таланту, Каратыгинъ неизмѣнно доставлялъ большое удовольствіе чрезвычайно живой и натуральной игрой.

Максимовъ. Этотъ артистъ занималъ роли jeune-premier. Онъ имѣлъ положительно талантъ. По-моему, jeune-premier, въ сущности, суть роли самыя неблагодарныя и трудныя потому, что, въ большинствѣ случаевъ, не представляютъ какого-либо характера, а являются во всемъ какъ общія мѣста. Между тѣмъ, у Максимова все выходило сносно и гладко. Наружность его гармонировала съ его амплуа: онъ былъ хорошаго роста, съ хорошей фигурой, съ хорошими манерами и многими признавался весьма красивымъ. По моимъ понятіямъ, онъ во многихъ роляхъ доказывалъ, что онъ артистъ умный и талантливый. Вообще, Максимовъ придавалъ своей игрѣ видъ «non chalant», и въ такомъ родѣ игралъ Хлестакова, и былъ отличный Хлестаковъ; лучше

его былъ только развѣ московскій артистъ Шумскій. Но лучшаго Чацкаго я не видалъ. Онъ не придавалъ Чацкому тона серьезности и всѣ свои проповѣди и любовныя изліянія говорилъ какъ-бы шутя. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь вся роль Чацкаго до крайности не естественна, не правдива и ходульна, и если играть ее въ серьезъ, то Чацкій выйдетъ и смѣшонъ, и глуповатъ, и вмѣсто «Горе отъ ума» явится «Горе отъ глупости».

Чацкій, по идеѣ самого автора, долженъ быть уменъ, образованъ и съ пониманіемъ уже людей. Съ самой ранней юности онъ проводитъ время внѣ Москвы, за границей и возвращается въ родной край, о которомъ осталось воспоминаніе, какъ о благоуханномъ садѣ. И вдругъ, вмѣсто сада, онъ попадаетъ въ гнилое болото. Онъ сразу видитъ это и начинаетъ, съ презрительно-шуточной манерой, язвить все населеніе болота, безъ пафоса глубоко оскорбленнаго человѣка, не выдавая открыто своего внутренняго чувства на общее посмѣяніе. Коротко говоря, Максимовъ, придавая игрѣ Чацкаго шуточно-желчный колоритъ, дѣлалъ все, что можно было сдѣлать изъ роли Чацкаго, чтобы онъ показался человѣкомъ умнымъ. Сознательно ли Максимовъ придавалъ означенный колоритъ Чацкому, или это было слѣдствіемъ его натуры,—это все равно. Но я повторяю: Чацкій-Максимовъ былъ превосходенъ, и лучшаго я не видалъ.

Самойловъ. Это былъ человѣкъ необыкновенно талантливый, какъ была талантлива вся семья Самойловыхъ. Отецъ Самойлова былъ знаменитый оперный артистъ. Кромѣ сына его Василія, на Петербургской сценѣ играли двѣ его сестры: Надежда и Вѣра, артистическія звѣзды первой величины; въ провинціи два брата актеры имѣли выдающіеся успѣхи, а о талантливости третьяго брата, горнаго инженера, Сергѣя, я говорилъ уже въ одной изъ предшествующихъ главъ. Самойловъ Василій обладалъ особенною способностью внѣшняго изображенія кого бы то ни было. Онъ измѣнялъ физіономію, манеры и голосъ такъ, что передъ зрителемъ являлись именно тѣ самые субъекты, которыхъ изображалъ Самойловъ. Напримѣръ, въ пьесахъ: «Студентъ, хористъ и офицеръ», или въ «Комедіи съ дядюшкой», гдѣ нужно было безпрестанно перегримировываться, переряжаться и изображать разнородныхъ лицъ—Самойловъ былъ выше всякаго сравненія. Или, напримѣръ, въ роли «Левъ Гурьичъ Синичкинъ», князя Шаликова, гдѣ онъ представлялъ растлѣннаго, полуразвалившагося папильончика, балетомана, онъ былъ баснословно натураленъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ Самойловъ игралъ Кречинскаго. Рѣчи его онъ придалъ самый слабый польскій акцентъ, и все время не сбивался ни на единый моментъ съ этого акцента. Между тѣмъ, зритель слышалъ чистую русскую рѣчь, но сразу угадывалъ, что онъ слы-

шитъ человѣка польской національности. Я долженъ однако сказать, что Самойловъ не обладалъ элементомъ творчества. Роли обыкновенныхъ людей, гдѣ не нужна была спеціальная гримировка и внѣшнія особенности, а нужно было созданіе характеровъ, Самойлову не удавались. Напримѣръ, въ сороковыхъ годахъ, онъ игралъ Молчалина въ «Горе отъ ума», и это былъ одинъ изъ самыхъ плохихъ Молчалиныхъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть. Самойловъ игралъ Молчалина такъ, чтобы возбудить въ публикѣ самое рѣзкое отвращеніе къ этому лицу, даже съ внѣшней стороны; вслѣдствіе этого, всякая возможная иллюзія со стороны Софьи являлась немыслимой.

Свѣжа еще въ памяти Петербургской публики громкая слава, пріобрѣтенная Самойловымъ подъ конецъ его артистическаго поприща. Слава, конечно, заслуженная, но, не въ обиду памяти Самойлова, я позволю себѣ сдѣлать ему упрекъ, какъ артисту. Увлекшись своей славой, Самойловъ вздумалъ играть въ трагедіяхъ Шекспира. Между тѣмъ, въ немъ не было и тѣни трагическаго или драматическаго таланта. Это тѣмъ болѣе не простительно, что онъ видѣлъ прежде самыхъ блестящихъ представителей Шекспировскихъ героевъ. Я не пошелъ, конечно, смотрѣть изображеніе этихъ героевъ Самойловымъ, чтобы не видѣть его въ жалкомъ положеніи. Но я пошелъ посмотрѣть его въ «Іоаннѣ Грозномъ», о которомъ кричала Петербургская публика. Я увидалъ отличную гримировку, походку, костюмъ и всѣ атрибуты Іоанна Грознаго; но духа его я не увидалъ и не ощутилъ.

Григорьевъ 1-й. Этотъ актеръ, по моему взгляду, не имѣлъ выдающагося таланта, но онъ нигдѣ не портилъ ролей, имъ играемыхъ. Въ сороковыхъ годахъ, онъ игралъ, напримѣръ, Фамусова, и былъ сноснымъ Фамусовымъ; а быть сноснымъ Фамусовымъ, на которомъ, преимущественно, сосредоточивается вся комедія, составляетъ уже нѣкоторымъ образомъ заслугу актера.

Григорьевъ 2-й игралъ, по преимуществу, типы купцовъ, гостинодворцевъ и проч., и въ этихъ амплуа былъ превосходенъ.

Марковецкій. Этотъ актеръ имѣлъ нѣкоторое дарованіе; но, замѣняя часто Мартынова, хотѣлъ подражать ему. Въ сущности, онъ олицетворялъ своей игрой фарсъ и всегда все шаржировалъ. Менѣе развитой публикѣ, которая не могла отличить фарса отъ истиннаго комизма, онъ очень нравился.

Бурдинъ появился гораздо позже и нерѣдко обнаруживалъ неподдѣльный талантъ. Въ особенности, публика обратила на него серьезное вниманіе тогда, когда онъ въ «Свадьбѣ Кречинскаго» какъ бы создалъ роль Расплюева, придавъ этой несчастной, грязноватой личности оттѣнокъ драматизма.

Перейду, наконецъ, къ Мартынову, этому творческому генію въ

сценическомъ искусствѣ. Какъ ни признаю я геніальность Каратыгина, но геніальность творчества Мартынова я ставлю выше геніальности Каратыгина. Мартыновъ появился на сценѣ въ самомъ концѣ тридцатыхъ годовъ въ водевиляхъ и въ маленькихъ роляхъ. Между тѣмъ, кажется, въ 1842 году я увидалъ его однажды въ роли Гарпагона, Мольера, и онъ произвелъ на меня необыкновенно сильное впечатлѣніе. По интригамъ, или по какой-либо другой причинѣ, Мартыновъ, въ этой роли, болѣе не показывался, и въ теченіе слишкомъ 15 лѣтъ фигурировалъ, по преимуществу, только въ водевиляхъ. Но кого бы и въ чемъ бы ни игралъ, онъ поражалъ своимъ талантомъ и всегда творилъ типы, чего, конечно, не могли не оцѣнить истинные любители сценическаго искусства и опытные, развитые зрители. Что же касается до толпы, то и она всегда восхищалась Мартыновымъ. Въ сороковыхъ годахъ Мартынову давали иногда роль Осипа въ «Ревизорѣ», и это, положительно, былъ тотъ самый Осипъ, котораго нарисовалъ Гоголь. Появлялся Мартыновъ тоже въ «Горе отъ ума», попеременно съ Каратыгинымъ 2-мъ, въ роли Загорѣцкаго. И въ этой, маленькой роли, зритель видѣлъ не актера Мартынова, а того самаго свѣтскаго вруна Загорѣцкаго, который проживалъ нѣкогда, въ двадцатыхъ годахъ, въ Москвѣ. Отсутствіе шаржа и ненатуральности было отличительною чертою игры Мартынова. Читатель знаетъ, конечно, комедію: «Левъ Гурьичъ Синичкинъ»; изъ этой забавной комедіи Мартыновъ создалъ комедію серьезную, такъ что зритель страдалъ страданіями Синичкина и радовался его радостями.

Таковы-то были амплуа Мартынова въ продолженіе, какъ я уже сказалъ, болѣе 15 лѣтъ. Но вотъ, въ послѣдней половинѣ пятидесятыхъ годовъ, появляется драма актера Чернышева: «Чужое добро въ прокъ нейдетъ». Мартыновъ выступаетъ въ этой пьесѣ въ сильной драматической роли молодаго ямщика. Тогда только прозрѣлъ литературный кружокъ, пришедшій въ недоумѣніе вмѣстѣ съ большинствомъ публики. Какъ же это такъ: мы смотрѣли болѣе 15 лѣтъ Мартынова какъ талантливаго веселаго забавника, а онъ оказывается—огромный драматическій артистъ. Въ непродолжительномъ времени появилась новая превосходная драма, того же Чернышева: «Бѣдность не порокъ». Сцена передъ уходомъ къ дочери, сцена у дочери и послѣ возвращенія его домой обнаружили въ Мартыновѣ громаднаго артиста, глубоко понимающаго тончайшія пружины человѣческой души и смѣло могущаго бы явиться въ самой сильной трагической роли, подобно Каратыгину, если бы только онъ обладалъ внѣшними условіями послѣдняго. Означенная драма упрочила уже окончательно за Мартыновымъ имя великаго драматическаго артиста: съ тѣхъ поръ начали его чествовать, а онъ началъ чахоточно кашлять. Литературный міръ и большинство общества

спохватились поздненько. Лѣтомъ 1839 года я видѣлъ Мартынова въ Эмсѣ, надѣявшагося еще на поправленіе своего здоровья. По возвращеніи изъ-за границы, Мартыновъ продолжалъ играть, и я видѣлъ его въ послѣдній разъ въ 1860 году. Затѣмъ, я уѣхалъ на долго изъ Петербурга, и не знаю хорошенько, когда Мартыновъ умеръ и гдѣ могила этого высоко-геніальнаго артиста.

Перейду теперь къ женскому персоналу.

Въ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ главѣ этого персонала стояла, безспорно, Каратыгина 1-ая, жена трагика Василія Андреевича. Въ это время, она стояла выше всѣхъ и по драматическому таланту, и по образованію, и по внѣшнимъ условіямъ: она была очень хороша собой. Извѣстно, что, бывши еще дѣвушкой, она жила за границей спеціально для того, чтобы ознакомиться съ знаменитыми парижскими артистами того времени, когда игралъ еще Пальма. Я видѣлъ Каратыгину, будучи еще очень молодымъ юношей, въ 1836 году. Потомъ, я три года не былъ въ Петербургѣ и увидалъ ее опять въ 1839 году. Въ это время, она занимала еще иногда роли молодыхъ, но скоро уже перестала появляться въ подобныхъ роляхъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, я видѣлъ ее нѣсколько разъ въ роли матери Гамлета; Гамлета же игралъ мужъ ея. Въ этой роли, Каратыгина была величественно-хороша. Появлялась она тоже въ роли Натальи Дмитріевны въ «Горе отъ ума», и здѣсь, несмотря на незначительность этой роли, можно было полюбоваться ея умной игрой. Вообще, характеръ игры Каратыгиной подходилъ къ характеру размѣренной игры артистовъ Парижскаго «Théâtre Français», съ добавкою нѣкотораго природнаго одушевленія. Словомъ сказать, это была артистка высокаго стиля.

Къ числу отличныхъ актрисъ принадлежали тоже Брянская и Сосницкая. Но я не припомню указать на какія-либо выдающіяся ихъ роли. Онѣ удалились со сцены, кажется, около начала пятидесятыхъ годовъ. Я видѣлъ еще знаменитую Вальберхову, между прочимъ въ роли матери Гамлета, когда мнѣ случилось быть въ этой трагедіи первый разъ, и она была великолѣпна.

Асенкова. Она была огромной восходящей звѣздой, которая, къ великому сожалѣнію всѣхъ любителей изящнаго искусства, безвременно потухла. Мнѣ удалось ее видѣть всего раза четыре или разъ пять, между прочимъ, въ роляхъ: Херубины въ «Свадьбѣ Фигаро», въ водевилѣ—«Гусарская стоянка» и въ «Эсмеральдѣ», и во мнѣ сохранилось впечатлѣніе полнаго восторга какъ отъ ея игры, такъ и отъ ея внѣшности.

Самойлова 1-я, Надежда Васильевна. Это была замѣчательно талантливая, умная, веселая и живая артистка. Въ водевиляхъ ее, кажется, никто до сихъ поръ не могъ замѣнить. Въ особенности, она была

хороша въ Лизѣ, въ комедіи «Левъ Гурьичъ Синичкинъ». Впрочемъ, она была превосходна вездѣ и всегда, хотя бы ей приходилось играть роли и драматическаго характера. Но у нея было, сверхъ всего, одно великое достоинство, заключающееся въ томъ, что она обладала превосходнымъ, звучнымъ голосомъ контръ-альтоваго тембра и была чрезвычайно музыкальна. Съ удаленіемъ Каратыгина со сцены—нѣтъ болѣе Гамлета, а съ удаленіемъ Самойловой—нѣтъ болѣе Офеліи. Эту роль Самойлова играла восхитительно и исполняла пѣснь Офеліи такъ, какъ это могла бы исполнить только первоклассная оперная примадонна. И самая музыка этой пѣсни, сочиненной незабвеннымъ творцомъ сотенъ превосходнѣйшихъ романсовъ Варламовымъ, могла бы встать въ первый номеръ наилучшей итальянской оперы. На «Гамлета» можно было ходить не только ради игры Каратыгина, но и ради пѣсни Офеліи, исполняемой Самойловой. Въ 1840 г., Надежда Васильевна числилась Самойловой 2-й, вѣроятно потому, что прежде нея была на сценѣ, нѣкоторое время, старшая сестра, которую я собственно на сценѣ никогда не видалъ.

Г-жа Дюръ. Это была довольно талантливая, драматическая актриса съ очень красивою наружностью. Но въ то время, когда я сталъ ее видать въ драматическомъ амплуа, она была уже слишкомъ полна и для ролей молодыхъ не подходила.

Самойлова 2-я, Вѣра Васильевна. Это была артистка той же школы, къ которой принадлежала и Каратыгина 1-я. Она играла умно, всегда съ достоинствомъ и величественно; но была артистка холодная. Въ игрѣ ея было много искусства, но заключался нѣкоторый недостатокъ увлеченія и вполнѣ истиннаго чувства. Въ пятидесятыхъ годахъ давали сцены изъ Онѣгина, и, кажется, по иниціативѣ самой Вѣры Васильевны. Она изображала Татьяну. Въ изображеніи этой роли она была превыше всякихъ похвалъ: изящность, достоинство и даже искренность чувства блистали въ Татьянѣ яркимъ свѣтомъ. Вообще, жанръ игры Самойловой 2-й былъ совершенно схожъ съ жанромъ высокопробныхъ артистокъ Михайловскаго театра, какой была, напримѣръ, Плеса. Самойлова 2-я была прекраснаго роста, изящно сложна и хороша собой, хотя и не съ строго-правильными чертами.

Я не могу не упомянуть тоже о нѣкоторыхъ артистахъ Московской драматической труппы. Вѣдь эта труппа имѣла такихъ громкихъ представителей, которые, по мнѣнію многихъ, стояли даже выше петербургскихъ. Я упомяну, конечно, только тѣхъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть, а именно: Мочалова, Щепкина, Самарина, Шумскаго, Садовскаго и Живокини. Артистки женскаго персонала сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ въ памяти моей не сохранились.

Мочаловъ, какъ извѣстно, былъ трагикъ. Я видѣлъ его всего два раза въ 1839 году, въ роли Отелло. Онъ не произвелъ на меня тогда сколько-нибудь выдающагося впечатлѣнія. Присутствовавшіе на этихъ двухъ спектакляхъ, люди компетентные, какъ-то: Сергѣй Тимоѳеевичъ и Константинъ Сергѣевичъ Аксаковы, Загоскинъ и Иванъ Ивановичъ Панаевъ находили, что Мочаловъ не въ ударѣ, а, между тѣмъ, они думали увидать его во всемъ его блескѣ. Но о безподобной игрѣ Мочалова въ «Отелло» и, въ особенности, въ «Гамлетѣ,» много было писано Бѣлинскимъ.

Щепкина я видѣлъ много разъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. По истинѣ, это былъ артистъ вдохновенный и доставлялъ полное наслажденіе. Почти всѣ роли, которыя игралъ Щепкинъ, исполнялись въ Петербургѣ Сосницкимъ превосходнымъ образомъ. Конечно, Щепкина многіе ставили значительно выше Сосницкаго, но многіе тоже, въ извѣстныхъ роляхъ, отдавали преимущество послѣднему, потому что въ немъ не замѣчалось того однообразія, какое замѣчалось нѣсколько въ игрѣ Щепкина. Послѣ отзывовъ Бѣлинскаго объ игрѣ Шепкина, я, конечно, ничего прибавить не могу.

Самаринъ. Этого артиста я видѣлъ въ Москвѣ не болѣе трехъ разъ. Мнѣ онъ показался и весьма талантливымъ, и умнымъ, съ необыкновенно представительною наружностью. У меня осталось впечатлѣніе о немъ какъ о лучшемъ jeune-premier изъ тѣхъ, которыхъ я видалъ на русскихъ сценахъ, и, конечно, Максимовъ, въ этихъ роляхъ, долженъ былъ уступить Самарину, тѣмъ болѣе, что Самаринъ былъ въ то же время артистъ для серьезныхъ ролей.

Шумскій. Это былъ сильно выдающійся талантъ, который, со временемъ, дошелъ до величины первокласснаго артиста и сталъ появляться съ огромнымъ успѣхомъ въ роляхъ драматическаго характера. Его репертуаръ былъ очень обширенъ; мнѣ случалось видѣть его, напримѣръ, въ тѣхъ роляхъ, которыя играли на Петербургской сценѣ, въ болѣе раннее время, Максимовъ и Самойловъ. Въ роли Хлестакова, онъ былъ лучше всѣхъ Хлестаковыхъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть. Кречинскому онъ придавалъ нѣсколько драматическій характеръ и, по-моему, былъ лучше Самойлова, но не могъ придать своей рѣчи польскаго акцента, какой, какъ я упоминалъ выше, придавалъ Самойловъ.

Садовскій былъ превосходный артистъ, преимущественно для драматическихъ ролей, и имѣлъ громное имя, привлекавшее публику въ театръ. Напримѣръ: исключительно ради Садовскаго, публика жаждала посѣщать комедію: «Не въ свои сани не садись», въ которой онъ исполнялъ роль Любима Торцова, и производилъ своей игрой въ этой роли сущій фуроръ. Я видѣлъ Садовскаго всего два или три раза.

Живокини я видалъ также не много разъ. Безспорно, что этотъ

актеръ былъ съ большимъ дарованіемъ; но мнѣ показалось, что его юморъ былъ болѣе дѣланный, нежели натуральный. Во всякомъ случаѣ Москва восхищалась имъ.

Мнѣ хочется сказать теперь нѣсколько словъ о русской оперѣ начала сороковыхъ годовъ. Въ это время не было вовсе итальянской оперы, и мнѣ не случалось слышать какую-либо итальянскую оперу съ русскими пѣвцами, хотя такія оперы и давались. Изъ русскихъ же оперъ я слышалъ только «Жизнь за Царя», «Руслана и Людмилу» и «Аскольдову могилу».

Съ первыхъ же представленій «Руслана и Людмилы», опера эта произвела на меня сильное впечатлѣніе, благодаря, конечно, такимъ двумъ превосходнымъ артистамъ, какими были Петровъ и жена его Воробьева-Петрова. Петровъ былъ дѣйствительно богатырь Русланъ, какъ по голосу, такъ и по игрѣ. Въ то время Петровъ имѣлъ еще голосъ сильный, звучный, обладающій огромнымъ діапазономъ во всемъ его регистрѣ, отлично обработанный, чрезвычайно подвижной, и добавьте къ этому выдающееся искусство пѣнія. Не въ обиду будь сказано послѣдующимъ послѣ Петрова Русланамъ, что всѣ они казались мнѣ очень слабыми противъ Петрова. Арія Руслана: «О поле, поле...» являлась полнымъ торжествомъ и средствъ, и искусства Петрова, приводившимъ публику въ неистовый восторгъ.

Справедливость требуетъ сказать, что въ означенное время появился новый пѣвецъ—Артемовскій, который мѣнялся въ означенной роли съ Петровымъ. Артемовскій обладалъ тоже прекраснымъ, сильнымъ и свѣжимъ голосомъ, такъ что Руслана можно было слушать съ удовольствіемъ и при пѣніи Артемовскаго. Конечно, онъ не былъ Русланъ-Петровъ, но и Артемовскій, по-моему, былъ гораздо лучше всѣхъ послѣдующихъ Руслановъ.

Въ 1864 году, я встрѣтилъ въ Новочеркаскѣ одного донскаго казака, проживавшаго нѣкогда въ Харьковѣ и занимавшагося обученіемъ церковныхъ пѣвчихъ. Этотъ казакъ сообщилъ мнѣ, что онъ былъ первымъ учителемъ Петрова. Старикъ еще пѣлъ прекрасно подъ гитару и, конечно, сильно гордился своимъ ученикомъ, достигшимъ большой извѣстности, и показывалъ письма къ нему отъ Петрова.

Воробьева-Петрова—жена поименованнаго пѣвца. Бывши еще не замужемъ, она пріобрѣла громкое имя. Ея голосъ, высокое контръальто, былъ, въ полномъ смыслѣ, феноменальнымъ въ отношеніи красоты, чистоты, круглоты, полноты и бархатности звука. По этимъ индивидуальнымъ свойствамъ звука ея голоса, можно приравнять его къ подобнымъ индивидуальнымъ свойствамъ звука голоса Патти. Понятно, что у одной въ одномъ регистрѣ, а у другой—въ другомъ. Особен-

ность голосовъ этихъ пѣвицъ была такова, что едва зритель услышитъ два-три звука, вылетѣвшихъ изъ ихъ устъ, онъ уже обвороженъ круглотою, полнотою и бархатностью ласкающихъ ухо этихъ звуковъ, помимо еще всякаго искусства пѣнія.

Геніальный Глинка, въ созданной имъ музыкѣ для роли Ратмира, дошелъ, можно сказать, до апоѳеоза выраженія нѣги и сладострастія. Воробьева-Петрова творила въ этой роли чудо и своими необычайно сладкими звуками и своимъ искусствомъ. Являлась полная иллюзія, и зритель, подъ обаяніемъ слушаемыхъ имъ звуковъ, находился какъ бы не въ театрѣ, а въ роскошномъ Восточномъ гаремѣ, дышащемъ нѣгою. Коротко говоря, невозможно высказать того впечатлѣнія, какое производила Петрова этой аріей на слушателя. Публикѣ еще памятно пѣніе Лавровской въ Ратмирѣ. Ея голосъ тоже бархатный; она была тоже превосходный Ратмиръ, но Ратмиръ холодный, тогда какъ Ратмиръ-Петрова былъ Ратмиръ огненно-страстный, что̀ выражалось преимущественно не въ игрѣ, а въ звукахъ голоса, искуснымъ образомъ управляемаго.

О прочихъ оперныхъ артистахъ я ничего не могу сказать особеннаго. Теноръ Леоновъ имѣлъ вѣрный, хорошій, но не очень сильный голосъ. Настоящая его фамилія Chargantier, хотя онъ и русскаго происхожденія; онъ воспитывался въ Парижѣ, гдѣ и получилъ прекрасное музыкальное образованіе. Послѣ того какъ Леоновъ оставилъ сцену, я встрѣтилъ его, во время постройки Донской желѣзной дороги, въ Новочеркаскѣ, гдѣ онъ содержалъ труппу. Замѣтивъ въ моей дочери особую страсть къ пѣнію, необыкновенно звучный и вѣрный голосъ, я пригласилъ Леонова давать ей уроки пѣнія. Эти уроки продолжались не долго, ибо я побоялся испортить голосъ дочери.

Степанова, сопрано. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, она была уже очень не молода, но сохраняла еще свой необыкновенно высокій голосъ и, въ то же время, особенно рѣзкій. Во время перваго появленія въ Петербургѣ Рубини, она пѣла съ нимъ въ «Лючіи». Вообще, ея пѣніе не оставило во мнѣ пріятнаго впечатлѣнія.

Вспомню тоже о нѣкоторыхъ французскихъ артистахъ Михайловскаго театра. Вообще, въ сороковыхъ годахъ, любителямъ драматическаго искусства везло. На французской сценѣ были тоже артисты первой величины: M-er и M-me Alan имѣли громкую извѣстность и у насъ, и въ Парижѣ. Когда играли эти артисты, то зритель могъ быть увѣренъ, что онъ всегда вынесетъ изъ спектакля большое ходожественное удовольствіе. Мнѣ помнится одна большая пьеса: «Les memoires du diable». Отъ замѣчательно художественной игры въ этой пьесѣ

артиста Alan, которая давалась очень часто, публика ломилась въ театръ.

Alexandre-Méer. Это была восхитительная артистка, «ingenue», умная, талантливая и граціозная. Такой «ingenue», по крайней мѣрѣ мнѣ, не случалось видѣть послѣ и въ Парижѣ. Alexandre-Méer вышла, кажется, замужъ за графа Апраксина и удалилась съ тѣхъ поръ со сцены.

Bressan. Онъ игралъ jeune-premier. Болѣе представительнаго, болѣе ловкаго и болѣе умнаго артиста трудно себѣ представить. По отъѣздѣ изъ Петербурга онъ долго еще гремѣлъ въ Парижѣ, на сценѣ Comedie Française. Bressan былъ большаго роста, съ изящной фигурой и идеальной красоты. Петербургская публика была отъ него безъ ума. Бывшихъ уже послѣ jeune-premier, хотя и очень хорошихъ, какъ, напримѣръ, Berton и другихъ, нельзя и сравнивать съ Bressan.

Verné. Это былъ великій, естественный и натуральный комикъ, силу таланта котораго можно приравнять къ силѣ творчества Мартынова. Въ чемъ бы онъ ни игралъ, онъ доставлялъ истинно-художественное наслажденіе. Сценическій талантъ былъ, вѣроятно, врожденнымъ въ семьѣ. Весной 1844 года, пріѣхала въ Петербургъ на гастроли M-me Albert, родная сестра Verné. Въ высоко-драматическихъ роляхъ она увлекала Петербургъ.

Я упомянулъ только о крупныхъ артистахъ прежняго Михайловскаго театра, а о другихъ у меня не осталось въ памяти чего-либо особенно выдающагося. Но вообще, въ тѣ времена, ensemble французскаго театра былъ превосходенъ, для всѣхъ родовъ драматической литературы, за исключеніемъ, конечно, трагедіи, которая на Михайловскомъ театрѣ и не давалась.

Глубоко любя и уважая людей литературнаго кружка сороковыхъ годовъ, я не могу, однако, не высказать правды: они совершили великій грѣхъ въ отношеніи драматической петербургской труппы тѣхъ временъ. Они старались, всѣми силами, дискредитировать Александринскій театръ въ глазахъ образованной публики, отзываясь о немъ, какъ о театрѣ неприличномъ, некомильфотномъ, гдѣ могутъ находить удовольствіе не люди образованные и художественно развитые, а лишь гостиннодворцы. Между тѣмъ теперь пришли уже, болѣе или менѣе, къ сознанію, что намъ, быть можетъ, долго еще не дождаться хотя бы близкаго подобія труппы сороковыхъ годовъ. Что же совершалось въ дѣйствительности? Всѣ, искренно любящіе наслаждаться великимъ драматическимъ искусствомъ, ѣздили въ Александринку (выраженіе того времени), но старались скрывать это отъ своихъ знакомыхъ. Выходило, однако, такъ, что знакомые между собою люди, скрывавшіе другъ отъ друга свои посѣщенія Александринки, вдругъ встрѣчались тамъ, и тогда сва-

ливали свое посѣщеніе на дѣтей или на какую-нибудь случайность, не упуская, при томъ, отзываться въ обществѣ объ Александринкѣ или съ проніей, или съ пренебреженіемъ. Теперь, когда эта фальшь миновала, я нерѣдко встрѣчаю пожилыхъ людей, которые, при разговорѣ о прежней сценѣ, каются въ своемъ грѣхѣ и сознаются, что они, несмотря на наложенное литературнымъ кружкомъ, въ оныя времена, клеймо на Александринку, ѣздили туда, втихомолку, чтобы насладиться игрой Каратыгина.

Каратыгинъ умеръ прежде, нежели вліятельный литературный кружокъ прозрѣлъ и опомнился отъ невнимательности своей въ дѣлѣ оцѣнки искренности въ драматическомъ искусствѣ. Другой же великій артистъ дожилъ до этого прозрѣнія прежнихъ своихъ враговъ; но было уже поздно,—грѣхъ былъ совершенъ.

Мартыновъ, имѣвшій призваніе къ самымъ высокимъ драматическимъ ролямъ, чуть ли не восемнадцать нѣтъ расходовался по водевилямъ. Несмотря на это, Мартыновъ изъ каждой пустой роли создавалъ типъ, и если бы литературный кружокъ слѣдилъ за нимъ, то подмѣтилъ бы въ немъ великій талантъ вò-время. Но кружокъ этотъ не обращалъ на Мартынова никакого вниманія и разсматривалъ его, какъ балаганнаго гаера. Восемнадцать лѣтъ нравственнаго придавливанія своихъ натуральныхъ стремленій и выдерживаніе тяжелыхъ оскорбленій своего громаднаго таланта,—быть можетъ, болѣе сильнаго, чѣмъ тотъ, которымъ обладалъ Каратыгинъ,—свое дѣло сдѣлали: Мартыновъ пріобрѣлъ себѣ въ награду—чахотку. Тогда извѣстный литературный кружокъ вздумалъ чествовать Мартынова обѣдомъ съ громкими рѣчами, но этимъ отъ чахотки Мартынова не избавилъ. Къ истиннымъ талантамъ нужно относиться со вниманіемъ, и относиться вò-время, иначе можно совершить грѣхи непоправимые.

Восемнадцать лѣтъ Мартыновъ, въ глазахъ литературнаго кружка, былъ гаеръ, и вдругъ, въ одинъ прекрасный день, сдѣлался великимъ артистомъ. Развѣ такія метаморфозы совершаться могутъ? Суть въ томъ, что лица извѣстнаго литературнаго кружка или вовсе не ходили смотрѣть Мартынова, или смотрѣли на него сквозь кривыя очки, а когда очки эти кружокъ снялъ, или ихъ сняли съ него, то и увидѣлъ то, что̀ могъ видѣть давно.

Если бы Каратыгинъ пожилъ подолѣе, то и онъ увидалъ бы тотъ же почетъ въ литературномъ кружкѣ, какого дождался, на краю гроба, Мартыновъ.

Всѣ эти замѣчанія клонятся къ тому, чтобы подтвердить мое убѣжденіе въ томъ, что взгляды литературнаго кружка сороковыхъ годовъ на Каратыгина была неправдой, и неправдой вопіющей. Въ дѣйствительности же, театръ всегда ломился, когда игралъ Каратыгинъ, и

ни одно представленіе не проходило безъ самыхъ сильныхъ выраженій восторга. Враждующій ему кружокъ старался относить его успѣхи къ грубому вкусу посѣтителей театра; на самомъ же дѣлѣ, Каратыгинъ производилъ обаяніе на всѣ слои общества однимъ своимъ появленіемъ на сцену и своей горячей и правдивой игрой увлекалъ неудержимо.

Въ сезонъ съ 1843 на 1844 годъ, находились въ Петербургѣ такіе великіе оперные артисты, какъ Рубини, Віардо и Тамбурини. Я, вмѣстѣ со всею петербургскою публикою, сходилъ отъ нихъ, какъ говорятъ, съ ума. Но признаюсь, что когда мнѣ почему-либо предстоялъ выборъ идти слушать ихъ, или смотрѣть Каратыгина, я не колебался ни минуты и избиралъ Каратыгина. Истинно-правдивое драматическое искусство доставляетъ такое глубокое наслажденіе, какого никакое другое искусство въ той же мѣрѣ доставить не можетъ. И этою-то правдивостью и отличался Каратыгинъ.

Я не могу сдѣлать сравненія Каратыгина съ Мочаловымъ потому, что видѣлъ послѣдняго только два раза въ моей юности и при томъ оба раза во дни для него неудачные, что̀, какъ извѣстно, случалось съ нимъ нерѣдко. Что же касается до Брянскаго, котораго я видѣлъ много разъ, то характеръ его игры былъ, по преимуществу, декламаціонный, уподобляющійся характеру игры Росси.

Помяну теперь тѣхъ иностранныхъ выдававшихся нѣкогда и выдающихся нынѣ артистовъ, которые приходятъ мнѣ въ настоящую минуту на память изъ числа мною видѣнныхъ.

Въ Рашели классическая школа воплощалась въ своей крайней формѣ,—въ формѣ отвлеченной, хотя и въ высшей степени изящной, но душою не оживленной и, если можно такъ выразиться, въ формѣ статуйной. Но артистка эта имѣла на столько ума, что она являлась преимущественно въ такихъ роляхъ, въ которыхъ и не нужно было имѣть искренняго внутренняго огня. Сцена служила ей лишь поводомъ для того, чтобы декламировать звучные эффектные стихи и рисоваться въ подлежащемъ костюмѣ. Ристори явилась болѣе или менѣе удачной копировкой Рашели. Росси, принадлежа къ той же классической школѣ, захотѣлъ внести ее въ Шекспира, т. е. совершилъ грубую фальшь. Героевъ Шекспира, людей живыхъ, нельзя втискивать въ неодушевленныхъ автоматовъ, хотя и превосходно, однообразно декламирующихъ и такъ же жестикулирующихъ, но все-таки остающихся куклами. Рашель поняла, что съ ея классической школой только и можно декламировать по преимуществу въ трагедіяхъ Расина и Корнеля, а Росси вообразилъ, что съ тою же школой можно появляться въ произведеніяхъ Шекспира.

Изъ всего вышесказаннаго не слѣдуетъ однако выводить заключеніе, что я отношусь не съ полнымъ уваженіемъ къ школѣ, господ-

ствовавшей между артистами въ «Théâtre Français». Я долженъ сказать правду, что я никогда не выходилъ изъ этого театра неудовлетвореннымъ, но за то никогда не выходилъ тоже оттуда потрясеннымъ, за исключеніемъ одного раза, когда я увидѣлъ въ первый разъ Круазетъ въ роли «Sphinx».

Эта артистка составляетъ, или составляла, исключеніе изъ всей труппы «Théâtre Français». Не потому ли, быть можетъ, она, обладая громаднымъ, непосредственнымъ талантомъ, не успѣла достигнуть тѣхъ результатовъ, которыхъ достигла бывшая ея асосссье, Сарра Бернаръ, хотя и обладающая тоже великимъ талантомъ внѣшней игры, но далеко уступающая Круазетъ въ правдивости драматическаго искусства?

Въ «Sphinx» Круазетъ играла съ Саррою Бернаръ. Для человѣка, любящаго въ искусствѣ неподдѣльную натуральность и правдивость, при видѣ игры этихъ двухъ артистокъ, показалась бы странною возможность сравненія ихъ между собою. Такъ, Круазетъ, силою своего непосредственнаго таланта, подавляла Сарру Бернаръ, и таково было впечатлѣніе ихъ игры какъ на меня, такъ и на моихъ знакомыхъ, бывшихъ со мною въ театрѣ.

Между тѣмъ, въ то время, французская публика раздѣлялась на два враждебные лагеря: одни восхищались Круазетъ, а другіе бранили ее и восхищались Саррою Бернаръ. Впрочемъ, восторги отъ Круазетъ относились только къ чисто внѣшнему эффекту, а именно къ сценѣ ея смерти. Смерть отъ отравленія казалась публикѣ настолько реальной, что многіе не хотѣли вѣрить въ игру, а вѣрили распущенному слуху о томъ, что Круазетъ принимала, будто-бы, какое-то зелье, а затѣмъ, когда занавѣсъ опускался, она принимала противоядіе, и этому обстоятельству приписывали уклоненіе ея отъ появленія на вызовы передъ публикой послѣ окончанія спектакля.

Откровенно признаюсь, что я, съ своей стороны, пропустилъ и въ слѣдующіе разы пропускалъ безъ всякаго вниманія предсмертныя корчи артистки, такъ какъ большая или меньшая правдоподобность ихъ изображенія не могла придавать никакого значенія силѣ ея таланта. А, между тѣмъ, этотъ внѣшній эффектъ и придалъ большую извѣстность Круазетъ. Досадно было видѣть въ то время, что французская публика не оцѣнила въ ней необыкновенную правдивость и естественность ея игры, и не отмѣчала своимъ вниманіемъ ту сцену, въ которой, главнымъ образомъ, выказывалось могущество таланта артистки. Но прежде, нежели указать эту сцену, надо замѣтить, что пьеса Октава Фелье написана такъ художественно, что нѣтъ ни одного обращенія въ сторону, или одиночнаго монолога. Всѣ мысли и движенія души изображаемаго лица артистъ долженъ дать понять зрителю своей игрой. Я говорю о той сценѣ, когда Бланшъ (Круазетъ), приготовивъ для себя стаканъ

*

съ ядомъ, хочетъ его выпить, и въ это время ея соперница (Сарра Бернаръ), не видавшая приготовленія яда, проситъ воды, чтобы утолить жажду отъ сильной сцены. У Бланшъ зарождается мысль, не направить ли стаканъ съ ядомъ по адресу своей соперницы. Происходитъ внутренняя борьба, исходомъ которой является возвращеніе къ мысли самоотравленія. Тогда я смотрѣлъ «Sphinx» въ первый разъ, я не зналъ содержанія пьесы; не менѣе того, всѣ мысли, пробѣгавшія въ умѣ, и всѣ движенія сердца Круазетъ я читалъ, какъ по книгѣ, въ лицѣ артистки. Если публика не цѣнила въ ея игрѣ этого момента, то сама Круазетъ очень хорошо сознавала, что высшее напряженіе драматизма пьесы заключается въ этомъ моментѣ, и что именно тутъ она должна вложить весь свой талантъ, и, вѣроятно, потому она и сняла съ себя карточку въ этой сценѣ. Увидавши только одну эту карточку Круазетъ, можно уже получить нѣкоторое понятіе объ этой артисткѣ.

Обаяніе публики отъ Круазетъ ослабѣло, однако, довольно скоро. Это и понятно. Современная парижская публика не любитъ выносить изъ театра очень сильныхъ ощущеній и потрясеній. Ей нужно кратковременное развлеченіе послѣ обѣда. Поэтому, ни истинно драматическія пьесы, ни истинные драматическіе таланты долго держаться тамъ не могутъ. Парижская публика любитъ преимущественно не настоящія драмы, а мелодрамы, съ буржуазными добродѣтелями, такими же мелочными пороками и со всевозможными внѣшними эффектами. Напримѣръ, приторнѣйшая, хотя и ловко составленная, мелодрама, желавшая изобразить бытъ извѣстной части русскаго общества—«Les Danichefs», выдержала, безъ перерыва, до 700 представленій, и потомъ, послѣ промежутка въ нѣсколько мѣсяцевъ, была возобновлена, и вновь выдержала, безъ перерыва, кажется, еще до 300 представленій. Наибольшее удовольствіе парижская публика ощущала отъ роли кучера, изображавшаго изъ себя типъ, подобный герою пьесы «Le jeune homme pauvre». Вѣдь парижская публика не можетъ не сознавать, что въ Россіи, какъ и во Франціи, кучера не могутъ имѣть образъ джентльмена, но ей, тамошней публикѣ, нѣтъ до этого дѣла. Оскорбленіе художественной правды парижскую публику не мутитъ; были бы эффектныя фразы и легкое раздраженіе чувствъ, и этого довольно. Но, при этомъ, непремѣннымъ условіемъ должно быть благополучное окончаніе. Ни одна пьеса съ неблагополучнымъ окончаніемъ, по обыкновенію, долго не продерживается.

Объ Саррѣ Бернаръ какъ-то не хочется и говорить. Актриса, играющая два раза въ день, и сверхъ того, играющая въ одномъ и томъ же спектаклѣ три сцены изъ разныхъ пьесъ, являясь въ совершенно разновидныхъ роляхъ,—такая актриса серьезной подкладки не имѣетъ и серьезной критикѣ подлежать не можетъ, какимъ бы сильнымъ дарованіемъ къ актерскимъ метаморфозамъ она ни обладала. Въ талантѣ

такого сорта можетъ, почемъ знать, перещеголять Сарру Бернаръ и Илька Огай. Мнѣ скажутъ, пожалуй, что такія лихорадочныя выходки Сарры Бернаръ могутъ быть оправданы страстью къ болѣе быстрой наживѣ. Я согласенъ, что страсть къ наживѣ можетъ совмѣщаться съ великимъ талантомъ. Но дѣло въ томъ, что истинно великій талантъ не найдетъ въ себѣ той силы, которая можетъ побудить человѣка позорить свое искусство. А если такая сила въ человѣкѣ находится, то это и значитъ, что въ немъ нѣтъ таланта глубокаго, а если и есть какой-нибудь талантъ, то весьма мелкій.

Написалъ я не мало, а не сказалъ еще ничего объ игрѣ Стрепетовой въ «Каширской старинѣ».

Я видѣлъ ее одинъ разъ и потому могу высказать вамъ только то впечатлѣніе, которое произвелъ на меня первый спектакль. Трагическій талантъ Стрепетовой показался мнѣ на столько сильнымъ, что во мнѣ невольно пробудилось воспоминаніе о прежнихъ артистахъ.

Въ исполненіи роли Марьицы г-жею Стрепетовой на меня произвела особенно сильное впечатлѣніе сцена при обмѣнѣ колецъ. До минуты требованія Василіемъ обмѣняться кольцами мы видимъ обыкновенную дѣвушку, и трудно представить себѣ, какъ можетъ она явиться великимъ драматическимъ лицомъ. Нельзя не отдать справедливости автору: онъ необыкновенно удачно ввелъ въ пьесу,—сообразно міросозерцанію изображаемыхъ имъ лицъ въ данную эпоху,—такой моментъ, который дѣйствительно способенъ былъ затронуть въ сердцѣ чистой, простой дѣвушки самую чувствительную струну. И эта струна, въ данномъ случаѣ, должна была зазвучать съ всею силою того духа, который пожелалъ вложить авторъ въ свою героиню.

Стрепетова поняла, что эта сцена есть самая возвышенная точка всей драмы, и что въ эту сцену надо положить всю свою силу. Артистка, не съумѣющая выдержать должнымъ образомъ упомянутую сцену, неминуемо уронитъ значеніе всей драмы. Моментъ заклинанія вызываетъ въ простой дѣвушкѣ всю скрывавшуюся въ ней до этого времени могучую силу ея души, и эта сила духа является новостью какъ для нея самой, такъ и для Василія. И все это выходитъ весьма правдиво и натурально. Съ минуты заклинанія Василій раздавленъ. Безъ всякихъ словесныхъ разъясненій становится очевиднымъ для Василія, что онъ не пара Марьицѣ, а для нея, что она не пара Василію; кромѣ того, дѣлается очевиднымъ и то, что съ этой минуты истинная любовь, если она и успѣла зародиться у этихъ двухъ лицъ, въ сущности, рухнула безвозвратно съ обѣихъ сторонъ. Василій не могъ внутренно не почувствовать своего, по сравненію съ Марьицей, слабодушія, и, слѣдовательно, нѣкотораго оскорбленія; а Марьица не могла не убѣдиться въ этомъ слабодушіи Василія, не нашедшаго въ своей любви столько

силы, чтобы послѣ заклинанія покончить дѣло тутъ же. Послѣ означеннаго момента могли гнѣздиться въ сердцахъ обоихъ лишь внѣшніе признаки любви, поджигаемые однимъ самолюбіемъ. Такъ дѣло и разыгралось въ послѣдующихъ актахъ драмы.

Смыслъ означенной превосходной сцены былъ изображенъ Стрепетовой въ такомъ совершенствѣ и съ такою могучестью и искренностью, что тутъ вспомнился мнѣ характеръ игры Каратыгина.

Не стану говорить о сценѣ укора и отказа слѣдовать за Василіемъ. Эта сцена была безукоризненна; но она на столько благодарна для артистки, что и не особенно сильный талантъ можетъ выполнить ее удачно.

Упомяну, въ заключеніе, о той послѣдней сценѣ, когда Марьица вышла изъ-за стола и начала говорить. Въ это время она была похожа скорѣй на царицу, чѣмъ на простую дѣвушку. И это, въ игрѣ Стрепетовой, ни сколько не шокировало. Говорила не простая дѣвушка, а говорилъ ея устами глубоко настрадавшійся человѣческій духъ, достигшій, отъ размѣра горя, до величія необъятнаго, а потому величавый тонъ и величавыя манеры Стрепетовой въ этой оценѣ являются совершенно естественными.

Всѣ эти сцены могутъ казаться смѣшными при талантѣ, недостаточно могучемъ, но вѣдь и сцены изъ «Отелло», «Гамлета», «Короля Лира» и проч. кажутся тоже смѣшными при слабыхъ талантахъ.

Иному читателю можетъ показаться, что я отвелъ слишкомъ много мѣста очерку нашей прежней драматической трупы; но я твердо убѣжденъ, что не заслужу этого упрека отъ тѣхъ еще живыхъ людей, которые видѣли плеяду прежнихъ артистовъ. Эта плеяда заслуживала бы не бѣглаго моего очерка, а цѣлой книги, ибо сослужила не малую службу для исторіи развитія драматическаго искусства въ нашемъ отечествѣ. Къ сожалѣнію, литературные источники, по этому предмету, слишкомъ бѣдны, да и написать подобную книгу возможно лишь человѣку, передъ которымъ эта плеяда прошла воочію.

Если я остановился, преимущественно, на Каратыгинѣ и на Мартыновѣ, то потому, что это были слишкомъ выдающіяся, крупныя величины. Правда, что такой громаднѣйшій талантъ, какимъ обладалъ Мартыновъ, можетъ конечно, появиться не сегодня, такъ завтра; но прежде, нежели встрѣтить необыкновенное совмѣщеніе всѣхъ тѣхъ условій, которыми обладалъ Каратыгинъ можетъ пройти и болѣе полвѣка. Такъ же, какъ великъ Шекспиръ, какъ драматургъ, такъ великъ и Каратыгинъ, какъ исполнитель или толкователь твореній этого генія. Повторю здѣсь, что, со смертью Каратыгина, на долгіе, многіе годы палъ на сценѣ и Шекспиръ, что̀ и предсказывалъ Бѣлинскій, какъ это видно изъ одной его рецензіи. Поэтому, въ сущности, мой очеркъ Каратыгина скорѣе

слишкомъ кратокъ и блѣденъ, чѣмъ объемистъ и достаточно выразителенъ.

Тяжело сознавать, что прошло уже два поколѣнія, которыя были лишены высочайшаго наслажденія, испытаннаго нами отъ Шекспира и отъ другихъ высокихъ драматическихъ твореній, являвшихся на сценѣ.

Я думаю, что никто не станетъ оспаривать, что мы бѣдны нынѣ драматическими силами и, въ то же время, бѣдны и литературными. Въ прежнее время, блестѣли такія необъятныя величины, какъ Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, и около нихъ необыкновенно яркія звѣзды второй величины: Достоевскій, Тургеневъ, Григоровичъ, Гончаровъ и другіе. Въ критической литературѣ мы имѣли громадную силу—Бѣлинскаго. Среди драматическихъ артистовъ—Каратыгина и Мартынова. Въ музыкальномъ мірѣ—Глинку. Въ живописи—Брюлова. Въ ваяніи—Клодта. Въ наукѣ—Остроградскаго, Буняковскаго. Въ хирургіи—Пирогова. И всѣ эти лица, почти одновременники, прошли мимо насъ, въ періодъ съ небольшимъ четверть вѣка. Но мы видимъ оскудѣніе крупныхъ талантовъ и по другимъ отраслямъ человѣческой дѣятельности.

Такое обстоятельство, воочію передъ нами стоящее, невольно возбуждаетъ вопросъ: гдѣ же кроются причины настоящаго оскудѣнія? Всякій можетъ объяснять означенное явленіе по собственному соображенію. Конечно, есть тому причины частныя, временныя, хотя и весьма вѣскія; но я, по своему соображенію, обращу вниманіе на одну изъ причинъ, болѣе общую.

Въ числѣ этихъ причинъ мнѣ прежде всего бросается въ глаза отсутствіе вѣрной оцѣнки талантовъ и возведеніе на пьедесталы посредственностей и, часто, посредственностей весьма жалкихъ. Такое явленіе вытекаетъ, какъ слѣдствіе, изъ быстро нахлынувшей на общественную жизнь огромной массы неразвитыхъ элементовъ, и эта масса, не получившая должнаго образованія, бросилась обучаться всему изъ незамедлившихъ появиться популярныхъ книжонокъ.

Подобныя явленія, бывшія въ другихъ странахъ, представляютъ, конечно, нѣкоторыя особенности, но сравненіе ихъ повело бы слишкомъ далеко: я констатирую лишь извѣстный фактъ.

Во всякомъ случаѣ, означенныя явленія можно уподобить появленію бурьяна и сорныхъ травъ, заглушающихъ здравые злаки и хлѣба, пока культура послѣднихъ не истребитъ первыхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Памятники гр. Румянцову, кн. Суворову, Кутузову и Барклаю-де-Толли.

Рескриптъ графу С. К. Вязмитинову.

23-го сентября 1818 г. Ахенъ.

Графъ Сергѣй Козьмичъ! Желая способствовать украшенію столицы и для памятниковъ, сооруженныхъ въ честь двухъ нашихъ великихъ полководцевъ, избрать лучшее мѣсто, чтобы сіи знаменія отечественной благодарности дѣйствовали на потомство тѣмъ сильнѣе, повелѣваю: обелискъ, воздвигнутый побѣдамъ генералъ-фельдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго, перенести на площадь Перваго кадетскаго корпуса, да юные питомцы сего училища, въ коемъ воспитывался самъ герой Задунайскій, созерцаютъ монументъ его славы; памятникъ же генералиссимуса, князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго поставить на новой площади близъ дома князя Салтыкова, гдѣ назначено быть Троицкому мосту. Отнынѣ сіи площади будутъ называться, первая Румянцовскою, вторая Суворовскою. Прославляя безсмертныя дѣянія временъ минувшихъ, изъявимъ справедливую признательность и къ заслугамъ нашего времени. Слава генералъ-фельдмаршаловъ князей Голенищева-Кутузова-Смоленскаго и Барклая-де-Толли требуетъ также достойныхъ памятниковъ, коими украсятся двѣ площади предъ соборнымъ храмомъ Казанскія Божія Матери, гдѣ россіяне видятъ многочисленные трофеи побѣдъ своихъ, дарованныхъ намъ Господомъ, и благословенныхъ человѣчествомъ. Произведеніе въ дѣйство сего намѣренія поручено мною особенной, для того учрежденной коммиссіи.

Пребываю вамъ благосклонный.

БЫЛОЕ.

Изъ воспоминаній о пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.

III [1]).

1-я гимназія въ 1855 г. — Директоръ В. В. Игнатовичъ и инспекторъ В. С. Бардовскій.—Субботніе отпуски.—Преподаватели.—Воспитатели.

Осенью 1855 г. меня отдали наконецъ въ 1-ю гимназію. Вступленіе на престолъ императора Александра II принесло съ собою надежду на коренное обновленіе всего строя русской жизни. Чувствовалось, что начинается переходъ отъ стараго къ новому; обществомъ овладѣло бодрое настроеніе, впослѣдствіи получившее въ лагерѣ приверженцевъ старины наименованіе «разнузданности». Новыя вѣянія, хотя еще и нерѣшительно, начинали уже отчасти отражаться на всемъ, между прочимъ, и на общихъ порядкахъ въ учебныхъ заведеніяхъ. При поступленіи въ гимназію, я засталъ ее въ самомъ началѣ періода преобразованій. Началось съ переобмундированія: прежніе мундиры съ фалдами, похожіе на фраки, замѣнились казакинами. Мнѣ на третій же день пригнали такой казакинъ съ краснымъ воротникомъ, на которомъ были пришиты золоченыя позументныя полоски, съ красными же отворотами на рукавахъ и съ блестящими желтыми пуговицами. Казакинъ былъ тѣсенъ, тугой стоячій воротникъ, съ непривычки, сильно натиралъ шею, но я мужественно переносилъ эти неудобства, довольный тѣмъ, что сталъ похожъ на военнаго. Для ежедневной носки дана мнѣ была куртка съ металлическими пуговицами и тоже съ краснымъ воротникомъ. Почему такое одѣяніе признавалось тогда нужнымъ для школьниковъ—неизвѣ-

[1]) См. "Русскую Старину" сентябрь, 1901 г.

стно; достовѣрно только, что о просторныхъ блузахъ, въ которыхъ ходятъ нынѣшніе гимназисты, никто тогда не думалъ. А можетъ быть, придетъ время, когда люди будутъ, пожимая плечами, разсказывать, что въ старину студенты, лицеисты, правовѣды тоже носили мундиры военнаго вида, да еще и вовсе ненужныя имъ шпаги въ придачу. Но если вѣрно, что исторія не терпитъ скачковъ, то обмундированіе и подавно. Наши гимназическія полукафтанья (казакины) были все-таки шагомъ впередъ, составляли, такъ сказать, «эволюцію» въ мундирномъ вопросѣ. Такою же эволюціей было и ослабленіе школьной дисциплины при началѣ моего гимназическаго ученія. Но, при всемъ ослабленіи ея, я все-таки сразу ощутилъ разницу между строемъ гимназической жизни и тою атмосферой, которая окружала меня до гимназіи. Правда, начальники и наставники здѣсь не внушали мнѣ, новичку, трепета, но и близости ихъ ко мнѣ они не сочли нужнымъ показать. Между мною и ими съ первыхъ же дней образовалось разстояніе: я увидѣлъ, что не найду въ нихъ друзей, какъ было въ пансіонѣ Гершельмана. Оказалось, что я попалъ не въ учебно-воспитательное заведеніе, а на педагогическую фабрику, гдѣ подготовляютъ юношество къ полученію аттестата объ окончаніи курса наукъ.

Не могу, однако, особенно хулить пріютившую меня гимназію, такъ какъ знаю, что бывали другія хуже ея. 1-я гимназія, преобразованная лѣтъ за двадцать слишкомъ передъ тѣмъ изъ университетскаго Благороднаго пансіона, выгодно отличалась въ мое время (и до меня) отъ многихъ другихъ учебныхъ заведеній, особенно же отъ тогдашнихъ кадетскихъ корпусовъ. Принимая въ питомцы исключительно дворянскихъ дѣтей, она и держала ихъ соотвѣтственно ихъ привелегированному званію. Дворянчиковъ хотя иногда и сѣкли (впрочемъ, только за особо важныя провинности), но вообще обходились съ ними хорошо, сносно кормили и очень недурно содержали. Ихъ даже обучали танцамъ, чего теперь, кажется, нигдѣ не водится. Разъ въ недѣлю воспитанники надѣвали танцовальные башмаки и являлись въ рекреаціонный залъ, гдѣ ожидалъ ихъ учитель, привозившій съ собою скрипача. Учителемъ танцевъ много лѣтъ состоялъ мосьё Дютакъ, пожилой, но все еще гибкій, какъ ивовый прутъ, и легкій, какъ перышко, французъ съ неизмѣнною улыбкой балетнаго танцора на подрумяненномъ лицѣ. Вниманіе къ дѣтямъ привилегированнаго класса сказывалось также и въ несвойственной тому времени умѣренности взысканій за провинности. Помимо рѣдко примѣнявшихся розогъ, цѣпь наказаній, начинаясь съ оставленія безъ отпуска на воскресенье, оканчивалась заточеніемъ въ карцеръ. Впрочемъ, и эта кара не была особенно сурова, такъ какъ узникъ не вполнѣ лишался возможности сноситься съ товарищами, оставшимися на свободѣ.

Директоромъ гимназіи былъ въ то время Викентій Викентьевичъ

Игнатовичъ, а инспекторомъ Василій Степановичъ Бардовскій. Оба они были люди добрые и жили между собою въ ладу, хотя и не во всемъ были согласны другъ съ другомъ. Директоръ, грузный и уже пожилой господинъ, лишь изрѣдка появлявшійся въ средѣ гимназистовъ, принималъ передъ ними насупленный и внушительный видъ, съ цѣлью внѣдрить своей паствѣ должное уваженіе къ его авторитету. Но всѣ мы знали, что за этою торжественною внѣшностью кроется добрѣйшая душа, неспособная къ суровости и несправедливости. Дѣтскій инстинктъ вообще трудно обмануть; поэтому даже новички—не говоря уже о воспитанникахъ старшихъ классовъ—легко постигали слабость директора, заключавшуюся въ стремленіи къ тому, чтобы мальчики считали его грозою. Слабости этой мы охотно потакали, дѣлая видъ, будто и въ самомъ дѣлѣ считаемъ его грозой. Бывало, при появленіи его въ корридорѣ, мы демонстративно притихали въ классахъ, мимо которыхъ онъ проходилъ; и сквозь стеклянныя двери намъ было видно, какъ онъ шествуетъ, строгій, величавый и довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ, держа, по обыкновенію, въ рукѣ распущенный фуляровый платокъ и табакерку.

Инспекторъ держалъ себя гораздо проще. Онъ былъ прекрасно образованъ, но характеръ имѣлъ вспыльчивый и легко впадалъ въ тонъ «распеканія». Приземистый и плотный, онъ имѣлъ памятную всѣмъ его питомцамъ привычку съ рѣшительнымъ видомъ обдергивать книзу свой жилетъ, ухвативъ его за нижній край; при этомъ онъ такъ пристально смотрѣлъ въ глаза распекаемому, что тотъ такъ и ждалъ: еще минута—и послѣдуетъ наказаніе. Но дѣло почти всегда оканчивалось иначе: нашумѣвъ и едва не оборвавъ на себѣ жилета, Василій Степановичъ стихалъ и со словами: «Какъ вамъ не стыдно!» отходилъ въ сторону, оставивъ провинившагося въ состояніи сильнаго конфуза. Въ отличіе отъ директора, говорившаго намъ «ты», инспекторъ держался съ нами на «вы». Директоръ особенно цѣнилъ въ воспитанникахъ благонравіе и почтительность, въ связи съ шаблонными «успѣхами въ наукахъ»; инспекторъ же ставилъ выше всего въ мальчикахъ прямодушіе, честность и самостоятельность сужденія. Наиболѣе правдивыхъ онъ даже никогда не «распекалъ», а вмѣсто того вступалъ съ ними въ собесѣдованія, стараясь взять логикой.

Мы всѣ жили въ интернатѣ: такъ-называемыхъ «приходящихъ» воспитанниковъ тогда еще не было. Мы проводили всю недѣлю въ гимназіи, а въ субботу, по окончаніи уроковъ, насъ распускали по домамъ до утра понедѣльника. Отпускали, однако, только тѣхъ, за которыми присылаема была изъ-дома прислуга, въ качествѣ провожатаго; безъ провожатаго не пускали даже учениковъ старшаго (VII) класса, хотя между ними были тогда великовозрастные малые. Смѣшно было смотрѣть,

какъ иной изъ нихъ, высокорослый и сильный, выходилъ на улицу въ сопровожденіи какой-нибудь двѣнадцатилѣтней дѣвчонки, присланной за нимъ родителями. Какъ нарочно, самая маленькая дѣвочка приходила обыкновенно за самымъ рослымъ семиклассникомъ Л., славившимся на всю гимназію необычайною физическою силой и уже брившимъ себѣ бороду. Мы всѣ знали объ его подвигѣ съ казенной кочергою, которую онъ однажды изогнулъ въ спираль. Дежурный надзиратель (гувернеръ), принявъ такой небывалый поступокъ за преступленіе, представилъ corpus delicti инспектору. Очевидцы разсказывали, какъ В. С. Бардовскій—человѣкъ тоже необыкновенной силы—прибылъ съ кочергою въ классъ и, распекая Л., уже не обдергивалъ на этотъ разъ жилета, а силился выпрямить спираль. Л. сосредоточенно смотрѣлъ на его тщетныя попытки и, убѣдившись въ ихъ безплодности, спокойно пробасилъ:

— Позвольте, Василій Степановичъ, я расправлю.

И, къ изумленію присутствовавшихъ, въ самомъ дѣлѣ выпрямилъ кочергу. Василій Степановичъ только плечами пожалъ и даже не сказалъ обычнаго: «Стыдно!»

И за такимъ-то господиномъ присылали по субботамъ маленькую дѣвочку; установленнаго правила нельзя было нарушить.

Уже одна эта нелѣпость должна была заронить въ умахъ воспитанниковъ сомнѣніе въ доброкачественности гимназическихъ порядковъ. И дѣйствительно, чѣмъ ближе ознакомлялись мы, новички, съ подробностями гимназическаго быта, тѣмъ больше развивалась въ насъ склонность относиться ко многимъ изъ нихъ иронически. Такое же отношеніе вызывали къ себѣ и наши преподаватели, чего не должно бы быть въ надлежаще устроенномъ учебномъ заведеніи. Учительскій персоналъ въ младшихъ и старшихъ классахъ былъ у насъ далеко не однороденъ и, говоря вообще, не особенно доброкачественъ. Только потомъ, съ переходомъ въ старшее отдѣленіе, намъ довелось встрѣтить прекраснаго преподавателя, въ лицѣ извѣстнаго впослѣдствіи педагога и писателя Вас. Ив. Водовозова; но о немъ скажу послѣ. Большинство учителей относилось къ своей задачѣ чисто формально, какъ-бы слѣдуя поговоркѣ: «Отзвонилъ—и съ колокольни долой»; это были, скорѣе, чиновники, чѣмъ учителя. Въ первомъ классѣ только одинъ изъ преподавателей отдавался со страстью своему дѣлу, но зато и былъ онъ лишь учителемъ чистописанія. Онъ съ увлеченіемъ выводилъ передъ нами на классной доскѣ красивыя строки и, сочетая практику съ теоріей, старался убѣдить насъ, что каллиграфъ почти то же, что художникъ. Наиболѣе искусныхъ изъ учениковъ онъ поощрялъ подарками, давая имъ въ награду тетрадки, на которыхъ собственноручно дѣлалъ золотыми чернилами надписи, окруженныя затѣйливыми завитушками. Его можно помянуть добрымъ словомъ хоть за усердіе и за искреннее стремленіе

подѣлиться съ нами своими скромными знаніями; о другихъ же учителяхъ младшихъ классовъ даже и этого нельзя было бы сказать по чистой совѣсти. Учитель ариѳметики почему-то относился къ намъ особенно недружелюбно и, кажется, главною своею задачей считалъ улавливаніе учениковъ въ незнаніи урока, какъ бы «подсиживаніе» ихъ. Бывало, вызванный къ доскѣ излагаетъ заданное, какъ умѣетъ, а учитель молча слушаетъ, не дѣлая никакихъ поправокъ, если замѣтитъ ошибку. Слушаетъ-слушаетъ и вдругъ неожиданно: «На мѣсто. Единица!» И даже какъ будто радъ случаю огорчить мальчика. Географіи обучалъ насъ высокій старикъ изъ семинаристовъ, сумрачный въ ранніе часы, но весельчакъ и шутникъ на урокахъ, приходившихся послѣ завтрака: тутъ онъ острилъ, юмористически переиначивая фамиліи учениковъ, пересыпалъ свои разсказы по учебнику поясненіемъ географическихъ названій и проч. Я и теперь еще помню, съ его словъ, что Патагонію правильнѣе было бы называть «Потогоніею», потому что тамъ очень жарко. Если на урокъ случалось зайти директору или инспектору, учитель прерывалъ свой разсказъ на полусловѣ и начиналъ «спрашивать», вызывая, впрочемъ, только лучшихъ учениковъ, чтобы показать товаръ лицомъ. И если, глядя на него и на нѣкоторыхъ другихъ учителей, также прибѣгавшихъ къ такому пріему, не всѣ мы усвоили склонность къ мошенническимъ повадкамъ, то въ этомъ ничуть не виновны эти учителя: они дѣлали въ этомъ отношеніи, сколько умѣли, но не могли же они развратить всѣхъ до единаго. Несомнѣнно, однако, что, благодаря ихъ примѣру, среди насъ развился своего рода спортъ, заключавшійся въ томъ, чтобы, не зная урока, обмануть преподавателя. Въ этомъ отношеніи гимназисты, чѣмъ старше, тѣмъ становились изобрѣтательнѣе и изворотливѣе; нѣкоторые доходили даже прямо до наглаго надувательства, чѣмъ и похвалялись передъ товарищами. Придуманъ былъ также способъ и совсѣмъ освобождать себя на нѣкоторое время отъ всякихъ занятій: желающіе сказывались больными и поступали въ гимназическій лазаретъ, благо нашъ докторъ, изъ военныхъ врачей, принималъ всѣхъ безъ разбора. Онъ, кажется, даже бывалъ доволенъ появленіемъ каждаго новаго паціента, быть можетъ, стыдясь получать жалованье совсѣмъ ужь даромъ. Въ медицинѣ онъ, повидимому, былъ очень несиленъ и почти всѣмъ прописывалъ одно и то же излюбленное имъ средство: какую-то «зеленую мазь». По его указанію, на дощечкѣ надъ постелью мнимо-больного фельдшеръ выставлялъ обыкновенно традиціонныя слова: «Febris catarrhalis», которыя у гимназистовъ произносились, впрочемъ, нѣсколько иначе, а именно «фебрисъ притворялись». Большею частью, искавшіе въ лазаретѣ отдыха выписывались оттуда къ субботѣ совершенно «выздоровѣвшими». Ничего подобнаго я не видалъ ранѣе, въ пансіонѣ Гершельмана.

Собственно воспитательная часть находилась тоже не въ очень искусныхъ рукахъ. Воспитателей или гувернеровъ, какъ у насъ называли ихъ, было четверо и все разныхъ національностей: русскій, нѣмецъ, престарѣлый французъ, года черезъ два послѣ моего поступленія замѣненный другимъ французомъ же, и нѣкій слонообразный господинъ неизвѣстнаго племени: его считали остзейцемъ, фамилію же онъ носилъ итальянскую. Всѣ эти люди могли бы, вѣроятно, оказаться полезными на другихъ поприщахъ, но совершенно не годились въ воспитатели. Въ число ихъ обязанностей входило, между прочимъ, наблюденіе за нами во время вечерняго подготовленія къ урокамъ слѣдующаго дня, и они слѣдили за соблюденіемъ тишины—и только; помощи въ случаѣ затрудненій въ занятіяхъ мы отъ нихъ не ждали, да они и не могли бы оказать ее намъ по скудости своего образованія. Дряхлый французъ обыкновенно дремалъ надъ какою-нибудь книгой о Наполеонѣ I, котораго боготворилъ, хотя и покинулъ въ 1812 г., навсегда оставшись въ Россіи. Онъ, вѣроятно, могъ бы кое-что поразсказать намъ о своей службѣ въ великой арміи, но никогда не разсказывалъ; быть можетъ, у него все уже спуталось или потускнѣло въ памяти. Другой французъ, мосье Робэнъ, впослѣдствіи смѣнившій старца, даже и читать не любилъ, а случайные разговоры обыкновенно сводилъ на свою жену, служившую въ кордебалетѣ. Мы любили его только за то, что въ его дежурство намъ полагалось ходить поутру въ баню, куда онъ и водилъ насъ, причемъ съ истиннымъ сладострастіемъ мылся сѣрымъ казеннымъ мыломъ. Баня помѣщалась въ ближайшемъ къ гимназіи переулкѣ, который носилъ тогда названіе Баннаго. И переулокъ, и баня были прескверные, но мы охотно ходили туда, такъ какъ эти прогулки вносили нѣкоторое разнообразіе въ наше житье. Мнѣ живо вспоминаются онѣ. Раннее, сѣрое, туманное утро; на улицахъ еле мерцаютъ догорающіе масленые фонари на деревянныхъ столбахъ. Впереди, поднявъ воротникъ своего короткаго пальто, шествуетъ мелкими шажками маленькій, толстенькій мосье Робэнъ, а за нимъ идемъ мы, малыши, попарно, въ радостномъ настроеніи по случаю экстренной экскурсіи. Изъ насъ знающіе по-французски припѣваютъ сложенную ad hoc пѣсенку:

Ce beau matin,
Nous allons au bain
Avec Monsieur Robin!

Весело и намъ, весело и недалекому французу, счастливому отъ предвкушенія удовольствія всласть помыться казеннымъ мыломъ.

Русскій гувернеръ, робкій, застѣнчивый, повидимому загнанный судьбою молодой человѣкъ, совершенно стушевывался въ нашей толпѣ и не пользовался въ нашей средѣ ни малѣйшимъ авторитетомъ, такъ что не

имѣлъ и значенія въ качествѣ воспитателя. Почти то же можно сказать и о нѣмцѣ, котораго мы прозвали Вороной, въ виду его поразительнаго сходства съ этою птицей. Ворона терпѣливо отбывалъ свои дежурства, относясь къ нимъ единственно какъ къ службѣ, которая доставляла ему пропитаніе. Скудныя средства свои онъ пополнялъ тѣмъ, что, состоя также гимназическимъ библіотекаремъ, ставилъ въ счетъ выпускнымъ воспитанникамъ якобы утерянныя ими, въ продолженіе курса, книги; сумму этихъ фантастическихъ счетовъ онъ соразмѣрялъ со средствами каждаго, правильно соображая, что на радостяхъ никто изъ выпускныхъ ни спорить, ни торговаться не станетъ.

Хуже всѣхъ былъ гувернеръ съ итальянскою фамиліей. Этотъ принадлежалъ уже прямо къ противному типу дѣльцовъ, впослѣдствіи распустившемуся на Руси столь пышнымъ цвѣтомъ. Французъ, нѣмецъ и русскій, унимая нашъ шумъ, видѣли въ этомъ исполненіе своей обязанности; господинъ же съ итальянскою фамиліей не допускалъ шума только потому, что онъ мѣшалъ ему писать дѣловыя письма и бумаги, которымъ онъ посвящалъ вечера своихъ дежурствъ. Черствый, сухой, мстительный по натурѣ, онъ смотрѣлъ на дѣтей, какъ на неизбѣжное зло, которое поневолѣ приходится выносить. Мы никогда не слышали отъ него ничего, кромѣ командныхъ словъ, очень умѣстныхъ на плацпарадѣ, но ненужныхъ въ учебномъ заведеніи, и рѣшительно всѣ терпѣть его не могли. Вся повадка его нисколько не отвѣчала общепринятому представленію о педагогѣ. Поступь спесивая: голова назадъ, животъ впередъ, походка въ развалку, огромныя плоскія ступни носками вмѣстѣ. При томъ, и голосъ рѣзкій, какъ трубный звукъ. Занимался онъ какими-то выгодными дѣлами, доставившими ему впослѣдствіи хорошія средства къ жизни; должность же воспитателя, очевидно, служила ему только переходною ступенью къ дальнѣйшей карьерѣ.

Почти всѣ эти лица оставались нашими гувернерами въ теченіе всѣхъ семи лѣтъ гимназическаго курса; но если бы ихъ и вовсе не было, мы ничего не потеряли бы, потому что заимствоваться отъ нихъ намъ было нечѣмъ. Гораздо полезнѣе ихъ были, пожалуй, для насъ наши «дядьки»: тѣ хоть чистили намъ сапоги и платье. На старшемъ отдѣленіи (съ IV класса) вмѣсто мосье Робэна появился новый гувернеръ, полуфранцузъ, полунѣмецъ, воспитавшійся въ Россіи и свободно говорившій по-русски. Онъ былъ молодъ, подвиженъ и болтливъ, но никогда не говорилъ съ нами по-французски, почему не могъ быть полезенъ намъ и со стороны практики въ этомъ языкѣ. Кстати замѣчу, что преподаваніе иностранныхъ языковъ было поставлено въ нашей гимназіи нисколько не лучше, чѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ привилегированныхъ. Кто поступалъ въ гимназію безъ знанія языковъ, тотъ не научался имъ и къ окончанію курса, едва успѣвая достигнуть,

съ грѣхомъ пополамъ, умѣнія ошибочно читать по-нѣмецки и по-французски и еще ошибочнѣе понимать прочитанное.

Другіе «предметы» преподавались также далеко неблестяще и въ младшихъ, и въ старшихъ классахъ. Не было учителей, которые хотѣли или умѣли бы заинтересовать насъ своимъ «предметомъ», а потому и все ученіе представлялось намъ формальностью, которую мы, по непонятному капризу начальства, должны выполнять. Представлялось непонятнымъ, для чего намъ нужно знать алгебру, тригонометрію, латинскій языкъ и т. д., о которыхъ никогда не бываетъ и помина въ бесѣдахъ нашихъ взрослыхъ родственниковъ и знакомыхъ. Поэтому учились мы вяло, механически, какъ-бы отбывая повинность. Если мы и принимали на вѣру общепринятую истину, что каждый долженъ стремиться къ образованію, то все же оставалось неяснымъ, почему для этого необходимо знать «предметы», на нашъ взглядъ, никому ненужные. Самый способъ преподаванія ихъ внушалъ намъ большія сомнѣнія. Учителя, держась программы, сухо излагали въ классѣ, что̀ положено, а потомъ «спрашивали» и ставили отмѣтки—только и всего. Не знаешь урока—вотъ тебѣ единица (по школьной терминологіи «колъ» или «дубина»), а дальше разбирайся самъ, какъ умѣешь. Но какъ разобраться, когда сразу не понялъ, а дальнѣйшихъ объясненій не даютъ? Конечно, отсталыхъ оказывалось очень много.

Въ числѣ другихъ, вспоминается мнѣ учитель исторіи—предмета очень благодарнаго въ воспитательномъ отношеніи. Толстенькій, чистоплотный господинъ въ туго накрахмаленныхъ воротничкахъ; ни дать, ни взять—сытый, самодовольный купчикъ. Войдетъ изысканною, почти кокетливою походкой, какъ-бы пританцовыя на гибкихъ щиколкахъ; сядетъ за каѳедру, аккуратно расправивъ фалды вицмундира и, послѣ обычной переклички и записи отсутствующихъ, раскроетъ на пюпитрѣ печатный учебникъ. Затѣмъ, граціозно подперевъ подбородокъ выхоленною рукой съ бирюзовымъ колечкомъ на мизинцѣ, начинаетъ читать по книгѣ, дѣлая видъ, будто говоритъ «своими словами». Ни поясненій, ни эпизодическихъ вставокъ для оживленія скучнаго и сухого разсказа учебника, вообще—ничего «посторонняго». «Спартанцы дрогнули и отступили»—слово въ слово какъ въ книгѣ. Въ слѣдующій же урокъ происходитъ уже «спрашиваніе».

— Тихоновскій, *вы* разскажите!

А у Тихоновскаго отъ всего урока только и осталось въ головѣ, что спартанцы дрогнули и отступили; но онъ понимаетъ, что на этомъ далеко не уѣдешь, а потому сосредоточенно молчитъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ единицы, послѣ чего мрачно опускается на скамью. А учитель вызываетъ уже другого:

— Тубановъ, *вы* разскажите!

Тубановъ, ловко считывая съ заслоненной тетрадью книги, кое-какъ передаетъ урокъ. Потомъ еще два-три вызванныхъ, а тамъ и звонокъ: урокъ, слава Богу, конченъ. Чтобъ ему пусто было!

IV.

Демократизація состава гимназіи.—В. И. Водовозовъ, какъ наставникъ.—М. А. Языковъ и его коммиссіонерская контора.—Селеніе Стекляннаго Завода.—Незаурядная дѣвушка.

Время шло и съ каждымъ годомъ свободнѣе стали проникать въ стѣны гимназіи отголоски усиливавшагося въ обществѣ преобразовательнаго движенія. Возвращаясь изъ воскреснаго отпуска, многіе изъ насъ приносили различныя вѣсти, отражавшія настроеніе взрослыхъ. Кое-что оставалось для насъ неяснымъ, но, въ общемъ, чувствовалось дуновеніе чего-то свѣжаго, явившагося на смѣну крѣпостническимъ понятіямъ. Слухи о готовившейся крестьянской реформѣ давали обильную пищу нашей отроческой мысли, расширяя нашъ умственный кругозоръ. Къ тому же и самый составъ воспитанниковъ существенно освѣжился притокомъ новаго элемента, въ лицѣ «приходящихъ», пріемъ которыхъ въ гимназію былъ допущенъ около этого времени, отчасти, благодаря, настояніямъ нашего почтеннаго инспектора, В. С. Бардовскаго. Онъ былъ горячимъ сторонникомъ допущенія вольноприходящихъ, безъ всякихъ сословныхъ ограниченій, и успѣлъ отстоять свою мысль. Столь знаменитаго впослѣдствіи «кухаркина сына» мы еще не видѣли—въ ту пору онъ еще не успѣлъ народиться, но въ нашей, до тѣхъ поръ исключительно дворянской средѣ начали появляться дѣти разночинцевъ, мѣщанъ и мелкихъ купцовъ. Само собою разумѣется, что это не могло не способствовать демократизаціи нашихъ понятій. Чрезъ товарищей-плебеевъ, мы стали знакомиться съ разными сторонами жизни, до тѣхъ поръ мало или слишкомъ поверхностно извѣстными намъ. Съ другой стороны, и плебеи почерпали отъ насъ немало такого, чего не почерпнули бы въ окружавшей ихъ житейской обстановкѣ. Въ этомъ отношеніи происшедшее въ стѣнахъ гимназіи «сліяніе сословій» было очень полезно для обѣихъ сторонъ и вполнѣ отвѣчало господствовавшимъ тогда въ публикѣ стремленіямъ. Къ тому времени, когда я былъ уже въ V классѣ, среди моихъ товарищей можно было уже по пальцамъ сосчитать тѣхъ, которые еще не успѣли освободиться отъ нѣкоторыхъ, привитыхъ имъ съ дѣтства сословныхъ предразсудковъ. Я помню, какое презрѣніе, смѣшанное съ негодованіемъ, вызывалъ въ насъ воспитан-

никъ VI класса Г., которому крѣпостной человѣкъ его отца, жившій въ Петербургѣ на оброкѣ, приносилъ раза два въ годъ по парѣ сапогъ, въ видѣ дани. Г., щеголеватый и очень занятый своею наружностью юнецъ, принималъ приношеніе, какъ должное, и даже, не говоря ни слова благодарности, сухо отпускалъ бѣднаго сапожника, имѣвшаго скорбный видъ тогдашняго угнетеннаго городского ремесленника. Мы корили Г. даровыми сапогами, дразнили его «побирушкой» и всячески досаждали ему; онъ выходилъ изъ себя и видимо страдалъ отъ насмѣшекъ, но отказаться отъ дани не рѣшался: бѣдняга слишкомъ любилъ щеголять «собственными» сапогами, на высокихъ каблукахъ, такъ выгодно отличавшимися отъ грубо стачанныхъ казенныхъ. Помню также, какъ сторонились многіе изъ насъ отъ другого воспитанника старшаго класса, похвалявшагося тѣмъ, что братъ его служитъ квартальнымъ надзирателемъ и можетъ получать изъ лавокъ даромъ все, что захочетъ.

Припоминая обстоятельства, способствовавшія въ гимназіи нашему умственному и нравственному развитію, не могу не упомянуть съ горячею признательностью объ учителѣ русской словесности въ старшихъ классахъ, покойномъ Вас. Ив. Водовозовѣ. Память этого прекраснаго наставника, я увѣренъ, чтится многими изъ его бывшихъ учениковъ. Одинаково простой въ обращеніи, какъ съ нами, такъ и съ гимназическимъ начальствомъ, онъ былъ для насъ, прежде всего, образцомъ нравственной порядочности. Живая, увлекательная рѣчь его на урокахъ (которые онъ, чтобы поднять насъ въ собственныхъ глазахъ, называлъ «лекціями») приковывала къ себѣ вниманіе всего класса. Даже облѣнившіеся и опустившіеся ученики, въ другіе часы предпочитавшіе играть на заднихъ скамьяхъ подъ столомъ въ шашки—и тѣ охотно прислушивались иной разъ къ словамъ Василія Ивановича. Голосъ его былъ неособенно пріятенъ и походилъ на кряканіе, да и наружностью Водовозовъ похвалиться не могъ; но когда, истолковывая намъ какое-нибудь литературное произведеніе, онъ прочитывалъ отрывки изъ него, снабжая ихъ пространными объясненіями, мы жадно слушали его. Онъ обладалъ даромъ освѣщать разбираемое произведеніе съ такою яркостью, что достоинства или слабыя стороны его становились видны слушателямъ, какъ на ладони. Онъ умѣлъ заохотить насъ къ самостоятельному прочтенію всей вещи, отрывки изъ которой прочитывалъ на урокѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заронить въ сердце слушателя то эстетическое чутье, при отсутствіи котораго красоты произведенія остаются незамѣченными читателемъ. На урокѣ онъ весь уходилъ въ излагаемый предметъ, говорилъ съ увлеченіемъ и, вѣроятно, не замѣчалъ ничего вокругъ себя, хотя и смотрѣлъ на насъ сквозь очки расширенными глазами. Его возбужденное настроеніе передавалось и намъ, и, по окончаніи урока, почти у

каждаго изъ насъ оставалось пріятное впечатлѣніе живой умственной работы. Но Василій Ивановичъ, помимо своихъ увлекательныхъ лекцій, заботился еще и о томъ, чтобы пріучить насъ къ самостоятельному труду. Онъ задавалъ намъ темы для сочиненій, заставляя насъ писать разборы литературныхъ произведеній, дѣлать описанія видѣннаго нами въ жизни и т. п. Работы эти часто служили ему потомъ канвою для новой блестящей «лекціи». Рутиннаго «спрашиванія» онъ избѣгалъ, но по двумъ-тремъ вопросамъ, сдѣланнымъ какъ бы мимоходомъ, всегда умѣлъ опредѣлить степень познаній и развитія каждаго изъ своихъ учениковъ. Охотою къ чтенію, распространившеюся между нами въ старшихъ классахъ, многіе изъ насъ были обязаны преимущественно вліянію Водовозова. Изъ всѣхъ учителей только ему одному обязаны мы были также и тѣмъ, что уже на полпути гимназическаго курса въ насъ начали слагаться опредѣленныя этическія начала. Надо прибавить, что онъ едва-ли не первый напалъ на мысль о важномъ значеніи выразительнаго чтенія. Съ цѣлью научить насъ ему, онъ давалъ намъ разъучивать мѣста изъ произведеній Гоголя, которыя мы и разъигрывали въ лицахъ [1]).

Подъ вліяніемъ «лекцій» Василія Ивановича, никогда не ограничивавшихся рамками ихъ непосредственнаго предмета, въ головахъ нашихъ объединялись и осмысливались тѣ впечатлѣнія, которыя мы получали внѣ стѣнъ гимназіи въ свободные отъ ученія дни. Въ этомъ отношеніи я многимъ обязанъ также и моему дядѣ, который, по мѣрѣ моего подвигавшагося развитія, все чаще вступалъ со мною въ собесѣдованія. Кромѣ того, немало пользы принесло мнѣ посѣщеніе нѣсколькихъ другихъ домовъ, особенно же дома Михаила Александровича Языкова, небезъизвѣстнаго по литературнымъ воспоминаніямъ Панаева, который былъ его школьнымъ товарищемъ и пріятелемъ. Языковъ былъ отнюдь не дюжинною натурой. По происхожденію, онъ принадлежалъ къ старинному барскому роду и получилъ соотвѣтственное воспитаніе. Въ характерѣ его были, однако, нѣкоторыя черты, не часто встрѣчавшіяся въ средѣ тогдашнихъ помѣстныхъ дворянъ. Живой и подвижный, несмотря на нѣкоторую тучность, онъ весь проникнутъ былъ духомъ почина и склоненъ ко всякому новшеству, носившему въ себѣ признаки свѣжихъ началъ. Нельзя сказать, чтобы склонность эта была у него плодомъ продуманныхъ убѣжденій; скорѣе, она обусловливалась просто впечатлительностью его натуры. Онъ имѣлъ обширныя связи въ различныхъ кругахъ, преимущественно же въ высшемъ служебномъ, и

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ достойномъ человѣкѣ сообщены въ книгѣ В. И. Семевскаго „Вас. Ив. Водовозовъ. Біографическій очеркъ“. Спб., 1888 г.

*

вездѣ былъ любимъ, какъ остроумный и пріятный собесѣдникъ; общительности его, быть можетъ, способствовало и то, что въ немъ не было принципіальной прямолинейности, исключающей слишкомъ большое разнообразіе знакомствъ. Свѣтское воспитаніе сдѣлало изъ него человѣка покладистаго, способнаго внѣшнимъ образомъ мириться съ явленіями, которыхъ онъ въ глубинѣ души не одобрялъ, и относиться пассивно къ воззрѣніямъ, которыхъ раздѣлять не могъ, обладая яснымъ умомъ и добрымъ сердцемъ. Бывая въ «свѣтѣ», гдѣ онъ имѣлъ не мало родственныхъ связей, онъ отдавалъ, однако, предпочтеніе обществу людей литературнаго и артистическаго склада. Въ концѣ сороковыхъ годовъ въ просторной квартирѣ его на Троицкомъ подворьѣ частенько собирались литераторы и ученые, принадлежавшіе или примыкавшіе къ кружку Бѣлинскаго. Молодые, начинающіе писатели нерѣдко впервые встрѣчались и знакомились здѣсь съ тогдашними вожаками литературы. Здѣсь неразъ раздавались горячія рѣчи Бѣлинскаго, слышались блестяще-остроумныя выходки Герцена, и въ пылкихъ спорахъ отшлифовалась, вѣроятно, не одна дѣльная мысль. Не было почти ни одного сколько-нибудь замѣтнаго литератора, съ которымъ Языковъ не былъ бы знакомъ болѣе или менѣе близко, и остается только пожалѣть, что онъ не оставилъ послѣ себя записокъ.

Около того времени, когда я, еще ребенкомъ лѣтъ шести-семи, бывалъ съ родителями на Троицкомъ подворьѣ, Языковъ, одержимый, какъ уже сказано, стремленіемъ къ новшествамъ, сдѣлалъ смѣлый шагъ, сильно повредившій ему въ глазахъ «свѣта». Продавъ свое наслѣдственное имѣніе, онъ основалъ первую по времени въ Россіи коммиссіонерскую контору, съ цѣлью снабженія провинціи всевозможными товарами, справками и т. п. При тогдашнемъ жалкомъ состояніи торговли въ провинціальныхъ населенныхъ пунктахъ, при бездорожьѣ и скудости газетъ, нынѣ разносящихъ во всѣ углы массы всякихъ объявленій, предпріятіе это имѣло особенно цѣнное значеніе для провинціаловъ, тѣмъ болѣе, что во главѣ его были поставлены знающіе люди изъ интеллигентнаго круга. Но во мнѣніи «свѣта» дѣло это было недостойно дворянина, и на Языкова многіе стали смотрѣть косо за его неумѣстный починъ; потомственный дворянинъ въ роли купца казался прямо непристойностью. Смѣлый иниціаторъ нашелъ, однако, въ себѣ достаточно мужества, чтобы пренебречь предразсудкомъ. Контора (если не ошибаюсь, подъ фирмою «Дѣятельность») была открыта у Аничкина моста, на углу Невскаго и Фонтанки, и дѣла ея сразу пошли превосходно: справки всякаго рода, заказы, предложенія посыпались со всѣхъ сторонъ Россіи, какъ только свѣдѣнія о небываломъ учрежденіи достаточно распространились. Поступали просьбы о рекомендаціи учителей и гувернантокъ, получались заказы на дамскіе

костюмы и шляпки, съ сообщеніемъ о цвѣтѣ волосъ и тѣлосложеніи заказчицъ и съ просьбами подобрать вещь «къ лицу»; выписывались сѣмена, книги, мануфактурный товаръ, фортепіано, биллiарды и т. д. Новинка была слишкомъ заманчива, а денегъ у помѣщиковъ имѣлось тогда достаточно. Заказы, добросовѣстно выбранные и бережно упакованные, разсылались гужомъ и водою въ огромныхъ массахъ. Дѣло быстро развивалось; уже конторѣ приходилось зафрахтовывать цѣлые пароходы для доставки въ Петербургъ заграничныхъ товаровъ, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, послѣдовалъ крахъ. Обнаружились крупныя растраты, въ кассовыхъ книгахъ оказались вырванные кѣмъ-то листы... Подозрѣніе пало на управляющаго конторой, интеллигентнаго господина съ служебными и литературными связями; возникли пререканія, назначенъ былъ третейскій судъ, въ собраніи котораго потрясенный Языковъ едва не упалъ въ обморокъ, но дѣло кончилось ничѣмъ; виновнаго найдено не было, а контора оказалась вынужденною ликвидировать свои дѣла.

Человѣкъ практическій, вѣроятно, съумѣлъ бы еще какъ-нибудь выпутаться изъ затрудненій и спасти гибнувшее предпріятіе; но Языковъ былъ полною противоположностью практическаго человѣка. Широкій замыселъ, смѣлая фантазія — это было его дѣломъ, практическое же осуществленіе своихъ плановъ онъ постоянно поручалъ другимъ, зная, что самъ онъ на это не годится. Впослѣдствіи, послѣдовательно занимая видныя служебныя должности въ трехъ губернскихъ городахъ, онъ въ каждомъ изъ нихъ оставилъ по себѣ слѣды, свидѣтельствующіе о его неутомимомъ починѣ: въ одномъ городѣ учредилъ клубъ съ читальнею, въ другомъ завелъ общество потребителей (одно изъ первыхъ въ Россіи), въ третьемъ—публичную библіотеку. Хлопотъ по такимъ поводамъ онъ не жалѣлъ: то и дѣло, являлся въ Петербургъ и «ходатайствовалъ». Бывало, всѣхъ на ноги подниметъ, всѣ свои связи въ ходъ пуститъ, а ужъ просимаго добьется, послѣ чего ѣдетъ обратно, довольный и счастливый. Наладивъ дѣло и сдавъ его съ рукъ на руки умѣлымъ людямъ, онъ отстранялся отъ него. Неразъ говаривалъ онъ мнѣ послѣ, когда я уже былъ взрослымъ:

— Что же мнѣ было дальше-то мѣшаться? Вѣдь я въ этихъ дѣлахъ рѣшительно ничего и не умѣю, и не понимаю. Еще, пожалуй, напутаешь.

Такъ же поступалъ онъ и на службѣ. Стоя во главѣ учрежденія, онъ никогда не зналъ подробностей его отправленій и заботился только о томъ, чтобы окружить себя честными, добросовѣстными и знающими сотрудниками. При знаніи людей, онъ рѣдко ошибался въ выборѣ.

Нѣкоторые изъ знакомыхъ Языкова считали его человѣкомъ легкомысленнымъ и, виня его въ дилетантизмѣ, снисходительно смотрѣли на

него сверху внизъ; но онъ дѣлалъ (и сдѣлалъ), что́ могъ и какъ умѣлъ, а строгіе судьи его такъ и остались до гроба при одномъ самообольщеніи собственнымъ глубокомысліемъ. На чьей же сторонѣ тутъ преимущество?

Въ продолженіе гимназическаго курса я ходилъ въ отпускъ то къ дядѣ, то къ Языковымъ, гдѣ у меня былъ сверстникъ и пріятель, ихъ старшій сынъ. Они жили тогда на Стеклянномъ Заводѣ, директоромъ котораго состоялъ Михаилъ Александровичъ. Теперь отъ Знаменской площади вплоть до Александро-Невской лавры тянутся сплошные ряды высокихъ каменныхъ домовъ и проложены рельсы паровой городской дороги; но въ тѣ годы не только эта часть Невскаго проспекта, но и предшествующая Знаменской площади представляли совершенно другую картину. Начиная отъ Надеждинской улицы, называвшейся тогда Шестилавочною, проспектъ имѣлъ видъ запущенной улицы какого-нибудь провинціальнаго города. Гладкіе фасады старомодныхъ домовъ были выкрашены охрою, и въ нижнихъ этажахъ, вмѣсто нынѣшнихъ щегольскихъ магазиновъ, ютились грязные, засоренные лабазы, вонючія мелочныя, шорныя и каретныя лавки, гдѣ сидѣли купцы и прикащики въ чуйкахъ и тулупахъ, ничуть не похожіе на нынѣшнихъ франтовъ въ яркихъ галстухахъ. За Николаевскою улицей, по справедливости носившею въ то время лестное названіе Грязной, начинали уже встрѣчаться накренившіеся сѣрые заборы изъ барочнаго лѣса. Знаменская площадь представляла собою заброшенный пустырь, гдѣ появленіе въ ночную пору сопряжено было съ рискомъ попасть въ руки лихому человѣку. Помнится, площадь не была даже мощена, хотя прилегающій къ ней конецъ Невскаго проспекта уже былъ вымощенъ отборнымъ, крупнѣйшимъ булыжникомъ. На площади, сколько помню, стояла полицейская будка, изъ которой иногда выходилъ будочникъ и смотрѣлъ на небо, чтобы узнать, который часъ. Слѣва виднѣлись рѣдкія лачужки Песковъ, нынѣ застроенныхъ и освѣщаемыхъ электрическими фонарями; вправо тянулась вдоль загнившей Лиговки скорѣе деревня, чѣмъ городъ, населенная ямщиками и извощиками. Малочисленные фонари освѣщались ламповымъ масломъ, которое подвозилъ къ нимъ въ ручной телѣжкѣ обтрепанный фонарщикъ; въ видахъ наибольшаго свѣтового эфекта, онъ протиралъ фонарныя стекла засаленною тряпкой.

Отъ площади до Лавры дорога шла уже совершенною пустыней. Еслибы не заборы по сторонамъ, нельзя было бы и догадаться, что городъ еще не кончился. Само-собою разумѣется, что по такимъ мѣстамъ я рѣшался ходить на Стеклянный Заводъ только въ дневную пору, а если случались деньги, то предпочиталъ ѣздить на извозчикѣ, что̀, по тогдашнимъ цѣнамъ, обходилось копѣекъ въ двадцать; если же хорошенько поторговаться, то свезутъ, бывало, и за 17 копѣекъ. Скром-

ной цѣнѣ соотвѣтствовало и устройство извозчичьяго экипажа. Нынѣшнихъ пролетокъ тогда еще не водилось; ѣздили на длинныхъ дрожкахъ, похожихъ на бѣговыя и называвшихся «гитарою». Мужчины садились на нихъ верхомъ, а дамы бокомъ, свѣсивъ ноги на подножку. Извозчикъ помѣщался на маленькихъ козлахъ; костюмъ его состоялъ изъ деревенскаго армяка, высокой войлочной шляпы (гречаникъ) и рукавицъ; на спинѣ его болталась привѣшенная на ремешкѣ нумерная жестянка въ видѣ бубноваго туза. Поэтому сѣдокъ, когда бывалъ недоволенъ, билъ извозчика не по спинѣ (чтобы не оцарапать руку объ жестянку), а по шеѣ; такъ же поступали и будочники, когда, по ходу событій, требовалось ихъ вмѣшательство. Полицейскіе же офицеры предпочитали бить извозчиковъ прямо по лицу, или, выражаясь техническимъ терминомъ, «по мордѣ». Извощикъ, съ своей стороны, по тогдашней своей безотвѣтственности, могъ на такіе способы воздѣйствія отвѣчать только тѣмъ, что снималъ шляпу и просилъ прощенія: онъ зналъ, что въ кварталѣ съ нимъ обошлись бы еще хуже.

Стеклянный Заводъ, съ его селеніемъ фабричныхъ, являлъ собою прямо захолустье. Мѣстность эта, и нынѣ не могущая похвалиться ни чистотою, ни благоустройствомъ, была въ тѣ времена тиха и малолюдна. Въ жалкихъ домикахъ селенія жизнь шла вяло и безцвѣтно. На улицѣ лишь изрѣдка встрѣчались двое-трое какихъ-нибудь идущихъ по дѣлу прохожихъ, на которыхъ порою залаетъ откуда-нибудь изъ-подъ воротъ соскучившаяся отъ праздности собака. Если, бывало, пріѣдешь на извозчикѣ, то въ иномъ окнѣ замѣтишь какое-нибудь женское лицо, интересующееся узнать, кто ѣдетъ и куда именно проѣдетъ. Совсѣмъ какъ въ деревнѣ.

Языковъ занималъ просторный одноэтажный деревянный домъ, обращенный двумя сторонами къ обширному саду при заводѣ. Семья Михаила Александровича состояла изъ его жены [1]), двоихъ (впослѣдствіи пятерыхъ) дѣтей, сестры жены и молодого человѣка, А. А. Попова, впослѣдствіи пріобрѣвшаго извѣстность, какъ художникъ. Въ этомъ домѣ мнѣ бывало несравненно веселѣе, чѣмъ у дяди: здѣсь не было размѣренности въ образѣ жизни, и господствовало оживленіе. Гости бывали часто, и сами Языковы нерѣдко выѣзжали, имѣя свой экипажъ. Иногда вмѣстѣ со своимъ старшимъ сыномъ Языковъ возилъ и меня къ своимъ богатымъ и бонтоннымъ родственницамъ, быть можетъ, съ цѣлью пріучить меня къ свѣтскому обращенію, которое, впрочемъ, такъ и не далось мнѣ. Я ди-

---

[1]) Екатерины Александровны. Она занималась мозаикою и хорошо рисовала. Сохранился прекрасно исполненный ею (карандашомъ) портретъ В. Г. Бѣлинскаго, снятый съ натуры незадолго до его смерти. Знатоки находили въ немъ большое сходство съ оригиналомъ.

чился въ домахъ этихъ дамъ высокаго полета и никакъ не могъ побороть моей застѣнчивости, когда онѣ снисходительно осматривали меня въ лорнетъ. У одной изъ нихъ, пользовавшейся вліяніемъ и почетомъ, вслѣдствіе близости ея къ нѣкоему высокому сановнику, былъ «салонъ», куда собирались именитыя лица, дипломаты и люди, искавшіе карьеры; квартира ея была роскошно убрана, и чай разносилъ статный арапъ въ бѣлоснѣжныхъ воротничкахъ. Его сверкавшіе по временамъ зубы занимали меня гораздо больше, чѣмъ сама хозяйка и ея аристократическіе гости. Съ дѣтьми послѣднихъ, разодѣтыми, какъ куколки, и уже достаточно усвоившими великосвѣтскія манеры, я сойтись не могъ по слишкомъ большому различію между нашими вкусами и привычками, хотя бы еще и дѣтскими. Словомъ, я не любилъ ѣздить въ эти дома и бывалъ доволенъ, когда меня туда не брали.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ я становился старше, я началъ въ посѣщеніяхъ семьи Языковыхъ находить новый интересъ. Все чаще началъ я заходить въ отдаленную комнату, гдѣ, среди груды книгъ и неописуемаго безпорядка, жила сестра г-жи Языковой, милая и добрая Элликонида Александровна Б. Тамъ проводилъ я долгіе часы, слушая ея нескончаемые разсказы и объѣдаясь вареньемъ, которое она мастерски варила. Элликонида Александровна была преоригинальная личность. Дѣвушка лѣтъ двадцати, бойкая и подвижная, съ большими живыми черными глазами и свѣжимъ смѣхомъ въ минуты веселаго настроенія, она легко могла бы сдѣлать хорошую «партію», еслибы мысли ея были направлены въ эту сторону. Не одинъ изъ молодыхъ людей, бывавшихъ въ домѣ Языкова, втайнѣ питалъ нѣжное чувство къ этой дѣвушкѣ, ходившей, по державшейся еще тогда модѣ, въ букляхъ; говорятъ, даже степенный и вялый Ив. Ал. Гончаровъ увлекся ею на столько, что едва не сдѣлалъ ей предложеніе. Но она не думала о замужествѣ: ей хотѣлось учиться. Лѣтъ восемнадцати она, продавъ свою долю имѣнія, отправилась въ Парижъ, посѣщала Сорбонну и, вернувшись потомъ въ Петербургъ, продолжала свои разностороннія учебныя занятія. Работая одна, безъ руководителя, она не съумѣла систематизировать свое ученіе, но все же развила свой ясный отъ природы умъ и выработала себѣ опредѣленные взгляды. Но главною чертою ея натуры была необыкновенная доброта и отзывчивость къ чужой нуждѣ. Никто не съумѣлъ бы съ такою нѣжностью и съ такимъ тактомъ ободрить унывающаго, поддержать ослабѣвшаго, одушевить равнодушнаго, словомъ—«подковать» человѣка, если можно такъ выразиться. Однако, при всемъ томъ, на нее находили порою припадки взбалмошности, какимъ-то чудомъ уживавшейся въ ней съ разсудительностью и высокою гуманностью. Быть можетъ, въ этомъ сказалась наслѣдственность помѣ-

щичьей среды, изъ поколѣнія въ поколѣніе рождавшей самовластные характеры.

Привычки Элликониды Александровны были крайне просты: она готова была довольствоваться самою скудной обстановкой, самою скромною пищей, не говоря уже объ одѣяніи, которое очень мало занимало ее. Впослѣдствіи, когда она рѣшила начать трудовую жизнь и поселилась отдѣльно отъ Языковыхъ, никто по образу жизни и одеждѣ не призналъ бы въ ней бывшей помѣщицы. При своихъ родственныхъ связяхъ въ «свѣтѣ», она, конечно, могла бы заручиться хорошо оплачиваемою работой, дорогими уроками; но она, совершенно чуждая корыстолюбивыхъ помысловъ, всю жизнь свою довольствовалась малымъ заработкомъ, давая уроки преимущественно дѣтямъ семей средняго класса, а вмѣстѣ съ тѣмъ обучая безвозмездно и нѣсколькихъ дѣтей бѣдняковъ. Одно время она занималась съ дочерью одной изъ своихъ богатыхъ родственницъ и жила у послѣдней; но какъ ни желала эта родственница доставить наставницѣ дочери всѣ удобства роскошной жизни, Элликонида Александровна избрала себѣ для жилья двѣ тѣсныя каморки въ дальнемъ углу дома и устроилась тамъ по-студенчески.

Работая неустанно, скромно питаясь и часто хворая, она дожила до глубокой старости и умерла въ бѣдности, спокойно озираясь на свою безупречную труженическую жизнь.

V.

Женскіе институты въ концѣ пятидесятыхъ годовъ.—Духъ гимназистовъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.—Шіонъ въ гимназіи.

По мѣрѣ приближенія того момента, когда, наконецъ «порвалась цѣпь великая», прогрессивныя идеи захватывали все болѣе широкіе круги русскаго общества. Естественнымъ путемъ проникая въ мужскія учебныя заведенія, онѣ не могли, конечно, не проникнуть и въ женскіе институты, хотя затворническій строй послѣднихъ, казалось бы, долженъ былъ предохранить ихъ отъ «заразы либерализма», какъ выражались поборники старыхъ порядковъ, все еще не хотѣвшіе сдаться и надѣявшіеся запрудить хлынувшій потокъ живой воды. Извѣстно, что въ тѣ времена институтки, во все продолженіе курса, оставались почти безотлучно въ стѣнахъ своего заведенія. Съ родными онѣ могли видѣться только въ опредѣленные дни, когда допускались на нѣсколько часовъ свиданія съ посѣтителями. Затворническая жизнь подъ ферулою чопорныхъ классныхъ дамъ и начальницы, которую воспитанницы называли своею

«maman», налагала на бѣдныхъ дѣвушекъ своеобразную печать. Теперь едва-ли многіе еще помнятъ странный типъ тогдашней институтки, къ счастью отошедшій нынѣ въ область преданій. Выростая, подобно тепличному растенію, за оградой, куда едва-ли проникали отголоски внѣшней жизни, дѣвушки выходили потомъ на свѣтъ Божій нравственными уродцами. Смотря по натурѣ, онѣ являлись въ люди либо ханжами и лицемѣрками, либо существами наивными до невмѣняемости. Совершенное незнаніе людей, романтическая мечтательность и болѣзненная сантиментальность—таковы были отличительныя черты тогдашней институтки. Каждой изъ нихъ, при вступленіи въ жизнь, приходилось перестраивать за-ново все свое міросозерцаніе, замѣнять привитыя институтскою дрессурой понятія новыми. Главною заботой института было то, чтобы воспитать дѣвушку въ правилахъ прописной морали и соблюсти голубиную чистоту ея помысловъ. Въ этихъ видахъ, въ классахъ дѣлались даже пропуски въ читаемыхъ произведеніяхъ и вносились поправки въ заучиваемыя стихотворенія. Стихи, въ родѣ: «Поднявши хвостъ и разметавши гриву», читались въ измѣненной согласно требованіямъ приличія редакціи: «Поднявши носъ» и т. д. Объ остальномъ, въ томъ числѣ и о снабженіи воспитанницъ нужными въ жизни познаніями, институтское начальство не особенно заботилось. Задача его заключалась въ томъ, чтобы изъ института выходили дѣвушки, окруженныя ореоломъ непорочности, скромныя и стыдливыя, словомъ, такія, про которыхъ въ какой-то опереткѣ поется:

Elle est tellement innocente
Qu'elle ne comprend presque rien [1]).

Нетрудно представить себѣ, сколько тяжелыхъ минутъ, сколько порою сердечныхъ мукъ приходилось переживать этимъ дѣвушкамъ, когда, прямо изъ института попавъ въ гувернантки, онѣ со столь жалкою подготовкой оказывались зажатыми въ стальныя клещи обыденной жизни, такъ непохожей на рисовавшуюся ихъ институтскому воображенію!

Но вотъ свѣжій воздухъ, которымъ повѣяло на рубежѣ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, проникъ и сквозь институтскіе затворы. Новое настроеніе, вторгавшееся туда въ пріемные дни чрезъ родныхъ и знакомыхъ, и появленіе въ институтахъ такихъ учителей, какъ Ушинскій, Милюковъ, Водовозовъ и друг.,—все это вдохнуло новую жизнь въ эти заведенія. Я видѣлъ это по моей сестрѣ, которую иногда посѣщалъ по воскресеньямъ. Чѣмъ ближе подвигался я къ окончанію гимназическаго курса, тѣмъ замѣтнѣе становилась для меня происшедшая въ мысляхъ и чувствахъ сестры перемѣна. Все болѣе спадала съ нея пелена, наброшенная на нее первыми годами пребыванія въ институтѣ. Наив-

[1]) Она до того невинна, что почти ничего не понимаетъ.

ная восторженность и пасторальная мечтательность съ каждымъ годомъ замѣтнѣе уступали мѣсто болѣе правильному отношенію къ окружающему. Это ставило насъ обоихъ въ сознательно-дружественныя взаимныя отношенія. Вскорѣ обнаружилось, что и со многими изъ однокурсницъ сестры случилась та же метаморфоза. Дѣвушки, еще недавно предававшіяся потайному чтенію раздирательныхъ романовъ, обзавелись серьезными книгами, стали осмысленно относиться къ преподаваемымъ по программѣ «предметамъ». Словомъ, тутъ—какъ всегда и вездѣ—оправдалось слово, что тьмѣ не объять свѣта.

У насъ, въ гимназіи, въ 1861 г., когда я перешелъ въ послѣдній (VII) классъ, все шло уже совсѣмъ не такъ, какъ было при моемъ поступленіи шесть лѣтъ тому назадъ. Тогда выпускные воспитанники, большею частью великовозрастные (такъ какъ просиживали въ каждомъ классѣ по два года), вмѣняли себѣ въ достоинство свое молодечество, гордились физическою силой, а идеаломъ счастья считали военную службу. Побить слабѣйшаго, безъ нужды оскорбить грубымъ словомъ гувернера или учителя изъ мягкосердечныхъ—это и другія подобныя выходки признавались доблестными поступками. Теперь же, подъ вліяніемъ новаго теченія, все это вывелось: девизомъ стали порядочность, честность и... цивизмъ. Какъ ни смѣшно звучитъ это слово въ примѣненіи къ гимназисту, мы именно ставили себѣ цѣлью сдѣлаться стойкими гражданами, хотя и понимали роль гражданина по-книжному, такъ сказать, въ отвлеченіи. Мы съ жадностью поглощали статьи руководящихъ критиковъ и публицистовъ въ тогдашнихъ журналахъ, добывали себѣ новѣйшія переводныя книги и старались держаться ужасно серьезными людьми. Намъ казалось, что мы уже совершенно приготовлены ко вступленію въ житейскую борьбу и что насъ совершенно напрасно задерживаютъ въ гимназіи еще на цѣлый годъ. Начали среди насъ появляться подражатели Базарова, котораго они, впрочемъ, тоже понимали по-своему, чисто съ внѣшней стороны. Пусть все это было дѣтски-нелѣпо и каррикатурно, но грѣшно было бы отнестись къ тогдашнему нашему настроенію со злою насмѣшкой: оно родилось изъ чистаго источника, и подъ его покровомъ таились благородныя и безкорыстныя стремленія, во многихъ изъ насъ оставившія по себѣ глубокій слѣдъ на всю жизнь. То была поистинѣ свѣтлая пора нашего существованія, когда мы цѣликомъ, какъ говорится—всѣмъ нутромъ отдавались одушевлявшимъ насъ идеаламъ добра и справедливости. Въ торжество ихъ—и, притомъ, самое скорое, почти въ непосредственномъ будущемъ—мы слѣпо вѣрили. Помню, что подъ вліяніемъ увлеченія общественными вопросами (понимаемыми, правда, довольно неопредѣленно и сбивчиво), я даже прекратилъ издававшійся мною рукописный сатирическій журналъ, посвященный осмѣиванію гимназическихъ порядковъ, и началъ

рисовать каррикатуры для «Искры». Помѣщеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ очень льстило моему самолюбію: выходило, какъ будто я уже «служу обществу». Кстати замѣчу, что журналъ мой, гдѣ помѣщались и стихи одного изъ моихъ товарищей, впослѣдствіи ставшаго «соредакторомъ» журнала, вовсе не былъ изданіемъ подпольнымъ, хотя и выходилъ безъ цензуры гимназическаго начальства. Вас. Степ. Бардовскій нерѣдко просматривалъ съ улыбкою наши писанія и рисунки и не налагалъ на насъ своего veto.

Завели мы было у себя также кружокъ любителей чтенія, который, впрочемъ, скоро распался: каждый убѣдился, что читать въ одиночку удобнѣе, съ точки зрѣнія затраты времени. Мѣстомъ собраній служила намъ квартира одного товарища, сына милліонера, въ его отцовскомъ домѣ. Мы сходились тамъ въ воскресные вечера; кто-нибудь читалъ избранную книжку, а остальные пили чай и слушали. Впрочемъ, толстякъ Т., послѣ двухъ-трехъ страницъ, обыкновенно впадалъ въ дремоту, заранѣе выпивъ стакана три чая и съѣвъ множество сухарей. По окончаніи чтенія, возникали разсужденія и споры по поводу прочитаннаго, причемъ, какъ всюду водится на Руси, пылкія рѣчи легко переходили въ колкости и «личности»; но это не мѣшало дебатамъ быть до извѣстной степени полезными для ихъ участниковъ и слушателей.

Комическую сторону нашихъ собраній составляло то, что мы окружали ихъ большою таинственностью. Зная, по слухамъ, что партія реакціи ведетъ глухую интригу противъ освободительнаго теченія, мы полагали, что, устраивая собранія, мы косвенно соучаствуемъ въ борьбѣ либераловъ съ консерваторами, и что поэтому наша затѣя, имѣя «политическій» характеръ, можетъ вызвать противъ себя гоненія. Мы были «либералами» и не хотѣли даваться въ руки противникамъ, чтобы не ослабить «нашей партіи». Мы серьезно вѣрили, что наше содѣйствіе что-нибудь да значитъ. Что дѣлать—мы были слишкомъ юны, а зеленой юности все представляется въ прикрашенномъ видѣ. У насъ, въ тѣсномъ кружкѣ, возникла было даже мысль объ изданіи тайнаго печатнаго органа—до такой степени преувеличивали мы свое значеніе и свои силы! И еще хорошо, что проектъ этотъ не осуществился. Не говоря уже о тяжкихъ послѣдствіяхъ такого замысла для насъ самихъ, что̀, кромѣ пустыхъ фразъ, могли бы сказать мы въ нашемъ «органѣ»? Да и кому онъ былъ бы нуженъ?

Нелѣпые, но все же благородные помыслы! Молодежь тѣмъ и дорога, что она способна къ безкорыстнымъ порывамъ, безъ примѣси узкихъ личныхъ разсчетовъ. При умѣломъ обращеніи съ нею, при благоразумномъ руководствѣ, изъ рядовъ ея всегда можно подготовить немало будущихъ полезныхъ слугъ отечества самой высокой пробы. Велика и непростительна ошибка тѣхъ педагоговъ, которые къ чистымъ порывамъ

молодежи относятся съ недовѣріемъ и подозрительностью, усматривая въ ея увлеченіяхъ, вполнѣ естественныхъ при незнакомствѣ ея съ дѣйствительностью, признаки злой воли.

Къ сожалѣнію, всегда были и будутъ люди, съ спокойной совѣстью набрасывающіе тѣнь подозрѣнія на молодежь, въ порывахъ которой имъ мнится опасность. Не было недостатка въ такихъ людяхъ и въ то время, о которомъ идетъ рѣчь. Разскажу эпизодъ, случившійся въ гимназіи незадолго до нашего выпуска.

Однажды зимою одинъ изъ приходящихъ учениковъ VI класса явился поутру сильно взволнованный и, тотчасъ же собравъ группу слушателей, спѣша и задыхаясь, разсказалъ престранную исторію. Неподалеку отъ гимназіи онъ былъ остановленъ на улицѣ неизвѣстнымъ господиномъ, который сказалъ ему, приблизительно, слѣдующее:

— Въ воскресенье въ вашей гимназіи будетъ обыскъ. Если у кого-нибудь изъ вашихъ товарищей есть что-нибудь запрещенное—пусть уничтожатъ. Берегитесь, среди васъ есть шпіонъ. Смотрите же, скажите всѣмъ.

Съ этими словами неизвѣстный быстро удалился.

Извѣстіе это произвело у насъ переполохъ, особенно въ нашемъ, VII классѣ. Съ одной стороны лестно: значитъ, и мы не лыкомъ шиты, если у насъ хотятъ сдѣлать обыскъ! Съ другой—какъ будто боязно: что, если мы окажемся политическими преступниками? Что грѣха таить—у насъ дѣйствительно ходили по рукамъ списки кое-какихъ недозволенныхъ стиховъ; были и разрозненные нумера «Колокола», невѣдомымъ путемъ попадавшіе къ намъ въ руки; но у кого же въ то время не было всего этого? Былъ у насъ даже свой собственный стихотворецъ, сочинявшій порою сокрушительные стишки. Все запретное было, конечно, немедленно предано уничтоженію. Потомъ разсказывали, что въ ближайшее воскресенье, когда большинство воспитанниковъ было въ отпуску, классные шкапы наши подверглись деликатно произведенному осмотру особо командированными для того лицами, разумѣется, ничего запретнаго не нашедшими. Тѣмъ дѣло это и кончилось бы, еслибы не роковая вѣсть о присутствіи въ нашей средѣ предателя; она заронила въ насъ сѣмена раздора. Стали доискиваться виновнаго, заподозрѣвали то того, то другого изъ товарищей. Заподозрѣнный оказывался въ тѣмъ болѣе тягостномъ положеніи, что товарищи, не бросая ему обвиненія прямо въ лицо, начинали демонстративно сторониться отъ него. Скверно было то, что подозрѣнія основывались на простыхъ догадкахъ, созидаясь почти исключительно на внѣшнихъ признакахъ, на несимпатичныхъ чертахъ характера того или другого лица и т. п. Помню, какъ глубоко и надолго оскорбленъ былъ одинъ изъ моихъ товарищей, К., оказавшійся неповинно заподозрѣннымъ въ шпіонствѣ. Это былъ юноша съ не по-юношески

развитымъ умомъ, лучшій ученикъ по математикѣ и отличный діалектикъ; во всѣхъ теоретическихъ спорахъ онъ почти всегда бралъ верхъ надъ своими противниками. Холодный и сдержанный по природѣ, онъ не только не имѣлъ въ гимназіи друзей, но и былъ непріятенъ многимъ изъ насъ. Мы считали его своекорыстнымъ практическимъ человѣкомъ, цѣнящимъ выше всего свои личные интересы. Этого оказалось достаточно для того, чтобы на него пало позорное подозрѣніе. Конечно, онъ сразу замѣтилъ, что вокругъ него образовалась пустота, и отлично понялъ причину этого явленія, но не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки оправдаться. Больше прежняго замкнувшись въ себѣ, онъ отвѣтилъ намъ гордымъ презрѣніемъ и ни съ кѣмъ не промолвилъ ни слова до тѣхъ поръ, пока дѣло объ истинномъ предателѣ не разъяснилось окончательно. Только тогда, собравъ насъ всѣхъ однажды въ классъ, онъ—какъ всегда, сдержанный, но весь блѣдный—взошелъ на каѳедру и ровнымъ, спокойнымъ голосомъ произнесъ намъ превосходно построенную рѣчь, которою, какъ плетью, ударилъ по нашей совѣсти. Онъ указалъ намъ на несправедливость нанесеннаго ему оскорбленія, объявилъ, что приписываетъ это не столько нашей гнусности, сколько недомыслію, и заключилъ заявленіемъ, что теперь, когда съ него снято позорное пятно, онъ самъ не желаетъ имѣть товарищескихъ сношеній «со стадомъ барановъ». Наше искреннее раскаяніе не тронуло его: до самаго выпуска онъ такъ и остался въ гордомъ одиночествѣ.

Разъяснилась же исторія о шпіонѣ совершенно неожиданнымъ для насъ образомъ. Внезапно уволенъ былъ изъ гимназіи одинъ изъ воспитанниковъ III класса, перешедшій къ намъ изъ кадетскаго корпуса. Вскорѣ мы узнали, что уволенъ онъ по настоянію В. С. Бардовскаго, бывшаго въ то время уже директоромъ. Оказалось, что доносъ, послужившій поводомъ къ оффиціальному осмотру нашихъ шкаповъ, сдѣланъ былъ именно этимъ воспитанникомъ, котораго всѣ у насъ знали за крайне порочнаго мальчишку. Онъ былъ изъ числа приходящихъ и, вѣроятно, унаслѣдовалъ свои великолѣпныя душевныя качества отъ той среды, которая окружала его за стѣнами гимназіи. Директоръ не нашелъ возможнымъ допустить дальнѣйшее пребываніе такой «паршивой овцы» во ввѣренномъ ему стадѣ, что̀ дѣлаетъ честь его педагогическому такту.

Мнѣ думается, что, случись вся эта исторія не въ годы моего ученія, а десятью—пятнадцатью годами позже, когда на учебныхъ заведеніяхъ тяготѣло подозрѣніе въ неблагонадежности, дѣло могло бы, пожалуй, принять мрачный оборотъ и немало мальчиковъ зачислено было бы въ опасные преступники. И это—единственно за чтеніе недозволенныхъ стишковъ и изданій, свободно распространявшихся въ публикѣ.

А. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Россія и папскій престолъ.[1]

ГЛАВА II.

Катастрофа 27-го мая 1606 г.

Прелюдія скорой развязки. — Непримиримый противникъ. — Заговоръ открытъ.—Письма полковыхъ священниковъ.—Мнѣніе кармелитовъ.—Своеволіе поляковъ.—Свидѣтельство Мартина Стадницкаго.—Мнѣніе о Димитріи Нѣмоевскаго.—Свѣдѣнія, полученныя о. Савицкимъ.—Письмо Димитрія къ Дедію Стривери.—Аудіенція Савицкаго.—Неизвѣстность и треволненія.—Приготовленія къ Сицилійской вечернѣ.—Василій Шуйскій, душа заговора.—Окружающіе Димитрія.—Сообщники.—Жертвы.—Изрубленные сообщники.—Предположенія.—Тревожные симптомы.—Попытка Мнишека.—Скептицизмъ Димитрія.—Послѣдній вечеръ.—Драгоцѣнности принцессы Анны.—Ночь съ 26-го на 27-е мая.—Подъ звуки колоколовъ.—Спокойствіе Димитрія.—Шуйскій срываетъ съ себя маску.—Заговорщики въ Кремлѣ.—Убіеніе Басманова.—Послѣднія минуты Димитрія.—Признаніе Марины надъ трупомъ.—Тѣла Димитрія и Басманова на лобномъ мѣстѣ.—Трагическія сцены.—Смѣшное сожженіе.—Марина среди своихъ женщинъ.—Убійство Осмольскаго.—Героизмъ полекъ.—Бояре освобождаютъ Марину.—Опасность, угрожающая всѣмъ полякамъ.—Домъ священниковъ осажденъ.—Савицкій въ посольствѣ.—Свиданіе съ отцомъ Николаемъ.—Разлука.—Порядокъ возстановленъ.—Число жертвъ.—Самборскій священникъ.—Разговоръ Фоскарини съ королемъ.—Сознаніе Сигизмунда.—Соранцо сообщаетъ извѣстія изъ Праги.—Его смѣлыя предположенія.—Впечатлѣніе, произведенное въ Римѣ.—Заупокойная служба по Димитріи, отслуженная кардиналомъ Боргезе.

Кремлевскія празднества были только блестящей прелюдіей къ ужасной развязкѣ. Хотя царь имѣлъ преданныхъ ему сторонниковъ, но у него были и непримиримые враги, которые помышляли объ его погибели. Наступившее спокойствіе было обманчиво; подъ остывшимъ пепломъ тлѣло пламя мятежа, вспыхивавшее изрѣдка зловѣщимъ блескомъ. Это безпокоило людей дальновидныхъ.

Помилованіе Василія Шуйскаго, производившаго слѣдствіе въ Угличѣ, создало Димитрію злобнаго и непримиримаго врага. Выполненіе заговора, возникшаго въ іюлѣ мѣсяцѣ 1605 г., было отложено только на время.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1901 г.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года было обнаружено существованіе заговорщиковъ, которые угрожали общественному спокойствію. «Арестовано нѣсколько поповъ, — писалъ отецъ Николай; — они наказаны болѣе или менѣе строго. Одного изъ нихъ подвергли пыткѣ, и онъ многое показалъ. Онъ былъ подкупленъ съ цѣлью отравить царя и долженъ былъ совершить цареубійство, пріобщая Димитрія». Новыя опасенія возбудило то обстоятельство, что во дворцѣ были найдены, неизвѣстно кѣмъ подброшенныя принадлежности черной магіи; виновныхъ тщательно розыскивали. Въ то же время отецъ Андрей, который смотрѣлъ на вещи мрачнѣе своего товарища, писалъ, что все еще «полно опасности».

Выше мы видѣли, что Димитрію, по случаю его бракосочетанія съ Мариною, пришлось принять крутыя мѣры относительно духовенства. Объ этомъ упоминаетъ о. Николай въ письмѣ къ отцу Стривери отъ 20-го февраля 1606 г., на которое мы ссылались выше; онъ писалъ ему, что царь счелъ необходимымъ принять особенно строгія мѣры потому, что въ это время обнаружилась оппозиція и среди свѣтскихъ лицъ. Отецъ Николай упоминаетъ въ своемъ письмѣ о козняхъ, возмущеніяхъ, подавленіи мятежа; хотя онъ не распространяется объ этомъ, но изъ его словъ можно заключить, что страна переживала опасный кризисъ [1]).

Того же мнѣнія о положеніи дѣлъ были и миссіонеры-кармелиты, находившіеся въ то время проѣздомъ въ Москвѣ. Димитрій разрѣшилъ имъ отправиться въ Персію немедленно или послѣ Пасхи по ихъ желанію. Они предпочли выѣхать 22-го марта, ибо, говоритъ историкъ ихъ ордена, объясняя причину ихъ поспѣшнаго отъѣзда, — власть Димитрія не была прочна; ежедневно возникали новыя враждебныя ему партіи, и дальновидные люди имѣли полное основаніе опасаться, что онъ будетъ свергнутъ съ престола или погибнетъ подъ его развалинами [2]).

Появленіе поляковъ и Марины ускорило ходъ событій. Ея свита была многочисленна; поляки прибывшіе съ нею въ Москву, были хорошо вооружены, имѣли прекрасныхъ верховыхъ лошадей и держали себя какъ въ странѣ завоеванной. По ихъ собственному сознанію, они проявляли чрезмѣрную власть, предавались всевозможнымъ излишествамъ и животнымъ страстямъ, и безъ стыда и совѣсти позволяли себѣ средь бѣлаго дня самые возмутительные поступки. Польскіе паны пѣли, танцовали, пировали въ Кремлѣ, подъ звуки шумной музыки; они дер-

---

[1]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 499, письмо Чижовскаго къ Аквавивѣ отъ 21-го сентября 1605 г., и письмо Лавицкаго къ нему же; письмо Чижовскаго къ Стривери отъ 20-го февраля 1606 г.—Въ нашемъ собраніи, его же письмо къ тому же самому лицу отъ 20-го февраля 1606 г.

[2]) Hist. gen Fr. Disc., т. II, стр. 140.

жались особнякомъ, не водили знакомства съ московитами, которые находили ихъ слишкомъ шумливыми и спѣсивыми. Слуги были еще хуже господъ. Среди нихъ были отъявленные негодяи и мошенники, которые позволяли себѣ всевозможные своевольные поступки, оскверняли православные храмы, буянили на улицахъ и оскорбляли честныхъ дѣвушекъ. Мартинъ Стадницкій при всемъ своемъ патріотизмѣ строго осуждалъ своихъ соотечественниковъ. Поляки,—говоритъ онъ,—раздражали московитовъ своимъ распутствомъ; они обращались съ ними, какъ со своими слугами, поносили и ругали ихъ, ссорились съ ними и оскорбляли въ пьяномъ видѣ замужнихъ женщинъ [1]).

Многихъ особенно тревожило то обстоятельство, что и царь не внушалъ болѣе прежняго довѣрія. Тотъ Димитрій, котораго такъ хорошо зналъ Рангони, и котораго видѣлъ въ Краковѣ отецъ Андрей, сталъ неузнаваемъ. Въ немъ совершилось полное превращеніе; оно выражалось въ пошлыхъ шуткахъ, неумѣстныхъ требованіяхъ и въ пагубномъ ослѣпленіи. Одинъ польскій шляхтичъ изобразилъ царя въ 1606 г. слѣдующимъ образомъ: Димитрій честолюбивъ и высокомѣренъ,—писалъ онъ,—не терпитъ ни малѣйшаго замѣчанія со стороны приближенныхъ, страстно увлекается военнымъ дѣломъ, жаждетъ славы полководца, не любитъ, чтобы при немъ хвалили другихъ, любитъ выставиться и похвастать; любезенъ, но быстро увлекается, вспыльчивъ, хотя также быстро успокоивается; болѣе щедръ на словахъ, нежели на дѣлѣ; любитъ роскошь у себя дома и у другихъ; въ жизни умѣренъ, ненавидитъ пьянство, но доступенъ другаго рода слабостямъ. Онъ обладаетъ яснымъ умомъ, хотя не особенно образованъ, говоритъ краснорѣчиво, стремится къ прогрессу, не отличается особеннымъ рвеніемъ къ дѣламъ вѣры, исповѣдуетъ православную религію, но не соблюдаетъ ея обряды такъ строго, какъ народъ [2]).

Все то, что слышалъ въ Москвѣ о. Савицкій, было весьма мало утѣшительно. Бывшій исповѣдникъ царя долженъ былъ сознаться, что его духовный сынъ былъ очень развращенъ. Не будучи чернокнижникомъ, какъ подозрѣвали иные, онъ былъ несомнѣнно одержимъ демономъ гордыни и сладострастія.

Люди болѣе наблюдательные подмѣтили въ немъ слѣдующія черты: большую склонность къ удовольствіямъ, доставляющимъ сильныя ощущенія, нежеланіе признавать надъ собою чьего-либо превосходства, большое самомнѣніе, заставлявшее его считать себя выше всѣхъ западныхъ монарховъ, человѣкомъ, предназначеннымъ судьбою удивить міръ своими геркулесовскими подвигами, сдѣлаться предводителемъ христіан-

[1]) Львовъ, библіотека Баваровскаго, Стадницкій, л. 16 v°.
[2]) Нѣмоевскій, стр. 118.

скихъ войскъ, стать во главѣ крестоваго похода противъ турокъ и побѣдить полумѣсяцъ; онъ кичился присвоенной имъ императорскою властью; былъ высокаго мнѣнія о своемъ умѣніи и ловкости; наслаждался своимъ всемогуществомъ, какъ будто его царствованіе должно было быть вѣчно; не уважалъ папы, хотя искалъ его покровительства, и питалъ къ королю польскому чувство ненависти, доходившее до вражды, которая побуждала его объявить королю войну. Савицкій бросаетъ при этомъ мимоходомъ противъ царя слѣдующее обвиненіе: Димитрій,—говоритъ онъ,—хочетъ лишить Сигизмунда престола [1]).

Человѣкъ, въ которомъ произошла столь рѣзкая перемѣна, не могъ чувствовать симпатіи къ польскому іезуиту, бывшему нѣкогда повѣреннымъ его тайнъ и избраннымъ имъ передъ Богомъ въ свидѣтели его честныхъ, искреннихъ намѣреній. Но все же, 25-го мая о. Савицкому была назначена аудіенція, быть можетъ по настоятельной просьбѣ Марины. Видясь съ іезуитами рѣже, чѣмъ прежде, Димитрій не хотѣлъ однако окончательно отдалять ихъ отъ себя; этотъ загадочный человѣкъ считалъ возможнымъ дѣлать самыя странныя уступки. 23-го февраля онъ послалъ польскому провинціалу, Дедію Стривери, письмо, начинавшееся слѣдующими высокопарными словами: «Въ виду того, что интересы преподобныхъ отцовъ, проживающихъ въ нашей имперіи, а равно интересы всего іезуитскаго ордена и самой священной римской церкви требуютъ прибытія къ намъ и присутствія вашего преподобія,—мы предлагаемъ вамъ предпринять это путешествіе, какъ повелѣваютъ вамъ долгъ и благочестіе, какъ можно скорѣе и прибыть къ намъ со всевозможною поспѣшностью: вы убѣдитесь тогда въ нашемъ благоволеніи къ іезуитскому ордену и къ вамъ лично» [2]). Дедій Стривери не посѣтилъ Москвы, но Димитрій, принимая Савицкаго, постарался доказать, что онъ помнитъ свои обѣщанія.

Въ назначенный день, іезуитъ былъ принятъ царемъ. Оставшись съ нимъ наединѣ, онъ поцѣловалъ ему руку и произнесъ обычное привѣтствіе. Димитрій отвѣчалъ ему въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ, заявилъ, что онъ счастливъ видѣть стараго друга, которому онъ столь многимъ обязанъ; подтвердилъ, что онъ помнитъ свои обѣщанія и готовъ ихъ исполнить, и принялъ съ благодарностью письмо отъ генерала іезуитскаго ордена, Клавдія Аквавивы, и нѣсколько священныхъ вещицъ, въ числѣ которыхъ находились присланныя папою золотыя и серебряныя дощечки съ индульгенціями и съ его изображеніемъ. Затѣмъ Димитрій всталъ съ мѣста и началъ ходить большими шагами

---

[1]) Велевицкій, т. II, стр. 145.

[2]) Краковъ, библіотека Ягеллоновъ, № 5, f. 635.—Rome et Démétrius, стр. 170, № 12.

взадъ и впередъ по комнатѣ, а такъ какъ Савицкій стоялъ неподвижно, то онъ взялъ его подъ руку, увлекъ за собою и заставилъ ходить вмѣстѣ съ нимъ. Разговоръ оживился и перешелъ на вопросы религіи. Ловко воспользовавшись случаемъ, о. Савицкій сказалъ царю, что онъ посланъ въ Москву для того, чтобы переговорить съ нимъ, выслушать его приказанія и привести ихъ, по возможности, въ исполненіе. При этихъ словахъ, пылкій и смѣлый путивльскій преобразователь прервалъ іезуита, сказавъ: «въ Москвѣ должна быть основана, и при томъ немедленно, коллегія съ учениками и профессорами, выписанными изъ-за границы». Но едва Савицкій приступилъ къ обсужденію этого плана, какъ Димитрій, быстро перемѣнивъ тонъ, заговорилъ о своемъ войскѣ: сто тысячъ человѣкъ стоятъ подъ знаменами, сказалъ онъ, готовые двинуться по мановенію его руки, но онъ еще колеблется, не зная, придется ли двинуть ихъ противъ турокъ или противъ кого-либо инаго. Затѣмъ, онъ сталъ безъ всякаго повода жаловаться на Сигизмунда, который отказываетъ ему дерзновенно въ императорскомъ титулѣ. Послѣ этихъ словъ, произнесенныхъ съ большимъ негодованіемъ, наступило короткое, но тягостное молчаніе. Савицкій невольно задавалъ себѣ вопросъ, не существовало ли тайной связи между арміей, готовой выступить въ походъ, и королемъ польскимъ; не настаивая болѣе на этомъ вопросѣ, онъ ограничился слѣдующимъ пожеланіемъ: «Будемъ надѣяться,—сказалъ онъ,—что Провидѣніе не допуститъ вражды и непріязни между столь могущественными монархами». Савицкому оставалось рѣшить одинъ вопросъ, касавшійся его лично: слѣдовало ли ему вернуться въ Польшу или оставаться въ Москвѣ? Димитрій отвѣтилъ на это столь поспѣшно въ утвердительномъ смыслѣ, что Савицкій расхрабрился и попросилъ его объ одной милости: являться во дворецъ всякій разъ, какъ ему покажется необходимымъ имѣть аудіенцію. Царь тотчасъ изъявилъ на это свое согласіе и, открывъ двери, позвалъ своего польскаго секретаря, по всей вѣроятности одного изъ Бучинскихъ, и далъ ему соотвѣтствующее приказаніе. Затѣмъ, такъ какъ день склонился къ вечеру, а Димитрію хотѣлось навѣстить свою мать, то онъ любезно простился съ іезуитомъ, проговоривъ съ нимъ цѣлый часъ, и обѣщалъ ему дать вскорѣ болѣе продолжительную аудіенцію. Несмотря на эту снисходительность, обѣщавшую многое въ будущемъ, Савицкій не могъ отдѣлаться отъ мрачныхъ предчувствій. Его смущали разныя мелочи, поразившія его во время пути; поступки московитовъ казались ему странными, и они задавали себѣ съ отцомъ Николаемъ съ тревогою вопросъ: чѣмъ все это разрѣшится?

Опасность была значительнѣе и болѣе близка, нежели можно было думать. Предоставляя полякамъ веселиться, враги Димитрія подготовляли втайнѣ новую сицилійскую вечерню. Душою заговора былъ Василій

*

Шуйскій со своими двумя братьями Димитріемъ и Иваномъ. Они были возвращены Димитріемъ изъ ссылки и, появившись при дворѣ, тотчасъ принялись за прежнія интриги. Посылка Безобразова въ Краковъ была ихъ дѣломъ; все то, что они велѣли передать Сигизмунду, исполнилось вскорѣ буквально благодаря ихъ личному участію въ этомъ дѣлѣ.

Димитрій былъ въ ихъ рукахъ безсознательнымъ орудіемъ своего собственнаго несчастія. Онъ не осуществилъ собою идеала, составленнаго представителями тѣхъ именитыхъ боярскихъ родовъ, кровь которыхъ лилась потоками въ царствованіе Іоанна Грознаго, честь которыхъ была попрана Борисомъ Годоновымъ и которые теперь гордо подымали голову, предъявляя свои требованія. Новаго царя окружали Нагіе, по праву родства, разные выскочки, напоминавшіе собою приспѣшниковъ Іоанна Грознаго, еретики-поляки и другія лица. Всѣ эти люди, находившіеся у власти, имѣли значеніе только по лицу, которое стояло во главѣ ихъ; это не были коренные русскіе люди, ихъ не озарялъ блескъ вѣковыхъ традицій. Потомки Рюрика сознавали, что эти люди предвосхитили ихъ мѣсто, а что съ ними обошлись дурно и недостойно.

Подобное настроеніе умовъ какъ нельзя лучше показывало Шуйскимъ, гдѣ имъ надлежало искать себѣ единомышленниковъ. По свидѣтельству князя Волконскаго, они нашли таковыхъ около трехъ сотъ человѣкъ, среди самаго избраннаго общества [1]). Эти лица составили заговоръ, къ которому примкнули самые разнообразные люди. Шуйскіе имѣли въ своемъ распоряженіи многочисленныхъ пособниковъ, коихъ они умѣли заставить себя слушать и понимать. Подобная роль была для нихъ не новость, вокругъ нихъ всегда царилъ духъ мятежа и оппозиціи правительству; объ этомъ свидѣтельствуютъ обагренныя кровью страницы русскихъ лѣтописей того времени. Дьякъ Тимоѳей Осиповъ и Петръ Тургеневъ изображены въ нихъ въ ореолѣ мученичества за то, что они противились Димитрію и пожертвовали жизнію, отстаивая свои убѣжденія. Недовольные были и среди стрѣльцовъ, законныхъ защитниковъ царя, коимъ не доставало только энергичнаго предводителя для того, чтобы начать дѣйствовать; пока они его искали, ихъ выдали, судили и приговорили къ казни. Главные виновники поплатились за свою дерзость головою; ихъ же собственные товарищи изрубили ихъ съ неумолимой жестокостью. Что касается московской черни, этой великой измѣнницы, то можно было предсказать заранѣе, что ея преклоненіе передъ Димитріемъ не помѣшаетъ ей, въ извѣстный моментъ, пополнить ряды бунтовщиковъ [2]).

---

[1]) Платоновъ, Очерки, стр. 286 и сл.

[2]) „Русскія Лѣтописи“, т. VIII, стр. 74.—Масса, т. II, стр. 154.—Поповъ, Изборникъ, стр. 417.

Приготовленія къ заговору были сдѣланы съ величайшею поспѣшностью и въ величайшей тайнѣ. Объ нихъ можно судить только по догадкамъ и по разсказамъ нѣкоторыхъ лицъ, впрочемъ, весьма мало авторитетныхъ. Гнусные слухи, которые распространялись въ толпѣ про царя, съ цѣлью погубить его во мнѣніи народа, изображали его искателемъ приключеній, отступникомъ вѣры, завладѣвшимъ престоломъ съ цѣлью предать московитовъ и страну полякамъ, а православную церковь католикамъ. Тѣ же обвиненія высказывалъ противъ него въ свое время Борисъ Годуновъ; теперь говорилось въ тайнѣ то, что онъ утверждалъ безуспѣшно во всеуслышаніе [1]).

Заговоръ, организованный въ обширныхъ размѣрахъ, не могъ, конечно, остаться тайною и не возбудить подозрѣній. Кое-кто изъ заговорщиковъ проболтался, были обнаружены тревожнаго свойства признаки, и обо всемъ этомъ Димитрій былъ своевременно предупрежденъ. 24-го мая среди поляковъ пронесся слухъ о предстоявшихъ убійствахъ. Ими овладѣлъ страхъ, но они продолжали веселиться и не принимали никакихъ мѣръ предосторожности; они не подумали даже сплотиться, а между тѣмъ они были разсѣяны по городу, что, въ случаѣ опасности, лишало ихъ возможности защищаться.

Невозмутимое спокойствіе Димитрія усугубляло ихъ безпечность. Царь говорилъ только о необходимости строго наказать всѣхъ тѣхъ, кто распространялъ тревожныя вѣсти. Однако, 26-го мая, когда зловѣщіе слухи усилились, поляки поручили кое-кому поговорить объ этомъ съ приближенными царя и настоять на томъ, чтобы было произведено слѣдствіе. Напрасный трудъ: «къ этому нѣтъ никакого повода,—отвѣчали имъ,—Димитрій такъ любимъ московитами, что недавно семь измѣнниковъ по одному подозрѣнію были изрублены и растерзаны чернью». Несмотря на беззаботность царедворцевъ, сендомірскій воевода попытался раскрыть глаза своему зятю или, по крайней мѣрѣ, предостеречь его. «Осторожность,—сказалъ онъ,—никогда не мѣшаетъ». «Бога ради, не говорите мнѣ болѣе объ этомъ,—отвѣчалъ Димитрій съ раздраженіемъ,—я знаю страну, которою я управляю, никто не злоумышляетъ противъ меня, я одинъ властенъ въ жизни и смерти».

Записка одного нѣмца, который предупреждалъ царя о предстоявшемъ на слѣдующій день убійствѣ, не произвела на него никакого впечатлѣнія такъ же точно, какъ слова Мнишека.

Чтобы успокоить поляковъ, Димитрій послалъ своего секретаря къ солдатамъ, приказавъ подтвердить имъ, что онъ строго покараетъ тру-

---

[1]) Послѣдніе дни жизни Димитрія описаны обстоятельно у Велевицкаго, т. II, стр. 144; см. также Нѣмоевскій, стр. 68; Стадницкій, f. 15; Руссель, стр. 20 и сл.

совъ. Тотъ же секретарь отправился вслѣдъ затѣмъ къ посланникамъ Сигизмунда и бесѣдовалъ съ ними далеко за полночь. Въ искренности Димитрія не можетъ быть сомнѣнія. Онъ не вѣрилъ въ существованіе опасности, не мѣшалъ Маринѣ дѣлать приготовленія къ маскараду и предавался самъ невиннымъ развлеченіямъ, посвятивъ весь вечеръ, 6-го мая, Станиславу Нѣмоевскому, привезшему драгоцѣнности принцессы Анны. Благородный маклеръ разложилъ передъ Димитріемъ топазы, изумруды, рубины, жемчужныя ожерелья и брилліантовыя цѣпочки. Царь любовался блескомъ камней, приказалъ принести свои собственныя драгоцѣнности, говорилъ о нихъ, какъ любитель, и пожелалъ оставить у себя на нѣкоторое время ящичекъ съ драгоцѣнностями принцессы» [1]).

Димитрію пришлось вскорѣ убѣдиться въ томъ, какъ велика была его самонадѣянность. Часъ убійства былъ назначенъ, мечъ былъ отточенъ, сигналъ условленъ.

Въ ночь съ 26-го на 27-ое мая, въ то время, когда поляки предавались сну, князь Василій Шуйскій приказалъ поставить караулъ у кремлевскихъ воротъ, введя предварительно въ городъ часть войска, стоявшаго лагеремъ въ окрестностяхъ. На разсвѣтѣ, тѣ же самые колокола, которые возвѣстили нѣкогда побѣду претендента, созвали заговорщиковъ для совершенія ихъ кроваваго дѣла. То не былъ радостный трезвонъ; съ каждымъ ударомъ колокола, усиливался зловѣщій гулъ. Царь вышелъ изъ комнаты и освѣдомился, что за причина звона. Андрей Бонахъ, стоявшій въ то время на часахъ, наученный заранѣе, отвѣчалъ: что въ городѣ вспыхнулъ пожаръ. Димитрій приказалъ подать помощь горѣвшимъ и спокойно возвратился къ себѣ. Между тѣмъ, городъ заволновался; жители сбѣгались со всѣхъ сторонъ; одни изъ нихъ знали о заговорѣ, другіе слѣдовали машинально за толпою, увлеченные ложными слухами, которые распространялись про поляковъ. Толпою руководилъ Василій Шуйскій, который, сбросивъ съ себя маску, сталъ открыто во главѣ мятежа. Онъ проникъ въ Кремль, не встрѣтивъ сопротивленія, и направился къ царскому жилищу. Только одинъ преданный Димитрію человѣкъ, самый храбрый изъ всѣхъ, подбѣжалъ къ нему и попытался остановить его; это былъ Басмановъ; но онъ былъ тотчасъ поваленъ на землю, израненъ и умерщвленъ на порогѣ дворца. Пролитая кровь опьянила убійцъ; ихъ бѣшенство разгорѣлось вмѣстѣ съ ихъ алчностью, они бросились на поиски Димитрія.

Онъ понялъ, наконецъ, неминуемую опасность; перейдя отъ полнаго спокойствія къ отчаянію, Димитрій подошелъ къ окну и, увидавъ издали

---

[1]) Драгоцѣнныя вещи принцессы Анны были возвращены впослѣдствіи по принадлежности.—Нѣмоевскій, стр. 321.

волнующуюся толпу, поспѣшилъ къ оставленной имъ Маринѣ, воскликнувъ: «измѣна, душа моя, измѣна!» Не думая защищать жену, не видя со своей стороны ни въ комъ защиты, онъ началъ ходить изъ комнаты въ комнату, пока не дошелъ до окна, изъ котораго можно было бѣжать. Но пока онъ колебался, заговорщики настигли его; одинъ изъ нихъ повалилъ его на полъ и выбросилъ въ окно. Димитрій сломалъ себѣ при паденіи руку и потерялъ сознаніе. Его подняли стрѣльцы и отнесли во дворецъ. Говорятъ, будто пока его несли, онъ пришелъ въ себя и обратился къ народу, стараясь расположить въ свою пользу солдатъ, коихъ онъ просилъ защитить его отъ Шуйскаго; но все было напрасно: его дѣло было проиграно. Бояре, руководившіе заговоромъ, окружили его, осыпали оскорбленіями, укоряли его въ томъ, что онъ похитилъ престолъ; называли его разстригою Гришкою Отрепьевымъ. Ихъ озлобленіе предвѣщало роковую развязку. Валуевъ первый всадилъ пулю въ жертву; прочіе добили его ударами сабель.

Убійцы поволокли неостывшій еще трупъ Димитрія изъ дворца. Они остановились передъ Вознесенскимъ монастыремъ, вызвали царицу Марѳу и потребовали, чтобы она сказала, кто именно былъ Димитрій. Сначала она отвѣчала уклончиво. «Вы знаете это лучше меня»,—сказала она. Послѣ вторичнаго настойчиваго требованія, она объявила, вперивъ глаза въ окровавленные останки, что Димитрій былъ не ея сынъ; она отвергла свои собственныя слова, пролитыя ею слезы радости и свои материнскія ласки. Заговорщикамъ только это и было нужно. Ободренные ея отвѣтомъ, они потащили отвергнутаго сына Марѳы на Лобное Мѣсто и тамъ, гдѣ Шуйскій провозгласилъ его нѣкогда прирожденнымъ сыномъ Іоанна IV, они бросили его, нагаго, на доски и отдали его на поруганіе толпы. У ногъ Димитрія, лицо котораго было покрыто найденною у него маскою, былъ распростертъ трупъ Басманова: ихъ дружба была скрѣплена смертью. Около ихъ труповъ цѣлыхъ три дня происходили позорныя, возмутительныя сцены; надругавшись надъ Димитріемъ самымъ гнуснымъ образомъ, убійцы похоронили его вдали отъ города, въ полѣ, внѣ священной ограды. Но тѣнь убитаго царя смущала умы. Въ народѣ пошелъ слухъ, будто надъ его могилою носится по ночамъ какой-то таинственный свѣтъ. Раздались жалобы и сожалѣнія. Тогда враги Димитрія рѣшили разъ-на-всегда покончить съ его гнусной для нихъ памятью. Они вырыли его трупъ, возили на позорной колесницѣ по улицамъ и положили на костеръ, сложенный съ этой цѣлью за городомъ. Пламя быстро истребило останки Димитрія, но самый пепелъ его казался опаснымъ. Надобно было уничтожить его до тла. Смѣшавъ этотъ пепелъ съ порохомъ, имъ зарядили пушку, и онъ былъ разсѣянъ на всѣ четыре стороны. «Такимъ образомъ,—говорили враги Димитрія,—проклятый похититель

престола не воскреснетъ до дня послѣдняго суда». Сожженіе тѣла Димитрія совершилось 9-го іюня. Возвратимся теперь къ событіямъ 27-го мая.

Въ то время, какъ Димитрій испустилъ духъ подъ ударами своихъ противниковъ, Марина подверглась со своей стороны величайшей опасности. Многіе ненавидѣли польку и жаждали ея гибели. Въ первую минуту испуга, слыша многочисленные крики, возвѣщавшіе тревогу, она вскочила полунагая съ кровати и спряталась у своихъ прислужницъ, занимавшихъ болѣе отдаленныя комнаты. Это было ея спасеніемъ. Найдя ея комнату пустою, заговорщики начали выламывать двери въ другіе покои, но на порогѣ одного изъ нихъ имъ преградилъ путь Осмольскій, обнажившій саблю. Бунтовщики пронзили грудь этого преданнаго слуги и, только перешагнувъ чрезъ его тѣло, проникли въ помѣщеніе, гдѣ находились перепуганныя и трепетавшія отъ страха польки, которыя вели себя, впрочемъ, въ этомъ случаѣ геройски. Заговорщики требовали, чтобы имъ сказали, гдѣ Марина, но никто не выдалъ несчастную царицу, никто не предалъ ее въ руки этихъ изступленныхъ людей. Бояре успѣли выручить ее и отвезти въ надежное мѣсто вмѣстѣ съ приближенными къ ней женщинами. Только одна изъ нихъ, почтенная панна Хмелевска, была ранена и скончалась нѣсколько дней спустя, вслѣдствіе полученныхъ ею ранъ.

Полякамъ угрожала въ городѣ всюду опасность; разсѣянные по разнымъ кварталамъ, застигнутые врасплохъ, они узнали одновременно о насильственной смерти Димитрія и объ опасности, которая имъ угрожала, но не имѣли времени сосредоточить своихъ силъ и оказать энергичнаго сопротивленія черни, жаждавшей крови и грабежа. Менѣе всего пострадали тѣ лица, кои могли сами защититься или коихъ приказано было охранять войску. Въ такомъ благопріятномъ положеніи находились посланники: бояре позаботились окружить ихъ домъ войскомъ и защитить ихъ отъ черни. Воевода сендомірскій и Константинъ Вишневецкій подверглись наибольшей опасности; они завалили двери своихъ домовъ, вооружили прислугу и выдержали настоящую осаду. Подобныя сцены повторились и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ Москвы.

Полковые священники испытали также не мало горя, но остались живы. Въ тотъ день, когда началось волненіе, Савицкій былъ у себя одинъ. Домъ, въ которомъ помѣщались іезуиты, былъ осажденъ чернью, которая ворвалась въ него, взломавъ двери. Защищаться было немыслимо; Савицкій укрылся въ сосѣднемъ домѣ, занятомъ литовскими купцами.

Московиты замѣтили это и потребовали выдачи ксендза, но имъ зажали ротъ золотомъ. Въ тотъ же вечеръ Госѣвскій послалъ за своимъ старымъ другомъ, котораго онъ рѣшилъ защитить, пользуясь своимъ

преимуществомъ, какъ личность неприкосновенная; его требованіе было исполнено на слѣдующій же день.

Савицкій прошелъ по улицамъ Москвы въ сопровожденіи бояръ и тѣлохранителей, не смущаясь злобными взглядами враждебно настроенной толпы. Онъ добрался благополучно до дома посланниковъ, гдѣ Госѣвскій принялъ его съ распростертыми объятіями. Отецъ Николай вскорѣ присоединился къ своему коллегѣ. Наканунѣ бунта онъ отправился въ помѣщеніе, занимаемое польскими солдатами, и провелъ съ ними кровавый день 27-го мая; благодаря вмѣшательству посланниковъ, ему было разрѣшено навѣстить отца Савицкаго. Ихъ свиданіе было непродолжительно. Отецъ Николай не хотѣлъ пренебречь своими обязанностями и оставить своихъ доблестныхъ солдатъ; поэтому онъ присоединился къ нимъ и рѣшилъ до конца раздѣлить ихъ участь, какова бы она ни была. Что касается отца Савицкаго, то, имѣя другія обязанности, онъ остался вмѣстѣ съ о. Ансеринусомъ и съ посланниками.

Лица, затѣявшія заговоръ противъ Димитрія, опасались вызвать войну съ Польшею насильственными дѣйствіями противъ поляковъ, прибывшихъ съ нимъ въ Москву. Поэтому когда главная жертва искупила тѣ преступленія, какія ей приписывали, когда престолъ Мономаха оказался снова незанятымъ, то они сочли долгомъ успокоить волненіе умовъ и обуздать толпу, которую они сами же разнуздали. Подъ вечеръ 27-го мая столица приняла обычный видъ, если не считать многочисленныхъ патрулей, которые расхаживали на улицахъ или охраняли дома. Волненіе продолжалось всего нѣсколько часовъ, но кровь лилась потоками. Говорятъ, будто всего на всего было перебито болѣе пятисотъ поляковъ: шляхтичей, солдатъ, простыхъ слугъ и большая часть несчастныхъ музыкантовъ. Въ числѣ жертвъ находился и самборскій священникъ Францискъ Помасскій. Онъ былъ въ алтарѣ, гдѣ служилъ обѣдню въ полномъ облаченіи, когда толпа ворвалась въ его квартиру и бросилась на него и на его слугъ. Тяжело раненый во время свалки онъ прожилъ послѣ этого всего два дня.

Извѣстіе о катастрофѣ, происшедшей въ Москвѣ, было получено въ Польшѣ очень поздно, только въ концѣ іюня. Венеціанскій посланникъ Альвизъ Фоскарини живо описываетъ первое впечатлѣніе, которое произвело на Сигизмунда извѣстіе объ этомъ происшествіи. Миссія этого дипломата при краковскомъ дворѣ была окончена; онъ присутствовалъ въ качествѣ представителя дожа при бракосочетаніи короля, выработалъ основы для взаимныхъ сношеній между обѣими странами и съумѣлъ, на прощальной аудіенціи, происходившей 1-го іюля 1606 г., вывѣдать у короля съ чисто италіанской хитростью исторію Димитрія. Фоскарини, обладавшій искусствомъ самаго ловкаго слѣдователя, осторожно зада-

валъ Сигизмунду заранѣе обдуманные вопросы, желая проникнуть самую сущность дѣла. Его обстоятельная депеша даетъ намъ возможность воспроизвести его бесѣду съ королемъ почти дословно [1]). Пять дней передъ тѣмъ въ Краковѣ распространился слухъ о томъ, что Димитрій измѣнническимъ образомъ убитъ своимъ лакеемъ, и что большая часть поляковъ, отправившись съ Мнишекомъ, умерщвлены. Одни утверждали, что это извѣстіе было вполнѣ справедливо, другіе говорили, что оно ложно.

Фоскарини спросилъ Сигизмунда, что можно было думать объ этомъ.

Король: Въ этомъ извѣстіи есть доля правды. Оно сообщено намъ однимъ воеводою. Его письмо, посланное въ Ливонію на имя канцлера Льва Сапѣги, препровождено къ намъ. Въ немъ сообщается о возвращеніи въ Польшу пятисотъ поляковъ. Не знаю, есть ли эта цифра всѣхъ оставшихся въ живыхъ. Димитрій убитъ въ Духовъ день, на третій день послѣ его свадьбы. Убійца, еще ранѣе составлявшій противъ него заговоръ, былъ заключенъ имъ въ темницу и приговоренъ къ обезглавленію, но помилованъ по просьбѣ поляковъ. Я предупреждалъ сендомірскаго воеводу передъ его отъѣздомъ, чтобы онъ не подвергалъ опасности жизнь столькихъ поляковъ и чтобы онъ не дѣлалъ такихъ затратъ; но ни онъ, ни сопровождавшіе его шляхтичи, увлеченные любовью къ новизнѣ и надеждою на обогащеніе, не хотѣли меня слушать. Мнѣ неизвѣстно, виновны ли они въ этомъ происшествіи, я не знаю даже, пощажены ли воевода Мнишекъ и мой посланникъ. Я послалъ своего представителя въ Москву не только для того, чтобы присутствовать при бракосочетаніи Димитрія, но и для того, чтобы заставить послѣдняго отказаться отъ присвоеннаго имъ себѣ титула императора, цезаря и герцога Ливонскаго. Я не могъ одобрить его притязаній, не нанеся этимъ ущерба себѣ лично и прочимъ монархамъ. Чтобы заставить Димитрія отказаться отъ этихъ фантазій, я собирался предложить эти вопросы на обсужденіе ближайшаго сейма, безъ согласія котораго не можетъ быть принято окончательное рѣшеніе.

Фоскарини: Что касается посланника, то конечно онъ находится въ сохранности.

Король: Я въ этомъ не вполнѣ увѣренъ, такъ какъ это народъ варварскій.

Фоскарини: Какая причина могла вызвать эти событія?

Король: Я не знаю объ этомъ ничего положительнаго. Не подлежитъ сомнѣнію, что Димитрій отрекся передъ отъѣздомъ отъ православной ереси и принялъ втайнѣ католическую вѣру. Быть можетъ, это стало извѣстно въ Москвѣ. Къ этому надобно прибавить, что Димитрій

---

[1]) Венеція. Государственный архивъ, Polonia, II.

не былъ настоящимъ сыномъ Іоанна IV и братомъ Ѳеодора. Когда сендомірскій воевода впервые говорилъ со мною объ этомъ дѣлѣ, то я сказалъ ему, чтобы онъ не вмѣшивался въ него и не компрометтировалъ республику; но онъ не хотѣлъ ничего слушать. Вступивъ въ Московію, онъ былъ отброшенъ вооруженною силою и едва успѣлъ укрыться въ крѣпости, которая добровольно передалась ему. Такъ какъ слухъ о томъ, будто Димитрій былъ прирожденнымъ сыномъ Іоанна IV, держался упорно, то воевода попытался еще разъ придти ему на помощь; онъ собралъ войско, проникъ въ страну, и этотъ разъ армія признала Димитрія своимъ истиннымъ монархомъ. Вступивъ на престолъ, онъ хотѣлъ въ благодарность за услуги, оказанныя ему воеводою, жениться на его дочери.

Фоскарини: Если извѣстіе о смерти Димитрія подтвердится, то это будетъ большой ударъ не только для Польши, которая потеряетъ столькихъ шляхтичей и значительныя суммы денегъ, но и для всего христіанскаго міра, ибо царь заявилъ папѣ о своемъ намѣреніи предпринять крестовый походъ противъ турокъ.

Король: Объ этомъ дѣйствительно была рѣчь. Нунцій послалъ даже по этому поводу въ Москву отъ имени папы своего племянника, который возвратился оттуда, одаренный подарками, и уже уѣхалъ въ Римъ. Два іезуита, находившіеся при Димитріи, поддерживали его въ этихъ мысляхъ, но трудно сказать, что произошло бы изъ этихъ плановъ.

Фоскарини: О смерти Димитрія все-таки можно пожалѣть, такъ какъ онъ былъ бы всегда союзникомъ Польши.

Король: На него нельзя было положиться. Я потерялъ всякую надежду на его услуги. Онъ бывалъ дерзокъ, дружескія отношенія съ ними были невозможны.

Фоскарини былъ доволенъ; онъ слышалъ изъ устъ самого короля объ интересовавшемъ его событіи, составилъ себѣ понятіе объ его возникновеніи и возможныхъ послѣдствіяхъ. Разумѣется, Сигизмундъ былъ не вполнѣ откровененъ съ венеціанскимъ посланникомъ, онъ бесѣдовалъ съ нимъ обо всемъ, касавшемся его оффиціальной политики, но тщательно скрылъ отъ него нѣкоторыя тайныя обстоятельства дѣла, хотя между прочимъ высказалъ одну важную тайну. «Димитрій,—сказалъ онъ,—не есть прирожденный сынъ Іоанна IV». Слѣдовательно, король разрѣшилъ свои сомнѣнія и имѣлъ опредѣленный взглядъ на вещи; онъ зналъ, что на московскомъ престолѣ возсѣдалъ искатель приключеній, а между тѣмъ онъ велъ съ нимъ переговоры, какъ равный съ равнымъ, и отправлялъ къ нему посольства.

Повидимому, Фоскарини нимало не былъ этимъ смущенъ, онъ не подумалъ даже освѣдомиться о причинѣ этого обстоятельства.

Мало-по-малу злополучное извѣстіе распространилось при тѣхъ дворахъ, которые интересовались московскими событіями. Венеціанскій посланникъ въ Прагѣ, Франческо Соранцо, свидѣтельствуетъ 21-го августа 1606 г. о томъ, что извѣстіе о смерти Димитрія вызвало въ Прагѣ всеобщее сожалѣніе. Его считали добрымъ монархомъ, расположеннымъ къ католической церкви и желавшимъ послужить христіанскому міру. Это былъ для посланника прекрасный случай закинуть слово объ іезуитахъ, изгнанныхъ изъ Венеціи свѣтской властью за непростительный въ ея глазахъ проступокъ. Соблюдая папскій интердиктъ, Соранцо съ величайшей самоувѣренностью дѣлаетъ ихъ отвѣтственными за всѣ происшедшія въ Москвѣ несчастія и говоритъ, что, очутившись среди народа суевѣрнаго и преданнаго обычаямъ старины, іезуиты стали настаивать на томъ, чтобы Димитрій порвалъ связь съ національной религіей, ввелъ въ странѣ католичество и совершилъ бы торжественно свое бракосочетаніе съ полькою по католическому обряду, въ соборѣ, отнятомъ у православныхъ. Мятежъ и убійства были послѣдствіемъ этой неслыханной дерзости. Добрый Соранцо, довольный случаемъ сообщить дожу это въ назиданіе, не позаботился провѣрить факты и вывелъ изъ нихъ поспѣшное заключеніе, что іезуиты вездѣ одни и тѣ же, что они постоянно вмѣшиваются въ дѣла правительства и что Димитрій былъ ихъ жертвою точно такъ же, какъ король португальскій Себастіанъ [1]).

Въ Ватиканѣ неожиданная смерть Димитрія произвела тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что ея никакъ не ожидали. Царя уже не было въ живыхъ, когда папа еще далъ свое согласіе на сооруженіе іезуитской коллегіи въ Оршѣ подъ высокимъ покровительствомъ короля польскаго и на пользу московитовъ и бесѣдовалъ долго съ Александромъ Рангони о другихъ тому подобныхъ проектахъ. Еще 12-го августа кардиналъ Боргезе желалъ Димитрію долгой жизни и выражалъ полную готовность всячески служить ему; тревожныя извѣстія разнеслись только въ исходѣ этого мѣсяца. Они были вскорѣ опровергнуты, но затѣмъ подтвердились окончательно. 9-го сентября римская депеша выражала опасеніе, что придется проливать «безконечныя слезы», а 23-го числа кардиналъ Боргезе сказалъ въ надгробномъ словѣ о почившемъ: «Злосчастная судьба, постигшая Димитрія, служитъ новымъ доказательствомъ превратности человѣческой судьбы. Да приметъ Господь его душу въ царство небесное и да окажетъ Онъ намъ таковую же милость» [2]).

---

[1]) Тамъ же, Germania XXXVI.—Cappelletti, стр. 145, № 85.

[2]) Ватиканскій архивъ, Polonia, 173, л. 64 v° 70, 80 v° 90.

II.

Избраніе Василія Шуйскаго.—Объясненіе выборной уловки.—Пятно крови.—Преступленія Гришки Отрепьева.—Царевичъ Димитрій.—Перенесеніе мощей въ Москву.—Признаніе Мареы.—Чрезмѣрная власть и рабское повиновеніе.—Іовъ разрѣшаетъ московитовъ отъ клятвы.—Оффиціальныя грамоты и услужливая литература.—Дѣла польскія.—Три группы.—Польскіе солдаты.—Положеніе посланниковъ.—Переговоры съ боярами.—Ударъ молніи.—Плѣненіе.—Мнишки.—Ихъ имущество расхищено.—Негритенокъ Марины.—Мечты воеводы. —Его допросъ. — Слабая сторона его отвѣтовъ.—Уловка. — Ссылка Мнишекъ въ Ярославль.

Россія не долго носила трауръ по Димитрію. Тѣло несчастной жертвы лежало еще непогребеннымъ на лобномъ мѣстѣ, когда князь Василій Шуйскій былъ провозглашенъ, 29-го мая, московскимъ царемъ и коронованъ 11-го іюня безъ особаго торжества и народныхъ празднествъ, такъ сказать, украдкою. Григорій Волконскій, посланный къ королю польскому съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ бывшаго заговорщика, объяснилъ ему слѣдующимъ образомъ тайну этого поспѣшнаго избранія: Шуйскій подкупилъ бояръ обѣщаніями,—сказалъ онъ,—и не задумался даже «обѣщать имъ раздачу провинцій» съ тѣмъ, чтобы потомъ отказаться отъ исполненія своихъ обѣщаній подъ предлогомъ необходимости беречь народное достояніе. Сигизмундъ припомнилъ, при случаѣ этотъ избирательный маневръ и говорилъ объ немъ нунцію Симонетти; допустивъ даже, что подробности разсказа, быть можетъ, не вполнѣ точны, самая сущность его безспорно согласна съ истиною. Партія бояръ возвела Шуйскаго на престолъ, она же свергнула его съ престола. Его кратковременное царствованіе было рядомъ заговоровъ и интригъ, тѣмъ болѣе пагубныхъ, что изъ-за политическаго вопроса выдвигался вопросъ соціальный.

Для того чтобы придать своей власти законную силу, новый царь долженъ былъ прежде всего омыть Кремль отъ тяготѣвшаго надъ нимъ кроваваго пятна и представить убіеніе Димитрія какъ справедливое и неизбѣжное возмездіе. Это было дѣло не легкое и неблагодарное, но все-таки осуществимое.

Царь имѣлъ подъ рукою слѣдственное дѣло, веденное при Борисѣ Годуновѣ; къ этому присоединились нѣкоторыя обстоятельства, говорившія не въ пользу Димитрія, къ тому же его нововведенія были ненавистны народу. Въ довершеніе всего во дворцѣ былъ произведенъ обыскъ, и въ столѣ Димитрія были найдены компрометтирующія его письма. Этого было достаточно, чтобы обвинить его и навѣки погубить въ глазахъ народа.

Московскіе жители неоднократно созывались на совѣщанія и были посвящены въ тайны ихъ бывшаго царя.

Чернь пріобрѣла во время волненій сознаніе своей силы; съ нею приходилось уже считаться, ее надобно было оберегать отъ соблазновъ и привязать къ правительственной власти. Многіе узнали съ изумленіемъ, что ихъ покойный царь не былъ ни сыномъ Іоанна IV, ни законнымъ монархомъ. Тѣ же самые бояре, которые присягали Димитрію, клялись въ томъ, что онъ былъ ни кто иной, какъ разстрига Гришка Отрепьевъ, разсказывали объ его происхожденіи, объ его исторіи и похожденіяхъ; приписывали ему рядъ преступленій и между прочимъ заключеніе преступнаго союза съ Польшей и вооруженное нашествіе на Москву. Россія была бы погублена, если бы онъ царствовалъ долѣе, говорили они, государственная казна была бы расхищена и нѣкоторыя области отторгнуты; православная церковь была бы преслѣдуема, народу была бы навязана католическая вѣра, всѣ бояре были бы перебиты,—такова была будущность, которую этотъ самозванецъ готовилъ своимъ подданнымъ. И это былъ не пустой вымыселъ, не пустое предположеніе. Въ доказательство приводили письма папы, Рангони, іезуитовъ, сендомірскаго воеводы. Самый фактъ этой переписки долженъ былъ казаться подозрительнымъ и внушить вполнѣ справедливыя опасенія. Что же касается намѣренія перебить бояръ, то на этотъ счетъ имѣлось показаніе, исторгнутое у Бучинскаго [1]).

Но эти краснорѣчивыя рѣчи не успокоили народъ. Безпорядки время отъ времени повторялись; надобно было чѣмъ-нибудь поразить народъ, произвести на него сильное впечатлѣніе, вывести его изъ заблужденія. Шуйскаго осѣнила геніальная мысль; онъ понялъ, что ему слѣдовало исправить забывчивость, или оплошность, сдѣланную Димитріемъ, который въ продолженіе своего одиннадцатимѣсячнаго царствованія не коснулся маленькаго трупа, покоившагося въ Угличѣ. Сынъ Маріы былъ погребенъ въ Преображенскомъ соборѣ, гдѣ никто не тревожилъ его вѣчнаго сна. Нѣкоторыя лица утверждаютъ, будто въ царствованіе Димитрія хотѣли что-то сдѣлать съ его трупомъ, но эта мысль была оставлена изъ боязни взволновать народъ, а также вслѣдствіе энергическаго противодѣйствія со стороны Маріы. Какъ бы то ни было, Шуйскій ловко воспользовался этимъ обстоятельствомъ. Онъ велѣлъ привезти останки царевича въ Москву. Во главѣ депутаціи, посланной за ними, находился Филаретъ Романовъ и два брата Нагіе. Эти сговорчивые дядюшки отреклись отъ своего самборскаго племянника и признали окончательно своимъ племянникомъ Димитрія Угличскаго.

---

[1]) Москва, главный архивъ, Polski st. sp., 26 л. 1—2.—Russell, La légende de la vie et de la mort de Démétrius и т. д., стр. 33. — Собр. гос. грам., т. II, стр. 296, № 140.

Страничка исторіи была передѣлана согласно съ требованіями минуты. Слѣдствіемъ, произведеннымъ Шуйскимъ въ 1591 г., было установлено, что сынъ Маріы лишилъ себя жизни въ припадкѣ падучей болѣзни; хотя это самоубійство совершилось нечаянно, но оно не удовлетворяло требованіямъ минуты, его могъ съ большимъ успѣхомъ замѣнить ореолъ мученичества. Поэтому было рѣшено, что ребенокъ не умеръ случайно, но что наемные убійцы зарѣзали «непорочнаго агнца» по приказанію Бориса Годунова. Эта поправка, впрочемъ весьма правдоподобная, была сдѣлана весьма кстати въ виду тѣхъ сценъ, которыя должны были вскорѣ разыграться.

Когда трупъ царевича былъ вырытъ изъ могилы въ присутствіи Филарета Романова и его спутниковъ, то оказалось, что онъ издавалъ удивительное благовоніе и сохранился превосходно; тѣло младенца было нѣжное и свѣжее, одежда нетронута, только сапожки были слегка потерты, а въ рукѣ у него были зажаты орѣшки, а не ножъ, какъ было удостовѣрено слѣдствіемъ. Все это походило на чудо; но вотъ ребенокъ началъ творить чудеса. Филаретъ тотчасъ извѣстилъ объ этомъ Шуйскаго, который былъ въ восторгѣ.

Мощи новаго чудотворца были перевезены въ Москву. 13-го іюня царь, народъ и духовенство вышли имъ на встрѣчу. Мощи были положены въ опочивальницу царей въ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ тотчасъ начались чудеса, такъ что не могло быть сомнѣнія въ ихъ святости. Шуйскій повелѣлъ установить въ честь ихъ перенесенія церковный праздникъ.

Все это происходило на глазахъ у царицы Маріы. Она участвовала въ церемоніи перенесенія мощей. Почести, воздаваемыя ея сыну, были равносильны упреку по отношенію къ ней. Она изливала свое раскаяніе въ горькихъ признаніяхъ. Несчастная женщина! Отданная сперва во власть Іоанна IV, затѣмъ преслѣдуемая Борисомъ Годуновымъ, она утверждала, что Димитрій запугалъ ее; этимъ объяснялась ея ложь и подчиненіе его требованіямъ. Василій Шуйскій и высшее духовенство были тронуты ея раскаяніемъ. Они великодушно и всенародно простили несчастную женщину, которую можно было скорѣе признать больною, нежели виновною въ обманѣ.

Цѣль была достигнута. Народъ былъ достаточно вооруженъ противъ самозваннаго царя. Небо и земля осуждали похитителя престола [1]).

Впечатлѣніе, произведенное на народъ этимъ торжественнымъ событіемъ, было не особенно продолжительно. Волненія повторялись періодически, и правительство не знало, что̀ дѣлать.

---

[1]) Русск. Лѣт., т. VIII, стр. 78. — Русск. ист. библ., т. XIII, собр. 877, 899. — Чудеса, совершенныя Димитріемъ, вызвали сомнѣнія современниковъ.

Во время волненія, происшедшаго въ февралѣ мѣсяцѣ 1607 г., Шуйскій, поддерживаемый своими сторонниками, попытался обратиться послѣдній разъ къ совѣсти православнаго народа. Съ этой цѣлью былъ возвращенъ изъ изгнанія бывшій патріархъ Іовъ, креатура Бориса, человѣкъ ненавистный Димитрію. Привезенный въ Успенскій соборъ, онъ увидѣлъ тамъ многочисленную толпу народа съ патріархомъ Гермогеномъ во главѣ. Архидіаконъ прочиталъ съ высоты амвона просьбу, съ которою жители столицы обращались къ своему бывшему патріарху. Ихъ мучило раскаяніе: они нарушили клятву, данную Борису Годунову и Ѳеодору, и святотатственно присягнули Димитрію, похитившему престолъ. Ихъ связалъ клятвою патріархъ Іовъ, ему же надлежало разрѣшить отъ этой клятвы всѣхъ предстоявшихъ и отсутствующихъ, живыхъ и мертвыхъ. Съ точки зрѣнія каноническаго права, эта просьба была верхомъ совершенства. Новый патріархъ обладалъ такими же полномочіями, какъ и прежній; предположивъ, что его избраніе было вполнѣ законно, онъ одинъ имѣлъ власть разрѣшить народъ отъ клятвы. Но Шуйскій не заботился о подобныхъ тонкостяхъ; онъ хотѣлъ только скрѣпить узы, связывавшія его съ московитами. Іовъ, въ отвѣтѣ, приготовленномъ заранѣе и который былъ обнародованъ немедленно, прощалъ всѣхъ и настаивалъ на вѣрности Василію Шуйскому. Затѣмъ, растроганный старецъ сказалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ нѣсколько словъ, побуждая народъ жить мирно; но всѣ его слова и мудрые совѣты были скоро позабыты и остались невыполненными [1]).

Между тѣмъ царь дѣятельно заботился объ успокоеніи народа, не щадилъ своихъ стараній въ Москвѣ и разсылалъ грамоты въ самыя отдаленныя мѣста. Въ этихъ грамотахъ, написанныхъ искуснымъ перомъ, разсказывалась исторія Гришки Отрепьева, повторялись признанія, сдѣланныя Мареою, и доказывались права Василія Шуйскаго на престолъ; грамоты эти читались во всѣхъ концахъ Россіи въ церквахъ и распространялись въ народѣ воеводами. Кромѣ этихъ оффиціальныхъ документовъ возникла цѣлая услужливая литература, которая получала указанія изъ дворца и распространяла въ народѣ идеи, какія правительству хотѣлось внушить народу. Лучшіе писаки того времени принялись за дѣло и, исполняя данное имъ приказаніе и весьма мало заботясь о справедливости, воскуривали ѳиміамъ въ честь Шуйскаго. Большая часть этихъ панегирическихъ сочиненій не имѣетъ значенія для исторіи; самое замѣчательное изъ нихъ называется: Извѣтъ Варлаама. Далѣе мы еще вернемся къ нему.

Эти сочиненія, даже въ моментъ ихъ появленія, имѣли успѣхъ чисто литературный, но не имѣли никакого практическаго значенія и вліянія

---

[1]) Акты... Арх. эксп., т. II, стр. 148, № 67.

на народъ. Ихъ читали, переписывали, передѣлывали, дѣлали изъ нихъ всевозможныя извлеченія, но отъ этого число сторонниковъ Шуйскаго не увеличивалось [1]).

Поглощенный заботою о волненіяхъ, которыя не прекращались внутри государства, царь долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ заниматься внѣшними дѣлами, изъ коихъ самаго настоятельнаго вниманія требовали дѣла польскія. Злосчастное событіе 27-го мая перевернуло все вверхъ дномъ и создало новое положеніе вещей, полное недоразумѣній и противорѣчій. Король Сигизмундъ, которому пришлось такъ горько жаловаться на Димитрія, считался его первымъ другомъ; по странному недоразумѣнію его обвиняли въ томъ, что онъ оказалъ вооруженную помощь человѣку, котораго сами же русскіе призвали на престолъ. Отъ этихъ жалобъ конечно было далеко до объявленія войны, но это былъ хорошій случай ловить рыбу въ мутной водѣ, тѣмъ болѣе, что поляки, находившіеся въ Москвѣ, могли служить заложниками.

Эти несчастные подвергались тщательной сортировкѣ. Молодая вдова царя и ея отецъ, ея родные и приближенные, посланники съ ихъ свитою и простые солдаты образовали три отдѣльныя группы, коихъ постигла приблизительно одинакая судьба [2]).

Польскіе солдаты доставляли русскому правительству наиболѣе хлопотъ. Оно охотно отправило бы въ Польшу эти безполезные рты, но необходимость дѣйствовать осторожно взяла верхъ. Остатки польскаго войска, вторгнувшагося въ предѣлы Россіи, пробыли въ плѣну около трехъ лѣтъ. Отецъ Николай, неразлучный со своею паствою, возвратился въ Краковъ лишь 13-го февраля 1609 г. Онъ радовался тому, что могъ, во время этого долгаго испытанія, совершать ежедневно богослуженіе, пріобщать своихъ товарищей и поддерживать въ нихъ бодрость духа, заслуживъ этимъ одобреніе московитовъ [3]).

Если русскіе задерживали солдатъ, тѣмъ болѣе основанія они имѣли не выпускать посланниковъ. Такъ какъ пребываніе послѣднихъ въ Москвѣ было безцѣльно, то они выразили желаніе уѣхать немедленно, но бояре понимали, что посланники были бы свидѣтелями противъ нихъ, и поэтому рѣшительно возстали противъ этого, стараясь объяснить свой отказъ законнымъ предлогомъ. Священныя права иностранныхъ представителей не должны были быть явно нарушены, рѣшили бояре на первомъ же засѣданіи, происходившемъ 6-го іюня. Въ этотъ день по-

[1]) Собр. гос. грам., т. II, стр. 302, № 144 и сл. — Платоновъ, Очерки, стр. 316; Dreyner, Skaz., passim.

[2]) Собр. гос. грам., т. II, стр. 302, № 144 и сл. — Платоновъ, Очерки, стр. 316. Dreyner Skaz., passim.

[3]) Наше собраніе, письмо Чижовскаго къ Аквавивѣ отъ 14-го февраля 1609 года.

сланники были приглашены во дворецъ. Они находились еще подъ впечатлѣніемъ только-что совершившагося убійства, были весьма озабочены своею собственною участью, поэтому смотрѣли на все мрачно и печально. Во дворцѣ царствовало мрачное безмолвіе. На лицахъ присутствующихъ отражался испугъ.

Въ импровизованномъ совѣтѣ бояръ предсѣдательствовалъ князь Мстиславскій. Вмѣстѣ съ нимъ засѣдали два брата Шуйскихъ, Голицыны, Нагіе, Романовъ, Татищевъ. Распростертые наканунѣ у ногъ Димитрія, они выпрямились теперь во весь ростъ и явились обвинителями своего бывшаго монарха. Перемѣна была столь внезапна и фантастична, что производила впечатлѣніе сновидѣнія. Мстиславскій, войдя въ свою роль, прочелъ длинный обвинительный актъ, въ которомъ царь Димитрій былъ отождествленъ съ Гришкой Отрепьевымъ и всѣ участники событія обвинялись совершенно произвольно. Иныхъ виновныхъ кромѣ поляковъ, само собою разумѣется, не нашлось. Смирной Отрепьевъ оффиціально предупреждалъ ихъ о томъ, говорили бояре, что роль претендента взялъ на себя его племянникъ Гришка Отрепьевъ; второе посольство подтвердило это обстоятельство. Но поляки, не обращая на это вниманіе, оказали свое содѣйствіе искателю приключеній, вопреки существовавшему перемирію, что и было причиною всѣхъ послѣдующихъ бѣдствій.

Посланникамъ было легко исправить неточности этого изложенія и представить на него свои возраженія. «Московиты первые,—сказали они,—клялись въ томъ, что Димитрій былъ прирожденнымъ сыномъ Іоанна IV, а вы, бояре, убѣждали его пріѣхать, вы короновали его, вы присягнули ему на вѣрность. Почему же вмѣняете вы полякамъ въ преступленіе то, что они шли по вашимъ стопамъ?»

Когда вопросъ былъ поставленъ такимъ образомъ, обѣ стороны очутились въ затруднительномъ положеніи. Ни русскіе, ни поляки не говорили всей правды. Въ виду всего вышесказаннаго московиты очутились въ крайне неловкомъ положеніи. Никакія уловки Татищева не могли помочь дѣлу. Князь Мстиславскій обвинялъ во всемъ человѣческіе пороки и приписывалъ имъ всѣ происшедшія бѣдствія. Эти разсужденія весьма мало интересовали посланниковъ; ихъ мучили личныя заботы. Они требовали, чтобы ихъ отпустили немедленно; было рѣшено доложить объ этомъ царю. Такъ какъ бояре медлили, то встревоженные посланники, желая ускорить свой отъѣздъ, подали царю нѣсколько дней спустя прошеніе, въ коемъ подробно излагали всѣ мотивы своей просьбы.

Но имъ пришлось испытать весьма горькое разочарованіе! 15-го іюня надоѣдливый Татищевъ явился къ нимъ съ письмами покойнаго Димитрія. По прочтеніи ихъ, онъ объявилъ имъ, что князь Волконскій

и дьякъ Андрей отправятся въ Польшу для рѣшенія текущихъ дѣлъ, а что касается ихъ, посланниковъ, то они будутъ ожидать въ Москвѣ возвращенія русскихъ пословъ; эти слова были для поляковъ громовымъ ударомъ. Они поняли, что они очутились въ плѣну; всѣ ихъ возраженія ни къ чему не повели; грубая сила одержала верхъ. Несчастными овладѣла несказанная грусть; вмѣсто кратковременнаго отсутствія изъ Польши они были обречены на продолжительное пребываніе вдали отъ родины, семьи, не имѣя возможности заботиться о своихъ дѣлахъ, что могло вредно отразиться на нихъ, къ тому же имъ приходилось жить при самыхъ печальныхъ условіяхъ. Ихъ прислуга, лошади и вещи были скучены въ плохомъ, тѣсномъ помѣщеніи; они питались плохо, никогда не были накормлены досыта; за ними слѣдили, какъ за мошенниками, они не могли сообщаться съ внѣшнимъ міромъ, имъ не позволяли никуда выходить, они дышали спертымъ и зараженнымъ воздухомъ; дѣти свободной Польши были обречены на тяжкое рабство. Только при помощи всевозможныхъ уловокъ и хитрости имъ удавалось получать новости, обмѣниваться письмами; Николай де Мелло посылалъ имъ изъ Соловецкаго монастыря длиннѣйшія посланія, разсчитывая на ихъ покровительство, чтобы получить свободу; но эти письма доставляли имъ весьма мало утѣшенія. Ихъ жизнь текла печально и однообразно, въ вѣчной борьбѣ съ ихъ тюремщиками и въ мечтахъ о Польшѣ, откуда они ожидали избавленія, которое не приходило.

Марина и воевода Мнишекъ также не могли похвалиться на свою судьбу. Отъ нихъ отобрали все ихъ имущество. Всѣ цѣнныя вещи и значительная сумма денегъ были конфискованы; изъ конюшенъ воеводы были уведены лошади, его прекрасными винами угощались лица, разграбившія его имущество. Алчность бояръ не остановилась передъ трауромъ Марины: они отняли у нея не только драгоцѣнныя вещи, полученныя ею отъ Димитрія, но и все то, что составляло ея личную собственность. Оставивъ дворецъ, въ которомъ она провела всего нѣсколько дней, Марина не имѣла ничего: ей было оставлено всего нѣсколько рубашекъ. Когда послѣ усиленныхъ и неотступныхъ просьбъ ей было разрѣшено свиданіе съ отцомъ, то она сказала: «Я хотѣла бы, чтобы мнѣ лучше возвратили моего негритенка, нежели мои драгоцѣнности и наряды, которыхъ у меня было такъ много!» Среди всеобщихъ слезъ и стенаній, эти слова прозвучали какъ взрывъ радостнаго смѣха. Молодая дѣвушка, которую постигло столь тяжкое испытаніе, дышала молодостью и жизнью; беззаботная полька бросила съ безумной отвагою вызовъ судьбѣ, и судьба приняла ея вызовъ.

Говорятъ, будто воевода Мнишекъ и послѣ несчастнаго событія не отмѣнилъ царскій этикетъ, который соблюдался въ дни кратковременнаго величія его дочери, и окружилъ ее почестями, подобающими ца-

рицѣ. Разыгрывая эту комедію, онъ имѣлъ серьезное основаніе: ему хотѣлось сохранить Маринѣ ускользавшую отъ нея корону. Подобно утопающему, который хватается за соломинку, Мнишекъ хотѣлъ воспользоваться присягою, данною Маринѣ, чтобы добиться объявленія ея регентшей, подготовивъ къ этому умы оказываемыми ей внѣшними знаками почтенія. Въ то же время, по словамъ Сигизмунда, онъ старался заручиться на это согласіемъ бояръ. Но его мечта вскорѣ разсѣялась. Русскіе не хотѣли видѣть на престолѣ женщину. Еще болѣе страннымъ кажется слухъ, передаваемый архіепископомъ Арсеніемъ; онъ говоритъ, будто существовалъ планъ соединить брачными узами вдову Димитрія и Василія Шуйскаго и этимъ разрѣшить затруднительное положеніе [1]). Дѣйствительно, вновь избранный царь отказался отъ безбрачія, навязаннаго ему Годуновымъ, но его выборъ палъ на русскую. Поляки не пользовались симпатіями русскихъ; Мнишекъ имѣлъ вскорѣ еще разъ случай убѣдиться въ этомъ.

Онъ былъ подвергнутъ допросу. Бояре хотѣли знать, что именно руководило его поведеніемъ относительно Димитрія и какого свойства были его отношенія къ нему. Если бы Мнишеку удалось доказать царственное происхожденіе Димитрія, то онъ одержалъ бы верхъ надъ своими противниками. Конечно, онъ этого сильно желалъ; отъ этого зависѣла его честь и безопасность и будущность его дочери. Поэтому его отвѣты были смѣлы и рѣшительны и почти не допускали возраженій, но его доказательства были слабы. Сразу было видно, что онъ почерпнулъ свои свѣдѣнія изъ того же источника, какъ Вишневецкій, т. е. что онъ повѣрилъ Димитрію на слово. Изъ свидѣтелей поляковъ онъ могъ сослаться только на лифляндца, появившагося у Сапѣги, и на плѣннаго изъ Пскова; никого другаго онъ не разспрашивалъ. Но бояре все же были смущены его рѣчами. «Я хотѣлъ только торжества истины и справедливости,—сказалъ онъ; я никогда не переступилъ бы границы, если бы московиты не призвали Димитрія, не вооружились на его защиту и не сражались за него». Затѣмъ, онъ такъ же, какъ и посланники, спросилъ бояръ: «Зачѣмъ короновали вы его? Зачѣмъ присягали ему?» Бояре, разумѣется, ничего не отвѣчали на эти докучливые вопросы; припѣвъ о Гришкѣ Отрепьевѣ служилъ имъ отговоркою; нравственное чувство было уже настолько притуплено, что клятвопреступныя показанія Нагихъ имѣли вѣсъ; на нихъ ссылались какъ на неопровержимое доказательство [2]).

Въ то время какъ происходили эти переговоры, не имѣвшіе никакого практическаго результата, воевода и его дочь находились подъ над-

---

[1]) Дмитріевскій, стр. 139, 232.
[2]) Собр. гос. грам., т. II, стр. 219, № 140.

зоромъ своихъ хранителей. 25-го іюня имъ отвели помѣщеніе въ бывшемъ домѣ Аѳанасія Власьева, котораго постигла опала и который былъ сосланъ внутрь страны. Они прожили въ этомъ домѣ не долго. Въ исходѣ августа, всѣ поляки, за исключеніемъ посланника, получили приказаніе оставить Москву. Воевода, его дочь, ея ближайшіе родственники, бернардинскіе монахи, въ томъ числѣ и отецъ Ансеринусъ, были отвезены въ Ярославль. Это была настоящая ссылка со всѣми ея лишеніями и страданіями и безъ проблеска надежды. Это перемѣщеніе было вызвано затруднительнымъ положеніемъ дѣлъ.

III.

Легенда о Димитріи.—Письмо отца Босгравена къ Поссевину.—Донесеніе Франческо Таламіо. — Валевскій и Крипосскій. — Ихъ допрашиваетъ отецъ Барчъ.—Донесеніе нунція.—Сомнѣнія Рангони.—Письмо отца Андрея.—Слѣдствіе, произведенное о. бернардиномъ въ Самборѣ.—Свидѣтельство Яна Бильчинскаго.—Колебанія въ Ватиканѣ.—Несогласія среди московитовъ.—Неловкость, сдѣланная Шуйскимъ.—Князь Шаховской.—Отплата.—Польскій контингентъ.—Лиссовскій, Рожинскій и Иванъ-Петръ Сапѣга. — Казаки. — Появленіе Димитрія II.—Его происхожденіе по свидѣтельству Велевицкаго.—Онъ выдаетъ себя за Димитрія I.—Онъ располагается со своимъ войскомъ въ Тушино.—Анархія въ Россіи.—Возвращеніе князя Волконскаго.—Новые польскіе посланники въ Москвѣ.—Заключеніе перемирія.—Отъѣздъ поляковъ.—Тайное соглашеніе.—Мнишеки въ Тушино.—Кризисъ и превращеніе.—Свадьба Марины.—Ея холодность къ отцу.—Обѣщанія, данныя Димитріемъ II.—Противорѣчивыя извѣстія, полученныя въ Ватиканѣ.—Пріѣздъ двухъ сыновей воеводы въ Римъ.—Ихъ показанія.—Сигизмундъ высказывается.

Бояре напрасно старались приписать появленіе Димитрія и его успѣхъ исключительно польской интригѣ; событія жестоко изобличили ихъ во лжи. Причины всеобщаго недовольства лежали во внутренней неурядицѣ, отъ которой страдало населеніе; народныя бѣдствія сдѣлали возможнымъ иноземное вмѣшательство. Волненія, охватившія Россію, не оставляли въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Народъ находился еще подъ впечатлѣніемъ катастрофы 27-го мая, въ церквахъ раздавалась анаѳема противъ Гришки Отрепьева, какъ вдругъ пронеслась изумительная вѣсть: «царь Димитрій не былъ убитъ, онъ здравъ и невредимъ и готовится возвратиться въ Кремль». Если Димитрій былъ живъ, то невольно являлся снова вопросъ о его царственномъ происхожденіи. Что надобно было думать обо всемъ этомъ?

12-го августа 1606 г. отецъ Босгравенъ, усердный корреспондентъ Поссевина, сообщалъ ему въ одномъ и томъ же письмѣ объ убійствѣ

Димитрія и о его вторичномъ появленіи. Слухи были весьма разнорѣчивы. Московиты, по словамъ Босгравена, не вѣрили имъ. Поляки держались противуположныхъ мнѣній. Одни изъ нихъ вторили русскимъ; другіе утверждали, что Димитрій, будучи предупрежденъ о заговорѣ, бѣжалъ, пользуясь темнотою ночи, и что заговорщики убили вмѣсто него другаго человѣка, вслѣдствіе чего и были приняты такія мѣры предосторожности, включая сожженіе трупа для того, чтобы не было возможности провѣрить его личность. Прежде нежели отослать письмо, Босгравенъ навелъ еще разъ справки и заключилъ свое посланіе слѣдующими словами: «Сію минуту пріѣхали изъ Вильны два еврея, которые утверждаютъ самымъ положительнымъ образомъ, что Димитрій несомнѣнно былъ убитъ. Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія» [1]).

Къ сожалѣнію, люди, столь добросовѣстные, какъ отецъ Босгравенъ, встрѣчались довольно рѣдко; весьма многіе, въ особенности люди низкаго происхожденія, легко увлекались всѣмъ чудеснымъ. Одинъ италіанскій купецъ, Франческо Таламіо, живо описываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ свои впечатлѣнія. Возвратясь съ ярмарки изъ Ярославля въ Галицію, онъ привезъ покупателямъ товары и кучу новостей. Самыя любопытныя изъ нихъ касались исторіи Димитрія. По его словамъ, царь, полный жизни и силъ, находился въ Самборѣ, въ монастырѣ бернардиновъ, гдѣ онъ скрывался отъ постороннихъ глазъ. Его исторія была такова. Три таинственныя личности проѣхали въ Галицію. Одинъ изъ нихъ, къ которому прочіе относились особенно почтительно, сѣлъ въ карету, изъ которой онъ уже не выходилъ; эта карета, подъ конвоемъ двухъ всадниковъ, прибыла въ Самборъ. Тутъ слѣды путешественниковъ затерялись, а между тѣмъ въ замкѣ произошла неожиданная перемѣна. Дочь воеводы Мнишека, до тѣхъ поръ все время горевавшая, осушила свои слезы и повеселѣла. Одна изъ ея служанокъ, отправившись на базаръ за покупками, разболтала тайну, что причиною этой радости было присутствіе въ Самборѣ Димитрія. Одинъ изъ заклятыхъ враговъ царя, который радъ былъ бы его смерти, сознался въ присутствіи Таламіо, что Димитрію удалось спастись. Впрочемъ, объ этомъ громко заявляли всѣ участники rokosz'a. Столь рѣшительные доводы поразили легковѣрнаго италіанца; нашлись еще болѣе легковѣрные люди, готовые слушать его и вѣрить ему.

Разсказъ, который ходилъ изъ устъ въ уста въ народѣ, дошелъ съ разными варіантами до высшаго общества. О. Барчъ имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ лично, когда чрезъ Кіевъ проѣхала депутація изъ Сѣверска въ поискахъ за Димитріемъ, въ полной увѣренности, что она отыщетъ его въ какомъ-нибудь замкѣ, гдѣ онъ спрятался. Объ этомъ

[1]) Наше собраніе, собственноручное письмо Босгравена къ Поссевину.

сообщилъ о. Барчу кіевскій епископъ Казимірскій, который впрочемъ самъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ смерти Димитрія. Нѣсколько офицеровъ, служившихъ въ арміи, съ которою претендентъ вторгся въ предѣлы Россіи, поддерживали противуположное мнѣніе. Нѣкто Валевскій и его слуга Сигизмундъ Кипосскій утверждали, что имъ извѣстно все какъ нельзя лучше и, дѣйствительно, ихъ не затрудняли никакія подробности, у нихъ было всегда наготовѣ какое-нибудь объясненіе. Подвергнутые о. Барчемъ допросу, они разсказали, что у Димитрія были два двойника; одного изъ нихъ звали Борковскій, другой былъ племянникъ Мосальскаго. За исключеніемъ знаменитой бородавки, они были похожи на царя, какъ двѣ капли воды. Поэтому когда царь хотѣлъ пользоваться свободой, то онъ приклеивалъ одному изъ нихъ накладную бородавку на носъ, передавалъ ему свои знаки отличія, и дѣло было сдѣлано: никто не подозрѣвалъ обмана. Такъ было и 27-го мая. Димитрія замѣнилъ Борковскій и въ то время какъ онъ палъ подъ ударами заговорщиковъ, царь ускакалъ изъ Москвы верхомъ на лошади. Конецъ исторіи такъ же страненъ, какъ ея начало. Отцомъ Барчемъ овладѣвали подъ часъ сомнѣнія, но все-таки его поразило одно обстоятельство, которому онъ придавалъ особое значеніе. «Все удавалось Димитрію, говорилъ онъ, до тѣхъ поръ, пока онъ былъ признателенъ къ своему великому благодѣтелю, королю польскому, но какъ только онъ проявилъ неблагодарность, счастье измѣнило ему». Слушая эти разнорѣчивые разсказы, о. Барчъ счелъ долгомъ сообщить нунціо всѣ подробности, сдѣлавъ однако двѣ оговорки: за истину сообщаемыхъ фактовъ онъ возлагалъ отвѣтственность на тѣхъ лицъ, кои сообщили ему эти свѣдѣнія, но изъ предосторожности просилъ не упоминать его имени, передавая кому-либо этотъ разсказъ.

Сообщеніе о. Барча повергло Рангони въ величайшее недоумѣніе. И онъ уже слышалъ разсказъ Франческо Таламіо. Къ тому же молчаніе о. Савицкаго и Ансеринуса, которые, разсказывая о печальномъ происшествіи, не упоминали ни слова о Димитріи, казалось ему весьма знаменательнымъ. 31-го октября 1606 г. ему прислалъ торжествующее письмо о. Андрей. Опечаленный московскими событіями, бывшій полковой священникъ съѣздилъ въ Самборъ, гдѣ его постигло горькое разочарованіе; онъ не видалъ тамъ Димитрія, но его горе превратилось въ радость, когда къ нему явился во Львовъ одинъ офицеръ съ письмомъ отъ дочери воеводы Мнишека, которая удостовѣряла, что Димитрій находится въ живыхъ. Въ военномъ мірѣ этому извѣстію вполнѣ вѣрили. О. Андрей былъ въ восторгѣ.

Эти слухи были настолько упорны, что одинъ бернардинскій монахъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ, былъ посланъ изъ Кракова въ Самборъ съ оффиціальнымъ порученіемъ наве-

сти тамъ серьезныя справки. Онъ возвратился съ документомъ, скрѣпленнымъ его сотоварищами, коимъ удостовѣрялось, что Димитрія не было въ ихъ монастырѣ: его не видѣли съ самаго его отъѣзда.

Но чѣмъ болѣе царь былъ неуловимъ, тѣмъ большее число лицъ выбивались изъ силъ, желая воскресить его. 5-го января 1607 г., наканунѣ крещенія, пріѣхалъ во Львовъ изъ Ярославля бывшій секретарь Димитрія, Янъ Бильчинскій; онъ явился къ о. Андрею, своему бывшему духовнику, клялся ему, что Димитрію удалось спастись, что его дѣло подвигается впередъ, что Марина ожидаетъ его съ нетерпѣніемъ. Онъ разсказывалъ подробно о своемъ пребываніи у Мнишековъ, и добрый о. Андрей снова воспылалъ надеждою и сталъ развивать свои планы относительно Московіи [1]).

Колебанія нунція отражались въ Ватиканѣ, куда Рангони препровождалъ всѣ документы, попадавшіе въ его руки, сообщая результаты добытыхъ имъ свѣдѣній и ходившіе въ обществѣ слухи. Кардиналъ Боргезе, переходя отъ одной крайности къ другой, смотря потому, какое мнѣніе одерживало верхъ, былъ готовъ ко всякимъ случайностямъ. Его интересовалъ вопросъ, почему царь медлилъ явиться, если онъ былъ живъ? Ему намекали въ отвѣтъ, что причиною этого могла быть предполагаемая неблагодарность къ королю польскому. Тогда кардиналъ обсуждалъ заблаговременно тѣ мѣры, какія надлежало принять, чтобы примирить ихъ, какія грамоты придется послать Сигизмунду и какіе благочестивые совѣты будутъ даны Димитрію. «Пусть онъ только раскается, говорилъ кардиналъ, пусть онъ не окружаетъ себя еретиками, пусть онъ поработаетъ во славу Божію». Въ инструкціяхъ, которыя были даны 18-го ноября 1606 г. преемнику Рангони, проглядываетъ отчаяніе. Кардиналъ отмѣчаетъ въ нихъ съ грустью, что со смерти Димитрія заброшены всѣ планы единенія съ Москвою, и настаиваетъ на проектѣ Рутскаго и на преобразованіи Базиліанскаго ордена. Однако въ заключительныхъ словахъ письма замѣтно колебаніе [2]).

Впрочемъ, неудивительно, если въ Польшѣ и въ Римѣ не могли разобраться въ происходившихъ событіяхъ. Вопреки словамъ о. Босгравена, сами московиты рѣшительно не знали, что думать о нихъ. Первый тревожный слухъ о неудавшемся убійствѣ былъ пущенъ, кажется, Михаиломъ Молчановымъ, любимцемъ Димитрія. Вѣсти, слышан-

---

[1]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 499, Relatione d'un mercante italiano; Moscovitica (донесеніе о. Барча); письмо Рангони къ кардиналу Боргезе отъ 2-го сентября 1606 г., письмо Лавицкаго къ Рангони отъ 31-го октября.—II, 230, письма Рангони къ кардиналу Боргезе отъ 25-го и 28-го сентября, и 25-го ноября 1605 г.—II, 234, письмо Лавицкаго къ Стриверіи отъ 12-го января 1607 года.

[2]) Ватиканскій архивъ, Polonia, 173, л. 93 v⁰, 97, 102 v⁰, и т. д.

ныя Таламіо на Ярославской ярмаркѣ, были только слабымъ отголоскомъ тѣхъ слуховъ, которые ходили въ Москвѣ, смущая умы, и разносились съ неимовѣрной быстротою по Россію. Ошибка, сдѣланная Василіемъ Шуйскимъ, ускорила взрывъ давно уже подготовленной мины. Послѣ своего избранія онъ сослалъ въ отдаленныя мѣста самыхъ ярыхъ сторонниковъ своего предшественника, а для того, чтобы смягчить впечатлѣніе, произведенное этой незаслуженной карою, онъ далъ нѣкоторымъ изъ нихъ высшія административныя должности. Такъ было поступлено съ Григоріемъ Шаховскимъ, человѣкомъ, преданнымъ Димитрію, дѣятельнымъ и предпріимчивымъ; Василій сдѣлалъ ошибку, назначивъ его воеводою въ Путивль. Это было равносильно тому, что поставить его во главѣ самыхъ преданныхъ приверженцевъ Димитрія и дать ему средства организовать возстаніе. Онъ ловко этимъ воспользовался, объявивъ, что Димитрій вскорѣ появится вновь, и призывалъ къ оружію подъ его знамена всѣхъ московитовъ. Его кличъ произвелъ на толпу магическое впечатлѣніе.

Послѣдовавшія событія бросаютъ яркій свѣтъ на тогдашнее соціальное положеніе Россіи. Ей приходилось искупить политическія ошибки, сдѣланныя Іоанномъ IV и Борисомъ Годуновымъ, и злоупотребленіе ими властью. Шаховской только продолжалъ втайнѣ дѣло Димитрія: казаки, бѣдняки, бродяги и ссыльные откликнулись на его зовъ и пошли подъ его знамена. Династическій вопросъ служилъ только предлогомъ; людей прельщалъ грабежъ, погоня за свободою. Люди, обездоленные судьбою, изъ коихъ хотѣли образовать авангардъ войска противъ татаръ, становились авангардомъ бунтовщиковъ; бѣдный возставалъ противъ богатаго, угнетенный—противъ утѣснителя; народъ готовъ былъ мстить и объявилъ войну существующему порядку. Человѣкъ, съ желѣзной волею и орлинымъ взглядомъ, могъ бы подавить это движеніе, но Василій, окруженный измѣнниками, не обладалъ ни тѣмъ, ни другимъ качествомъ.

Поляки знали все происходившее у своихъ сосѣдей. Они интересовались московскими событіями тѣмъ болѣе, что могли доставить помощь воюющимъ. Rokosz приближался къ концу, Ливонія была усмирена, профессіональные драчуны оставались безъ дѣла; военная прогулка въ Россію представлялась имъ соблазнительной и заманчивой. Предлогъ къ тому являлся самъ собою; убитые и содержимые въ плѣну соотечественники давали право совершить возмездіе и вознаградить себя грабежемъ и добычею; поэтому въ самое короткое время сформировались многочисленныя банды, и извѣстные предводители войска двинулись съ ними къ Московской равнинѣ. Самымъ грознымъ изъ этихъ партизанскихъ предводителей былъ Александръ Лисовскій, на половину разбойникъ, на половину генералъ, человѣкъ смѣлый, выносливый,

быстрый, какъ молнія; онъ не имѣлъ себѣ соперника въ искусствѣ организовать хищническіе набѣги, распространить далеко въ окрестности страхъ и ужасъ и напасть на непріятеля врасплохъ. Князь Романъ Рожинскій и Иванъ-Петръ Сапѣга также выступили въ походъ, но они хвастались тѣмъ, что ведутъ настоящую войну и даютъ сраженія по всѣмъ правиламъ искусства. Что касается казаковъ, то они были готовы на все. Атаману Заруцкому стоило кликнуть кличъ, и рубаки съ береговъ Дона и Днѣпра явились къ его услугамъ. Люди стекались со всѣхъ сторонъ въ Россію и пополняли ряды мятежной арміи.

Но имя, коимъ пользовались для того, чтобы поднять народъ, должно было рано или поздно воплотиться въ нѣчто реальное, иначе оно прослыло бы призракомъ. Зачинщикамъ движенія хотѣлось, какъ можно скорѣе показать своего героя и сгруппироваться вокругъ него. Затруднительность положенія возрастала со дня на день. Димитрій не могъ возродиться изъ пепла; всѣ тѣ, кто былъ посвященъ въ его исторію, прекрасно знали это; но гдѣ было найти искателя приключеній, способнаго съиграть его роль и быть подставнымъ лицомъ? Послѣ многихъ поисковъ наконецъ былъ найденъ человѣкъ, обладавшій требуемыми качествами. Еще одна таинственная личность! По поводу его ходили самые баснословные разсказы. Велевицкій говоритъ, что онъ былъ секретаремъ Димитрія. Оставшись безъ дѣла по смерти своего патрона, онъ былъ принятъ изъ состраданія въ домъ одного могилевскаго священника и внесъ разладъ въ его семью. Оскорбленный мужъ наказалъ его плетью и предоставилъ его снова скитальческой жизни и нуждѣ. Доведенный до отчаянія, молодой человѣкъ прибылъ случайно въ Стародубъ, гдѣ выдалъ себя, неизвѣстно какимъ образомъ, за Димитрія, былъ признанъ таковымъ и принялъ командованіе арміей [1]).

Собственно говоря, онъ ничего не понималъ въ военномъ искусствѣ, но возлѣ него были свѣдущіе люди, которые наставляли его своими совѣтами и руководили имъ. Потерпѣвъ нѣсколько пораженій и перенеся не мало испытаній, онъ добрался наконецъ въ 1608 г. въ Тушино, въ двѣнадцати верстахъ отъ Москвы, гдѣ и остановился. Это мѣстечко, которому было суждено пріобрѣсти такую печальную извѣстность, было превращено въ укрѣпленный лагерь и приняло вскорѣ видъ настоящаго городка. Въ немъ было сосредоточено огромное войско, коего продовольствіе привлекало множество людей; помимо купцовъ, продававшихъ свои товары, тутъ были измѣнники, торговавшіе своею честью. Тушино угрожало Москвѣ осадою, и за Димитріемъ II осталось навсегда названіе Тушинскаго вора.

[1]) Велевицкій, т. II, стр. 239.

Въ Россіи свирѣпствовала анархія. Хотя Василій Шуйскій одержалъ нѣсколько побѣдъ, строго наказалъ своихъ противниковъ, утопилъ Болотникова, одного изъ главарей возстанія, и повѣсилъ гнуснаго Петрушку, мнимаго сына Ѳеодора, но все-таки ему не удалось нанести бунтовщикамъ большаго и послѣдняго удара. Страна была объята возстаніемъ, раздираема партіями, доступна вторженію враговъ, не питала ни малѣйшаго довѣрія къ царю, была игрушкою въ рукахъ искателей приключеній и предавалась самымъ неистовымъ порывамъ своихъ страстей. Василій понималъ всю опасность положенія и, никогда не имѣвъ желанія воевать съ Польшею, теперь все болѣе и болѣе склонялся къ мирному рѣшенію вопроса. Событія какъ нельзя лучше послужили ему на пользу.

Князю Волконскому, отправленному, какъ мы помнимъ, въ Краковъ, не удалось ничего добиться и заключить какой-либо сдѣлки. На первый же предложенный ему вопросъ о трагическихъ событіяхъ, происшедшихъ въ Москвѣ, онъ отвѣчалъ раздражительно, что Димитрій дѣйствительно былъ убитъ, но что поляки съумѣютъ воскресить его. Подобное вступленіе не предвѣщало ничего добраго, и дѣйствительно, единственнымъ результатомъ русскаго посольства въ Краковъ было отправленіе польскаго посольства въ Москву. Посланные Друцкій-Соколинскій и Витовскій прибыли въ Кремль 22-го октября 1607 г. Хотя русскимъ несомнѣнно было выгодно дѣйствовать со всевозможною поспѣшностью, но они не отказались отъ своихъ исконныхъ традицій и затянули переговоры къ полному отчаянію Олесницкаго и Госѣвскаго. Выведенные изъ терпѣнія, соскучившись ожиданіемъ, они стали грозить своимъ тюремщикамъ, что пробьются къ границѣ съ оружіемъ въ рукахъ, и стали дѣлать соотвѣтственныя приготовленія. Чтобы успокоить ихъ, въ дѣло пришлось вмѣшаться боярамъ.

Между тѣмъ возраставшія затрудненія сдѣлали Василія болѣе сговорчивымъ. 23-го іюля 1608 г. было наконецъ заключено перемиріе на три года и одиннадцать мѣсяцевъ. Главнымъ условіемъ было поставлено предоставленіе свободы всѣмъ полякамъ, задержаннымъ въ Москвѣ. Польша, со своей стороны, обѣщалась не оказывать вооруженной помощи Тушинскому вору. Такимъ образомъ взаимныя выгоды обѣихъ націй были обезпечены; Василію оставалось вести борьбу только съ внутренними врагами, лишенными иноземной поддержки, слѣдовательно, не столь опасными. Но перемиріе существовало только на бумагѣ; въ сущности противники не разоружались, измѣнники продолжали свое дѣло, и Сигизмундъ III помышлялъ о войнѣ. Гроза вскорѣ разразилась.

Во время происходившихъ переговоровъ, Мнишекъ и его дочь были вызваны изъ Ярославля въ Москву. Они первые должны были восполь-

зоваться вновь заключеннымъ соглашеніемъ; заранѣе было рѣшено, что Марина откажется отъ своихъ царскихъ правъ. Воевода сендомірскій достигъ такимъ образомъ конца своей бурной жизни; ему предстояло наслаждаться спокойной старостью. Для этого ему стоило только возвратиться въ Самборъ, къ частной жизни, занять снова свое мѣсто у домашняго очага и продолжать свои служебныя обязанности и свои бесѣды съ о.о. бернардинами. Что помѣшало ему сдѣлать это тотчасъ? Роковое сцѣпленіе обстоятельствъ или честолюбіе?

Послѣ заключенія перемирія, Мнишеки оставили Москву вмѣстѣ съ Олесницкимъ и Госѣвскимъ. Ихъ сопровождала свита изъ пятисотъ человѣкъ, такъ какъ въ дорогѣ можно было всегда ожидать какой-нибудь засады, даже если ѣхать проселками. Несмотря на всѣ принятыя предосторожности, по пути произошла тревога. Былъ моментъ, когда конвой, желая избѣгнуть засады, хотѣлъ повернуть обратно, пожертвовавъ двумя или тремя днями ради своей безопасности. Этотъ вопросъ обсуждался горячо, посланники не могли сговориться, и каждый изъ нихъ поступилъ по своему усмотрѣнію. Госѣвскій довѣрчиво принялъ предложеніе московитовъ; его другъ Савицкій поступилъ точно такъ же; ни тому, ни другому не пришлось раскаяться въ этомъ. Повернувъ обратно, они встрѣтили новое подкрѣпленіе и хотя это нѣсколько замедлило ихъ путешествіе, но все же они достигли благополучно польской границы. Олесницкій и Мнишеки, не согласившись потерять времени на объѣздъ, продолжали свой путь въ томъ же направленіи и попали въ западню. Димитрій усердно слѣдилъ изъ Тушино за своею добычею; овладѣть Мариною было для него важнѣе, нежели выиграть сраженіе. Если бы она признала его своимъ супругомъ, то это придало бы ему огромное значеніе въ глазахъ народа! Случилось ли это по обоюдному согласію или нѣтъ, сказать трудно; какъ бы то ни было, путешественники были застигнуты врасплохъ сильнымъ отрядомъ, который безъ труда овладѣлъ ими и передалъ ихъ въ руки Яна-Петра Сапѣги, а послѣдній отвезъ ихъ въ Тушино. Такимъ образомъ Мнишеки, отецъ и дочь, остались у воротъ Москвы вмѣсто того, чтобы возвратиться въ Польшу.

Это происшествіе, чреватое послѣдствіями, было, по словамъ краковскаго нунція, только «хитрою продѣлкою» воеводы. Король раздѣлялъ этотъ взглядъ, и въ декабрѣ мѣсяцѣ 1608 г. самъ раскрылъ нунціи честолюбивые планы несчастнаго отца. «Мнишекъ остался съ Димитріемъ, говорилъ Сигизмундъ, чтобы придать ему болѣе вѣса, отдать ему руку своей дочери, какъ только онъ достигнетъ престола, и дать ему возможность воспользоваться присягою, принесенною нѣкогда Маринѣ». Съ другой стороны, письмо Димитрія къ Мнишеку отъ 22-го августа 1608 г. вызываетъ сильное подозрѣніе историковъ; они въ одинъ

голосъ обвиняютъ воеводу въ томъ, что онъ облегчилъ своей дочери побѣгъ въ Тушино и даже самъ подалъ ей къ тому мысль. Въ сущности хотя въ его поведеніи было замѣтно нѣкоторое колебаніе, но, по возвращеніи въ Польшу, онъ объяснилъ свои поступки въ рѣчи, произнесенной имъ на сеймѣ 1611 г. Король былъ на этомъ сеймѣ, ему стоило только опровергнуть слова оратора или изобличить его во лжи, но онъ, по обыкновенію, предпочелъ не вмѣшиваться въ дѣло и предоставить сенаторамъ рѣшить споръ между собою [1]).

Также точно неизвѣстна истина относительно Марины. Была ли она принесена въ жертву отцомъ? Или сама обрекла себя на разныя приключенія? Раздѣлила ли дочь магната добровольно ложе обманщика? Или же она была вынуждена къ тому угрозами и силою? Этотъ періодъ тревожной жизни Марины наиболѣе таинственъ.

Иванъ-Петръ Сапѣга, бывшій очевидцемъ перваго свиданія Марины съ Димитріемъ, вынесъ изъ него самое тягостное впечатлѣніе: по его словамъ, бывшая царица холодно приняла новаго претендента на московскій престолъ. Одинъ слуга Олесницкаго, вернувшись изъ Тушина, передавалъ сцену ихъ свиданія съ потрясающими подробностями: оскорбленная въ своей женской гордости, повинуясь непреодолимому отвращенію, Марина схватила, по его разсказу, ножъ, нацѣлилась имъ на свое сердце и воскликнула съ надрывающимъ душу отчаяніемъ: «лучше смерть». Этотъ благородный, но слишкомъ кратковременный порывъ свидѣтельствуетъ о благородствѣ ея чувствъ. Но это осталось неизвѣстнымъ Мартину Стадницкому. Рабски почтительный нѣкогда церемоніймейстеръ Марины съ презрѣніемъ приписываетъ весь позоръ совершившагося своей несчастной родственницѣ. Если вѣрить ему, то она писала Димитрію II въ Тушино, условилась встрѣтиться съ нимъ и, прискакавъ къ нему, переодѣтая въ гусарское платье, бросилась въ его объятія. Если этотъ разсказъ не вполнѣ согласенъ съ истиною, то по крайней мѣрѣ онъ весьма романиченъ [2]).

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что Марина пережила въ это время страшную душевную борьбу, подъ вліяніемъ которой она совершенно преобразилась. Ее называли любовницей обманщика; но она можетъ быть избавлена отъ этого позора. Димитрій и Марина были сво-

---

[1]) Акты.... Зап. Россіи, т. IV, стр. 264, № 177.—Собр. гос. грам., т. II, стр. 336, № 160.—Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 226, письмо Симонетти къ Боргезе отъ 5-го октября 1608 г.—Велевицкій, т. II, стр. 277.—Краковъ, Bibl. Jagelloniense, 102, л. 457.

[2]) Стокгольмъ, Королевскій архивъ, рукоп. Браге, 349, л. 8 v°.—Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 228, письмо Симонетти къ кардиналу Боргезе, отъ 8-го ноября 1608 г. — Львовъ, Библ. Баваровскаго, Стадницкій, л. 29 и сл.

бодны, церковь ничего не могла имѣть противъ ихъ брака; въ Тушинѣ находился бернардинскій монахъ о. Антоній. Какъ полковой священникъ, онъ имѣлъ обширныя права и могъ обвѣнчать молодыхъ людей [1]). Быть можетъ, иные еще болѣе обвинятъ ее за этотъ бракъ, но лично для Марины онъ былъ однимъ безразсудствомъ меньше. Во всемъ прочемъ она стала неузнаваема. Школа несчастія не послужила ей на пользу. Быстрая перемѣна судьбы поколебала равновѣсіе ея душевныхъ силъ. Ея пылкая натура была потрясена уединеніемъ и ссылкою. Марина ушла въ себя, сознала свои силы; обреченная на неизвѣстное, она смѣло вошла въ свою роль, пожертвовавъ ради честолюбія своимъ личнымъ счастіемъ.

Нѣкогда почтительная къ своимъ родителямъ, къ своему дядѣ, кардиналу Мацѣевскому, котораго она просила быть ея совѣтникомъ и руководителемъ, она перестала повиноваться отцу и была непреклонна въ своихъ рѣшеніяхъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1609 г., воевода простился съ дочерью и уѣхалъ изъ Тушина, не давъ ей своего родительскаго благословенія. Что же произошло между ними? Это остается тайною. Несчастная дочь послала впослѣдствіи отцу письмо, преисполненное извиненій и сожалѣній, обѣщала исправиться и просила, въ то же время, прислать ей чернаго бархата на платье. Но въ глубинѣ ея души, несмотря на всѣ пережитыя ею испытанія, она глубоко любила отца, какъ о томъ свидѣтельствуютъ ея письма 1609 года. Обаяніе бывшаго величія не покидало бывшую царицу. Она писала краковскому нунціо въ такомъ тонѣ, какъ будто она находилась еще въ Кремлѣ и имѣла надежду выполнить грандіозные планы, составленные нѣкогда относительно Польши, а бернардинскіе монахи, совершавшіе богослуженіе въ Самборской церкви, украшали алтарь серебряными подсвѣчниками, пожертвованными въ 1609 г. «царицею Мариною». Воевода Мнишекъ не забылъ своей дочери и въ разлукѣ. На сеймѣ 1611 г., подвергаясь энергичнымъ нападкамъ со стороны своихъ сотоварищей, которые обвиняли его въ честолюбіи и эгоизмѣ, онъ говорилъ, какъ подобаетъ отцу, скорбящему о своемъ ребенкѣ. Его желанія были очень скромны: онъ хотѣлъ, чтобы Марина пала къ ногамъ короля, испросила его прощенія и, получивъ помѣстье въ Польшѣ, удовольствовалась бы, вмѣсто короны, самой скромной долей. Повинуясь долгу совѣсти, Мнишекъ изобличилъ въ Тушинѣ обманщика, но его указанія не были приняты. Возвратясь въ Польшу, онъ переписывался съ дочерью; кто бы могъ поставить это ему въ вину? Онъ скорбѣлъ объ участи польки, которую онъ принесъ въ жертву благу

[1]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, IV, 274, f. 95 v°.

отечества и которую отечество не должно было забыть. Къ сожалѣнію, письма воеводы къ Маринѣ утрачены. Что касается писемъ Димитрія къ Мнишеку, то они рисуютъ намъ искателя приключеній, жаждавшаго достигнуть какъ можно скорѣе престола, предлагавшаго другимъ деньги и области, коими онъ самъ еще не владѣлъ [1]).

Въ Римѣ поняли Димитрія II довольно поздно. Кардиналъ Боргезе получалъ объ немъ самыя разнорѣчивыя свѣдѣнія и не зналъ, на которомъ изъ нихъ остановиться, но онъ лелѣялъ надежду, что первый Димитрій появится вновь, что его умъ созрѣетъ отъ перенесенныхъ имъ испытаній и что онъ примется за дѣло съ новымъ рвеніемъ. Чего только нельзя было ожидать отъ прадавшагося раскаянію новообращеннаго католика! Рангони и впослѣдствіи его преемнику въ Краковѣ приходилось выслушивать эти откровенныя мечты кардинала Боргезе, вызванныя по большей части ихъ собственными депешами, которыя видоизмѣнялись сообразно съ ходившими въ обществѣ слухами о Димитріи.

Вновь назначенный въ Польшу нунцій Симонетти, проѣзжая въ исходѣ 1606 г. чрезъ Австрію къ мѣсту своего назначенія, слышалъ по пути, что Димитрій избѣжалъ смерти и готовился отомстить своимъ врагамъ. Проживъ около года въ Краковѣ, онъ не слыхалъ объ немъ ничего новаго, хотя время отъ времени этотъ слухъ опровергался. Въ письмѣ Олесницкаго, полученномъ королемъ изъ Москвы, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1607 г., подтверждалось авторитетно извѣстіе о томъ, что Димитрій былъ живъ; по другимъ извѣстіямъ, полученнымъ въ томъ же мѣсяцѣ, можно было считать смерть Димитрія несомнѣнною. 25-го ноября слухи за и противъ казались одинаково вѣроятными, и нунцій, старавшійся взвѣсить ихъ, слагалъ съ себя всякую отвѣтственность.

«Дай Богъ, — писалъ онъ, — чтобы Димитрій былъ живъ, но это извѣстіе кажется мнѣ весьма неправдоподобнымъ».

Нѣсколько недѣль спустя, въ исходѣ 1607 г., снова произошла перемѣна. Въ Римъ прибыли два младшіе сына сендомірскаго воеводы, Николай и Сигизмундъ, въ сопровожденіи своего наставника; они явились въ Ватиканъ, съ письмомъ отъ ихъ матери, извѣщавшей папу, что ею получено собственноручное письмо Димитрія. Какъ ни было успокоительно это свидѣтельство лица столь авторитетнаго, но кардиналъ Боргезе все же продолжалъ наводить справки, а Павелъ V просилъ Сигизмунда ходатайствовать за плѣнныхъ, ибо Мнищекъ и его дочь содержались въ то время въ Ярославлѣ. Папа считалъ ихъ достойными

---

[1]) См. переписку Мнишека, Марины и Димитрія II въ Собр. гос. грам., т. II, стр. 336—373.—Самборъ, архивъ бернардиновъ, Acta, л. III.—Краковъ, Bibl. Jagellonienne, 102, л. 457.

лучшей доли и дважды настоятельно просилъ короля (5-го іюля 1607 г. и 1-го іюля 1608 г.) замолвить за нихъ слово. Весь 1608 годъ прошелъ въ безплодныхъ переговорахъ и въ наведеніи болѣе или менѣе безуспѣшныхъ справокъ. Мнишекъ былъ отпущенъ на свободу лишь въ 1609 г., а правда о Димитріи выяснилась окончательно только тогда, когда король польскій рѣшилъ высказаться яснѣе. Собираясь объявить войну Россіи, ему было важно доказать, что такъ называемый Димитрій былъ не болѣе, какъ жалкій искатель приключеній [1]).

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Ватиканскій архивъ, Polonia, 173, л. 90 и сл.; рукоп. Боргезе, II, 224; шк. 45, т. III, л. 27 v°, № 73; т. IV, № 46.

Къ портрету графа Поццо-ди-Борго.

Имя этого дипломата было часто упоминаемо въ различныхъ статьяхъ «Русской Старины», относившихся къ царствованію императора Александра I. Прилагаемый къ настоящей книжкѣ портретъ графа даетъ намъ поводъ напомнить читателю, въ общихъ чертахъ, главнѣйшія черты его карьеры, наиболѣе видную часть которой составляетъ его служба Россіи.

Графъ Карлъ-Андрей Поццо-ди-Борго родился въ 1764 г. на Корсикѣ, близъ Аяччіо, въ родовомъ замкѣ своихъ предковъ. Избравъ въ началѣ адвокатное поприще, онъ въ 1792 г. сталъ депутатомъ французскаго законодательнаго собранія, гдѣ вступилъ въ ряды жирондистовъ, но вскорѣ, ради своей личной безопасности, удалился изъ Франціи. Уже осенью того же года онъ примкнулъ къ знаменитому корсиканскому генералу Паоли, который, какъ извѣстно, сперва воевалъ противъ генуэзцевъ, владѣвшихъ Корсикою до 1768 г., а потомъ, послѣ покупки острова Франціею, управлялъ Корсикою отъ имени послѣдней, но, поссорившись съ Конвентомъ, передалъ ее въ 1793 г. англичанамъ, прогнаннымъ, впрочемъ, оттуда въ 1799 г. Послѣдствіемъ анти-французской агитаціи было то, что, съ удаленіемъ англичанъ, Поццо-ди-Борго долженъ былъ покинуть Корсику. Питая истинно-корсиканскую фамильную ненависть къ Бонапартамъ, графъ Поццо-ди-Борго оказался противникомъ французской революціи. Онъ поселился сперва въ Англіи, ѣздилъ съ секретными порученіями въ Вѣну, съ цѣлью подготовить коалицію противъ Франціи, и затѣмъ поступилъ на русскую службу. Въ качествѣ русскаго коммиссара онъ былъ посылаемъ въ 1805 г. къ англо-неаполитанской, а въ 1806 г. къ прусской арміи. Когда же Россія вступила въ союзъ съ Наполеономъ, онъ временно покинулъ русскую службу и въ 1809—10 г.г. работалъ противъ Наполеона въ Австріи, на Востокѣ и въ Англіи. Наиболѣе важная пора его дѣятельности началась съ 1812 г.

Онъ способствовалъ заключенію русско-шведскаго союза, употреблялъ всѣ силы, чтобы склонить императора Александра I къ продолженію войны съ Франціею, старался побороть нерѣшительность Бернадота и вообще обнаруживалъ неутомимую дѣятельность въ этомъ отношеніи. Русское правительство отправило его коммиссаромъ въ шведскій лагерь, а въ 1814 г. послало въ Англію, съ порученіемъ склонить ее къ рѣшительной политикѣ. Наградою за это было назначеніе Поццо-ди-Борго на постъ русскаго посла въ Парижѣ. Императоръ Александръ I взялъ его также съ собою на вѣнскій конгрессъ. Кромѣ этого конгресса, онъ былъ представителемъ Россіи также на конгрессахъ веронскомъ и лондонскомъ. Когда Наполеонъ вернулся съ Эльбы, графъ Поццо-ди-Борго поспѣшно съѣздилъ къ Людовику XVIII въ Гентъ, потомъ въ главную квартиру Вашингтона и присутствовалъ при сраженіи подъ Ватерлоо, былъ легко раненъ и получилъ за отличіе званіе генералъ-адъютанта. Въ іюльскую революцію 1830 г.положеніе его въ Парижѣ оказалось весьма затруднительнымъ, такъ какъ тамъ видѣли въ немъ представителя политики Россіи противъ Польши. Послѣ паденія Варшавы, въ Парижѣ произведены были такія демонстраціи, что весною 1832 г. графа Поццо-ди-Борго пришлось отозвать оттуда. Тѣмъ не менѣе, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, его снова послали въ Парижъ, а въ 1834 году перевели посломъ въ Лондонъ, гдѣ онъ и оставался на этотъ посту до 1839 г. Съ оставленіемъ посольскаго поста, онъ вышелъ въ отставку, поселился въ Парижѣ и умеръ тамъ въ февралѣ 1842 г.

Экспедиція Государственнаго Хозяйства.

(1797—1803 гг.).

I.

Къ числу полезныхъ учрежденій, возникшихъ по иниціативѣ императора Павла I, въ началѣ его царствованія, принадлежитъ основанная при Сенатѣ, именнымъ указомъ отъ 4-го марта 1797 г., Экспедиція Государственнаго Хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства [1]). Экспедиція, какъ видно изъ вступительныхъ словъ указа, должна была имѣть «общее наблюденіе за всѣми частями, къ пользѣ государства относящимися, и особенно за прочнымъ обзаведеніемъ иностранцевъ, подъ покровительство Россіи приходящихъ и къ поселенію вызываемыхъ, а частію уже въ разныхъ мѣстахъ Имперіи поселившихся».

Такимъ образомъ, Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, какъ принято называть ее для краткости, было поставлено двѣ главныхъ задачи: одна, болѣе широкая, обнимала все то, что по отдѣльнымъ управленіямъ, въ то время существовавшимъ, требовало общихъ соображеній по государственному хозяйству и дальнѣйшихъ распоряженій; другая, болѣе спеціальная, заключалась въ наблюденіи за переселеніемъ въ Россію и за прочнымъ обзаведеніемъ иностранныхъ выходцевъ, вызванныхъ манифестами императрицы Екатерины II.

Болѣе подробно обязанности Экспедиціи опредѣлены въ высочайше утвержденной того же 4-го марта 1797 г. запискѣ генералъ-прокурора

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XXIV, № 17865.

князя А. Б. Куракина [1]). Къ предметамъ государственнаго хозяйства отнесено: все, что касается управленія коммерціи и мануфактуръ, горныхъ, соляныхъ и винныхъ дѣлъ, также изысканіе надежныхъ и полезныхъ средствъ для приведенія въ лучшее состояніе земледѣлія, ремеслъ, художествъ, разныхъ рукодѣлій, фабрикъ, заводовъ и вообще всего, что касается до настоящихъ выгодъ государственныхъ по внутренней и внѣшней торговлѣ. Въ дополненіе къ этой инструкціи, именнымъ указомъ отъ 6-го марта 1797 г. [2]), Экспедиціи предлагалось заняться изученіемъ мѣстныхъ выгодъ каждой губерніи, «дабы, узнавъ различныя преимущества и способности ихъ, тѣмъ вѣрнѣе открывала она точный путь, по коему бы не только рукодѣлія, но даже и самыя произведенія природы искусствомъ и тщаніемъ могли быть приводимы въ лучшее часъ отъ часу состояніе и совершенство».

Въ томъ же 1797 году, по указу 23-го марта [3]), вѣдомство Экспедиціи Государственнаго Хозяйства расширено было присоединеніемъ къ ней находившагося при кабинетѣ его величества географическаго департамента, а по указу 31-го марта [4]), управленія государственныхъ лѣсовъ, съ подчиненіемъ Экспедиціи также лѣсной части по Адмиралтейству. Такимъ образомъ на Экспедиціи Государственнаго Хозяйства лежало, какъ разсмотрѣніе многихъ важныхъ вопросовъ государственнаго хозяйства, такъ и непосредственное завѣдываніе нѣкоторыми отраслями управленія.

Кому принадлежитъ мысль объ учрежденіи Экспедиціи Государственнаго Хозяйства? Самому ли императору Павлу, или одному изъ его совѣтниковъ? Извѣстно, что вопросы объ устройствѣ государственнаго управленія очень занимали Павла Петровича, и въ то время, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ престола, и впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался императоромъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ наказъ, который онъ составилъ 4-го января 1788 года, отправляясь въ шведскій походъ, одновременно съ завѣщательнымъ письмомъ великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и съ актомъ о престолонаслѣдіи. Въ этомъ наказѣ изложены были мысли цесаревича о главныхъ отрасляхъ управленія [5]). Кромѣ того, сохранились двѣ собственноручныя записки императора Павла, найденныя въ кабинетѣ Александра I и переданныя впослѣдствіи въ комитетъ 6-го декабря 1826 года [6]),—одна объ устрой-

[1]) П. С. З., т. XXIV, № 17866.

[2]) П. С. З., т. XXIV, № 17869.

[3]) П. С. З., т. XXIV, № 17896.

[4]) П. С. З., т. XXIV, № 17897.

[5]) Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Д. Кобеко. Спб. 1882 г., стр. 295—297.—Н. К. Шильдеръ. Императоръ Павелъ I, стр. 217—219, 561—563.

[6]) Обѣ эти записки напечатаны въ „Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго общества“, томъ XC. Спб. 1894 г., стр. 1—4 и 146.

ствѣ разныхъ частей государственнаго управленія, другая объ устройствѣ Сената, но ни въ одномъ изъ этихъ документовъ не говорится объ учрежденіи Экспедиціи Государственнаго Хозяйства.

Согласно инструкціи, данной Екатериной, 24-го іюня 1761 года, обергофмейстеру, генералъ-поручику Н. И. Панину, назначенному для воспитанія цесаревича Павла Петровича, въ планъ этого воспитанія входило ознакомленіе съ экономическими условіями Россіи. «Предпочтительно предъ другими науками,—писала Екатерина,—надлежитъ подать его высочеству совершенное знаніе объ Россіи, показать ему съ одной стороны изъ дѣлъ прошедшихъ и нынѣшнихъ изящныя качества Россійскаго народа, неустрашимое его мужество въ войнѣ, непоколебимую его вѣрность и усердіе къ отечеству, а съ другой стороны плодородіе и почти во всемъ изобиліе пространныхъ Россійскихъ земель, и, наконецъ, надежные отечества нашего достатки и сокровища, кои оно въ нѣдрахъ своихъ сохраняетъ, такъ что нѣтъ нужды думать о награжденіи какихъ-либо недостатковъ постороннею помощью, а толь меньше вымышленными человѣческою хитростію способами, но когда только употребленъ будетъ небольшой трудъ и прилежаніе, то сверхъ того продовольствованія можно еще избытками помогать другимъ народамъ». Выборъ нужныхъ для его высочества наукъ и знаній и порядокъ ихъ преподаванія предоставлены были опытности, благоразумію и дознанному искусству воспитателя [1]).

По достиженіи цесаревичемъ, въ 1768 году, 14-лѣтняго возраста, согласно воспитательному плану Н. И. Панина наступило время приступить къ прямой государственной наукѣ, то-есть: къ познанію коммерціи, казенныхъ дѣлъ, политики внутренней и внѣшней, войны морской и сухопутной, учрежденія мануфактуръ и фабрикъ и прочихъ частей, составляющихъ правленіе государства, его силу и славу монаршу. Съ этою, очевидно, цѣлью одинъ изъ лучшихъ наставниковъ цесаревича, С. А. Порошинъ, готовилъ для своего ученика сочиненіе подъ заглавіемъ: «Государственный механизмъ», но, къ сожалѣнію, въ это время Порошинъ, по придворнымъ интригамъ, былъ устраненъ отъ обязанностей наставника и удаленъ отъ двора цесаревича, вслѣдствіе чего прекратилось и веденіе интереснаго дневника Порошина, а такимъ образомъ осталось неизвѣстнымъ, какъ была осуществлена программа государственныхъ наукъ Н. И. Панина [2]). Хотя впослѣдствіи Павелъ обнаружилъ всего болѣе наклонности къ военному дѣлу, и при томъ болѣе къ внѣшней его сторонѣ, несмо-

---

[1]) Императоръ Павелъ Первый, Н. К. Шильдера. Приложенія, стр. 513—514.

[2]) Императоръ Павелъ I, Н. К. Шильдера. Спб. 1901 г., стр. 55.

тря на мѣры, принятыя Панинымъ для ослабленія этой природной его наклонности, тѣмъ не менѣе, по отзыву всѣхъ современниковъ, Павелъ былъ очень образованъ, хорошо знакомъ съ исторіей и, вѣроятно, не чуждъ былъ и нѣкоторыхъ политико-экономическихъ познаній того времени. Во всякомъ случаѣ интересъ, проявленный имъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, къ учрежденію Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, къ упорядоченію начавшагося при Екатеринѣ переселенія иностранныхъ колонистовъ въ Россію и, наконецъ, къ болѣе правильному устройству внутренняго управленія крестьянскаго сословія, особенно продовольственной части, достаточно свидѣтельствуютъ о благонамѣренныхъ стремленіяхъ Павла къ исправленію тѣхъ неурядицъ внутренняго управленія Имперіи, которыя ускользали отъ вниманія мудрой Екатерины, будучи заслоняемы болѣе обширными государственными заботами.

Всего вѣроятнѣе, что мысль объ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства принадлежала софійскому протоіерею г. Павловска, А. А. Самборскому. Будучи близкимъ къ цесаревичу лицомъ, потому что онъ сопровождалъ его въ 1781 году въ заграничное путешествіе, и въ то же время страстнымъ поклонникомъ англійскаго земледѣлія, съ успѣхами котораго онъ лично ознакомился во время пребыванія своего въ Англіи и составилъ сочиненіе объ этомъ предметѣ, изданное въ 1787 году,—Самборскій могъ легко внушить, въ 1797 г., Павлу Петровичу мысль объ основаніи учрежденія, которое соотвѣтствовало бы возникшему въ 1793 году въ Англіи: «Board of Agriculture», по иниціативѣ извѣстныхъ англійскихъ агрономовъ Артура Юнга и Джона Синклера.

По указу 4-го марта 1797 г. Экспедиція должна была состоять изъ двухъ сенаторовъ и четырехъ членовъ; на содержаніе Экспедиціи назначено было 37.450 р. [1]). Съ присоединеніемъ лѣснаго управленія къ Экспедиціи, она была усилена однимъ членомъ по лѣсной части съ канцеляріей изъ 13 лицъ и съ отпускомъ 5.825 р. [2]). На содержаніе географическаго департамента, по штату, высочайше утвержденному 17-го августа 1797 г., назначено было 7.000 р. [3]). Такимъ образомъ

---

[1]) Въ томъ числѣ сенаторамъ: первому 3.000 р., второму 2.500 р., четыремъ членамъ по 1.875 р., правителю канцеляріи 1.500 р., четыремъ секретарямъ и экзекутору по 750 р., на переводчиковъ, регистраторовъ, архиваріуса и прочихъ канцелярскихъ служителей и сторожей 15.000 р., 12-ти юнкерамъ по 100 р. и на канцелярскіе расходы 3.000 р. (П. С. З., т. XLIV, ч. 2, книга штатовъ. Штатъ Экспедиціи къ № 17866).

[2]) П. С. З., т. XXV, № 18429 и т. XLIV, ч. 2, книга штатовъ, къ № 18429.

[3]) П. С. З., т. XLIV, ч. 2-я, № 18100. Сумма 7.000 р. распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: совѣтнику 800 р., географу съ помощникомъ 900 р., тремъ учителямъ для черченія ландкартъ, плановъ, чертежей къ учебнымъ кни-

общая сумма расходовъ на содержаніе Экспедиціи Государственнаго Хозяйства въ 1797 году простиралась до 50.275 р. По обращеніи въ 1798 г. всѣхъ казенныхъ лѣсовъ въ вѣдѣніе адмиралтействъ коллегіи [1]), и по возвращеніи географическаго департамента, въ вѣдѣніе собственнаго его величества депо-картъ [2]), составъ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства былъ сокращенъ съ 1-го января 1802 года, а штатъ ея уменьшенъ до 24.275 р. [3]).

Экспедиція, какъ учрежденная при Сенатѣ, была поставлена подъ главное вѣдѣніе генералъ-прокурора, который обязанъ былъ содѣйствовать успѣшной ея дѣятельности и представлять выработанныя ею постановленія по части хозяйственнаго благоустройства на высочайшее благоусмотрѣніе.

О первыхъ начинаніяхъ Экспедиціи мы узнаемъ изъ именнаго указа, объявленнаго генералъ-прокуроромъ 30-го апрѣля 1797 г. [4]), при чемъ въ первомъ пунктѣ этого указа сказано, что государь императоръ «удостоилъ всемилостивѣйшаго благоволенія приступъ къ важному столь предмету и начальныя упражненія Экспедиціи». Изъ остальныхъ четырехъ пунктовъ видно, что вниманіе Экспедиціи на первыхъ порахъ сосредоточилось на попеченіи объ иностранныхъ колонистахъ и на вопросѣ объ устройствѣ практической школы земледѣлія.

Экспедиція оставалась въ непосредственномъ завѣдываніи генералъ-прокурора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, князя Алексѣя Борисовича Куракина 2-го, до 8-го августа 1798 года, когда однимъ указомъ князь Куракинъ былъ освобожденъ отъ нѣкоторыхъ изъ порученныхъ ему дѣлъ, а другимъ Сенату повелѣно было принять въ свое попеченіе всѣ хозяйственныя заведенія по всему государству и, разсмотрѣвъ пользу, какую они приносили и могутъ приносить въ будущемъ, представить на высочайшее утвержденіе нужныя по сему распоряженія [5]).

Изъ представленнаго Сенатомъ и утвержденнаго 10-го октября 1799 г. доклада [6]) видно, что Сенатъ призналъ дѣятельность Экспедиціи по объединенію всѣхъ отраслей государственнаго хозяйства весьма полез-

---

гамъ, архитектурныхъ плановъ, профилей, фасадовъ, ландшафтовъ и пр. 1.250 р., шести граверамъ и словорѣзамъ 1.700 р., секретарю, онъ же смотритель и бухгалтеръ 450 р., мастеру при печатаніи картъ 120 р., вольному работнику къ фигурному стану 80 р., двумъ сторожамъ 20 р., на наемъ дома съ отопленіемъ и освѣщеніемъ 900 р., на покупку матеріаловъ и инструментовъ 680 р.

[1]) П. С. З., т. XXIV, № 18533, 20-го мая 1798 г.

[2]) П. С. З., XXVI, № 19607, им. ук. 18-го октября 1800 г.

[3]) П. С. З., т. XXVI, № 20082, дек. 19—1801.

[4]) П. С. З., т. XXIV, № 17946.

[5]) Оба указа напечатаны въ „Сенатскомъ Архивѣ", I, стр. 425 и 426.

[6]) П. С. З., т. XXV, № 19147.

ною, а всѣ распоряженія къ усовершенствованію ввѣренныхъ Экспедиціи заведеній и по опекѣ надъ иностранными поселенцами вполнѣ цѣлесообразными, но такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ распоряженій оправдались уже на опытѣ, то Сенатъ предложилъ съ своей стороны лишь немногія постановленія, о которыхъ будетъ упомянуто ниже въ своемъ мѣстѣ.

По всѣмъ дѣламъ, производившимся въ Экспедиціи, составлялись обстоятельные доклады и журналы, какъ принято въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, восходившіе по болѣе важнымъ вопросамъ на разсмотрѣніе Сената, по заключеніямъ котораго полагались высочайшія резолюціи. Высочайшая воля объявлялась Экспедиціи или генералъ-прокуроромъ, или именными указами Сенату, а иногда и Экспедиціи непосредственно.

Съ самаго начала въ составъ Экспедиціи были привлечены выдающіеся люди того времени. Старшимъ сенаторомъ назначенъ былъ А. В. Храповицкій, извѣстный литераторъ и дѣлецъ XVIII вѣка, другъ Державина и Дмитріева, исполнявшій съ 1782 до 1793 года обязанности личнаго секретаря при императрицѣ Екатеринѣ II. Уволенный отъ этихъ обязанностей, какъ думаютъ нѣкоторые біографы Храповицкаго, за веденіе своего «Дневника», Храповицкій былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ. Неблаговоленіе государыни въ послѣдніе годы къ своему секретарю было, безъ сомнѣнія, извѣстно императору Павлу, а посвященіе ему А. В. Храповицкимъ оды по случаю восшествія императора на престолъ, при чемъ вскользь упомянуто было и о томъ, что крестнымъ отцомъ Храповицкаго былъ Петръ III, не могли не обратить вновь вниманія императора на Александра Васильевича. Награжденный въ день коронаціи орденомъ Анны 1-й степени и имѣніемъ въ 600 душъ, Храповицкій призванъ былъ 4-го марта 1797 г. принять главное завѣдываніе экспедиціями и, по отзыву современниковъ, занимался очень дѣятельно, не рѣдко самъ сочинялъ сенатскіе рапорты и доклады государю, и вообще пользовался въ Сенатѣ большимъ вліяніемъ. Должность старшаго члена Экспедиціи онъ занималъ до 26-го октября 1800 г. [1]), когда былъ отставленъ отъ службы и замѣненъ оберъ-прокуроромъ Пущинымъ, съ оставленіемъ послѣдняго въ прежней должности. Храповицкій умеръ 29-го декабря 1801 г. и незадолго до смерти, при Александрѣ I, былъ награжденъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника [2]).

---

[1]) „Сенатскій Архивъ", I, стр. 665.

[2]) Свѣдѣнія объ А. В. Храповицкомъ извлечены изъ его біографіи, составленной Н. Барсуковымъ и приложенной къ дневнику А. В. Храповицкаго, изд. А. Ѳ. Глазунова, 1874 г.

Вторымъ сенаторомъ въ Экспедицію былъ назначенъ тайный совѣтникъ П. П. Тарбѣевъ. Начавъ службу въ гвардіи въ 1761 году, онъ состоялъ въ чинѣ генералъ-маіора съ 1783 г. до начала 1785 года, сперва с.-петербургскимъ оберъ-полицмейстеромъ, а затѣмъ губернаторомъ въ той же губерніи, съ 1785 г. былъ не у дѣлъ съ жалованьемъ; въ 1796 г. 20-го декабря пожалованъ былъ чиномъ тайнаго совѣтника и званіемъ сенатора, а въ 1797 г. назначенъ членомъ Экспедиціи. По увольненіи Храповицкаго, Тарбѣевъ остался завѣдующимъ Экспедиціей до присоединенія ея къ министерству внутреннихъ дѣлъ въ 1802 году. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ и довѣріемъ своихъ современниковъ. 25-го декабря 1796 г. онъ былъ назначенъ въ коммиссію для раскрытія злоупотребленій по строенію южныхъ крѣпостей и одесскаго порта, по доносу контролера Иванова; въ 1798 г. былъ командированъ въ Лифляндію, для прекращенія скотскаго падежа; въ 1800 году осматривалъ нѣкоторыя присутственныя мѣста С.-Петербургской губерніи, былъ избираемъ графиней Матюшкиной, вдовой оберъ-гофмейстера, и вдовой генерала графа Потемкина, попечителемъ ихъ имѣній, для расплаты съ кредиторами, съ правомъ продавать и закладывать для этой цѣли ихъ имѣнія. Тарбѣевъ былъ человѣкъ недостаточнаго состоянія, жилъ однимъ жалованьемъ и, хотя въ ноябрѣ 1800 г. ему было пожаловано 5.000 к. с. земли въ Саратовской губерніи, однако онъ этого отвода, повидимому, не дождался, такъ какъ, по неудобству для заселенія назначенной ему земли и по просьбѣ его о замѣнѣ ея другою, переписка по этому предмету тянулась еще въ 1808 г. и даже дѣло доходило до общаго собранія Сената. Тарбѣевъ умеръ въ іюлѣ 1810 г. и погребенъ на счетъ суммы 1.000 р., отпущенной изъ Кабинета, по ходатайству министра юстиціи Дмитріева [1]).

Четыре члена Экспедиціи, назначенные сверхъ двухъ сенаторовъ, были: 1) Софійскій протоіерей Самборскій; 2) дѣйствительный статскій совѣтникъ Хитрово, служившій въ правленіи заемнаго банка; 3) статскій совѣтникъ Габлицъ, состоявшій при генералъ-прокурорѣ по хозяйственной части, и 4) бывшій директоръ домоводства С.-Петербургской губерніи коллежскій совѣтникъ Татариновъ.

Изъ четырехъ членовъ мы остановимся на двухъ, болѣе выдающихся и болѣе дѣятельныхъ по Экспедиціи, на протоіереѣ Самборскомъ и на Габлицѣ.

---

[1]) Свѣдѣнія о сенаторѣ П. П. Тарбѣевѣ частію извлечены изъ „Сенатскаго Архива“, I, стр. 48, 53, 87, 397, 437 и 676, и изъ подлинныхъ сенатскихъ дѣлъ о сенаторѣ Тарбѣевѣ, доставленныхъ намъ сенаторомъ Гр. К. Рѣпинскимъ, частію сообщены секретаремъ, И. Р. Историческаго общества Г. Ѳ. Штендманомъ.

Софійскій протоіерей Андрей Аѳанасьевичъ Самборскій долгое время состоялъ при русской миссіи въ Лондонѣ, по возвращеніи же въ Россію былъ протоіереемъ Софійскаго собора въ Павловскѣ, въ 1781 году сопровождалъ цесаревича во время его заграничной поѣздки, съ 1784 года преподавалъ законъ Божій и англійскій языкъ великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ и великимъ княжнамъ, за что и былъ награжденъ, 4-го марта 1797 г., одновременно съ назначеніемъ его членомъ Экспедиціи, пожалованіемъ ему въ вѣчное и потомственное владѣніе имѣнія Стратилатовка, въ Изюмскомъ уѣздѣ, Слободскоукраинской губерніи, съ 500 душъ, со всѣми угодьями, и сверхъ того со смежнымъ казеннымъ Захарьевскимъ лѣсомъ въ количествѣ 1.224 десят.

Протоіерей Самборскій считался въ то время «мужемъ испытаннымъ въ сельскомъ хозяйствѣ», а потому его непосредственному попеченію поручено было устройство первой земледѣльческой школы. Въ августѣ 1799 г. Самборскій, по случаю назначенія его домовымъ священникомъ и духовникомъ великой княгини Александры Павловны, вышедшей за эрцгерцога Іосифа, палатина венгерскаго, былъ уволенъ изъ членовъ Экспедиціи и замѣненъ камергеромъ Бакунинымъ, которому также поручено было непосредственное завѣдываніе практическою школою земледѣлія [1]).

Другимъ выдающимся и дѣятельнымъ членомъ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства былъ Карлъ Ивановичъ Габлицъ (р. 1752† 1821). Онъ получилъ образованіе въ Московскомъ университетѣ, сопровождалъ академика Гмелина въ его поѣздкѣ по Волгѣ, Каспійскому и Азовскому морямъ (1769—1773) и занимался ботаническими изслѣдованіями. Въ 1774 г. онъ объѣхалъ Гилянскія горы и представилъ Академіи наукъ свои описанія и коллекціи; въ 1776 г. былъ назначенъ директоромъ Астраханской конторы; въ 1781—82 гг. участвовалъ въ экспедиціи подъ начальствомъ графа Войновича для учрежденія удобнаго порта на Каспійскомъ морѣ и оставилъ журналъ этой экспедиціи. Въ 1784 г. Потемкинъ поручилъ Габлицу составить физическое описаніе Крыма; въ 1785 г. онъ былъ опредѣленъ совѣтникомъ таврической уголовной палаты, въ 1786 г.—директоромъ экономіи, въ 1788—таврическимъ вице-губернаторомъ, а въ 1797 г.—членомъ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства и товарищемъ управляющаго удѣлами. Въ 1803 г., по присоединеніи Экспедиціи къ министерству внутреннихъ

[1]) Свѣдѣнія о протоіереѣ Самборскомъ заимствованы изъ брошюры: „Протоіерей А. А. Самборскій, законоучитель императора Александра I". Свящ. Н. Стеллецкаго, изъ именныхъ указовъ Павла I, въ „Сенатскомъ Архивѣ", I, стр. 127, 237 и 550 и изъ сочиненій Н. К. Шильдера: Императоръ Александръ I, и Императоръ Павелъ I.

дѣлъ, Габлицъ былъ управляющимъ этою Экспедиціею и директоромъ государственныхъ лѣсовъ. Въ 1808 г. онъ уволенъ, по болѣзни, отъ этой должности, назначенъ сенаторомъ и состоялъ членомъ комитета по дѣламъ таврической губерніи [1]).

Въ личномъ составѣ членовъ Экспедиціи происходили довольно частыя перемѣны [2]).

24-го декабря 1797 г. коллежскій совѣтникъ Татариновъ назначенъ былъ петербургскимъ вице-губернаторомъ, а его мѣсто занялъ находившійся не у дѣлъ кол. сов. Полторацкій; но и Полторацкій уволенъ былъ 12-го сентября 1798 г. Въ концѣ 1798 г. въ Экспедиціи оказались уже двѣ ваканціи: одна Полторацкаго, а другая, вѣроятно, Хитрово, о времени увольненія котораго мы указа не нашли; ваканціи эти были замѣщены, одна — 13-го ноября 1798 г. кол. сов. Озеровымъ, а другая—5-го декабря, того же года д. ст. сов. Лефебромъ. Сверхъ того, изъ указа, даннаго Сенату 21-го августа 1797 г., видно,что въ то время членомъ Экспедиціи состоялъ д. ст. сов. Львовъ [3]).

11-го августа 1799 г. на мѣсто уволеннаго члена Самборскаго назначенъ былъ дѣйствительный камергеръ Бакунинъ, которому поручено непосредственное завѣдываніе практическою школою земледѣлія. Съ передачею школы, въ октябрѣ 1799 г., въ вѣдомство удѣловъ, туда же перешелъ и Бакунинъ, и, въ качествѣ главнаго директора школы, 23-го іюня 1800 г. былъ пожалованъ въ тайные совѣтники.

Въ февралѣ 1800 г. Озеровъ былъ перемѣщенъ въ лѣсной департаментъ, а на его мѣсто, членомъ Экспедиціи назначенъ былъ служившій въ канцеляріи генералъ-прокурора, надворный совѣтникъ Вольфъ.

28-го марта 1800 г., членомъ Экспедиціи назначенъ былъ числившійся при герольдіи кол. асс. Джунковскій, произведенный по этому случаю въ надворные совѣтники.

---

[1]) Габлицу принадлежатъ слѣдующія сочиненія: 1) „Физическое описаніе Таврической области по ея мѣстоположенію и по всѣмъ тремъ царствамъ природы“. Спб. 1785 (переведено на французскій, нѣмецкій и англійскій языки). 2) „Наставленіе о разведеніи въ Россіи кунжутнаго сѣмени и дѣланіе изъ онаго масла“, Спб. 1801. 3) „Географическія извѣстія, служащія къ объясненію прежняго состоянія нынѣшней Таврической губерніи, собранныя изъ разныхъ древнихъ и среднихъ временъ писателей“. Спб. 1803. 4) „Историческій журналъ бывшей 1781 и 1782 годовъ на Каспійскомъ морѣ россійской эскадры подъ командою графа Войновича“. М. 1809. Свѣдѣнія о И. И. Габлицъ извлечены изъ краткаго описанія его жизни и службы, „Сынъ Отечества“, 1821, т. 73, №№ 43 и 44 и изъ „Словаря русскихъ свѣтскихъ писателей“ митрополита Евгенія.

[2]) Помѣщаемыя здѣсь свѣдѣнія о времени назначенія и увольненія разныхъ членовъ Экспедиціи извлечены изъ именныхъ указовъ императора Павла I, напечатанныхъ въ изданіи: „Сенатскій Архивъ“, I, 1888 г.

[3]) П. С. З., т. XXIV, № 18103.

При увольненіи А. В. Храповицкаго, 26-го октября 1800 г., въ Экспедицію назначенъ былъ оберъ-прокуроръ Сената Пущинъ съ сохраненіемъ должности оберъ-прокурора.

14-го февраля 1801 г. Лефеберъ былъ уволенъ по прошенію и замѣненъ находившимся не у дѣлъ д. ст. сов. Похвисневымъ.

При сокращеніи штата Экспедиціи въ декабрѣ 1801 г. она состояла изъ управляющаго Экспедиціей, сенатора Тарбѣева, его товарища тайнаго совѣтника Габлица и изъ трехъ членовъ: д. ст. сов. Похвиснева, кол. сов. Вольфа и над. сов. Джунковскаго. Д. ст. сов. Пущинъ былъ оставленъ за штатомъ, съ выдачею ему, не въ зачетъ, единовременно годоваго оклада—2.500 р. и съ тѣмъ, чтобы быть опредѣленнымъ предпочтительно предъ прочими къ соотвѣтственной должности [1]).

Дѣятельность Экспедиціи Государственнаго Хозяйства была кратковременна, но очень разнообразна, и хотя результаты ея не по всѣмъ частямъ вѣдѣнія оказались успѣшными, тѣмъ не менѣе она осталась не безслѣдною въ исторіи русскаго сельскаго хозяйства. За Экспедиціею навсегда сохранится честь почина по многимъ важнымъ вопросамъ государственнаго хозяйства, получившимъ болѣе широкое и правильное развитіе лишь впослѣдствіи, когда явилась бо́льшая потребность и большее сознаніе въ необходимости образованія и практичнаго опыта, и правительственной поддержки. Отрывочныя указанія въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ изданіяхъ не даютъ яснаго и полнаго понятія о дѣятельности Экспедиціи Государственнаго Хозяйства; чтобы оцѣнить эту дѣятельность, нужно обозрѣть ее во всей совокупности, по сохранившимся актамъ, частію напечатаннымъ въ Полномъ собраніи законовъ, частію же хранящимся подъ спудомъ архивовъ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы дѣлаемъ подобную попытку, опираясь какъ на указанные печатные акты, такъ и на дѣла Экспедиціи, переданныя въ 1836 г. изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ учреждавшееся министерство государственныхъ имуществъ. Нѣкоторыя стороны малоизвѣстной дѣятельности Экспедиціи были отчасти затронуты въ интересной брошюрѣ г. Берендса, «Volks-und Staatsnsirtschaftliche Awchauungen in Russland auf der Grenzscheide des 18 und 19 Jahrhunderts. Archivalische Studie von Eduard Berendts». St. Petersburg, 1888. Г. Берендсъ ограничился, впрочемъ, лишь изложеніемъ и оцѣнкою только нѣкоторыхъ проектовъ, представленныхъ въ Экспедицію, по разнымъ экономическимъ вопросамъ.

---

[1]) На томъ же основаніи были оставлены за штатомъ и нѣкоторые чиновники канцеляріи Экспедиціи, съ полученіемъ годовыхъ окладовъ, въ общей суммѣ 6.410 р., изъ прибылей, получаемыхъ Экспедиціей отъ заготовленія гербовой бумаги для векселей и заемныхъ писемъ. П. С. З., т. XXVI, № 20082.

Группируя всѣ предметы, которыхъ коснулась дѣятельность Экспедиціи, на сколько она намъ извѣстна, ее можно подвести подъ слѣдующія главныя рубрики, которыхъ мы и будемъ держаться при дальнѣйшемъ изложеніи:

1) Попеченіе о развитіи земледѣлія, преимущественно путемъ распространенія теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній; 2) обезпеченіе народнаго продовольствія, посредствомъ устройства хлѣбныхъ магазиновъ; 3) организація внутренняго порядка въ казенныхъ селеніяхъ; 4) надѣлъ однодворцевъ землею; 5) попеченіе объ иностранныхъ колонистахъ; 6) упорядоченіе лѣсной части; 7) попеченіе о развитіи разныхъ отраслей сельскаго хозяйства, каковы: скотоводство, овцеводство, шелководство, виноградарство, а также распространеніе разныхъ полезныхъ растеній; 8) дѣятельность по развитію картографической части и 9) разсмотрѣніе разныхъ вопросовъ государственнаго хозяйства.

В. Вешняковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Новороссійскій край въ 1816 году.

Высочайшее повелѣніе министру финансовъ.

4-го мая 1816 года № 66.

Флигель-адъютантъ Киселевъ, по возвращеніи изъ Новороссійскаго края, донесъ мнѣ между прочимъ: 1) что казенные лѣса ежегодно болѣе и болѣе истребляются; 2) что недостатокъ въ мѣдной монетѣ крайне ощутителенъ: у откупщиковъ вымѣниваютъ ее, платя отъ 15-ти до 25-ти копѣекъ съ рубля, а въ Бессарабіи по 40 копѣекъ; 3) что при весьма маломъ заселеніи Новороссійскаго края, казенные крестьяне нуждаются землею отъ пріумноженія жителей, отъ сосѣднихъ помѣщиковъ и отъ нарѣзки казною земель въ такой отдаленности отъ селеній, что крестьяне обработывать ее не въ состояніи, для чего и нужно или сдѣлать новый раздѣлъ по числу наличныхъ душъ, или разселить крестьянъ по удобности земель.

Я повелѣваю вамъ обратить вниманіе на предметы сіи и о мѣрахъ исправленія доносить мнѣ чрезъ Комитетъ министровъ.

Николай Ивановичъ Тургеневъ

ВЪ СВОЕМЪ ОПРАВДАНІИ.

(Изъ бумагъ Павла Васильевича Жуковскаго).

III [1]).

«Полковникъ Бурцовъ, вмѣстѣ съ полковникомъ Комаровымъ, привезъ Тульчинской управѣ извѣстіе о разрушеніи Союза Благоденствія и долженъ былъ представить ей письменное сообщеніе отъ предсѣдателя московскаго съѣзда. Но уже знавъ все по слухамъ, Пестель и Юшневскій на предварительномъ совѣщаніи условились: во-первыхъ, не признавать общества разрушеннымъ; во-вторыхъ, воспользоваться симъ случаемъ, чтобы удалить всѣхъ слабосердыхъ, представя имъ опасности и трудность предпріятія».

Я ничего не зналъ о происходившемъ въ Тульчинѣ до чтенія Донесенія, точно такъ же, какъ мнѣ неизвѣстны имена почти всѣхъ тѣхъ лицъ, о коихъ здѣсь упоминается. Но все же я скажу, хотя это замѣчаніе не имѣетъ само по себѣ никакого значенія и свидѣтельствуетъ только о сбивчивости показаній, данныхъ обвиняемыми, что я никогда не разсылалъ никакого письменнаго извѣщенія о распущеніи общества, если только подъ словомъ «предсѣдатель» подразумѣваютъ меня.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что Пестель и Юшневскій, главные члены южнаго общества, были вполнѣ убѣждены въ томъ, что московское общество было распущено дѣйствительно, а не только для вида.

Справедливость этого подтверждается показаніемъ Никиты Му-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1901 года.

равьева. По его словамъ, общество было по крайней мѣрѣ совершенно разстроено, что равносильно распущенію. «Большая часть членовъ изъ него вышло», говоритъ онъ. Но кто же изъ нихъ остался, спрашиваю я.

Въ особенности гдѣ они остались? «Остававшіеся въ управѣ, не имѣя между собою связи, не имѣя никакого устава и общаго управленія, не знали, чего хотѣли, или не могли дать себѣ отчета въ своихъ желаніяхъ», продолжаетъ онъ. Не есть ли это картина распаденія общества, которую онъ тутъ начерталъ? Я понимаю, почему онъ не употребилъ слово распущеніе. Потому что въ сущности нечего было распускать, по той простой причинѣ, что ранѣе ничего не было создано. Подмѣтилъ ли читатель, просматривая Донесеніе, что правленія когда-либо были связаны между собою, имѣли какую-либо цѣль и знали, чего они хотятъ.

Далѣе въ Донесеніи говорится:

«Только въ исходѣ 1822 года Петербургское или Сѣверное общество снова образовалось» [1]).

Въ этомъ мѣстѣ читатель находитъ выноску, содержаніе которой показалось даже самому редактору столь ничтожнымъ, что онъ не включилъ ее въ текстъ. Но я нахожу, что это примѣчаніе имѣло для меня самое пагубное значеніе. Вотъ что говорится въ этомъ примѣчаніи:

Одинъ изъ обвиняемыхъ, Семеновъ, показалъ:

1-е, что по возвращеніи своемъ изъ Москвы въ 1821 г. (это было въ началѣ года, такъ какъ я помню, что я пріѣхалъ въ саняхъ, слѣдовательно, еще зимою), я занялся учрежденіемъ новаго общества;

2-е, что я предлагалъ вступить въ него тремъ лицамъ: ему, Семенову, князю Оболенскому и полковнику Нарышкину;

3-е, что я привлекъ въ общество трехъ человѣкъ: Митькова, Якова Толстаго и Миклашевскаго;

4-е, что дѣятельность этого общества вскорѣ прекратилась;

5-е, Семенову не извѣстно, имѣло ли это общество уставъ;

6-е, онъ былъ такъ добръ присовокупить, что я никогда не высказывалъ преступныхъ замысловъ противъ императорской фамиліи.

---

[1]) Титулярный совѣтникъ Семеновъ показываетъ, что Николай Тургеневъ, возвратясь изъ Москвы въ 1821 году, начиналъ изъ нѣкоторыхъ членовъ уничтоженнаго съѣзда составлять новое тайное общество; въ оное приглашалъ прежнихъ, князя Оболенскаго, полковника Нарышкина и его, Семенова, да принялъ полковника Митькова, Якова Толстаго и Миклашевскаго. Вскорѣ потомъ гвардія выступила въ походъ, и дѣйствія общества прекратились. Семеновъ не знаетъ, имѣло ли оно уставъ; онъ прибавляетъ, что ни Тургеневъ, ни другіе члены сего общества не обнаруживали при немъ (Семеновѣ) злодѣйственныхъ намѣреній противъ императорской фамиліи.

Я начинаю свое возраженіе на эти обвиненія нѣсколькими вопросами:

1-е, каковъ былъ характеръ этого общества? какова была его цѣль, средства? этого никто не знаетъ. Кромѣ этого примѣчанія объ этомъ не встрѣчается ни малѣйшаго намека во всемъ дальнѣйшемъ Донесеніи. Самому Семенову, давшему показаніе объ этомъ, также ничего не извѣстно; по его словамъ, онъ не знаетъ даже, имѣло ли общество уставъ.

Сдѣлало ли что-нибудь это общество, дѣятельность котораго вскорѣ прекратилась? По словамъ показывающаго, вся дѣятельность, всѣ дѣйствія общества ограничились тѣмъ что его учредитель привлекъ къ нему трехъ лицъ;

2-е, да существовало ли когда-нибудь это общество?

Въ Донесеніи объ этомъ не упоминается. Все то, что редакторъ говоритъ объ этомъ, какъ бы мимоходомъ, заключается въ этомъ примѣчаніи! Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ остальныхъ, легкомысленное отношеніе Донесенія доходитъ до жестокости.

Въ замѣткѣ, о которой я говорю въ моемъ заключеніи, сказано, что двое членовъ, привлеченныхъ мною въ общество, заявили, что они были приняты мною. Но въ какое общество? Въ то ли общество, которое, какъ я сказалъ, никогда не существовало или въ то, которое было распущено?

Что касается одного изъ этихъ господъ, Миклашевскаго, то я никакъ не могу понять, о какомъ вступленіи и о какомъ обществѣ онъ говоритъ и едва помню его самого. Что касается втораго, Митькова съ которымъ я впослѣдствіи близко сошелся въ Карлсбадѣ, то я помню, что давалъ ему читать, по его настоятельной просьбѣ, уставъ распущеннаго общества или «Зеленую книгу», которую я взялъ для этой цѣли у кого-то на время. Но это происходило тогда, когда общество еще существовало; когда же оно было распущено, то ни о какомъ поступленіи въ него, если это совершилось въ 1822 г., разумѣется, не могло быть и рѣчи.

Слѣдовательно, Никита Муравьевъ, единственный человѣкъ, называющій меня однимъ изъ учредителей общества, присовокупляетъ, что я не принималъ въ него новыхъ членовъ.

Прочія лица, указанныя Семеновымъ: Оболенскій и Нарышкинъ ничего не говорятъ по этому поводу.

Я особенно настаиваю на томъ, что годомъ основанія общества названъ 1821 годъ. Выше мы видѣли, что новое Петербургское или Сѣверное общество организовалось только въ исходѣ 1822 г. Изъ этого слѣдуетъ, что это были два различныхъ общества и между основаніемъ того и другаго прошло два года; слѣдовательно, обвиненія, касающіяся

одного изъ нихъ, не могутъ относиться къ другому и обратно. Между тѣмъ на этомъ показаніи основана замѣтка, извлеченная изъ Донесенія, въ которой не дѣлается различія между этими двумя обществами и меня обвиняютъ и въ учрежденіи, и въ возстановленіи общества, и въ томъ, что я привлекалъ въ него членовъ и самъ былъ его членомъ, какъ будто каждый изъ этихъ фактовъ относится къ одному и тому же обществу.

Возвращаясь къ тексту Донесенія, читатель наталкивается снова на примѣчаніе, въ которомъ говорится, что:

Главными изъ основателей или возобновителей этого новаго общества, учрежденнаго въ 1822 году, были, по показанію одного изъ обвиняемыхъ (Никиты Муравьева), кромѣ него князь Оболенскій и я.

Но къ этому прибавлено, что я воздерживался отъ принятія новыхъ членовъ. Это послѣднее обстоятельство показываетъ, что тутъ видимо подразумѣвается другое общество, а не то, о которомъ я говорю.

Далѣе говорится, что я отказался отъ должности предсѣдателя этого общества и такъ какъ это замѣчаніе связано съ именемъ князя Оболенскаго, то надобно думать, что оно сдѣлано имъ.

Таковы показанія моихъ двухъ такъ называемыхъ сотоварищей, которые противорѣчатъ другъ другу. Безпристрастный читатель, конечно, обратитъ вниманіе на то обстоятельство, что эти господа, говоря о томъ, чего я не дѣлалъ, и упоминая объ обязанностяхъ, отъ которыхъ я уклонялся, не говорятъ, что я сдѣлалъ и какія обязанности несъ.

Къ чему сводятся доказательства, на основаніи которыхъ утверждаютъ, будто я участвовалъ въ учрежденіи новаго общества? Къ простому показанію Никиты Муравьева, не подтвержденному никакимъ доказательствомъ, никакими данными, и которое не объясняетъ, въ чемъ именно состояла моя дѣятельность. Если судить по Донесенію, то оказывается, что я принималъ дѣятельное участіе въ учрежденіи общества. Выше мы видѣли, что я былъ занятъ учрежденіемъ общества въ 1821 г., а, слѣдовательно, въ 1822 г. учреждалъ другое общество и вмѣстѣ съ тѣмъ отказался отъ должности предсѣдателя этого общества! Это дѣятельное участіе въ учрежденіи обществъ и одновременное уклоненіе отъ управленія ими довольно курьезно, чтобы не сказать противорѣчиво.

Дѣло въ томъ, что я не только не участвовалъ въ учрежденіи этого новаго общества, но что, до отъѣзда своего изъ Россіи, я даже не зналъ о томъ, было ли учреждено какое-нибудь новое общество.

Но могутъ мнѣ возразить, что показаніе Никиты Муравьева весьма важно. Дѣйствительно, оно казалось мнѣ серьезной загадкой въ то время, когда я былъ занятъ составленіемъ моихъ предъидущихъ записокъ; оно имѣло для меня особенное значеніе потому, что это показа-

ніе было сдѣлано Никитою Муравьевымъ, которому было хорошо извѣстно, какъ мало значенія я придавалъ тайнымъ обществамъ, и который часто видѣлъ, какъ я смѣялся надъ ними и самъ нерѣдко смѣялся вмѣстѣ со мною. Какъ могло случиться, думалъ я, что человѣкъ говоритъ не только то, что не согласно съ истиною, но даже какъ разъ противное тому, что ему извѣстно! Я не пытался объяснить это или высказать по этому поводу какой-либо догадки, а только заявилъ, что я этого совершенно не понимаю, и умолялъ попросить Муравьева подтвердить свои слова и объяснить свое показаніе.

Нѣсколько лѣтъ спустя мнѣ передавали, что Никита Муравьевъ заявилъ роднымъ, что все то, что онъ говорилъ обо мнѣ, неправда. Нѣсколько времени спустя мнѣ сообщили, что его жена (которую я могу теперь назвать не компрометтируя, такъ какъ ея уже нѣтъ на свѣтѣ) говорила неоднократно, что ея мужъ часто высказывалъ, что хотя онъ и далъ показанія противъ меня, и подписалъ эти показанія, но они ложны и что онъ находился въ такомъ состояніи, когда онъ не понималъ, что говорилъ.

Очевидно, я не могъ дать рѣшительно никакого объясненія на столь туманное и крайне не правдоподобное обвиненіе. При томъ справедливость обвиненія должна быть доказана тѣмъ лицомъ, которое обвиняетъ; обвиняемому же нѣтъ надобности доказывать неосновательность обвиненія. Скажу только, что никакой законъ въ мірѣ не призналъ бы достаточнымъ это единичное обвиненіе.

Въ примѣчаніи, о которомъ я говорю въ своемъ заключеніи, указаны еще нѣкоторыя лица, будто бы обвинявшія меня въ общихъ чертахъ въ томъ, что я возстановилъ общество; это князь Трубецкой, Орловъ и Матвѣй Муравьевъ.

Весьма вѣроятно, что эти показанія не имѣютъ между собою ничего общаго: въ примѣчаніи не говорится даже, о какомъ именно обществѣ тутъ идетъ рѣчь; между тѣмъ на этомъ замѣчаніи основанъ мой приговоръ! Такъ, напр., очевидно, что показаніе Орлова свидѣтельствуетъ только о томъ, что я думалъ основать вмѣстѣ съ нимъ общество до моего поступленія въ общество «Зеленой книги». Его показаніе не можетъ относиться ко второму обществу, такъ какъ изъ Донесенія ясно видно, что я вступилъ въ общество долгое время спустя послѣ его учрежденія. Это показаніе не можетъ также относиться къ обществу 1822 г., такъ какъ мы не видались съ Орловымъ со времени моего отъѣзда изъ Москвы, въ 1821 году, и я съ нимъ впослѣдствіи не переписывался. Поэтому ему не могло ничего быть извѣстно о какихъ-либо попыткахъ съ моей стороны учредить общество въ это время.

«Его (общество) раздѣлили на убѣжденныхъ и соединенныхъ или согласныхъ. Союзъ убѣжденныхъ или верхній

кругъ составлялся изъ основателей [1]), принимали въ оный и другихъ изъ союза соединенныхъ, но не иначе, какъ по согласію всѣхъ находившихся въ Петербургѣ убѣжденныхъ..

«Возобновивъ тайное общество, начальникомъ онаго нѣсколько времени признавали одного Никиту Муравьева; потомъ въ концѣ 1823 года, рѣшась для лучшаго успѣха имѣть трехъ предсѣдателей, присоединили къ нему князя Сергѣя Трубецкаго, лишь возвратившагося изъ-за границы и князя Евгенія Оболенскаго» [2]).

Показаніе князя Трубецкаго не можетъ относиться къ обществу «Зеленой книги», ни къ обществу 1822 года по той простой причинѣ, что въ Донесеніи говорится, что Трубецкой пріѣхалъ въ Петербургъ только въ 1823 году. Слѣдовательно, князь Трубецкой былъ за границею въ то время, когда было учреждено это новое общество, поэтому онъ не можетъ давать показаній о томъ, что происходило въ Петербургѣ за годъ до его пріѣзда.

Что касается Матвѣя Муравьева, то его показаніе мнѣ положительно не понятно. Изъ документовъ, приложенныхъ къ слѣдственному дѣлу, видно, что онъ не принадлежалъ къ новому обществу, образовавшемуся въ Петербургѣ. Слѣдовательно, онъ не можетъ давать показанія о томъ, при какихъ обстоятельствахъ это общество было учреждено или возстановлено.

Если тутъ идетъ рѣчь объ обществѣ 1822 г., то какимъ же образомъ приводятся показанія только этихъ трехъ лицъ и не упоминается вовсе о показаніяхъ другихъ членовъ общества, которые находились въ то время въ Петербургѣ?

Моими обвинителями выступаютъ тутъ три свидѣтеля: во-первыхъ, тѣ же князь Трубецкой и Матвѣй Муравьевъ, на показанія которыхъ я ссылаюсь по поводу того, что сказано по предъидущему обвинительному пункту, и Семеновъ, показаніе котораго, разобранное выше, относится къ 1821 г., а не къ 1822 году и который не говоритъ, что я принималъ участіе въ учрежденіи общества; а что я одинъ хотѣлъ учредить его.

Я заимствую всѣ эти побочныя обстоятельства изъ замѣчанія, со-

---

[1]) Главными изъ сихъ основателей, или возобновителей общества, по словамъ Никиты Муравьева, были: онъ самъ, кн. Оболенскій и Николай Тургеневъ, который, однако же, не участвовалъ въ принятіи новыхъ членовъ. Въ обоихъ отдѣленіяхъ Сѣвернаго общества, соединенныхъ и убѣжденныхъ, равно какъ и въ Южномъ, членовъ принимали безъ всякихъ обрядовъ.

[2]) Мѣсто правителя предлагали Николаю Тургеневу; онъ отказался за нездоровьемъ, множествомъ иныхъ занятій и худымъ успѣхомъ его предсѣдательства въ Москвѣ.

ставленнаго яко бы на основаніи Донесенія коммиссіи, въ которой, однако же, объ этомъ вовсе не упоминается, и привожу эти факты въ томъ видѣ, въ какомъ они изложены въ этомъ примѣчаніи. Если читатель былъ удивленъ отсутствіемъ порядка и метода въ Донесеніи слѣдственной коммиссіи и въ особенности совершеннымъ отсутствіемъ тѣхъ характерныхъ признаковъ, коими долженъ отличаться всякій юридическій актъ, то онъ будетъ еще болѣе изумленъ, увидавъ, что рѣшеніе Верховнаго уголовнаго суда представляетъ собою столь удивительную и непонятную путаницу. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли было обвинить меня въ томъ, что я учреждалъ и возстановлялъ общество, не указывая, какое именно общество? Возможно ли основывать это обвиненіе на показаніяхъ, которыя никакъ не могли бы быть приняты во вниманіе, если бы только потрудились выяснить фактъ и сравнить даты? Разумѣется, это могло еще болѣе запутать то, что и безъ того было туманно и запутано!

Хотя, очевидно, меня нельзя обвинять въ томъ, что я возстановилъ новое общество, но я все-таки хочу сдѣлать по поводу этого общества нѣкоторыя замѣчанія.

Въ Донесеніи излагается организація новаго общества. Надобно сознаться, что это изложеніе сдѣлано весьма подробно, въ особенности если принять во вниманіе, что члены говорили объ этомъ на память, ибо письменнаго устава общества, повидимому, не существуетъ.

Далѣе говорится о цѣли новаго общества, но эта цѣль указана такъ же неопредѣленно, какъ и тѣ цѣли, о коихъ было говорено выше. Тутъ упоминается впервые о насильственныхъ средствахъ, которыя общество, какъ самостоятельная единица, предполагало употреблять.

Редакторъ могъ перепутать даты, могъ умолчать о двухлѣтнемъ періодѣ времени, протекшемъ между распущеніемъ прежняго и учрежденіемъ новаго общества; быть можетъ, онъ даже хотѣлъ изобразить эти два общества какъ одно; но могъ ли онъ, будучи добросовѣстнымъ, не отмѣтить огромной и очевидной разницы, существовавшей между тайными происками, которые происходили до и послѣ 1821 года? Правда, мы увидимъ ниже, что въ Донесеніи говорится весьма опредѣленно о томъ, что это новое общество обнаружило свою дѣятельность только въ концѣ 1824 г., послѣ отъѣзда князя Трубецкаго въ Петербургъ; но этого замѣчанія, которое я могу считать счастливой случайностью по отношенію ко мнѣ, такъ какъ я уѣхалъ изъ Россіи въ началѣ этого года,— недостаточно; сдѣлавъ это замѣчаніе, редакторъ не исполнилъ всего, что предписывала ему справедливость и строгая истина. Ему слѣдовало прежде всего установить различіе между этими двумя обществами, изъ коихъ одно было распущено въ 1821 г., а другое учреждено въ исходѣ

1822 года. Онъ долженъ былъ выяснить и опредѣлить совершенно точно характеръ каждаго изъ этихъ обществъ; долженъ былъ указать, кто именно принадлежалъ къ первому обществу, кто ко второму и кто былъ членомъ того и другаго. Тогда редакція Донесенія отличалась бы ясностью и правдивостью, и можно было бы рѣшить легко и безошибочно, какое именно общество преслѣдовало одни простые принципы филантропіи и патріотизма и которое изъ нихъ было виновно въ преступномъ намѣреніи произвести возстаніе съ оружіемъ въ рукахъ. Для того, чтобы придти къ этому необходимому и обязательному заключенію, редактору стоило только воспользоваться добросовѣстно тѣми документами, какіе были у него въ рукахъ; это видно изъ того, что даже я извлекъ изъ его Донесенія, конечно, не безъ труда, всѣ данныя, необходимыя для того, чтобы установить разницу, существовавшую между этими двумя обществами, выяснить ихъ отличительный характеръ и степень виновности; если бы редакторъ потрудился сдѣлать то же самое до меня, то можно предположить, что Верховный судъ также различилъ бы, во-первыхъ, эти два общества, а во-вторыхъ, распредѣлилъ бы и членовъ согласно степени ихъ виновности и сообразно съ этимъ произнесъ бы свой приговоръ; то, что редакторъ не сдѣлалъ изъ человѣколюбія, могло быть внушено ему чувствомъ долга.

Останавливаюсь на этомъ пунктѣ, только для того, чтобы замѣтить, что я видѣлся съ Никитою Муравьевымъ послѣ возвращенія моего изъ Москвы и до отъѣзда изъ Россіи; но я и не подозрѣвалъ того, что онъ стоялъ во главѣ какого бы то ни было общества; мнѣ было извѣстно, что онъ не пользовался особою популярностью въ прежнемъ обществѣ, изъ коего многіе члены вошли, какъ видно изъ Донесенія, въ составъ новаго общества; могъ ли я думать, что Никита Муравьевъ будетъ стоять во главѣ какого бы то ни было новаго общества? и даже, что онъ могъ быть вообще членомъ какого-нибудь общества?

Въ концѣ 1823 г. было рѣшено дать Никитѣ Муравьеву въ помощники еще двухъ предсѣдателей: князя Трубецкаго и князя Оболенскаго. Что же дѣлалъ въ то время я, одинъ изъ основателей этого общества? Я отказался,—говорится въ примѣчаніи, — отъ должности директора. Принималъ ли я, послѣ этого отказа, какое-нибудь дальнѣйшее участіе въ обществѣ, какъ одинъ изъ его учредителей? Въ Донесеніи обо мнѣ болѣе ничего не говорится.

Въ этомъ сплетеніи нелѣпостей, злонамѣренныхъ и преступныхъ словъ, лжи и противорѣчій обо мнѣ упоминается впервые по поводу учрежденія новаго общества въ 1822 г. и на основаніи показанія одного только лица.

Читатель увидитъ, что далѣе будетъ говориться о моемъ присутствіи

на одномъ засѣданіи, но я докажу, что я находился въ то время въ Неаполѣ.

Теперь посмотримъ, къ чему сводятся взведенныя на меня обвиненія по отношенію къ этому новому обществу. Меня обвиняютъ въ томъ:

1) Что я былъ однимъ изъ его учредителей; это обвиненіе основывается на показаніи одного обвиняемаго (Никиты Муравьева), которое не подтвердилось никакими фактами, никакими данными, которыя говорили бы о какой-либо дѣятельности съ моей стороны; въ Донесеніи сказано только, что я воздерживался отъ принятія въ общество новыхъ членовъ.

2) Что я отказался отъ мѣста директора. Но такъ какъ это замѣчаніе, приведенное въ Донесеніи, не походитъ на обвиненіе, то я остановлюсь только на первомъ и единственномъ обвиненіи; оно единственно само по себѣ и по числу лицъ, меня обвинявшихъ, словомъ единственно во многихъ отношеніяхъ.

Годъ спустя, говорится въ Донесеніи, т. е. въ исходѣ 1824 г., князь Трубецкой отправился въ Кіевъ.

Въ это время я простился со всѣми тайными обществами, со всѣми ихъ членами и отправился въ началѣ того же года, а именно 9 апрѣля 1824 г. въ Карлсбадъ.

Я помню, что, уѣхавъ изъ Петербурга, я оставилъ тамъ князя Трубецкаго.

Если бы редакторъ придерживался болѣе строго чиселъ, то онъ избавилъ бы отъ большаго труда не только меня, но, увѣренъ, и нѣкоторыхъ изъ моихъ судей, которые могли бы въ такомъ случаѣ легко убѣдиться въ томъ, что было время, когда я не имѣлъ физической возможности участвовать въ тайныхъ обществахъ; это было время, проведенное мною за границею.

«Сношенія новаго Петербургскаго или Сѣвернаго союза съ Южнымъ, какъ показываютъ многіе допрошенные, были довольно рѣдки и почти всегда на словахъ. Думы боялись ввѣрять письма даже сочленамъ своимъ, ибо оныя могли по нечаянному случаю попасть въ руки постороннихъ. Сіи два общества не соглашались во многомъ, особенно же касательно своего внутренняго устройства; но имѣли одну цѣль: ниспроверженіе существующаго порядка, и въ обоихъ уже занимались сочиненіемъ законовъ для преобразованія Россіи. Для достиженія цѣли своей, также въ обоихъ думали употребить одни средства: силу, дѣйствіе войскъ, которыя надѣялись склонить къ возмущенію» [1]).

[1]) По всему видно, что сія мысль родилась въ нихъ не прежде 1821 года и, вѣроятно, вслѣдствіе бывшихъ не задолго передъ тѣмъ революцій въ

Тутъ говорится положительно, что цѣлью обоихъ обществъ было: ниспроверженіе существующаго порядка.

Въ Донесеніи не говорится, что эта цѣль была выражена въ уставахъ этихъ обществъ; не видно также, были ли эти уставы предъявлены при разбирательствѣ дѣла, да и вообще, существовали ли они когда-либо: слѣдовательно, редакторъ могъ почерпнуть эти свѣдѣнія только изъ показаній обвиняемыхъ. Но въ такомъ случаѣ объ этихъ показаніяхъ слѣдовало упомянуть. Надобно было доказать, что эта цѣль была присуща именно обществу или обществамъ, а не преслѣдовалась только нѣкоторыми ихъ членами. Мы уже видѣли, что цѣль прежняго общества, какъ явствуетъ изъ его устава и изъ всѣхъ прочихъ обстоятельствъ дѣла, была вполнѣ невинная, каковы бы ни были намѣренія нѣкоторыхъ его членовъ; и что они сообщали другъ другу эти намѣренія не въ засѣданіяхъ общества, а на частныхъ или случайныхъ собраніяхъ.

Изъ Донесенія видно, что первые признаки этихъ преступныхъ намѣреній могутъ быть отнесены, по отношенію къ Петербургскому обществу, къ концу 1824 г., когда общество начало обнаруживать лихорадочную дѣятельность со вступленія Рылѣева въ составъ правленія. Слѣдовательно, это возмущеніе нельзя по крайней мѣрѣ приписывать тѣмъ, кои выѣхали изъ Россіи въ началѣ этого года.

Я занимался дѣйствительно редактированіемъ законовъ, но для Государственнаго Совѣта Россійской имперіи, а не для тайнаго общества. Удивительно, что общество, занятое разработкою разныхъ проектовъ законовъ и конституцій, не сочло нужнымъ возложить это дѣло на меня, принимая во вниманіе, что меня считали достойнымъ этого труда для Государственнаго Совѣта? Совѣтовались ли, по крайней мѣрѣ, со мною тѣ лица, кои редактировали эти проекты? или хотя бы показывали ихъ мнѣ? Объ этомъ не упоминается ни слова ни въ ихъ показаніяхъ, ни въ Донесеніи. Со стороны общества было по меньшей мѣрѣ неблагодарно скрывать свои проекты отъ своего учредителя!

И то и другое изъ этихъ обществъ, читаемъ далѣе въ Донесеніи, хотѣло прибѣгнуть къ вооруженной силѣ, надѣясь привлечь къ возмущенію войско.

Тутъ также слѣдовало выяснить точнѣе показанія обвиняемыхъ, на которыхъ, за отсутствіемъ иныхъ доказательствъ, редакторъ долженъ былъ волей неволей основывать свои заключенія. Вмѣсто этого мы находимъ, въ этомъ мѣстѣ Донесенія, еще одно примѣчаніе, ничѣмъ не уступающее по своей жестокости прочимъ примѣчаніямъ.

Испаніи, Неаполѣ и Піемонтѣ. Иные,—говоритъ Пестель,—полагали, что возмущенію должно быть въ Петербургѣ; другіе, что надобно начать въ арміи, идти на Москву и тамъ принудить сенатъ провозгласить перемѣну, установить новый образъ правленія.

Въ немъ говорится, что мысль о вооруженномъ возстаніи зародилась въ умѣ заговорщиковъ не прежде 1821 года. Въ подтвержденіе этого важнаго указанія, редакторъ передаетъ сказанное по этому поводу Пестелемъ.

Замѣчу, во-первыхъ, что эта совокупность данныхъ ограничивается, какъ видимъ, единственно тѣми данными, кои сообщены Пестелемъ.

Если мнѣ возразятъ, что редакторъ счелъ излишнимъ приводить показанія другихъ лицъ, то я замѣчу, что это обстоятельство, т. е. рѣшеніе общества дѣйствовать силою и возмущеніемъ, есть самое важное обстоятельство во всемъ слѣдствіи. Съ одной стороны мы видимъ, что тайныя общества существовали въ Россіи съ 1815 или 1816 г.; а съ другой, что возмущеніе произошло въ 1825 г. Было ли рѣшено прибѣгнуть къ возмущенію съ самаго начала? Конечно, нѣтъ. Когда же это было рѣшено? Было бы крайне необходимо точно опредѣлить, когда именно было принято это рѣшеніе. Редакторъ указываетъ на 1821 годъ, но не приводитъ никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе своихъ словъ. Можно предположить, что онъ избралъ этотъ годъ, предпочтительно передъ какимъ-либо другимъ, только по случайному совпаденію возстаній, происходившихъ въ это время въ Испаніи и Италіи, о коихъ онъ упоминаетъ. Посмотримъ, правильно ли сдѣлано указаніе на 1821 годъ.

Мы видѣли изъ Донесенія, что именно происходило въ обществѣ въ 1821 году. Въ это время происходило общее собраніе въ Москвѣ; тогда же было много разговоровъ о дальнѣйшемъ существованіи общества въ Тульчинѣ. Этотъ годъ (пусть читатель обратитъ на это особенное вниманіе) былъ промежуточнымъ между старымъ и новымъ обществомъ; это былъ періодъ самаго большаго бездѣйствія членовъ всѣхъ обществъ, въ особенности проживавшихъ въ Петербургѣ.

Въ какое же именно время въ этомъ году возникла мысль о возмущеніи? произошло ли это въ Москвѣ, на общемъ собраніи? Все бывшее на этомъ собраніи описано довольно подробно, и, обсудивъ то, что происходило въ Москвѣ, я спрашиваю, есть ли хоть тѣнь вѣроятія, чтобы мысль о возмущеніи возникла именно въ Москвѣ? Говорилъ ли тамъ объ этомъ кто-либо? Мнѣ кажется, мы видѣли тамъ какъ разъ противуположное.

Быть можетъ, это случилось въ Петербургѣ, послѣ того, какъ общество было распущено? Это также весьма мало вѣроятно; мы не знаемъ ничего о томъ, что происходило въ этомъ году въ Петербургѣ, исключая возникновенія общества, въ учрежденіи котораго меня обвиняютъ, и дѣятельность котораго прекратилась такъ быстро. Наконецъ, быть можетъ, это случилось въ Тульчинѣ? Это также весьма мало вѣроятно, такъ какъ въ Донесеніи говорится, что лица, находившіяся въ это время

въ Тульчинѣ, были заняты поддержаніемъ или воскрешеніемъ распадавшагося общества. Имъ некогда было думать о возмущеніи въ то время, когда общество было въ такомъ упадкѣ.

По какому роковому стеченію обстоятельствъ редакторъ избралъ самое не подходящее, самое мало вѣроятное время и пріурочилъ къ нему фактъ самый важный во всемъ слѣдственномъ дѣлѣ? Можно ли говорить, что мысль о возмущеніи возникла въ то время, когда прежнее общество болѣе не существовало, а новое еще не было учреждено? Господь обнаруживаетъ иногда клевету весьма странными путями. Этотъ неудачный выборъ времени значительно ослабляетъ обвиненіе.

Нельзя сказать, чтобы было безразлично, когда именно возникла мысль о возмущеніи, въ 1821 г. или позднѣе и что достаточно знать, что возмущеніе было произведено и что, слѣдовательно, оно было задумано раньше. Это могло дѣйствительно быть безразлично для редактора, объ этомъ свидѣтельствуетъ лучше всего та легкость, съ какою онъ упоминаетъ объ этомъ чрезвычайно важномъ обстоятельствѣ въ примѣчаніи, но это не безразлично для меня. Прежнее общество распалось только въ 1821 г. Если мысль о возмущеніи возникла до распущенія общества, въ особенности, если бы эта мысль была приписана, какъ это дѣлается здѣсь, большинству членовъ, въ такомъ случаѣ отвѣтственность могла бы падать и на меня. Поэтому для меня весьма важно обратить вниманіе читателя, во-первыхъ, на то, какъ неправдоподобно это обвиненіе и, во-вторыхъ, на легкость, съ какою объ этомъ говорится.

Повторяю—за эту мысль отвѣтственны только тѣ, въ чьемъ умѣ она зародилась [1]).

«Между тѣмъ и въ обществѣ Петербургскомъ явилась бо̀льшая противъ прежняго и безпокойная дѣятельность, особливо со времени вступленія Рылѣева въ думу, на мѣсто князя Сергѣя Трубецкаго. Онъ и принятый имъ въ апрѣлѣ 1825 года, причисленный къ Верхнему кругу Александръ Бестужевъ... утверждаетъ,

---

[1]) Въ повѣствованіи о томъ, что происходило въ Тульчинѣ, въ Донесеніи упоминается о показаніи одного обвиняемаго, который говоритъ, что уже въ 1821 году, на одномъ собраніи, происходившемъ послѣ возстановленія Союза на югѣ, на которомъ присутствовалъ Пестель,—было объявлено о цѣли общества измѣнить во что бы то ни стало существующій государственный порядокъ, ниспровергнуть престолъ и т. п... Весьма возможно, что, говоря въ своемъ примѣчаніи о существовавшемъ съ 1821 г. проектѣ возстанія, докладчикъ имѣлъ въ виду и это показаніе. Имя Пестеля встрѣчается въ этомъ показаніи такъ же, какъ и въ примѣчаніи редактора. Если это такъ, то изъ этого же показанія видно, что это рѣшеніе было принято въ Тульчинѣ, послѣ того, какъ прежнее общество было распущено; и этого достаточно для моего личнаго оправданія.

что съ перваго засѣданія его въ кругѣ Убѣжденныхъ, онъ увѣрился въ ничтожности силъ ихъ общества, что съ тѣхъ поръ, до 27-го ноября, онъ видѣлъ въ немъ одну игрушку, даже искалъ средства удалиться, только не нарушая даннаго обѣщанія и не ссорясь съ товарищами; что для сего думалъ нынѣшнею зимою жениться въ Москвѣ и ѣхать на нѣсколько лѣтъ за границу».

Изъ этихъ строкъ Донесенія нельзя вывести инаго заключенія, кромѣ того, что Петербургское общество проявило лихорадочную дѣятельность со времени вступленія Рылѣева въ составъ правленія. Проявляло ли оно какую-нибудь дѣятельность до этого времени—не видно.

Мы видѣли выше, что Рылѣевъ замѣстилъ въ правленіи князя Трубецкаго, уѣхавшаго въ Кіевъ. Князь Трубецкой уѣхалъ въ Кіевъ въ исходѣ 1824 г. Я выѣхалъ изъ Россіи въ началѣ 1824 г. (9-го апрѣля).

Изъ этого сопоставленія чиселъ выходитъ, что Петербургское общество проявило свою дѣятельность послѣ моего отъѣзда изъ Россіи. Поэтому, не выходя изъ предѣловъ благоразумія, можно предположить, что во время пребыванія въ Петербургѣ я могъ и не замѣтить о существованіи этого общества, такъ какъ оно было въ то время бездѣятельно.

Я останавливаюсь еще на этомъ пунктѣ только для того, чтобы замѣтить, что даже люди, принимавшіе дѣятельное участіе въ возмущеніи, какъ, напримѣръ, Бестужевъ, считали общество ничтожнымъ и смотрѣли на его занятія какъ на простое препровожденіе времени, и это въ періодъ гораздо болѣе близкій къ возмущенію, нежели эпоха, когда я уѣхалъ изъ Россіи.

Далѣе говорится въ Донесеніи, что Бестужевъ и Рылѣевъ привлекли въ общество много новыхъ членовъ и между прочимъ Торсона; слѣдовательно, Торсонъ вступилъ въ общество въ 1825 году.

Члены сѣвернаго правленія познакомились съ капитаномъ Якубовичемъ въ 1825 г. Въ томъ же 1825 г., осенью, подполковникъ Батенковъ познакомился съ Рылѣевымъ и Бестужевымъ. Рылѣевъ, въ присутствіи Батенкова, слѣдовательно, въ 1825 году, обсуждалъ вопросъ о томъ, что они сдѣлаютъ, въ случаѣ ежели бы императоръ отвергнулъ условія, которыя будутъ ему предложены, и сказалъ: «не вывезти ли за границу? Что къ сему мнѣнію пристали: Трубецкой, Никита и Матвѣй Муравьевы, Оболенскій и Николай Тургеневъ, и что для сего ему (Рылѣеву) отъ думы велѣно приготовить Кронштадтскій флотъ чрезъ надежныхъ офицеровъ».

Читатель видѣлъ, что все разсказанное происходило въ 1825 году; а я уѣхалъ изъ Россіи въ 1824 году и провелъ всю зиму 1825 г. въ Неаполѣ, и слѣдовательно ясно, что я не могъ раздѣлять высказаннаго ими мнѣнія.

Однако, не только Рылѣевъ заставляетъ меня присутствовать въ

1825 г. на одномъ изъ петербургскихъ засѣданій, но другой подсудимый, Матвѣй Муравьевъ, подтвердилъ это показаніе. Правда, онъ взялъ свои слова обратно впослѣдствіи, но при какихъ обстоятельствахъ это было сдѣлано? Онъ сдѣлалъ это заявленіе въ то время, когда его допрашивали вторично по поводу этого засѣданія, разумѣется, не для того, чтобы узнать правду обо мнѣ, но по какому-то другому поводу, такъ что онъ отказался отъ своихъ словъ случайно, между прочимъ.

Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что это обвиненіе, отвергнутое слѣдственной коммиссіей, устранено также и Верховнымъ уголовнымъ судомъ; несмотря на несправедливость, съ какою я осужденъ, я признателенъ ему за то, что онъ не упомянулъ объ обвиненіи, которое огорчило бы меня болѣе всего.

Въ остальной части Донесенія мое имя больше не упоминается.

Сообщ. **А. А. Ѳоминъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма В. А. Жуковскаго къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ изъ перваго его заграничнаго путешествія въ 1821 году [1]).

1.

Дрезденъ, 1 іюня (н. стиля, 1821).

Отъ уже три дни, какъ я путешествую, но буду говорить вашему императорскому высочеству только о Берлинѣ; по сію пору (хотя я уже и видѣлъ много прекрасныхъ предметовъ, для меня совершенно новыхъ) самое живое чувство мое есть воспоминаніе о послѣднихъ минутахъ, проведенныхъ въ Берлинѣ. Ваше высочество позволили мнѣ писать къ вамъ просто, безъ принужденія, какъ перо велитъ: этимъ милостивымъ позволеніемъ дали вы неизъяснимую прелесть моему путешествію. Не довольно того, чтобы видѣть и чувствовать прекрасное, надобно еще и сказать объ немъ; а кому лучше, простѣе и непринужденнѣе скажешь о прекрасномъ, какъ не вамъ: прошу васъ мнѣ вѣрить; я не думаю

[1]) Печатаемыя нынѣ письма В. А. Жуковскаго къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ изъ перваго его заграничнаго путешествія нельзя назвать, за исключеніемъ лишь двухъ писемъ, вполнѣ неизвѣстными. Именно письма отъ 20-го мая (1-го іюня) 1821 года и отъ 1-го (13-го) ноября того же года въ печати еще не появлялись. Изъ остальныхъ трехъ писемъ значительныя извлеченія были напечатаны еще при жизни самого Жуковскаго (въ „Полярной Звѣздѣ“ 1824 года, Сочиненіяхъ въ прозѣ В. Жуковскаго, изданныхъ въ 1826 году, и въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1827 года) и затѣмъ помѣщались въ послѣдующихъ изданіяхъ его сочиненій. Въ полномъ же видѣ и эти три письма не были изданы; но и въ напечатанныхъ отрывкахъ изъ нихъ встрѣчаются, сравнительно съ подлинниками, съ одной стороны пропуски, а съ другой небольшія измѣненія и добавленія. И. Б.

хвалить васъ—на что вамъ похвала!—но то, что составляетъ мое прямое счастіе при васъ, есть эта полная свобода души; стоитъ только имѣть добрыя, чистыя чувства, и при васъ будетъ хорошо! И мнѣ почти всегда хорошо! Но я не дѣлаю изъ этого собственнаго достоинства—это достоинство ваше! Мое же достоинство состоитъ только въ томъ, что я способенъ чувствовать красоту другой души; мнѣ весело знать вашу душу во всей ея чистой, невинной прелести; это меня часто возвышаетъ и дѣлаетъ внутренно счастливымъ! Какъ я благодаренъ вашему позволенію писать къ вамъ: безъ бумаги и пера всего бы этого я никогда вамъ не сказалъ, а теперь это говорится само собою, безъ всякаго принужденія. Моимъ переводчикомъ передъ вами будетъ самъ великій князь: это новая прелесть моей переписки съ вашимъ высочествомъ; великій князь долженъ знать мое къ вамъ отношеніе такъ, какъ оно есть. Повѣрьте: не честь служить вамъ, не выгоды, какія можетъ мнѣ доставить моя служба, привязываютъ меня къ моей милой должности—нѣтъ! просто вашъ характеръ! Счастіе знать вашу чистую душу, счастіе понимать эту душу (ради Бога не вообразите, что я хвалю васъ! Это не иное что, какъ необходимость сказать вамъ то, что я думаю и чувствую про себя и чѣмъ такъ часто бываю счастливъ тихомолкомъ), надежда, что всѣ эти прекрасныя качества, данныя Богомъ, даны не напрасно, а принесутъ свой плодъ—вотъ то, что дѣлаетъ мое положеніе при васъ столь пріятнымъ! Ничего не желаю отъ васъ, кромѣ вѣры этому безкорыстному моему чувству! Знай я, что вы отдаете мнѣ полную справедливость въ этомъ отношеніи, и я совершенно доволенъ! Мысль о вашемъ счастіи всегда меня трогаетъ: я вижу тутъ что-то чистое, высокое! Примѣшать къ этому чувству какіе-нибудь посторонніе виды собственныхъ выгодъ значило бы его испортить! Къ счастію, до сихъ поръ со мною этого не случилось! Вы созданы для того, чтобы имѣть друзей въ тѣхъ, которые принадлежатъ вамъ—здѣсь слово друзей не должно казаться вамъ неприличнымъ! И не имѣя того дружескаго сношенія, какое бываетъ между ровными, можно быть другомъ судьбы вашей, можно желать вамъ добра безкорыстно, точно изъ благодарности къ вашему прямому, прелестному характеру. Простите, что все это пишу; но для меня было необходимо все это написать; опять повторяю, для меня нужно, чтобы вы и въ особенности великій князь, который будетъ это читать и (hélas!) переводить, знали въ точности, въ чемъ состоитъ мое къ вамъ отношеніе. Можетъ ли быть для васъ лишнимъ тотъ человѣкъ, который, принадлежа вамъ, принадлежитъ вамъ единственно по искреннему уваженію къ вашему характеру, и все свое лучшее полагаетъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ этой же самой привязанности и въ томъ, что вы на этотъ счетъ ему отдаете справедливость.

Изъ начала моего письма ваше высочество можете замѣтить, что я путешественникъ, что уже нѣсколько привыкъ бродить; еще не покинувъ Берлина, я сдѣлалъ уже отступленіе. Возвращаюсь къ Берлину. Проводивъ ваше высочество [1]), я нѣсколько времени шатался по потсдамскимъ улицамъ, ожидая возвращенія короля отъ парада, чтобы имѣть честь откланяться его величеству. Милостивая ласка, съ какою е(го) в(еличество) простился со мною, меня живо тронула; онъ два раза пожалъ мнѣ руку; онъ говорилъ мнѣ объ васъ; онъ говорилъ, что надѣется на Эмсъ и на Спа для вашего здоровья; а я шепнулъ про себя: gewissenhaft [2]) и прибавилъ: дай Богъ, чтобы это было такъ! А слово gewissenhaft великое слово!—Я хотѣлъ кончить этотъ печальный день у принцессы Радзивилъ [3]), но никакъ не могъ успѣть отъ хлопотъ, и хорошо сдѣлалъ, что не успѣлъ, потому что я не видалъ бы ее: этотъ день утомилъ ее, и она въ вечеру не выходила. Я просидѣлъ у M-lle Wildermeth [4]), и ваше высочество можете сами угадать, въ чемъ состояли наши разговоры.

Но почти одиннадцать часовъ; время бѣжать съ письмомъ на почту; я долженъ отложить описаніе моихъ послѣднихъ минутъ въ Берлинѣ до другой почты, чтобы теперь сказать вашему высочеству о главномъ. Въ ту самую минуту, въ которую готовъ я былъ сѣсть въ мой смиренный Stuh(l)wagen [5]), чтобы начать свое странствіе, получаю письмо отъ князя Гарденберга [6]) и при немъ крестъ Краснаго Орла. Эта милость его величества есть въ то же время и ваша милость: не умѣю сказать, какъ она меня тронула. Я осмѣлился благодарить его величество письменно: здѣсь благодарю и ваше высочество. Этотъ крестъ есть для меня драгоцѣнный памятникъ нѣсколькихъ веселыхъ дней жизни; и его пріятно получить отъ такого государя, котораго не можешь не любить и не уважать, когда узнаешь вблизи.

Простите, ваше высочество! Благослови Богъ ваше путешествіе—когда пишу это, слезы готовы навернуться на глазахъ! Ваша судьба кажется мнѣ святою принадлежностію Провидѣнія; объ васъ легко молиться: сердце само собою подымается въ высоту, и молитва объ васъ должна быть услышана: что можетъ быть чище такой молитвы!

---

[1]) Великая княгиня Александра Ѳеодоровна отправилась лѣчиться въ Эмсъ.

[2]) Т. е. добросовѣстно.

[3]) Принцессы прусской Луизы (р. 1770†1836), бывшей замужемъ за княземъ Антономъ Радзивилломъ (р. 1775†1833).

[4]) Воспитательница великой княгини Александры Ѳеодоровны.

[5]) Т. е. шарабанъ.

[6]) Князь Карлъ-Августъ Гарденбергъ (р. 1750†1822), прусскій министръ, канцлеръ и предсѣдатель Государственнаго Совѣта.

Перечитавъ мое письмо, нахожу, что въ немъ нѣтъ никакого порядка и что въ немъ одни повторенія одного и того же. Прошу ваше высочество милостиво меня простить! Не могу даже обѣщать вамъ и впередъ исправиться! Я не могу писать писемъ иначе, какъ давъ волю перу моему; и ваше высочество позволили мнѣ имѣть эту свободу. Смѣю просить у васъ милостиваго снисхожденія.

Приношу мое глубочайшее почтеніе его императорскому высочеству.

Съ чувствомъ неограниченной привязанности, благодарности и почтенія имѣю честь быть вашего императорскаго высочества всепокорнѣйшимъ слугою Жуковскій.

2.

(Дрезденъ, 4-го (16-го) іюня—Прага, 10-го (22-го) іюня—Карлсбадъ, 17-го (29-го) іюня 1821 года).

Дрезденъ, 4 (16) іюня [1]).

Послѣ удовольствія видѣть начинается для меня удовольствіе разсказывать вашему императорскому высочеству о томъ, что я видѣлъ. Я прожилъ двѣ недѣли въ Дрезденѣ и завтра поутру ѣду. Но прежде, нежели буду говорить вашему высочеству о моемъ путешествіи, скажу нѣсколько словъ о моихъ послѣднихъ минутахъ въ Берлинѣ, о которыхъ хотѣлъ говорить и ничего не сказалъ въ первомъ письмѣ моемъ. Напередъ однако прошу у вашего высочества прощенія: вы позволили мнѣ писать къ вамъ непринужденно, слѣдовательно, быть болтливымъ, и я воспользуюсь этою привилегіею, можетъ быть, насчетъ вашего терпѣнія. Но, какъ важный учитель русскаго языка, считаю обязанностію остеречь васъ: не учитесь правильному русскому слогу изъ моихъ писемъ:

---

[1]) Настоящее письмо писано Жуковскимъ въ три пріема: оно начато въ Дрезденѣ, 4-го (16-го) іюня, продолжено въ Прагѣ 10-го (22-го) іюня и кончено въ Карлсбадѣ 17-го (29-го) іюня. Въ Дрезденъ Жуковскій пріѣхалъ, какъ видно изъ его дневника, вечеромъ 19-го (31-го) мая. Извлеченія изъ этого письма были первоначально напечатаны: 1) въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1827 года, ч. XIV, отдѣленіе второе, стр. 114—122, подъ заглавіемъ „Отрывокъ изъ письма о Саксоніи“ (см. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, Спб. 1885, т. V, стр. 421—425), при чемъ окончаніе въ этомъ „Отрывкѣ“ со словъ: „Я не буду описывать всего, что со мною было въ Дрезденѣ“ („Московскій Телеграфъ“, ч. XIV, отд. второе, стр. 122—124; Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. V, стр. 425—427) прибавлено изъ письма Жуковскаго къ его племянницамъ М. А. Мойеръ и А. А. Воейковой (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 8 е, т. V, стр. 544), и 2) въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1824 годъ, стр. 97—119, подъ заглавіемъ „Путешествіе по Саксонской Швейцаріи“ (см. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е. т. V, стр. 427—438).

я ихъ не сочиняю, а пишу, какъ судьбѣ угодно, безъ всякой строгой правильности; мое перо иногда набредетъ на такую фразу, которую самъ же я послѣ, какъ критикъ, буду имѣть честь представить вамъ въ примѣръ ошибки, и съ этой стороны письма мои могутъ имѣть особенную пользу для нашихъ уроковъ.—Я покинулъ Берлинъ съ благодарнымъ чувствомъ за многія счастливыя минуты, въ немъ проведенныя, послѣднихъ же никогда не забуду. 28 мая [1]), въ 10 часовъ поутру, пришелъ я прощаться къ кронпринцу [2]), по его назначенію. Я нашелъ въ его большомъ кабинетѣ постороннаго, и это сначала испортило было для меня то чувство, съ какимъ я вошелъ туда: подумалъ, что все кончится для меня тѣмъ, что я откланяюсь холодно наслѣдному принцу Пруссіи. Но онъ вышелъ къ намъ и, поговоривъ нѣсколько минутъ съ постороннимъ, позвалъ меня къ себѣ въ свой маленькій кабинетъ; тамъ провелъ я съ нимъ с ч а с т л и в ы е полчаса, и онъ простился со мною такъ, что я уже никогда не разстанусь съ нимъ въ благодарномъ воспоминаніи. Принцессы Вильгельмъ [3]), Александрина [4]) и Луиза [5]) были чрезвычайно ко мнѣ милостивы: и это меня особенно тронуло; ихъ милость была для меня безцѣннымъ признакомъ вашей. Въ этотъ день обѣдалъ я у принцессы Радзивилъ [6]): это были для меня грустно-счастливыя минуты! Замѣтно было, что она безпрестанно думала объ васъ, и часто на глазахъ ея навертывались слезы. За столомъ сидѣлъ я между матерью и дочерью; разговоры были только объ васъ и о томъ, что къ вамъ близко; я разсказывалъ о прекрасныхъ московскихъ дняхъ, а они о вашемъ прошедшемъ. Какъ было ощутительно, что для нихъ всѣхъ чего-то общаго милаго не доставало; не будучи мрачны, они были наполнены однимъ печальнымъ чувствомъ, которое во всемъ само собою выражалось. Въ самомъ концѣ обѣда имѣлъ я нечаянное удовольствіе еще разъ увидѣть кронпринца: онъ пріѣхалъ прощаться съ принцессою Радзивилъ. Но конецъ этого пріятно-грустнаго дня долженъ былъ для меня испортиться: давали О л и м-

---

[1]) Новаго стиля.

[2]) Кронпринцу Фридриху-Вильгельму, впослѣдствіи прусскому королю Фридриху-Вильгельму IV.

[3]) Супруга прусскаго принца Вильгельма (брата короля Фридриха-Вильгельма III), принцесса Маріанна, рожд. принцесса Гессенъ-Гомбургская.

[4]) Дочь короля Фридриха-Вильгельма III, принцесса Александрина, бывшая потомъ замужемъ за великимъ герцогомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ Павломъ-Фридрихомъ.

[5]) Младшая дочь короля Фридриха-Вильгельма III, впослѣдствіи бывшая замужемъ за принцемъ Фридрихомъ Нидерландскимъ.

[6]) См. выше, стр. 222, прим. 3-е.

пію [1]); я сначала не намѣренъ былъ ѣхать въ театръ потому, что долженъ былъ въ девять часовъ итти къ M-lle Wildermeth, гдѣ обѣщала меня дождаться M-e Kleist, чтобы со мною проститься; но кронпринцъ сказалъ мнѣ, что еще увидится со мною въ театрѣ, и я отправился туда, съ тѣмъ чтобы уѣхать послѣ втораго акта: второй актъ кончился, я искалъ его, но его не было, и я долженъ былъ лишиться минуты удовольствія, о которой и теперь еще жалѣю; на другой день узнаю отъ графини Трухзесъ [2]), что по окончаніи піесы онъ самъ искалъ меня, и не могу сказать вамъ, какъ это мнѣ было больно... Простите, что все это пишу: я вполнѣ пользуюсь своею привилегіею.

Путешествіе отъ Берлина до Дрездена. Чтобы не утомилось вниманіе вашего высочества, хочу раздѣлять свои письма на статьи. Вотъ первая. Отъ Берлина до Виттенберга ѣхалъ я по слѣдамъ вашего высочества. Въ Виттенбергѣ осматривалъ я, какъ и вы, обѣ старинныя церкви, заглянулъ въ келью Лютера, видѣлъ имя нашего Петра, написанное имъ на двери мѣломъ [3]), и, слѣдуя дурному примѣру всѣхъ посѣтителей (и вашему), отрѣзалъ себѣ кусокъ отъ Лютерова стола, котораго скоро не узнаетъ духъ Лютеровъ (если онъ только посѣщаетъ прежнее, земное жилище свое): такъ онъ изрѣзанъ благоговѣйными ножами путешественниковъ; жаль, что въ этой кельѣ стоятъ старинные портреты, которыхъ не было въ ней во время Лютера—это мѣшаетъ воображенію. Изъ Виттенберга поѣхалъ я черезъ Пречъ въ Торгау, гдѣ есть старинный, весьма живописный замокъ: его поправляютъ; я лазилъ на высокую его башню и любовался окрестностями. На другой день поутру (31 мая) пріѣхалъ я въ Мейссенъ, но фар-

---

[1]) Опера Спонтини.

[2]) Оберъ-гофмейстерина королевскаго прусскаго двора.

[3]) Петръ Великій посѣтилъ Виттенбергъ 3-го октября 1712 года. Объ этомъ посѣщеніи въ Походномъ журналѣ государя за 1712 годъ записано слѣдующее: „Октября 3-го дня изволилъ обѣдать въ Витенберхѣ, которой отъ Бѣльца 3 мили, гдѣ лежитъ Мартынъ Лютеръ. И послѣ обѣда были въ его кирхѣ, гдѣ онъ схороненъ, и потомъ смотрѣли его библіотеки; тутъ же видѣли его рюмку или стаканъ, которымъ онъ пилъ, и послѣ казали еще его полату, гдѣ онъ жилъ, и за печью въ той полатѣ указывали капли чернилъ и сказывали, что когда онъ, сидя въ той полатѣ, писалъ и въ то время пришелъ къ нему дьяволъ, тогда будто онъ въ дьявола чернилницу бросилъ и тѣ чернила будто тутъ на стѣнѣ доднесь остались. И тогда просили тутошные пасторы, дабы государь изволилъ подписать въ той полатѣ свое имя по обычаю, какъ всѣ подписываютъ; и по тому прошенію имя свое подписать изволилъ мѣломъ на дверяхъ, а гдѣ капли чернилъ, и тутъ на доскѣ изволилъ подписать, такожъ мѣломъ, сіе: „Чернила новыя и совершенно сіе неправда“. И потомъ изволилъ ходить по огороду и смотрѣлъ фортеціи; и тогда пили про здоровье и палили изъ пушекъ“ (см. Походный журналъ 1712 года, Спб. 1854, стр. 38—39).

форовой фабрики видѣть не могъ—былъ праздникъ Вознесенье,—за то осмотрѣлъ соборную церковь, которая весьма достойна примѣчанія по своей величественной готической архитектурѣ. Въ ней есть двѣ картины, одна Лукаса Кранаха: Распятіе, другая, какъ увѣряютъ, Альбрехта Дюрера: Поклоненіе маговъ Христу. Послѣдняя, кто бы ни былъ живописецъ, понравилась мнѣ гораздо болѣе первой: необыкновенная выразительность въ лицахъ; она створчатая; на дверцахъ, которыя служатъ и крышкою для картины, изображены четыре апостола. Видъ съ мейссенской башни чрезвычайно обширный. Дорога же отъ Мейссена до Дрездена есть не иное что, какъ веселый садъ на полугорѣ: съ правой стороны Эльба, а съ лѣвой то высокой утесистой берегъ, то отлогой зеленый скатъ или холмъ, то виноградники, и безпрестанно встрѣчаются веселые сельскіе домы. Дорога прекрасная, лучшей не можетъ быть и въ саду; по сторонамъ почти вездѣ широкіе тротуары изъ песчанаго камня; ихъ не трудно и дѣлать и содержать: матеріалъ (то-есть утесы) у самой дороги. Вообще характеръ этой природы и ея жителей есть какая-то спокойная веселость: у каждой опрятной хижины есть небольшой садъ, обнесенный низкою каменною стѣною; полезное служитъ и украшеніемъ: почти всѣ домы одѣты виноградомъ, и на окнахъ между зеленью виноградныхъ листьевъ мелькаютъ цвѣты. Особенно плѣнило меня положеніе такъ называемаго Wakkerbarts Ruhe [1]): видишь на холмѣ зданіе, похожее на часовню — въ немъ похороненъ Wakkerbart [2]), основавшій въ этомъ мѣстѣ училище. У подошвы холма, служащаго могилою основателю, стоитъ довольно обширный домъ, извѣстный нынче подъ именемъ Langes Institut: въ немъ живутъ и учатся дѣти. Простая архитектура дома, чистый вымощенный камнемъ дворъ, два высокихъ тополя у воротъ, къ которымъ отъ дороги идетъ густая аллея, рощи изъ яворовъ и каштановъ по обѣимъ сторонамъ дома съ дорожками и сидѣлками, окружающая ясная, плодотворная природа — все вмѣстѣ составляетъ картину прекрасную, и воображенію невольно представляются первыя счастливыя времена молодости. Если бы я не спѣшилъ въ Дрезденъ, то навѣстилъ бы этихъ

[1]) Т. е. Wackerbarthsruhe, небольшой замокъ близъ мѣстечка Köztschenbroda, въ 9 километрахъ отъ Дрездена.

[2]) Одинъ изъ графовъ Ваккербартовъ (Wackerbarth), графъ Августъ-Христоферъ (р. 1662†1734 въ Wackerbarthsruhe), былъ саксонскимъ генераломъ и губернаторомъ Дрездена.—Въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1827 года, гдѣ первоначально былъ напечатанъ отрывокъ изъ настоящаго письма (ч. XIV, отд. II, стр. 114—122) названіе этого мѣстечка и имя его владѣльца были напечатаны въ искаженномъ видѣ: Wakkerfait Ruhe и Wakkerfait (стр. 116). Эти ошибочныя чтенія повторяются и во всѣхъ послѣдующихъ перепечаткахъ „Отрывка изъ письма о Саксоніи“, включая и вышедшее въ текущемъ 1901-мъ году десятое изданіе Сочиненій В. А. Жуковскаго въ стихахъ и прозѣ.

дѣтей, которыя безпечно начинаютъ свою жизнь, въ веселомъ пріютѣ, между гробомъ ихъ благотворителя (но этотъ гробъ названъ: die Ruhe) и большою дорогою, по которой столько путешественниковъ, имъ незнакомыхъ, мимо ихъ проходитъ и исчезаетъ. Вечеръ былъ прекрасный, и мнѣ хотѣлось застать послѣдній блескъ солнца на дрезденскомъ мосту. За четверть мили отъ города я вылѣзъ изъ своего смиреннаго Stuhlwagen, велѣлъ ему ѣхать въ трактиръ Золотаго ангела, а самъ съ планомъ въ рукахъ пошелъ пѣшкомъ. Время было удивительно ясное, я шелъ и радовался, глядя на близкій Дрезденъ. Видъ его отъ деревни Neudorf, черезъ которую я проходилъ, очаровательный: думаю, что это самый лучшій при заходящемъ солнцѣ. Оно садилось позади меня такъ, что весь яркой свѣтъ лучей падалъ на городъ, который свѣтился между зеленью каштановъ, кленовъ и тополей; вблизи на берегу Эльбы между темными деревьями мелькала мельница; за нею свѣтлозеленый широкій лугъ; далѣе виденъ былъ прекрасный дрезденскій мостъ, надъ нимъ густыя липы Брюлева сада, и величаво изъ-за вершинъ древесныхъ подымался куполъ церкви Богоматери (die Frauenkirche) и блистала великолѣпная католицкая церковь со своею высокою башнею. Я остановился на мосту и долго любовался и прелестію береговъ Эльбы, которые съ обѣихъ сторонъ являлись обширнымъ амфитеатромъ, и городомъ, и множествомъ народа, который толпился на мосту. Я не хотѣлъ уйти въ свой темный трактиръ, не проводивъ на покой своего милаго солнца (съ которымъ такъ коротко познакомился въ Потсдамѣ), долго бродилъ по терассѣ Брюлевой; пестрая толпа мелькала въ лучахъ подъ зеленью липъ, и все было чрезвычайно живо; небо ясно угасало, и на немъ прекрасно выдѣлялся высокій крестъ, стоящій на мосту: это давало картинѣ вечерней что-то величественное. Жаль только, что Эльба своею мутностію ее нѣсколько портила: я еще ни разу не видалъ ее чистою; вода ея во все это время была желтокрасная: это отъ дождей; падая въ горахъ Богемскихъ, они мутятъ бѣгущіе въ нее ручьи, изъ которыхъ многіе заносятъ въ нее киноварь и красятъ ее красною краскою; она текла спокойно, а цвѣтъ ея говорилъ о бурѣ.

Прага, 10 (22) іюня.

Дрезденъ. Плаунъ. Тарантъ. Буду описывать вашему высочеству мое путешествіе по порядку. Въ Дрезденѣ нашелъ я многихъ изъ нашихъ русскихъ, между прочими и князя Гагарина [1]), котораго ваше

[1]) Князя Григорія Ивановича Гагарина (р. 1782 † 1837), товарища Жуковскаго по Университетскому благородному пансіону. Князь Гагаринъ посвятилъ

высочество видѣли въ Берлинѣ: но онъ на другой же день уѣхалъ въ Карлсбадъ. Болѣе всѣхъ обрадовался я Олсуфьеву [1]): онъ здѣсь съ матерью и сестрою. Чтобы не пропустить благопріятной минуты (погода, которая до сихъ поръ была весьма непостоянна, показалася мнѣ установившеюся), условились мы вмѣстѣ съ Олсуфьевымъ итти на другой день (2 іюня) въ Плаунъ, а оттуда въ Тарантъ. Рано поутру мы отправились пѣшкомъ черезъ Рекницъ, гдѣ остановились, чтобы взглянуть на памятникъ Морò [2]); онъ очень простъ: гранитный пьедесталъ, на которомъ лежитъ бронзовый шлемъ. Видъ отъ него, въ ясную погоду, когда отдаленіе не покрыто парами, долженъ быть великолѣпный; мы не могли имъ любоваться; Дрезденъ не хотѣлъ намъ себя показать; онъ окутался въ густой дымъ собственныхъ своихъ печей и едва былъ виденъ, и всѣ окрестности были туманны. Наше удовольствіе было половинное; зато въ Плаунѣ было оно полное. Мой путеводитель Олсуфьевъ (который N. B. сдѣлался великимъ ботаникомъ и умѣетъ назвать по-латыни каждую дрезденскую травку) нарочно повелъ меня полями, чтобы вдругъ изумить нечаяннымъ взглядомъ на Плаунъ. Въ самомъ дѣлѣ неожиданно очутились мы на краю гранитнаго утеса саженъ въ 70, съ котораго вдругъ представилась намъ вся Плаунская долина, освѣщенная солнцемъ; надобно было тихонько подползти къ краю и лечь, чтобы взглянуть съ крутизны внизъ безъ круженія головы: это глубокая зеленая долина, вiющаяся между высокими утесами, которые однако не имѣютъ ничего чрезвычайно дикаго: они покрыты веселыми деревьями, буками, кленами, пирамидальными дубами и кое-гдѣ темными елями; быстрая рѣчка Вессерица, въ это время довольно мелкая, шумитъ и пѣнится по камнямъ и приводитъ въ движеніе колеса многихъ мельницъ, которыя оживляютъ всю долину. Узенькою тропинкою спустились мы въ ея глубину; у прекраснаго каменнаго моста Вессерицы

себя дипломатической дѣятельности; онъ служилъ при посольствахъ въ Константинополѣ, Парижѣ, Римѣ; потомъ былъ нашимъ министромъ въ Туринѣ и Мюнхенѣ.

[1]) Василій Дмитріевичъ Олсуфьевъ (р. 1796 † 1858), впослѣдствіи бывшій гофмаршаломъ двора цесаревича Александра Николаевича и потомъ оберъ-гофмейстеромъ, въ 1856 году возведенный въ графское достоинство. Отецъ В. Д. Олсуфьева, Д. А. Олсуфьевъ былъ женатъ на Дарьѣ Александровнѣ Делицыной, отъ брака съ которою имѣлъ двухъ сыновей и двухъ дочерей: Марью Дмитріевну, бывшую замужемъ за П. И. Мухановымъ, и Софью Дмитріевну, бывшую замужемъ за И. М. Спиридовымъ.

[2]) Памятникъ извѣстному французскому генералу Морò (Moreau), въ 1813 году вызванному императоромъ Александромъ I изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, гдѣ онъ проживалъ съ 1805 года. Онъ участвовалъ въ совѣтахъ о направленіи военныхъ дѣйствій союзниковъ противъ Наполеона. Тяжело раненый въ сраженіи подъ Дрезденомъ, онъ умеръ 20-го августа 1813 года.

ожидала насъ коляска, и мы поѣхали въ Тарантъ; дорога идетъ берегомъ Вессерицы, мимо деревень, сельскихъ домовъ и мельницъ, и все долиною, которая безпрестанно мѣняетъ видъ свой, такъ что одна и та же картина представляется въ тысячѣ живописныхъ оттѣнковъ. Въ часъ доѣхали мы до Таранта (маленькой, веселый городокъ, извѣстный минеральными водами), заказали въ трактирѣ обѣдъ и пошли бродить. День былъ жаркой, обѣщалъ грозу, но не сдержалъ обѣщанія. Самый обширный видъ на Тарантъ и его окрестности—отъ Храма солнца: это бесѣдка изъ коры, покрытая соломою, весьма недостойная своего имени; но самый живописный видъ изъ оконъ развалившаго(ся) замка: подъ самыми стѣнами развалинъ прудъ, влѣво церковь, за прудомъ весь городокъ съ окружающими его кудрявыми утесами, и все чрезвычайно оживлено. Природа не хотѣла быть здѣсь ужасною и самые дикіе утесы свои скрыла она здѣсь подъ свѣтлою зеленью разнообразныхъ деревъ, и впечатлѣніе, которое она здѣсь производитъ, есть какое-то спокойное, веселое довольство: радуешься настоящею минутою, не мысля о далекомъ! Ясная, живая существенность, не смѣшанная ни съ чѣмъ идеальнымъ! Заслуживъ свой аппетитъ, мы весьма вкусно отобѣдали въ трактирѣ, и между тѣмъ, какъ мы ѣли форелей и густо испеченныя яицы (вмѣсто выпускной яишницы, которой не умѣли описать по-нѣмецки трактирщику), нѣсколько менестрелей играли на арфѣ и пѣли Freut euch des Lebens, Am Rhein, am Rhein и польской Огинскаго; виртуозы были не перваго класса, но я слушалъ съ удовольствіемъ: всѣ эти мелодіи были знакомцы стараго времени. Мы возвратились довольно рано въ Дрезденъ, и, не желая потерять послѣднихъ прекрасныхъ минутъ яснаго дня, отправились пѣшкомъ въ Linkische Bad: здѣсь по воскресеньямъ, середамъ и пятницамъ проводятъ свой вечеръ жители Дрездена; за входъ надобно заплатить нѣсколько грошей, въ пользу музыкантовъ, забавляющихъ публику. Множество столовъ разставлено подъ липами для тѣхъ, которые хотятъ пить кофе, пиво, курить табакъ или просто сидѣть въ своемъ кругу и смотрѣть на проходящихъ. Въ сказанные три дни можно здѣсь увидѣть весь Дрезденъ, но я не видалъ всего Дрездена, хотя и была пятница: полное собраніе было наканунѣ, въ четвергъ (въ день Вознесенія), и жители Дрездена, весьма точные люди, заплативъ четвергу тѣ гроши, которые принадлежали пятницѣ, не захотѣли отступить отъ правила, и оркестръ игралъ въ пустынѣ.

Карлсбадъ, 17 (29) іюня.

Теперь опишу вашему высочеству свое путешествіе по Саксонской Швейцаріи. Я сдѣлалъ его вмѣстѣ съ моимъ вѣрнымъ товарищемъ Олсуфьевымъ, и мы употребили на него цѣлые три дни.

5 іюня рано поутру отправились мы въ коляскѣ въ дорогу; все это путешествіе можно бы сдѣлать пѣшкомъ, но есть мѣста, которыя мало достойны примѣчанія, и мы рѣшились обойти пѣшкомъ только то, что любопытнѣе, и надобно признаться, что ногамъ нашимъ было довольно работы.

Пильницъ. Ломенъ. Ottowalde-Grund. Время было нѣсколько туманно, когда мы оставили Дрезденъ; но въ Пильницѣ встрѣтили мы ясную погоду, и во весь этотъ день солнце (не смотря на нѣсколько дождевыхъ эпизодовъ) было къ намъ довольно благосклонно. О Пильницѣ не могу сказать вашему высочеству ничего: окрестности его пріятны, но самъ дворецъ и садъ мало достойны примѣчанія. Напившись кофе въ трактирѣ, мы поѣхали далѣе, въ городокъ Ломенъ, гдѣ оставили свою коляску, и отсюда началось наше пѣшеходство; коляску же отправили мы дожидаться насъ въ деревнѣ Ратевальде. Въ Ломенѣ есть старинный замокъ: съ высокой его терассы взглянули мы на рѣчку Везеницу, которая течетъ живописными берегами—видъ прекрасный! Передъ глазами часть городка и мельница, которой колеса приводятся въ движеніе быстрымъ водопадомъ. Изъ Ломена пошли мы полемъ и скоро по крутой тропинкѣ спустились въ Ottowalde-Grund—я не знаю, какъ выразить по-русски слово Grund: это не долина, а узкій, глубокой и длинный порѣзъ между утесами, дорога, которую въ старыя времена проложила себѣ вода, проточившая камни. Незапная противуположность той глубины, въ которой мы очутились, съ тою веселою равниною, которую мы покинули, была весьма разительна: вдругъ все дико, мрачно и сурово; идешь узкою тропинкою, между огромныхъ камней, покрытыхъ старымъ мохомъ и въ ужасномъ безпорядкѣ набросанныхъ на днѣ долины; по обѣимъ сторонамъ стѣны утесовъ, покрытыя елями и соснами; надъ головою узкая полоса голубаго неба; кое-гдѣ на вершинахъ свѣтъ солнца; внизу же свѣжесть и сумракъ, и нельзя описать того разнообразія, въ какомъ представляются здѣсь утесы: то вдругъ огромная отдѣлившаяся колонна, на которой вмѣсто капители мохъ и сосны; то вдругъ цѣлая стѣна, треснувши, наклонилась и грозится тебя задавить; то вдругъ странныя фигуры камней поражаютъ глаза и воображеніе; и эти странныя фигуры подали поводъ ко многимъ народнымъ баснямъ. Нашъ болтливый проводникъ (котораго на все путешествіе взяли мы въ Ломенѣ) разсказывалъ намъ біографію нѣкоторыхъ утесовъ: такъ напримѣръ въ Ottowalde-Grund есть глубокая, низкая пещера, которая называется Teufelsküche: въ ней жаритъ свою дичь и, вѣроятно, угощаетъ ею дьявола такъ называемый дикій охотникъ (der wilde Jäger), здѣсь извѣстный подъ именемъ безголоваго Дидриха; онъ часто по ночамъ съ ужаснымъ крикомъ, вихремъ и градомъ бѣгаетъ по утесамъ и забавляется охотою; есть мѣсто, которое

называется Steinerne Haus: на днѣ долины лежитъ обрушившійся камень, имѣющій фигуру дома. Долина, почти вездѣ весьма узкая, вдругъ такъ стѣсняется, что едва можно пройти двумъ человѣкамъ, и нѣсколько камней, сорвавшись съ высоты, увязли въ ущеліи и образовали кровлю: это мѣсто называется Ottowalde Thor. Сквозь эти ворота входишь въ Raingrund, потомъ въ die Hölle, потомъ узкою дорожкою начинаешь подыматься вверхъ: вокругъ тебя все дико по прежнему, кажется, что находишься въ такомъ мѣстѣ, гдѣ никогда не была нога человѣческая, все въ разрушеніи, дико и сурово; но, взобравшись на высоту, видишь себя вдругъ на лугу, кругомъ кустарникъ и веселая, густая роща; тропинка вьется черезъ рощу, и тутъ кое-гдѣ сквозь деревья начинаютъ проскакивать виды на голубую даль съ свѣтлымъ небомъ, и начинаешь подозрѣвать, что величественное зрѣлище близко... Чтобы вполнѣ насладиться неожиданностію, я не далъ воли своему нетерпѣнію; какъ ни манили меня выглядывавшіе изъ-за деревьевъ утесы, я шелъ, уставивъ глаза на свою тропинку и на вялые листья, которыми она была покрыта: наконецъ, вдругъ исчезли деревья, и мы очутились на Bastey.

Die Bastey. Какъ жаль, что надобно употреблять слова, буквы, перо и чернила, чтобы описывать прекрасное. Природа, чтобы плѣнять и удивлять своими картинами, употребляетъ утесы, зелень деревьевъ и луговъ, шумъ водопадовъ и ключей, сіянье неба, бурю и тишину, а бѣдный человѣкъ, чтобъ выразить впечатлѣніе, производимое ею, долженъ замѣнить ея разнообразные предметы однообразными чернильными каракульями, между которыми гораздо труднѣе добраться до смысла, нежели между утесами и пропастями до прекраснаго вида. Что мнѣ сказать вашему высочеству о несравненномъ видѣ съ Bastey! Какъ изобразить чувство нечаянности, великолѣпіе, неизмѣримость дали, множество горъ, которыя вдругъ открылись глазамъ, какъ голубыя окаменѣвшія волны моря, свѣтъ солнца и небо съ безчисленными облаками, которыя наводили огромныя, подвижныя тѣни на горы, поля, воды, деревни и замки, пестрѣвшіе передъ глазами съ удивительною прелестію! Каждый изъ этихъ предметовъ можно назвать особеннымъ словомъ, но то впечатлѣніе, которое всѣ они вмѣстѣ на душѣ производятъ, для него нѣтъ выраженія; тутъ молчитъ языкъ человѣка, и ясно чувствуешь, что прелесть природы въ ея невыразимости! Надобно однако посвятить нѣсколько чернильныхъ каракулекъ описанію Bastey. Это утесъ во сто саженъ перпендикулярной вышины, выдавшійся изъ ряду другихъ утесовъ надъ самою Эльбою, которая у подошвы его извилась дугою; вправо и влѣво такіе же крутые, но не столь высокіе утесы; передъ глазами всѣ горы Саксонской Швейцаріи, или, лучше сказать, огромные камни, со всѣхъ сторонъ обтесанные и неприступные: высокій Lilienstein съ

кудрявою вершиною, Königstein съ своими башнями, Pfaffenstein, Papststein и множество другихъ, влѣвѣ der grosse Winterberg, на горизонтѣ die Erzgebirge, вправѣ Пирна; въ дали Дрезденъ; деревни по берегамъ Эльбы кажутся карточными домиками, а лодки, плывущія на парусахъ по рѣкѣ, свѣтлыми тихо-ползущими мошками. На утесахъ, торчащихъ влѣво отъ Bastey, стоялъ въ старину, какъ увѣряетъ преданіе, разбойничій замокъ, еще видны скважины, означающія мѣсто бывшаго моста; нѣкоторыя щели утесовъ и теперь закладены камнями, и на нѣкоторыхъ скалахъ, по которымъ нынче трудно и ползти, остались еще колеины отъ колесъ: этотъ замокъ конечно былъ неприступенъ; но онъ разрушенъ пушками съ противуположныхъ утесовъ, которые и понынѣ называются шанцами и на которые мы взбирались: съ нихъ представляется глазамъ совсѣмъ другая картина: точно стоишь на крутой скалѣ, торчащей изъ моря, только вмѣсто волнъ окружаютъ тебя вершины елей и сосенъ, и между ими, какъ острова, бѣлѣютъ и чернѣютъ другіе утесы, страшно разорванные и разбросанные. Случай оживилъ для насъ эту картину, плѣнительную мертвымъ своимъ ужасомъ, и воображенію довольно живо представилось старое время, когда на этихъ крутизнахъ гнѣздились разбойники, тираны окрестностей (какъ говоритъ Делиль) [1]): въ то самое время, какъ мы отъ Bastey спустились по крутизнѣ на дно пропасти, на высотѣ затрубили въ рогъ, эхо проснулось, раздалось по скаламъ, и все опять замолчало; опять тотъ же звукъ, тотъ же отзывъ и то же молчаніе; вслѣдъ за рогомъ заиграла арфа и запѣлъ голосъ; какъ ни глубока была пропасть, но звуки струнъ доходили до слуха; кто игралъ, было не видно, но окружающая дичь казалась оживленною: мы долго стояли, слушали, наконецъ пошли, скоро звуки замолкли, и все опять одичало. Надобно знать, что около Bastey есть нѣсколько досчатыхъ хижинъ: тамъ можно всегда найти обѣдъ, и тамъ всегда встрѣтишь арфистовъ: ихъ то пѣсня намъ слышалась.

Дорога отъ Bastey въ Шандау. Съ высоты Bastey спустились мы въ Rat(h)ewalde-Grund и ущеліями, подобными первымъ, пошли къ деревнѣ Ратевальде, гдѣ насъ дожидалась наша коляска; тропинка вилась между такими же камнями, какъ и первые, но окружающіе виды были еще живописнѣе, а утесы огромнѣе и величественнѣе: одна громада этихъ утесовъ называется, не знаю почему, die grosse Gans, другая die kleine Gans; одинъ утесъ der Lamm въ самомъ дѣлѣ похожъ на ягненка, лежащаго на крутой скалѣ; о другомъ утесѣ, называемомъ die Mönchsteine разсказываетъ преданіе, что онъ есть памятникъ Божія гнѣва, наказавшаго преступную любовь: онъ есть не иное что,

[1]) Знаменитый французскій поэтъ Жакъ Делилль (р. 1738†1813).

какъ монахъ и монахиня, окаменѣвшіе въ минуту встрѣчи на мѣстѣ назначеннаго свиданія (то же самое разсказываютъ объ одномъ утесѣ близъ Эйзенаха). На одной высокой скалѣ видишь группу мелкихъ камней: ихъ называютъ Affensteine, ибо они должны изображать обезьянъ въ разныхъ положеніяхъ. Долиною Grünbachthal, по берегу ручья, отъ котораго она получила имя, начали мы снова взбираться на высоту: его воды въ своемъ теченіи образуютъ два водопада, которые въ началѣ весны или послѣ проливныхъ дождей должны быть весьма живописны: но мы видѣли одинъ мелкій, быстрый ручей, который пріятно шумѣлъ и пробирался между камней. Первое его паденіе называется Amselloch потому, что камень, съ котораго онъ падаетъ, образуетъ пещеру, довольно глубокую: видишь серебреную струю, перерѣзывающую надвое темный входъ пещеры; а вошедши подъ навѣсъ, видишь ту же струю, которая кажется прозрачнымъ кристальнымъ столбомъ; сквозь брызги видна вся бѣгущая внизъ долина, и въ самомъ концѣ задвигаютъ ее дымящеюся отъ паровъ громадою огромныя скалы Affensteine. Довольно уставъ отъ своего путешествія, пришли мы наконецъ въ деревню Ратевальде, сѣли въ коляску и поѣхали въ Шандау черезъ Ziegenrück(en), съ котораго имѣли прелестный видъ на окрестность при заходящемъ солнцѣ. Шандау извѣстенъ своими минеральными водами и ваннами; мы остановились за городомъ, въ трактирѣ, гдѣ находятся и ванны. Его положеніе живописно; но намъ уже было не до живописныхъ положеній: усталость и ея родной братъ голодъ тормошили насъ; отъ голода избавились мы вкуснымъ ужиномъ, а усталость прогналъ услужливый сонъ, и могу увѣрить ваше высочество, что и я, и мой товарищъ покоились сномъ праведниковъ, ибо наши обѣ совѣсти (по крайней мѣрѣ на ту минуту) были весьма непорочны.

Kuhstall. Мы не дали себѣ воли нѣжиться, встали рано и, позавтракавъ, пустились въ путь. Нѣсколько времени — пока было можно и чтобы не тратить напрасно силъ — ѣхали мы берегомъ источника Кирнича въ коляскѣ; наконецъ дорога наша оборотилась въ тропинку; мы пошли пѣшкомъ и начали взбираться по крутизнѣ къ Kuhstall. Достигнувъ съ трудомъ до высоты, пришли мы дорожкою, обсаженною стриженными елями, ко входу пещеры или, лучше сказать, къ огромнымъ воротамъ, сдѣланнымъ самою природою посреди утесовъ: эти ворота называются Kuhstall потому, что въ 30-лѣтнюю войну жители окружныхъ мѣстъ прятали подъ ихъ сводомъ отъ хищничества шведовъ свою скотину, и они такъ огромны, что подъ ними могло скрываться довольно большое стадо. Въ наши времена этотъ пріютъ несчастія сдѣлался однимъ предметомъ беззаботнаго любопытства, и память минувшихъ ужасовъ только оживляетъ то удовольствіе, которое производитъ чудесный видъ пещеры и пропастей, ее окружающихъ.

И сводъ ея и стѣны кажутся мозаикою, такъ испестрены они именами путешественниковъ, которые вездѣ хотятъ оставить вѣчный слѣдъ своего минутнаго пребыванія. И намъ захотѣлось отвѣдать вѣчности: Олсуфьевъ взгромоздился на лѣстницу и, пока я занимался временнымъ, то есть кушалъ жареный картофель, начертилъ для будущихъ временъ свое и мое имя на такомъ мѣстѣ, далѣе котораго ничья смѣлая рука не достанетъ. Въ пещерѣ есть все для этого нужное, кисти и чернила. Въ стѣнахъ ея въ одномъ мѣстѣ выдолблена кухня, въ другомъ погребъ; во все лѣто живутъ здѣсь люди, которые угощаютъ путешественниковъ обѣдомъ и кофе; нашлись также и арфисты. На утесахъ, образующихъ Kuhstall, много предметовъ, достойныхъ любопытства; нѣкоторые напоминаютъ ужасную 30-лѣтнюю войну: напримѣръ одна маленькая пещера называется Wochenbett: въ ней, по преданію, скрывалась отъ шведовъ беременная женщина, родила своего младенца и провела первые дни родовъ въ безопасности; одинъ нависшій надъ пропастію камень, съ котораго страшно посмотрѣть въ глубину, называется die Kanzel: съ него проповѣдовалъ какой-то священникъ, который послѣ былъ сброшенъ въ пропасть, и мѣсто, съ котораго его столкнули, наименовано Pfaffensprung. Здѣсь въ старину скрывались и разбойники; ихъ замокъ, стоявшій на вершинѣ надъ самымъ Kuhstall, назывался Wildenstein; взбираться къ нему можно только по темной, узкой трещинѣ, въ самой срединѣ утеса находящейся; едва можетъ протѣсниться одинъ человѣкъ; мы кое-какъ пролѣзли и съ высоты, гдѣ нѣтъ уже и признаковъ замка, любовались ужасомъ окрестностей. Все это мѣсто окружено лабиринтомъ пещеръ, въ которыхъ было легко и скрываться и защищаться, и одна изъ нихъ называется Schneiderloch (по имени разбойника Шнейдера, который долгое время въ ней прятался); одинъ человѣкъ могъ обороняться въ ней отъ цѣлой арміи: къ ней надобно карабкаться по узкимъ камнямъ, висящимъ надъ бездною, согнувшись въ дугу, потому что и надъ головою висятъ такіе же камни; въ самой же пещерѣ нельзя стоять, такъ она низка—но видъ изъ нея удивительный: все вокругъ тебя, передъ тобою, надъ тобою и подъ тобою въ развалинахъ; здѣсь царство разрушенія; одно только эхо здѣсь существуетъ—минутный, быстро исчезающій житель, только разительнѣе напоминающій о ничтожествѣ. Нашъ проводникъ началъ кричать, и эхо по нѣсколько разъ повторяло его крики, и молчаніе, которое всякой разъ смѣняло голосъ, было еще разительнѣе послѣ мгновеннаго звука. Осмотрѣвъ всѣ эти предметы (ихъ можно видѣть безъ всякой опасности, ибо вездѣ для проходящихъ подѣланы перилы), мы опять сошли въ Kuhstall и, провожаемые арфою, начали спускаться въ глубину долины, которую надобно было пройти, чтобы потомъ подняться на Klein Winterberg. На днѣ долины мы остановились и увидѣли

надъ головою Kuhstall, который снизу показался намъ едва замѣтною трещиною; мы увидѣли нѣсколько мужчинъ и дамъ, пришедшихъ по слѣдамъ нашимъ въ пещеру, и въ трубку могли различить, что они вальсировали подъ арфу, которой звуки все намъ слышались: изъ пропасти закричали мы имъ б р а в о! и полѣзли на Klein Winterberg.

Klein Winterberg. Фортуна, до сихъ поръ къ намъ благосклонная, отказалась отъ насъ у подошвы этой горы: небо задернулось облаками, и начался дождь, сначала мелкой, потомъ довольно сильной; мы промокли до костей. Одно утѣшеніе намъ оставалось; проводникъ увѣрялъ насъ, что на высотѣ горы найдемъ мы защиту. Хотя мы и шли все лѣсомъ, но это нисколько не спасало отъ дождя, напротивъ его удвоивало; вѣтеръ шаталъ деревья, и крупныя капли, сыпавшіяся съ листьевъ, составляли крупный древесный дождь, который нимало не уступалъ небесному. Но вотъ мы на вершинѣ, и дождикъ пересталъ. Спѣшу къ обѣщанному убѣжищу—что же? Это не иное что, какъ каменная бесѣдка, со всѣхъ сторонъ открытая, въ которой бушевалъ сильный, холодный вѣтеръ. На первую минуту чувство обманутой надежды было весьма непріятно: но часто живѣйшія удовольствія находишь тамъ, гдѣ ихъ не ожидаешь. Новое, чудесное зрѣлище поразило насъ: облака разорвались огромными массами и страшно летали надъ нашими головами; голубое небо выглядывало и исчезало; на всѣхъ пунктахъ горизонта являлись тучи, однѣ уходящія, другія идущія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ были совершенно черныя, и подъ ними чернѣли далекія горы, которыя врѣзывались въ нихъ своими вершинами; въ другихъ мѣстахъ тучи сливались дождемъ съ горизонтомъ, и казалось, что тамъ былъ промежутокъ пустоты, какъ будто что-то разрушилось и одинъ только столбъ пыли остался. Ближніе предметы были еще чудеснѣе! Горы съ лѣсистыми боками, долины, деревья, утесы, все смѣшалось въ одинъ хаосъ; дождикъ пересталъ, и со всѣхъ сторонъ начали подыматься пары: тамъ вилась ужасная бѣлая змѣя въ клубящемся облакѣ дыму; тамъ множество легкихъ облаковъ летѣли, какъ стая привидѣній; тамъ вершина горы была перерѣзана туманною полосою; тамъ цѣлая гора синѣла на воздухѣ, и подъ нею волновались облака; тамъ вдоль глубокой долины тянулась и подымалась длинная полоса паровъ, похожая на дымъ отъ обширнаго пожара въ лѣсу или на необъятную, разбросанную сѣдую гриву какого-нибудь чудовища, которую раздувалъ и рвалъ сильный вѣтеръ—словомъ, зрѣлище было неописанное; я забылъ холодъ и мокроту и не могъ наглядѣться на этотъ величественный хаосъ. А арфа какъ тутъ! Вошедши въ бесѣдку, мы и не примѣтили, что въ углу ея притаился старый богемецъ съ маленькою дочерью; увидѣвъ путешественниковъ, онъ принялся исполнять свою должность, заигралъ и запѣлъ; а малютка начала ему вторить! И что жъ они за-

пѣли? Прощаніе Бонапарта съ Франціею. (Я списалъ эту пѣсню; она, кажется, стала народною: я слышалъ ее и на Bastey и послѣ на Schlossberg подлѣ Теплица). Признаюсь, такая неожиданная гармонія посреди туманнаго волненія, между утесовъ, поразила меня. Пѣніе было неискусное, но въ соединеніи дрожащаго голоса старика съ звонкимъ и еще не созрѣвшимъ голосомъ младенца было что-то трогательное; а содержаніе пѣсни разительно согласовалось съ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ она намъ слышалась: вокругъ насъ все было пустынно и дико; вѣчные утесы стояли неподвижно, и между ими легкимъ дымомъ, ничтожными призраками, летали остатки минувшей бури: по неволѣ видѣлось тутъ бурное, разлетѣвшееся величіе Наполеона! И что-то было прискорбно поражающее въ этомъ имени, недавно грозномъ, которое (безъ всякаго о немъ понятія) старикъ и младенецъ повторяли въ глухой дичи, чтобъ получить нѣсколько крейцеровъ отъ проходящаго. На наше счастіе вблизи бесѣдки, построенной для удовольствія путешественниковъ, нашлась лачужка, въ которой мы развели огонь, обсушились и даже напились кофе. Пока мы грѣлись и морщились отъ дыму, нашъ проводникъ разсказывалъ намъ сказки. Черезъ полчаса мы опять отправились въ путь; но на вершинѣ большаго Winterberg, съ котораго въ ясную погоду можно видѣть какъ въ панорамѣ всѣ горы Саксоніи и часть горъ Богемскихъ, не видали мы ничего: опять начался мелкой дождь, и все слилось въ однообразной, непроницаемый туманъ.

Prebisch Thor. Вздохнувъ о потерѣ удовольствія и не надѣясь переждать ненастья, которое, казалось, совсѣмъ овладѣло небомъ, пошли мы далѣе; но дождикъ вдругъ пересталъ, и мы ободрились и, наконецъ, миновавъ утесы, называемые die Schäfersteine, и переступивъ за границу Богеміи, очутились на высотѣ утеса, называемаго Prebisch Thor. Съ этой крутизны имѣли мы почти такой же видъ, какъ и съ Klein Winterberg; но впечатлѣніе, которое онъ сдѣлалъ надъ нами, было точно похоже на радость: прояснившееся время прояснило и душу. Воспоминаніе о Prebisch Thor есть самое пріятное изъ всѣхъ, оставшихся мнѣ отъ Саксонской Швейцаріи. Prebisch Thor есть такая же сквозная пещера, какъ и Kuhstall, только несравненно уже и выше; сперва всходишь на верхъ того камня, который образуетъ ея сводъ, потомъ уже спускаешься подъ самый сводъ; но какъ описать это чудесное мѣсто! Вообразите узкую скалу, длиною въ десять или пятнадцать саженъ, а шириною не болѣе четырехъ аршинъ, положенную на два другихъ стоячихъ утеса; на этой узкой, каменной полосѣ стоишь, будучи окруженъ спереди, справа и слѣва пропастями саженъ во сто глубиною, изъ которыхъ какъ страшилища высовываются другіе голые утесы; за ними зеленѣютъ съ трехъ сторонъ долины; позади ихъ подымаются лѣсистыя

невысокія горы, между которыми также видишь дно извивающихся долинъ, а за этими близкими зеленѣющими горами стоятъ, какъ привидѣнія, далекія, синія, и надъ всѣмъ этимъ неописаннымъ разнообразіемъ горъ и долинъ вообразите тотъ же чудесный туманъ, волнующійся, летающій, но гораздо болѣе прозрачный, такъ что по временамъ можно было различить все, что таилось подъ его зыбкими волнами; но иногда вдругъ онъ совершенно сгущался, и въ эти минуты казалось, что стоишь на краю свѣта, что земля кончилась и что за шагъ отъ тебя уже нѣтъ ничего, кромѣ бездны неба. Рядомъ съ Prebisch Thor находится другая скала, отдѣленная отъ первой пропастью, гораздо выше, уже и круче: она называется Prebisch Wand. Мы лазили на нее, чтобы взглянуть на Prebisch Thor сбоку—видъ несравненный! Не понимаешь, для кого созданы природою въ пустынѣ эти таинственныя ворота и куда ведутъ они: кругомъ ихъ бездны, сквозь ихъ отверстіе виденъ одинъ волнующійся туманъ и что-то, какъ будто изъ другаго свѣта, мелькаетъ сквозь этотъ полупрозрачной сумракъ; и на высотѣ утеса, образующаго ихъ сводъ, на голомъ гранитѣ, ростетъ одинокая ель; корни ея совсѣмъ обнажены, не знаешь, откуда берутъ они свою пищу, но она зелена, свѣжа, и бури ея не трогаютъ: я подумалъ о Фридрихѣ[1])—эта картина для его кисти! У самой Prebisch Wand стоитъ, какъ будто ея сторожъ, ужасная уединенная скала Prebisch Kegel: это гранитный столбъ, со всѣхъ сторонъ неприступный: съ начала свѣта никто, кромѣ развѣ орла, не бывалъ на его вершинѣ, и эта неприкосновенность придавала ему какое-то величіе.

Возвращеніе въ Шандау. Солнце выглянуло изъ тучъ, когда мы отъ Prebisch Thor спустились въ глубину долины по лѣсистой горѣ, называемой die Heiligen Hallen и которая, какъ необъятный разрушенный амфитеатръ съ безчисленными ступенями, подымалась позади насъ; утесы образовали стѣны, своды, ложи и галлереи: надобно было итти по крутому ихъ скату почти цѣлую версту, чтобы добраться до дна долины, и тутъ я узналъ, что итти долго по крутизнѣ вниз ъ гораздо труднѣе, нежели подыматься вверхъ. Все потемнѣло, когда мы спустились въ Bielgrund и по берегу быстраго ручья пошли къ Hirnischkretschen, пограничное мѣстечко, гдѣ находится австрійская таможня,—здѣсь кончится Саксонія и начинается Богемія. Нашъ проводникъ, шедшій впередъ, сыгралъ надъ нами забавную шутку; намъ надобно было проходить мимо нѣсколькихъ мельницъ, и онъ вездѣ разсказывалъ, что мы турки; усы Олсуфьева подтверждали этотъ разсказъ, и насъ вездѣ

---

[1]) Живописецъ Каспаръ-Давидъ Фридрихъ (р. 1774 † 1840). Его картины, преимущественно ландшафты, носятъ романтическій и меланхолическій характеръ.

встрѣчали толпы ребятишекъ; мы нарочно заговаривали съ ними по-русски, чтобъ насъ не поняли; но намъ или отвѣчали громкимъ хохотомъ, или совсѣмъ не отвѣчали и разбѣгались. Въ Hirnischkretschen дожидалась насъ лодка, и мы поѣхали Эльбою въ Шандау. Несмотря на вечернюю сырость, наше плаваніе было пріятно: между утесами, которые какъ стѣны подымаются на правомъ берегу рѣки, одинъ достоинъ примѣчанія по своей фигурѣ: его называютъ die Königsnase; въ самомъ дѣлѣ видишь профиль огромной головы, смотрящей на воды изъ-за скалы, и эта голова съ движеніемъ лодки безпрестанно перемѣняетъ и физіономію, и положеніе; наконецъ, она ложится и пропадаетъ; нѣсколько елей, выросшихъ на высотѣ, кажутся букетомъ, пришпиленнымъ ко груди каменнаго великана. Была почти ночь, когда мы возвратились въ Шандау, столь же усталые и голодные, какъ наканунѣ; но такъ какъ въ Шандау опять нашлись вкусныя форели и такъ какъ наши совѣсти все еще продолжали быть непорочными, то мы, какъ и наканунѣ, отужинали съ аппетитомъ и заснули глубокимъ сномъ праведныхъ.

Lilienstein. Brand. Hohnstein. Не стану подробно описывать вашему высочеству остальнаго нашего путешествія: ничто не будетъ ново въ описаніи, хотя видѣнные нами предметы имѣютъ каждый много отличнаго. Мы взбирались въ жаръ, по песку на крутой Lilienstein, съ котораго видишь вблизи Königstein и необъятную гористую окрестность: на краю горизонта можно различить, какъ темную точку, Ноллендорфскую часовню. У подошвы Лиліенштейна (въ 1813) расположились укрѣпленнымъ лагеремъ остатки французской арміи, почти уничтоженной въ Россіи — и теперь еще видны батареи. Это, какъ говоритъ Олсуфьевъ, было предсказаніемъ того, что случилось послѣ: Наполеонова армія нашла защиту подъ камнемъ лиліи, въ виду роковой Ноллендорфской часовни. Съ Лиліенштейна, черезъ поля и свѣжую долину Tiefegrund, достигли мы около вечера до утеса, называемаго der Brand: онъ очень сходенъ съ Bastey, и видъ съ него если не обширнѣе, то привлекательнѣе: передъ самыми глазами, въ глубинѣ, зеленая долина, вдоль которой по излучинамъ ручья вьется дорога; къ ней примыкаетъ другая долина, такая же свѣжая и зеленая; за ними густая, темная роща, за которою въ двухъ мѣстахъ блистаетъ Эльба и синѣютъ тѣ же горы, которыя видны съ Bastey: вечернее солнце удивительно украшало и разнообразило эту картину. Прежде нежели оно закатилось, успѣли мы притти въ городокъ Hohnstein посмотрѣть находящійся въ немъ старинный замокъ: можно сказать, что онъ виситъ надъ пропастію и что скала, его держащая, всякую минуту готова съ нимъ обрушиться. Часть этой пропасти, въ которую со страхомъ глядишь съ терассы замка, обращенной нынѣ въ цвѣтникъ, называется Bären-

garten: въ ней когда-то за высокими стѣнами живали медвѣди, которыхъ ловили въ окружныхъ лѣсахъ; изъ оконъ замка можно было любоваться ихъ дикою домашнею жизнію. Въ замкѣ показываютъ остатки старинныхъ тюрьмъ; одна изъ нихъ, темная и низкая, называлась die Marterkammer и была опредѣлена для пытки; нынче хранится въ ней одинъ невинный картофель; въ другой, полуразвалившейся, содержался преступникъ Клеттенбергъ (за дѣланіе фальшивой монеты); этотъ несчастный вздумалъ было спастись и изъ соломы, служившей ему подстилкою, свилъ веревку, спустился по ней изъ окна, но веревка была слишкомъ коротка; онъ прянулъ и переломилъ ногу; его поймали и казнили; а предательницу-веревку и теперь показываютъ путешественникамъ. Въ Hohnstein кончилось наше странствіе. Здѣсь дожидалась насъ коляска наша, пріѣхавшая сюда изъ Шандау. Было гораздо за полночь, когда мы возвратились въ Дрезденъ.

Такъ прошли для меня въ самыхъ чистыхъ удовольствіяхъ три дни. Простите, если я наскучилъ вашему высочеству длиннымъ своимъ описаніемъ. Я предаюсь вполнѣ тому счастію, которое вы же дали мнѣ милостивымъ своимъ приказаніемъ писать къ вамъ, счастію сообщать вамъ то, что я вижу, думаю и чувствую въ моемъ путешествіи. Это веселое путешествіе есть ваше благодѣяніе; и вы же сообщили ему и главную его прелесть: мнѣ весело видѣть и такъ же весело пересказывать о видѣнномъ вашему высочеству.

Приношу здѣсь мое глубочайшее почтеніе его императорскому высочеству и съ чувствомъ этого неограниченнаго почтенія, съ живѣйшею благодарностію за всѣ безцѣнныя ваши милости честь имѣю быть вашего императорскаго высочества покорнѣйшимъ слугою

Жуковскій.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

11, суббота. Миланъ. Въ Домъ [1]): статуя с(вятаго) Варѳоломея; фасадъ; мощи с(вятаго) К(арла) Борромея; рака серебр(еная) съ кристал(омъ); на памятникѣ серебреные барельефы; крестъ, одежда; голова; прекр(асный) входъ; нижняя церковь съ лѣпною работою. Въ глав(ной) церкви: хоры бронзовые; боковые алтари съ колоссальными мрам(орными) статуями. Площадь передъ Домомъ: полишинели. Дворецъ: фрески Аппіаніевы. Галлерея Брера: Рафаэлево Обрученіе с(вятой) Екатерины; Гвершинова Агарь; Les Noces de Cana de P(aolo) Veronese; Мадонна съ Младенцемъ и передъ нею мать съ другимъ, Креспи; Амуры Альбановы. Нѣсколько старыхъ картинъ.—La biblioteca Ambrosiana [2]): картонъ Аѳинской школы, нѣсколько рисунковъ Ленардо [3]) и Альбрехта Дюрера; А(льбрехта) Дюреровъ S.t Hubertus; Святая фамилія, Luini; его же св. Іоаннъ; нѣсколько портретовъ Ленардо да Винчи. Его манускрипты. Манускрипты: Виргилія съ замѣчаніями Петрарки; рисунки изъ старинаго списка Гомера; манускриптъ на папирусѣ Флавія Іосифа. Множество манускриптовъ. Библіотека публичная. Обѣдалъ за общ(имъ) столомъ. Въ театрѣ Opera buffa: Clotilde. M. Amati и M. Ceriola; басъ и буффа. Гроза.

12, воскресенье. Миланъ. Гроза. Библіотека Амброзиніана. Дожд(икъ). Обѣдъ въ ресторацiи. Офицеръ. Въ театрѣ Girolamo: Dedale e Icare. Въ циркѣ. Ворота Бонапарте: 16 колоннъ коринѳскихъ; три арки; барельефъ въ фризѣ: входъ въ Миланъ послѣ Маренго [4]), къ коронацiи; нижніе барельефы: Франція, Исторія, Слава, Италія; Геркулесъ, Марсъ, Минерва и Аполлонъ.—Симплонская дорога прямо къ сему мрамору.—Циркъ 700 шаговъ. Place d'armes; эхо.—Scenaculo [5]) Ленардо да Винчи: дверь, гошпиталь, стойла, наводненіе. Въ монастырѣ казармы.

13, понедѣльникъ. На высоту Дома. Maria della Passione. Въ театръ. (Картины Луини и Procaccini [6]); богатый авторъ). Не обѣдалъ, а пилъ шоколадъ. Въ театръ: опера Россини. Прелестная лунная ночь; видъ на D(u)omo.

14, вторникъ. S. Bernardino: кости. Гошпиталь. Русскій генералъ. Въ полицію. St. Alessandro. Corso. Въ café. Встрѣча брачная. Обѣдалъ въ трактирѣ.

---

[1]) Т. е. соборъ (duomo).

[2]) Въ дневникѣ описка: Ambrosiniana.

[3]) Да Винчи.

[4]) Сраженіе подъ Маренго, въ которомъ Наполеонъ разбилъ австрійцевъ, происходило 2 (14) іюня 1800 года.

[5]) Знаменитая Тайная вечеря Леонардо да Винчи.

[6]) Луини (р. 1460†1540), ученикъ Л. да Винчи; Прокаччини—тоже живописецъ (въ XVI—XVII в. было нѣсколько живописцевъ изъ этой фамилiи).

15. Въ St. Celso; Адамъ и Ева; статуя Маріи; великолѣпная церковь; Рафаелева копія. St. Paul: барельефы. Въ Palais Trivulci: до 70 лѣтъ; обѣдъ: свѣжесть; отдѣленіе мущинъ, отдѣленіе женщинъ; высокіе дортуары; государыня: церковь; садъ; рабочая. Старикъ живой. Обѣд(алъ) въ ресторації. Въ театрѣ Scala: мѣна шляпами. Опера-балетъ: испорченный планъ, блестящія, но не точныя одежды. Донъ-Кишотъ, Іоанна, Cenerentola [1]). Сосѣдство въ театрѣ. 6 рядовъ ложъ, 240. Отъ 8 до 12-ти. Живость зрителей [2]).

16. Изъ Милана въ Sesto. Озеромъ въ Isola Bella: несравненное путешествіе; вечеръ; трактиръ въ Isola Bella. Арона; статуя К(арла) Борромея; часовня; reliques: перчатка, маска. Вечеръ на Lago Maggiore: полумѣсяцъ надъ холмомъ какъ колесница. Востокъ и западъ. Радужныя небеса. Лежа надъ водою впередъ—статуя. Звѣзды на горахъ. Вѣтеръ. Воды, измѣняющіяся вмѣстѣ съ небомъ. Тихія облака. Одно облако на небѣ. Цвѣтъ Альповъ и горъ отъ розоваго къ голубому. Топазовый западъ. Противуположный берегъ и свѣтлая дорога. Утки. Пѣсни. Чай въ Belgirato [3]). Шумъ веселъ и вѣтра. Огни въ Лавенѣ и Палланцѣ. Даль между горъ разноцвѣтная. Птицы. Красавицы въ Аронѣ.

17. Isola Bella. Садовникъ. Когда пріѣзж(аетъ) принцъ, въ пол(овинѣ) августа на 40 дней. Картины; нижнія комнаты: статуи Монти [4]). Дворецъ на сваяхъ. Оранжереи. Isola Madre. Baveno. Прекрасный трактиръ на почтѣ. Переѣздъ въ Domo d'Ossola: Калварія; дорога Наполеонова; голоса; измѣненія неба; птицы; шишки деревъ; шумъ; облака.

18, суббота. Отъ Домодоссолы до Симплона. Кревола: удивительный мостъ на одномъ столбѣ; башня; дорога съ перилами. Видъ на Креволу. Колонна мраморная 37 ф(утовъ) дл(ины), $4^1/_2$ ф(ута) діаметръ [5]); на дорогѣ разсыпанъ arc de triomphe. Между Диведро и Изелою каскадъ. Прорывъ. Часовня. Ужасныя развалины. Домики работниковъ около утесовъ. Дорога стѣною посреди ущелья. Маленькая галлерея и водопадъ.

---

[1]) Донъ-Кихотъ и Іоанна—балеты, изъ которыхъ послѣдній былъ передѣланъ изъ драмы Шиллера подъ тѣмъ же названіемъ. Cenerentola — опера Россини. (Свѣдѣнія объ этомъ находятся въ письмѣ Жуковскаго къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ отъ 2 (14)—7 (19) октября 1821 года).

[2]) Въ дневникѣ Жуковскаго имѣется передъ 19-мъ августа еще слѣдующая замѣтка, относящаяся къ его пребыванію въ Миланѣ. „Вечеръ въ Миланѣ. Дѣти въ фартукахъ. Corso. D(u)omo ночью. Сосѣдство въ театрѣ—ай, ай".

[3]) Т. е. Belgirate.

[4]) Было нѣсколько итальянскихъ скульпторовъ съ этою фамиліею.

[5]) Мраморная колонна, вытесанная изъ одного камня и приготовленная для тріумфальныхъ воротъ Наполеоновыхъ, полувоздвигнутыхъ въ Миланѣ.

Снѣжныя вершины. Изела: осмотръ паспорта. Слѣдъ лавины. Гуппсенъ. Башня въ утесахъ. Мельница. Sassbach. Все въ развалинахъ. Облако. Старая дорога. Камни. Мостъ съ каскадомъ. Подмостки. Слѣды пороху. Галлерея въ 230 шаговъ, три отверстія; птица: съ одной стороны разрывъ; съ другой—стѣна для осыпи. Набросанные мелкіе камни. Эхо въ срединѣ утеса. Ручей и паукъ. Fletschhorn и небо. Галлерея Алгаби, крутой всходъ, пустыя скалы, всѣ горы полуголыя, сухія ели, свѣжій и легкій горный воздухъ. Симплонъ. Англичане, ѣдущіе въ Италію. Прелестная хозяйкина дочь. Вторая половина Симплонской дороги гораздо живописнѣе. Переходъ на сторону Брюгга [1]); дорога не столь хороша, но виднѣе; отъ послѣдняго refuge до Бригга пѣшкомъ: шумный Кандербахъ; освѣщеніе утесовъ; глетшеры; Jungfrau; чудесно ясное небо; цвѣтъ запада; облака; ночь; стѣны утесовъ и небо; звѣзды; шумъ невидимаго потока; Мах.

19. Отъ Брига до Туртмана [2]). Однообразная полуголая долина; пышность; причина жаръ; лѣнь жителей; луга. Developpement involontaire; engourdissement; milieu [3]). Для чего сражались? Италія. Каскадъ въ Туртманѣ: быстрый и высокій, но не живописный. Видъ Туртмана и долины отъ Туртмана къ Лейку: почти италіанская природа; правая сторона долины сожжена зноемъ. Утесъ и ручей Вильдбахъ. Расширеніе долины у Лейка. Деревня барона Verra. Все знойно; дернъ какъ пятна. Мутная Рона. Urkalk. Разливы Роны; известковый округленный камень составляе(тъ) ложе Роны. Видъ на Salgetsch, Alpina, Gemmi, Leuk, Pfyn: паръ отъ жару; знойный видъ горъ; мерзкая дорога: Diablerets, Sanetsch, Gemmihorn. Долина живописнѣе къ Сіеррѣ. [Роща по долинѣ и холмы какъ островы. Ели на утесахъ безъ дерна]. Осыпи мелкія [4]). Должно здѣсь ѣхать ввечеру [ш(агомъ)]: холмистое дно долины. Мостъ черезъ Рону. Голый утесъ посреди дороги. Развалины замковъ. Живописная Сіерра. Preuss—стрѣльба въ цѣль: кортики, братство, владѣнія, плата, капиталъ, ужины. Встрѣча съ англичанами верхами. Il faut une espérance heureuse pour avoir un réveil heureux. Les goitres, les crétins.

---

[1]) Т. е. Бриг (Brig).

[2]) Начиная съ 19 августа н. ст. и кончая 3 (15) ноября 1821 года дневникъ Жуковскаго сохранился въ двухъ видахъ: черновомъ (писанномъ большею частью карандашомъ, почеркомъ весьма неразборчивымъ) и бѣловомъ (писанномъ чернилами тоже не слишкомъ разборчиво). Въ черновомъ дневникѣ замѣтки Жуковскаго мѣстами изложены болѣе подробно, чѣмъ въ бѣловомъ. Всѣ такія дополненія, опущенныя въ бѣловомъ дневникѣ (иногда по той причинѣ, что Жуковскій самъ не могъ разобрать имъ написаннаго), внесены мною въ текстъ и заключены въ прямыя скобки.

[3]) Т. е. непроизвольное развитіе; тупость; среда.

[4]) Переписывая дневникъ на-бѣло, Жуковскій не разобралъ имъ написаннаго, и въ бѣловомъ дневникѣ вмѣсто этой фразы стоитъ: Мелкія ольхи.

*

Muscat [1]). [Туманъ на горахъ]. Замки Majoria, Valeria и Tourbillon. Трактиръ Льва въ Сіонѣ; милая хозяйка, италіанка; на колокольню. Знойный вечеръ.

20, понедѣльникъ. Съ правой стороны развалины Сейона и Монторжа, впереди вершины Diablerets, слѣва выгляд(ываетъ) S.-Bernard; въ самой долинѣ утесы. [На колокольню, Mon cher]. Вегетація италіанская: дубы, груши, каштаны, орѣхи; пирамидальная форма деревьевъ. Дорога лучше, нежели въ нѣмецкомъ Валлисѣ. Виноградники. Ветро. Ардонъ. Аллея изъ дубовъ и орѣховыхъ деревьевъ; виноградники. Плодоносная долина; правыя горы полуголые утесы; лѣвыя покрыты пышными Альпами; утесы, разрушаемые временемъ и стихіями; вездѣ, гдѣ нѣтъ вегетаціи, развалины. (Сравненіе Рейсской, Тицинской и Тосской долины). Полный видъ на Diablerets; облако надъ высочайшимъ; совсѣмъ голые камни. [С.-Пьеръ]. Le gouvernement est la raison du peuple, il le forme ou le réforme [2]). Дымныя струи. Riddes; деревня, мельница, водопой. Глупыя рожи. Отъ Riddes менѣе плодоносно. Встрѣча съ англичанами (въ каретѣ, чтеніе). Конопля и макъ. Слѣдъ ручьевъ на голыхъ утесахъ. (Потеря портфеля и чемодана). Видъ издали на Pissevache. Martigny. Обѣдъ. Послѣ обѣда къ Pissevache. Разливъ воды. Видъ спереди: не живописно; волны какъ ракеты; вѣтеръ и направленіе паровъ; сквозь пары долина и Pain de Sucre и вся освѣщенная долина. Весь востокъ. Боковые ручьи, каждый особенный, и мелкой водопадъ. Шумъ воды: какъ безпрестанная ружейная стрѣльба въ шумящемъ лѣсу; то ближе, то далѣе; къ Мартиньи картина лучше, къ С.-Морицу голѣе и диче. (Несчастье имѣть проводника). Быстрота, увеличивающаяся съ паденіемъ; снѣжныя ракеты. [Встрѣча съ дѣвушками]. Paccart.

21, вторникъ. Col de Balme и Chamouny. Шумящая Дранза. Крутой всходъ безъ отдыха. Камни. Долина Тріентъ. Источникъ Тріентъ; его прорывъ. Мѣсяцъ. Солнечный восходъ. (Впечатлѣніе картины Швейцаріи различно отъ разл(ичнаго) расположенія и освѣщенія. Риги, Брюгская, Валлійская долина, Haggen, Thiergarten, вечеръ въ Потсдамѣ, Pissevache). Звонки. Шумъ источниковъ. Сначала усталость, потомъ свѣжесть отъ горнаго воздуха. Прелесть перехода отъ восхожденія къ сходу. Видъ на долину и Col de Balme. Тріентъ [деревня Коль де Бальмъ], снѣжныя вершины, часть горъ, освѣщенныхъ солнцемъ. [Sennhütte: 50 vaches; 250 fromages pesant de 20 à 30 livres, selon

---

[1]) Т. е. Надо имѣть надежду на счастіе, чтобы имѣть счастливое пробужденіе. Зобы, кретины.

[2]) Т. е. Правительство есть разумъ народа; оно его образуетъ или преобразуетъ.

le lait, selon la saison. Pas plus de 20 livres de beurre [1]). Встрѣча съ нѣмцами]. Всходъ на Col de Balme. Утесы Ешерп. Обманутая надежда на C(ol) d(e) B(alme). Мухи. Сходъ въ долину. Отдохновеніе въ деревнѣ La Tour: бѣдность и нечистота, улицы, хлѣбъ. Argentière огромный Gletscher, [который современемъ задавитъ долину. Стукъ отъ глетшера]. Дно долины: мутная Арва по камнямъ, голыши, коренья, песокъ. (Глетшеры изображаютъ твореніе горъ, одинакіе слои). Глетшеръ Les Bois; нечистая долина. Начинается (sic) покрываться ильмами, съ маленькими холмами, между коими Арва. Черное облако съ огненными краями, и изъ него лучи. [Много видовъ съ долины; каждый видъ помрачаетъ близость проводника; именно въ ту минуту, въ которую бы наслаждаться, усталость]. Глетшеръ Боссонъ какъ чешуя. Приближеніе къ истоку Арвейрона. Огромныя массы льда. Трещины. Головы изо льда. Паденіе камней въ Арвейронъ; громъ волны. Трескъ глетшера. Лавины. Пещера съ зелеными льдистыми стѣнами. Во весь день M(ont)-blanc въ клубящихся облакахъ. Въ часъ заката облака вспыхнули и разошлись, и выступила пламенная голова великана. Теперь ночь, передовыя головы черны, надъ ними рядъ снѣжныхъ головъ и звѣздное небо; Арва шумитъ; прекрасная сельская картина; исчезаніе предметовъ.

22, середа. Утро въ Шамуни, вечеръ въ С.-Мартенѣ. Удивительно яркой цвѣтъ. Полумѣсяцъ. Звѣзды. Нѣсколько легкихъ облаковъ надъ Charmoz. Острые утесы выглядываютъ изъ-за черныхъ горъ. Долина въ полусвѣтѣ. Даль въ свѣтломъ тонѣ. Глетшеръ des Bois свѣтелъ. Montblanc весь въ свѣту; справа Aiguille du Midi, сзади какъ будто уходящая вершина; Dôme du Goûter и Aig(uille) du Goûter; надъ нимъ звѣзды и глетшеръ Bosson(s), свѣтло сходящій въ долину; шумъ Арвы; Aiguille du Midi и du Goûter какъ два сторожа. Мѣсто на землѣ, на которомъ никогда не бываетъ человѣка; на черныхъ шпицахъ снѣгъ; нѣкоторыя звѣзды какъ будто съ фонаремъ; необыкновенная яркость полумѣсяца (полумѣсяцъ пріятнѣе полной луны); туманъ какъ ды(мъ) и звѣзды какъ искры отъ пожара. Сходъ въ долину. Кладбище. Одинъ крестъ. Маленькая церковь. Нѣсколько домовъ. Дорожки. Мѣсяцъ. Летучая мышь. Пѣтухъ. Огромные Альпы. Востокъ чистъ и ясенъ; на немъ формы Альповъ. Всѣ прочія вершины только темныя, а Montblanc уже свѣтелъ. Отъ луны около вершины тѣнь; а на вершинѣ—нѣтъ; развѣ снизу. На западѣ облака. Прелестно-яркой полумѣсяцъ посреди освѣщеннаго неба. Вершины озаряются. Все не одинакаго цвѣта съ про-

[1]) Т. е. Сыроварня: 50 коровъ; 250 сыровъ, вѣсомъ отъ 20 до 30 фунтовъ, смотря по качеству молока и времени года. Не болѣе 20 фунтовъ масла.

чимъ; розово-свѣтлыя, а другія—голубовато-цвѣтн(ыя). Роса пала. Облака вились и перевивались около вершинъ, съ однихъ дымомъ, съ другихъ хвостомъ шлема, покрываломъ, всклокоченною бородою, часть точно летающія головы опрокинутыхъ великановъ, какъ гиганты, упавшіе навзничь съ прикованными къ грудямъ руками и ногами, остатки отъ древняго боя гигантовъ. Монбланъ всѣхъ задавилъ и сіяетъ. Часы на кладбищѣ. Пѣтухи. Милые дома. Нѣсколько птицъ. Тиха рожь, рощи, въ промежуткахъ свѣтлѣется рѣка. Двѣ зари, одна на востокѣ, другая на вершинѣ Монблана. Вершина серебреная на голубомъ небѣ. Восхожденіе солнца въ горахъ; одни облака и вершины; солнце. Караванъ на Монтанверъ, 10 дамъ на мулахъ; одинъ мулъ взбѣсился. Въ Саланшъ: въ Шамуни все дно покрыто рощами, между которыми шумящіе ручьи, свѣтлые и мутные. Звонки. Глетшеръ сквозь деревьевъ. (Несчастье въ Шамуни, 7 семей). [Обвалившаяся дорога]. Видъ долины отъ Ouches [4]). [Видъ отъ поворота къ Ouches]: Бревенъ и Монбланъ, слѣва тѣнистый лѣсокъ, за нимъ утесъ Aiguille d'Argentière, верш(ина) Ледов(итаго) моря, Dru, les Blaitière и Charmoz, Aiguille du Midi, Dôme du Goûter, долина съ своею сельскою прелестью и посреди, какъ ледовитый островъ, les Bessons. Ouches большая деревня въ $^1/_2$ часа отъ Шамуни. Поворотъ отъ Бревена: долина внизъ; [съ одной стороны и] впереди утесы, [съ другой, подлѣ обрыва, Арва]; (горы теплятся; не сіяніе, а рдѣющій уголь розоваго цвѣта). Видъ на Montblanc съ камня посреди дороги, какъ островъ надъ пропастью: Brévent, Арва въ безднѣ, и надъ всѣмъ этимъ Montblanc. Караванъ англичанъ, идущихъ къ Montblanc. Пастухъ съ рогомъ и эхо. [Остатки рудокопни]. Servoz: monument d'Escher. Добрая хозяйка [въ трактирѣ]. Между Servoz и Chède Lac des chèvres: прелестное озеро, сельскій видъ, холмики, зелень въ водѣ, долина Chède; [St-Nicolas, деревня, въ сторонѣ прекрасный каскадъ, льющій изъ камня; ребятишки съ стаканами]; каскадъ, 160 фут.: одна струя, ступень, двѣ въ котелъ, гдѣ кипятокъ, въ другой, гдѣ зелень, струя по камнямъ, прекрасные поперечные утесы, гораздо живописнѣе [2]) Pissevache; но нѣтъ того грома и брызга, струя льющаяся, а не бросающаяся; радуга [красавица]. Деревья ольхи, зелень, шумъ сплошной; смотрѣть съ противной стороны: весь; съ холма, который надъ самымъ жерломъ: нѣтъ ужаснаго, но прелестно [3]). Сперва не видишь водопада, когда къ нему идешь; одна бѣгущая прозрачная вода по камнямъ; завидуешь имъ въ жаръ. Прелестная равнина Chède: вишни и зеленыя деревья. Остался одинъ; тихой вечеръ; ручьи; горы съ обла-

---

[1]) Т. е. Houches.

[2]) Въ черновомъ дневникѣ: „гораздо пріятнѣе".

[3]) Тамъ же: „но тихо".

ками; видъ облаковъ: какъ головы; другія головы изъ-за нихъ; бороды по скаламъ; [въ этотъ вечеръ] точно собраніе духовъ. Надъ огромною горою три облака, озаренныя вѣнцомъ изъ лучей. Величіе горъ, когда стоишь посреди большой равнины, окруж(енной) горами, такъ что каждая вся видна, и на вершинахъ тучи; чистыя вершины безъ облаковъ болѣе тихаго величія. Заходящее солнце за стѣною тучъ; St.-Gervai(s), церковь; солнце за Cordon, Passi влѣвѣ; надъ церковью воспламененный туманъ, а церковь вся ярка. Небо на западѣ очистилось, одинъ образъ горъ и потомъ золотая гряда облаковъ; [зато] на Монбланѣ вихорь пламенныхъ тучъ. Лица опрокинутыхъ великановъ впереди: поле сраженія. Вечернее освѣщеніе Montblanc: впереди пламенная голова; двѣ Aiguilles по бокамъ; съ обѣихъ сторонъ вихорь облаковъ; словно духи. Нѣсколько темныхъ облаковъ у ступеней прокрадываются. Между тѣмъ кузнечики, свѣжій воздухъ, я(р)кія звѣзды, поср(ед)и неба нѣсколько парящихъ летучихъ облаковъ, стукъ цѣповъ, шумъ воды, уединеніе, колоколъ. Все точно въ тонкомъ, свѣтломъ покровѣ; двѣ скалы, какъ ворота, ступени; надъ густыми другія легкія, свѣтлыя облака. Молнія. Темный вечеръ. Приходъ въ St-Martin. Веселая служанка.

23, четвергъ. С.-Мартенъ—Женева. Всталъ до солнца. Утро и видъ на M(ont)blanc не столько прелестный, какъ въ Шамуни. На мысѣ. Непріятная Арва. На небѣ одинъ полумѣсяцъ и двѣ звѣзды. Туманъ и плескъ. Передовыя низкія горы. Струя розоваго блеска на M(ont)blanc. Задніе утесы въ свѣтѣ. Мостъ черезъ Арву. Саланшъ. Между Саланшемъ и Magland прекрасная сторона; долина, покрытая вишнями и орѣхами. Эхо. Nant d'Arpentas и d'Orly. Bellegarde. Утесы стѣною, и Арва въ иныхъ мѣстахъ похожа на порядочную рѣку; смѣсь дикости съ пріятностію; зелень; по берегамъ рѣки ольха; много барбарису; хорошо обработанная сторона. Клузъ [1]), городъ чрезвычайно живописный на Арвѣ; съ одной стороны ущелія, съ другой равнина пышная, окруженная острыми горами; видъ съ моста [(Allons ici chez Dupont)]: яблони, вишни, груши, дубы по дорогѣ, зеленыя рощи, кудрявые холмы и огромныя деревья; запахъ отъ сжатаго хлѣба, конопля, маисъ. Прекрасная деревня Siongy въ саду. Острой Môle [одинокой] съ облакомъ. [Обработанная долина]. [Между Môle и Saunex стали низкія горы]. Вдали Salève и стѣною Юра. Bonneville: hôtel de la Balance. Жаръ. Видъ на M(ont)blanc. [Salève. Annemasse]. Chesne: чистой городокъ, прилежность: видъ дѣятельности [2]); поля, покрытыя виноградомъ [и] удобренныя; богатство растеній: каштаны, орѣхи, акаціи, saules pleu-

---

[1]) T. e. Cluses.

[2]) Въ черновомъ дневникѣ: „Chesne. При въѣздѣ въ границы Женевы уже видишь признаки дѣятельности“.

reurs, платаны. Контрастъ Италіи: работа, молодые подлѣ старыхъ; ни одного празднаго; сидящіе въ лавкахъ [всѣ] за работою. [Прекрасная] чистая дорога до Женевы. Городъ не веселый; довольно темныя улицы; двѣ съ навѣсами [1]). [Работа]. Фонтаны. Деревья. Трактиръ Écu de Genève на Ронѣ. Подъемныя окна. Прачки. [Прелесть полумѣсяца].

24, пятница. Женева. День чрезвычайно жаркій. Прекрасныя бани на Ронѣ. Прогулка по городу. Къ Pashoud. На Трель [2]). У Бонстеттена [3]): [не засталъ]. Въ церковь. [Опять къ Бонстеттену]. Пріятная минута у Бонстеттена, но онъ испортилъ мнѣ день [своимъ] приглашеніемъ; дурное расположеніе отъ жары. Прогулка въ Ферней черезъ S.-Jean. Деревня Констанъ; вліяніе Арвы въ Рону [гдѣ соединеніе Арвы съ Роною]. Les Délices, гдѣ живутъ англичане. Petit и Grand Saccon(n)ex; видъ на M(ont)blanc. Ферней: улица; домъ, построенный Вольтеромъ; церковь; разрушенная надпись; нагробный камень. Въ домѣ двѣ горницы Вольтера: гостиная, описанная M-e Genlis, съ бюстомъ и картиною Торжества и нѣсколькими другими картинами; спальня: постель съ обрывкомъ занавѣса; печь съ урною и съ двумя надписями; портреты Екатерины, Фридриха, Лекеня [4]), Вольтера, Дю Шателе [5]), Д'Аламбера, Гельвеція, Дидрота, Делиля, Франклина, Мармонтеля, Каласово семейство [6]). [Обои красные бархатные [7]). Въ саду аллея, которой часть срублена. Лѣсъ каштановый] [8]). Аллея изъ липъ.

---

[1]) Въ черновомъ дневникѣ вмѣсто приведенной фразы читается слѣдующее: „Въ городѣ чистота,—но видъ улицъ странный; огромные навѣсы на длинныхъ столбахъ затемняютъ улицу".

[2]) La Treille—каштановая аллея въ Женевѣ.

[3]) Карлъ Викторъ Бонстеттенъ (р. 1745†1832), писатель, другъ извѣстнаго историка Іоганна Миллера. Въ молодые годы Жуковскій перевелъ нѣсколько писемъ Іоганна Миллера къ Бонстеттену и напечаталъ ихъ въ „Вѣстникѣ Европы" 1810 года. Въ своихъ письмахъ къ Тургеневу Жуковскій, называя его Миллеромъ, самъ иногда подписывался фамиліею Бонстеттена (см. „Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу", стр. 65).

[4]) Lekain (р. 1728†1778), знаменитый трагикъ.

[5]) Писательница маркиза Gabrielle-Emilie Du Châtelet (р. 1706†1749), извѣстная по своимъ отношеніямъ къ Вольтеру.

[6]) Жанъ-Каласъ (Calas), казненный въ 1762 г. по обвиненію въ убійствѣ сына; благодаря Вольтеру, доказавшему, что Каласъ палъ жертвою религіознаго фанатизма, процессъ Каласа былъ пересмотрѣнъ, и онъ и его семейство были признаны невиновными.

[7]) Въ черновомъ дневникѣ начало описанія Ферпея читается такъ: „Ferney: переходишь черезъ границу. Домы, построенные Вольтеромъ. Церковь, разрушенная надпись, надгробный камень. Въ домѣ двѣ горницы сохранены по старому. Въ первой, въ которую входъ изъ сѣней, вѣроятно, гостиная; мебель по канвѣ; четыре картины; бюстъ мраморный на печи; Triomphe de Voltaire. Другая спальня: отрывокъ занавѣса, каминъ".

[8]) Въ бѣловомъ дневникѣ это мѣсто изложено короче („Аллея. Лѣсокъ").

(Mes mânes sont consolés puisque mon coeur est au milieu de vous; son esprit est partout et son coeur est ici [1]). Нынѣшній владѣлецъ Budet. Деревня Потемкина Chambésy. Château Tournay. Къ Бонстеттену [2]).

25, суббота. Салевъ. Всталъ въ 4 часа и въ char à banc(s) къ Салеву. Но путешествіе неудачно: все въ пару. Нестерпимый жаръ. Пещера на Салевѣ. Молоко на вершинѣ. Видъ съ вершины: географическая карта; особливо, когда солнце высоко: Юра, весь Женевскій кантонъ, все озеро до Лозанны, Fort (de) l'Écluse. Gex, Ferney, Carouge, Chesne, Coppet, Gentond [3]), Nion, Versoix; съ другой стороны Voiron(s), Môle, Brévent, M(ont) blanc, Buet etc. Вечеръ [гулялъ] на Treille. Весь день дурной.

26, воскресенье. Въ банѣ. У Бонстеттена. Свѣтскость. Какой-то баронъ: балъ. Подарокъ Бонстеттена. Пріятный разговоръ: о M-e Stael, Бейронѣ, Миллерѣ [4]) и Песталоцци [5]). Посѣщеніе Бейрономъ M-e Stael; [жизнь M-e Stael въ Коппетѣ]; множество англичанокъ; останов(ился) у дверей; M-e Stael сбыла съ рукъ другихъ; [его лицо, меланхолія и смѣхъ]; начался разговоръ о любви и женѣ; отвѣты; живость лица; кокетство M-e Stael; [сарказмы]; жена Бейронова; его ненависть къ англичанамъ; онъ и Гобгузъ [6]) у M-e Stael; возвр(ащеніе) съ Бонстеттеномъ; посѣщеніе Бонстеттеномъ Бейрона: италіанка и двѣ дамы съ салфетками [7]); образъ жизни [Бейрона въ Женевѣ]; на озерѣ [8]) по ночамъ; никто не видѣлъ. [О женѣ: réponses évasives de Byron] [9]). Жизнь съ Миллеромъ. Pauvre Miller; les cases pour les extraits [10]); прогулки и экспромты: Исторія Америки и Люцерна [11]) экстракты изъ Ѳукидида; задачи разговоровъ. [Бейронъ и американецъ]. M-e Stael жизнь въ Коппетѣ; отчего не любила Женевы и любила Парижъ; ея живость съ Песталоцци; его candeur [12]); его образованіе и разговоръ; его экономія; опека отъ Ивердуна; Песталоцци у M-e Stael; [кружокъ]. Горница Бонстеттена: [видъ; Madonna; пор-

[1]) Т. е. Моя душа утѣшена, потому что мое сердце находится среди васъ. Его умъ всюду, а сердце его здѣсь.—Это надписи на вышепомянутой урнѣ.

[2]) Въ черновомъ дневникѣ: „Приглашеніе Бонстеттена испортило мой вечеръ“.

[3]) Т. е. Genthot.

[4]) См. выше, стр. 136, прим. 3-е.

[5]) Знаменитый швейцарскій педагогъ (р. 1745 † 1827).

[6]) Другъ Байрона, John Cam Hobhouse (Гобгаузъ, р. 1786 † 1869), писатель и политическій дѣятель.

[7]) Въ черновомъ дневникѣ стоитъ: „Посѣщеніе Бонстеттена: дѣвки“.

[8]) Тамъ же: „на лодкѣ“.

[9]) Т. е. уклончивые отвѣты Байрона.

[10]) Т. е. отдѣленія для выписокъ.

[11]) Тамъ же: „Исторія Люцерна impromptu; Исторія Америки impromptu“.

[12]) Т. е. душевная чистота.

треты; игроки].— Отъѣздъ изъ Женевы. Кошетъ: домъ обновленный; [большая зала съ бюстами и съ монументомъ; англичане; la concierge руки въ боки]; садъ: тополи, pelouse, лужокъ [1]); нижняя комната съ библіотекою; монументъ Неккера [2]); спальня M-e Stael: довольно старинная; портреты отца и матери, штофная кровать. Въ гостиной фортопьяно, Рафаэлевы старцы [3]). Кабинетъ Неккера: диванъ, на которомъ лежали его плащъ, шляпа, палка и парикъ; въ этомъ плащѣ M-e Stael похоронена; ея сынъ.—Ніонъ; прекрасная терасса. Вечеръ удивительный; солнце между Юрою и тучами; тихость озера; горы въ туманѣ свѣтлѣе [4]); облака; лодка; одинъ домъ освѣщенный, широкія волны; теплый вѣтеръ; облака, лежащія на горахъ, какъ пламя пожара. Несчастіе съ кучеромъ. Morges. Rolle: трактиръ Короны.

27, понедѣльникъ. Rolle—Lausanne. M-e Roveren и Rib(e)aupierre. О M-e Danse; [картины]. St-Pres [5]). Morges: avenue des plus beaux platanes, peupliers, maroniers; deux énormes tilleuls [6]). Лозанна. Les Balances [7]). Удивительный вечеръ на берегу озера, тронувшій душу до слезъ: игра на водахъ, чудесное измѣненіе; неизъяснимость. [Церковь].

28, вторникъ. Лозанна. Въ Ассанъ. Marie de Pleschéef, n. 27 Juillet 1798, m. 30 Mars 1807 [8]). Curé Jacotet. Весь день дома. Ввечеру въ Ouchy. Англичанинъ и англичанка съ рисованьемъ. На гульбище. Грусть отъ прелести природы и отъ одиночества. Здѣшніе домики плѣнительны отъ того, что въ нихъ замѣтно умѣнье жить съ собою; у насъ все это одинъ уборъ [9]). M-e Stael многое угадала: воспитаніе; мечтаніе на счетъ лучшаго; разговоръ не раздѣлъ; гостепріимство не общелюбіе; все внѣ себя—слѣдствіе воспитанія, а этого слѣдствіе поверхностность и непостоянство; въ провинціяхъ грубое скотство, въ большихъ городахъ грубая пышность. Женщина на ослѣ. Вечеръ подъ липами. Озеро, отражающее небо. Противуположность запада и востока:

---

[1]) Въ черновомъ дневникѣ: „Садъ; gazon; saules pleureurs“.

[2]) Знаменитаго министра Людовика XVI. M-e de Stael была, какъ извѣстно, дочь Неккера.

[3]) Въ черновомъ дневникѣ: „Рафаэлевы рожи“.

[4]) Тамъ же: „Противный берегъ, освѣщенный и свѣтлый; горы въ пару“.

[5]) Т. е. St-Prex.

[6]) Т. е. аллея изъ прекраснѣйшихъ платановъ, тополей, каштановъ; двѣ громадныхъ липы.

[7]) Т. е. трактиръ Les Balances.

[8]) Дочь Сергѣя Ив. и Натальи Ѳедотовны Плещеевыхъ (о нихъ см. выше, стр. 67, прим. 1), похороненная въ окрестностяхъ Лозанны. Сн. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 194.

[9]) Въ черновомъ дневникѣ: „здѣшніе домики плѣнительны отъ того, что въ нихъ выражено, что умѣютъ жить и довольствоваться с о б о ю; этого нѣтъ у насъ“.

покрывало отъ дождя; бѣлая полоса, гдѣ кончится вода и начинается земля; радуги въ воздухѣ надъ горами отъ [густыхъ] паровъ и солнца; все голубое отъ паровъ.

29, середа. Въ Ouchy рисовать, но дождь помѣшалъ. Въ 8 часовъ изъ Лозанны [въ Вевей]. Прелестная дорога виноградниками. Не вдали отъ Вевея [1]) дождь. Скука и одиночество. Послѣ обѣда, дочитавъ Faliero [2]), гулялъ. Пристань и каштановая аллея; видъ на Мельери; Валлійскія горы; віолетовый цвѣтъ горъ; бродящія облака бѣлыя, дымчатыя [и] сѣрыя [3]) по синевѣ горъ.

30, 31, 1. Вевей. Дождь и дурное расположеніе.

2. Вевей. Воскресенье. На террассѣ. Прекрасное утро; послѣ дождя ясность; картина террассы, освѣщенной солнцемъ. Группы молящихся, выходящихъ изъ церкви послѣ причастія: старики, молодыя женщины, мальчики. Рисовалъ. Бацы (sic) [4]). [Прогулка] послѣ обѣда въ Кларенъ. Разговоръ съ Бланомъ [5]) и съ его сыномъ. Histoire de M-e d'Etange [6]). Вечеръ. Остатки тихихъ облаковъ. Озеро болѣе темное, нежели небо; чистое небо и дымящіяся облака. Полумѣсяцъ. Снѣжныя горы. Полумѣсяцъ маякомъ. Утесы Мельери черные; надъ нимъ пламенныя облака. Одинъ крайній снѣжный утесъ теплится. Многіе солнечные лучи. Облака огненныя вдругъ черныя. Горы снѣжныя блѣднѣютъ (Вильневъ, Chillon, Montreux, Шателяръ, Wacubrine, Clarens). Ясный востокъ и низкіе берега Pays de Vaud. Свѣтлое озеро и на немъ парусъ. Простая картина, ничего кромѣ воды, низкаго берега и паруса. Полумѣсяцъ маякомъ. (Картина озера съ террассы). Даль озера къ берегу переливается въ свѣтлозеленую, потомъ въ віолетовую тѣнь; серебреная чешуя. Дымный цвѣтъ облаковъ. Бѣлыя облака, какъ вата или пухъ на синихъ горахъ. Вся долина Валлійская наполнена клубящимися облаками. Пѣнистыя волны

---

[1]) Въ черновомъ дневникѣ: „подъѣзжая къ Вевею".

[2]) Драма Байрона.

[3]) Въ черновомъ дневникѣ: „черныя".

[4]) Такъ это слово написано и въ бѣловомъ, и въ черновомъ дневникѣ. Въ послѣднемъ начало описанія дня 2-го сентября читается такъ: „На террассѣ. Прелестный видъ. Картина террассы, освѣщенной солнцемъ. Группа молящихся, выход(ящихъ) изъ церкви послѣ причащенія: старики, молодые, женщины. Рисовалъ. Мальчишки. Бацы".

[5]) Старикъ крестьянинъ изъ Montreux, съ которымъ Жуковскій шелъ вмѣстѣ въ Кларенъ (см. въ письмѣ Жуковскаго къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ съ описаніемъ путешествія его по Швейцаріи; ср. Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. V, стр. 457—458).

[6]) Подробнѣе о разговорѣ Блана по поводу „Новой Элоизы" Руссо см. въ томъ же письмѣ Жуковскаго къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

на изумрудной зелени. Яркія полосы изумрудныя съ солнечнымъ блескомъ на віолетовомъ фонѣ.

3. Chillon. [Поутру въ Chillon (6 fr.)]. Осеннія облака на горизонтѣ и Мельери. Въ Шильонъ лучше яснымъ вечеромъ, нежели утромъ; какъ ракъ задомъ. [Солнце мѣшаетъ видѣть]. Vevey. Tour de Peil [1]); одна церковь; пристань съ тополями; въ серединѣ домъ съ круглою башнею, прелестно освѣщенный солнцемъ, лодка и на ней рыбакъ, другая [большая], входящая [на бѣлыхъ парусахъ] въ пристань. (Прелесть простой картины, [иногда] совсѣмъ не живописной, отъ расположенія и освѣщенія). Постепенное склоненіе облаковъ къ горизонту; подъ ними даль съ свѣтлыми пунктами. Бездѣлица портитъ удовольствіе: скрыпъ отъ весла. (Château de Hauteville, Blonay au pied de la Pleion [2]), Châtelard на виноградныхъ холмахъ между горъ, Montreux въ дыму). Около берега струя перловъ. Подосланныя цѣпи. Замокъ. Тюрьма. Висѣлица. Тюрьма Бонивара [3]); маленькая тюрьма съ разломанною дверью. Опускныя тюрьмы. Видъ сверху: островъ; горница смотрителя, кухня; летучія мыши и пискъ. Возвращеніе въ Веве. Бонъ. Выѣздъ; дорога въ гору. Châtel St-Denis. Странный уборъ фрибургскихъ женщинъ [4]). Bulle.

4. Фрибургъ. Бернъ. — Фрибургъ: живописное положеніе. Излучины Аара. Каѳедральная церковь; рѣзной входъ: Страшный судъ; чертъ, несущій въ корзинѣ грѣшника. Колокольня (только двѣ трети) [5]); видъ съ нея на Фрибургъ; монастыри: 4 мужскихъ и 4 женскихъ монастыря; видъ на Визитандинскій монастырь. Муртенская липа [6]). (Боль въ глазахъ помѣшала осмотрѣть городъ). Домы, которыхъ кровля служитъ мостовою. Neueneck: прекрасная бернская хижина; внутренность: горница молодой хозяйки и колыбель; шкафы; наслѣдственный шкапъ; вверху горница отца и анбаръ для зеренъ; взъѣздъ на верхъ; сѣно и хлѣбъ; хлѣвъ; конюшня; погребъ; крыльцо и терасса; мостовая. Гости за сыромъ [7]).

---

[1]) T. e. Tour de Peilz.

[2]) Названіе горы не точно; она называется les Pléiades.

[3]) Женевскій гражданинъ, мученикъ вѣры и патріотизма, находившійся въ заключеніи въ Шильонскомъ замкѣ съ 1530 по 1537 годъ; его обезсмертилъ Байронъ въ своемъ „Шильонскомъ узникѣ“.

[4]) Въ черновомъ дневникѣ вмѣсто этой фразы стоитъ: „Волосы“.

[5]) Тамъ же: „Треть колокольни“.

[6]) Старая липа, по преданію посаженная въ память побѣды бернцевъ надъ Карломъ Смѣлымъ при Муртенѣ (22-го іюня 1476 г.).

[7]) Въ черновомъ дневникѣ: „Neueneck. Крестьянской домъ. Хозяйки. Горница сына и его жены. Два шкапа. На верху горница для отца. Голубятня. Хлѣбъ. Солома. Хлѣвъ. Конюшня. Погребъ. Крыльцо. Мостовая. Гости за сыромъ“.

Дурная шоссе[1]) въ Фрибургѣ и прекрасная въ Бернскомъ кантонѣ. Физіономіи болѣе нѣмецкія; въ Вадтѣ и Женевѣ болѣе французскія. Розница и причина ея въ швейцарцахъ и италіанцахъ: le revers de la montagne. (Камни у ручья. Молодежь. Красоты Швейцаріи требуютъ размышленія и пробуждаютъ его: Италіанская и Фламандская школа). Прелестныя окрестности Берна. Висѣлица. Ровъ. Олени, медвѣди. Зелень. Скошенное сѣно[2]).

5-е. Поѣздка въ Гофвиль. Прекрасная chaussée. Живописная равнина. Сельскіе домы. Юра. Прекрасныя лица женскія. Костюмъ: черныя шапочки съ крыльями, короткія платья и шпензеры. Чистота особенная. Навѣсы. Видъ: новой домъ и сквозной видъ на Юру и Оберландъ. Домъ Фелленберговъ[3]). Магазинъ для машинъ. Погребъ. Мастерская. Училище бѣдныхъ и Верли[4]). Домъ пенсіонеровъ. Turnanstalt. Домъ приготовленія для бѣдныхъ дѣвочекъ. Садъ. Разговоръ съ Шувал(овыми)[5]). К(нязь) Суворовъ. Пенсіонъ: горницы, спальни, кабинеты для двухъ, цвѣтники. Фелленбергъ; разговоръ: важность проповѣдника; главная мысль. О государѣ. Нашъ священникъ. Школа для бѣдныхъ: ихъ спальня, учебная горница; собственный минеральный кабинетъ. Верли. О Песталоцци. Шмитъ. Графъ Villedieu. Приглашеніе. Обѣдъ (супъ, légumes, языки). Учители, дѣти. Послѣ обѣда прогулка съ графомъ—о королевѣ баварской; ея замѣчаніе на Turnanstalt и отвѣтъ графа. Разговоръ о Песталоцци и о политикѣ. Ссора съ Минхомъ.

6-е, четвергъ. На терассѣ. У Криднера[6]). Ужасное предложеніе, которое, къ счастью, втунѣ. Обѣдъ за общимъ столомъ. Записка Криднера. [Письмо отъ Бруно[7]). Послѣ обѣда записка къ Криднеру]. Въ музеумъ: кабинетъ натуральной исторіи; рельефы[8]). Несравненный вечеръ на Энги[9]):

---

[1]) Въ черновомъ дневникѣ вмѣсто „шоссе“ стоитъ „мостовая“.

[2]) Подъ этимъ числомъ въ черновомъ дневникѣ написано начало (первые 26 стиховъ) „Шильонскаго узника“.

[3]) Филиппъ-Эммануилъ Фелленбергъ (Fellenberg, p. 1771 † 1844), извѣстный педагогъ и сельскій хозяинъ, основавшій въ Гофвилѣ (Hofwyl) цѣлый рядъ воспитательныхъ учебныхъ заведеній.

[4]) Iohann-Iakob Wehrli (p. 1790 † 1855), педагогъ, оказавшій большія заслуги въ дѣлѣ воспитанія бѣдныхъ; онъ былъ сначала руководителемъ въ школѣ для бѣдныхъ, устроенной Фелленбергомъ.

[5]) Съ графами Андреемъ Петровичемъ (впослѣдствіи оберъ-гофмаршаловъ) и Григоріемъ Петровичемъ Шуваловыми, братьями гр. Е. П. Шуваловой, фрейлины великой княгини Александры Ѳеодоровны (какъ это видно изъ письма Жуковскаго къ великой княгинѣ отъ 2 (14) октября 1821 года).

[6]) См. выше, стр. 124, прим. 1-е.

[7]) См. выше, стр. 119 и 121.

[8]) Въ черновомъ дневникѣ: „Reliefs Оберланда“.

[9]) Т. е. на Enge.

измѣненіе цвѣта горъ; пока солнце на горизонтѣ—бѣлизна; когда за горизонтомъ—все краснѣетъ; тѣнь отдѣльна; утесы свѣтло лиловые, зелень синеватая; снѣгъ розовый; бѣлизна послѣ захожденія; точно блѣдность умершаго; луна; чудесный видъ горъ при лунѣ. Звонки. Городъ. Церковь. Видъ съ терассы: рѣка, тихо сходящая по плотинѣ: образъ мудраго правленія; плотина, стоячая вода, прососы, разрушеніе. Аллея при лунѣ. Мѣщанки бернскія: ловкость и благородство въ движенія(хъ); острота въ физіономіяхъ; кокетство.

7. Выѣздъ изъ Берна. Schoohalde. Chaussée съ каменными тротуарами. Дорога въ гору; справа Бернъ: Ааръ, терасса съ аллеями, церковь, домъ съ терассами (Криднеръ, Сверчковъ [1]) спаситель). Поутру ходилъ рисовать; туманъ, медвѣди. Murihalden, видъ на горы. Дорога въ Brunadern, Elfenau; съ дороги оранжерея и сараи; Эльфенау приличное имя. Гора Гургель [2]) покрытая деревьями и домами. Мури: прекрасные сельскіе домы и разнообразіе архитектуры. Меттленъ, кронпринцъ [3]). Прекрасный видъ полей послѣ сѣнокоса, чистота дерна, признаки любви къ природѣ, простота украшеній, цвѣтники; гдѣ видъ, тамъ скамейка и деревья. Belpberg. Долина замыкается Stockhorn'омъ. Contrée des Alpes avancées. Видъ съ сихъ горъ. Лѣсъ подъѣзжая къ Алмендингену. Прекрасная зеленая лужайка вправо отъ дороги, за нею Belpberg и Ааръ. Рубигенъ: прекрасные каменные крестьянскіе домы. Мюнзигенъ: трактиръ Медвѣдь; Steiger; липа съ скамейкою; липы на площади; разбитая громомъ церковь. Съ дороги видъ на Юнгфрау. Ниderъ-и Оберъ-Вильродъ. Прекрасная дорога къ Туну отъ Heimberg; разнообразіе домовъ; яблони. Тунъ; замокъ и церковь; улица съ терассами; сонъ отъ кренкхенъ. Прогулка въ Bächihölzlein [4]) черезъ Scherzingen [5]) и Шадау: неисполненная надежда; дорога береговая; два острова, одинъ съ домомъ и садомъ, другой съ рыбачьимъ домикомъ и простымъ домикомъ; терасса и акаціи; Шадау и дворъ; мѣсто вытекан(ья) А(а)ра. Видъ на озеро; переправлялъ не сѣдой старикъ, а рыжая дѣвка; Bächihölzlein; видъ на озеро; камень Strättlingen [6]). Возвратный путь пріятнѣе: заходящее солнце; домъ Muhlisen: англичанки въ окнѣ, крестьянскіе домы, чистота и красивость. Кладбище: жаръ и духота испортили прогулки. Рисованье; не было солнца; главный живописецъ душа.

---

[1]) Алексѣй Васильевичъ Сверчковъ, бывшій нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ во Флоренціи въ 1819—1825 г.г.

[2]) T. e. Gurnigel.

[3]) Жуковскій вспомнилъ о посѣщеніи горы Меттленъ кронпринцемъ прусскимъ.

[4]) T. e. Bächihölzli.

[5]) T. e. Scherzligen.

[6]) T. e. Strättligen.

8. Озеро Тунъ. Унтерзеенъ. Выѣздъ въ 5 часовъ. Прекрасное время. Выѣздъ на озеро. Jungfrau, Blumelisalp [1]), Niesen, Stockhorn. Постепенное освѣщеніе его. Goldenlust. Whimmis [2]). Spitz. Встрѣча съ караваномъ поющихъ. Торгъ въ Тунѣ. Beatushö(h)le. Lerau [3]). Трудный всходъ. Пещера, входъ полузакладенный. Пещера, въ которой источникъ. Водопадъ по ступенямъ. Мостъ. Видъ на озеро. Стоящіе на мосту; подъ нимъ и надъ нимъ небо; вода озлащенная. Струя освѣщенная солнцемъ, кипѣвшая блестками; двѣнадцать нитей на второй ступени; красная трава. Виноградъ. Домикъ Лербера [4]); гдѣ было счастіе, тамъ случайно путешественникъ. Лалла Рукъ. Книги лат(инскія), фр(анцузскія), ан(глійскія), нѣм(ецкія); фортопіано. Видъ на озеро. Фонтанъ. Унтерзеенъ. Въ char à banc(s) до Унтерзеена. Прогулка въ дождь до Zollbrück; дож(д)ь, но время не дурное. Облачное небо; свѣтъ отъ луны; полусвѣтлыя облака на черныхъ горахъ; въ долинѣ свѣтъ; бѣлыя пятна облаковъ на бокахъ горъ. Шумъ А(а)ра. Пѣсни. Милые звонкіе голоса въ темнотѣ ночной подъ шумомъ А(а)ра. Звѣзды. Надъ Юнгфрау мгла. Небо чисто, но облака прилипли къ горамъ.

9, [воскресенье]. Поутру [ходилъ] въ дождь на Hohbühl; потерялъ дорогу. Видъ съ Hohbühl. Туманъ Саксонской Швейцаріи живописнѣе альпійскаго. Спускъ по крутизнѣ [5]). Смотря на Аарскую плотину, мысль о нынѣшнихъ правителяхъ: [они стоятъ] не за себя, а за министровъ. Отзывъ въ каменной горѣ отъ шума воды. Послѣ обѣда на Kl(ein) Rügen. Воскресное собраніе на Rügenhubel. Чудесный видъ на Тунское озеро; Низенъ синій въ золотыхъ облакахъ; солнце въ озерѣ; видъ съ Kl(ein) Rügen: влѣвѣ Низенъ, Штокгорнъ, Тунское озеро, Burgfluе [6]), Beatenberg, Harder, Bödelein, Бріенцское озеро, Breitlau(e)nen, Jungfrau, Rothenfluh, Gr(oss) Rügen. Посинѣлыя горы; на нихъ золотыя облака; солнечный свѣтъ мѣшалъ; облака синія и озеро синее; но просвѣты полосами; по всѣмъ горамъ облака какъ кудри; Юнгфрау изрѣдка изъ облаковъ. Удивительное дѣйствіе облаковъ: въ Тунск(омъ) озерѣ [7]) солнце, а по горамъ легкія золотистыя струи; озеро Бріенцское темно, и Лиматтъ и горы всѣ открыты, только по краямъ облака амфитеатромъ, какъ взбитая пѣна [или и какъ вата по высотѣ ихъ]. Небо разорванное, осеннее. Надъ Тунскимъ озеромъ Оссіановская картина:

---

[1]) Т. е. Blümlisalp.

[2]) Т. е. Wimmis.

[3]) Т. е. Lerow.

[4]) Сигизмундъ-Людвигъ Лерберъ (Lerber, р. 1723 † 1783), профессоръ-юристъ въ Бернѣ и поэтъ.

[5]) Въ черновомъ дневникѣ: „по крутой дорогѣ“.

[6]) Т. е. Burgfluh.

[7]) Въ черновомъ дневникѣ: „въ Тунѣ“.

точно группы туманныхъ воиновъ съ дымящимися головами. Первый point d(e) vue—все открыто; второй—[прекрасная] группа деревьевъ, сквозь нее озеро; равнина Интерлакена скрыта; зато Гштейгъ, Вильдерсвиль и Уншпунненъ и надо всѣмъ Юнгфрау. Третій всѣхъ лучше и пустыннѣе: долина Вильдерсвиль тихая, дикое ущелье, одна Юнгфрау; съ другой только Тунъ. Солнце выглянуло, когда я пришелъ: переходъ въ совершенную тишину; глубокая стѣсненная долина, неподвижно лежащія облака, небо туманное, свѣтъ со стороны, и Юнгфрау начала тихо и постепенно снимать покрывало: свѣжій снѣгъ, изрѣдка голосъ птицы, звонокъ и вѣтеръ, и на озерѣ одна черная точка—лодка. Яркая зелень Интерлакенской долины и деревья, отъ которыхъ тѣни. Нѣкоторыя горы и долины совершенно черны отъ облаковъ. Удивительная магія тихаго разоблаченія вершины: точно какъ посвященіе въ какое-нибудь таинство; богиня природы. Попеременно отъ Юнгфрау къ озеру: тамъ величественное; здѣсь фантастическое: вода въ свѣтлой чешуѣ, лодка, вѣтеръ; свѣтлыя бабочки; Юнгфрау: видишь чистый снѣгъ; но сквозь облака огненная вершина; не видишь, какъ раскрывается, но чувствуешь, что виднѣе. Не хотѣлось оторваться; мысль, что навсегда. Удивительное измѣненіе въ синемъ и голубомъ цвѣтѣ горъ подъ облаками. Прелесть голубаго неба. Чувствительная свѣжесть осенняя. Безпрестанно новое освѣщеніе на Юнгфрау [1]). Это имя прилично. Солнце скрыто [2]), а она освѣщается, ибо ея облака уходятъ; [свѣтлая вершина и] облачное платье. По высотамъ Альповъ въ облакахъ коровы. [Для дополненія, ввечеру], когда сошелъ, затменіе розовое [3]). Вечеръ облачный едва ли не прелестнѣе яснаго. Душа и несчастіе, душа и счастіе [4]). Революція и порядокъ. Вечеръ облачный и лунный. Свѣтъ на [5]) Юнгфрау; свѣтъ на Гардерѣ безъ луны.

10. Въ шесть часовъ въ дорогу. Abendhügel, Galgenhügel. Мѣсто, гдѣ колесованъ убійца любовницы. Мѣсто праздника: кронпринцъ и Мольеръ. [Утесъ, весь обросшій елями]. Дорога по правую сторону Лучины: пѣна и быстрота; блескъ солнца; камни; камень Rothenfluh. Сравненіе съ Рейссою и Арвою; долина въ сравненіи съ Шамуни; Юнгфрау все соединяетъ; болѣе единства [и сельскаго]. Steinhalde, извитые слои. Прямо черезъ Lauterbrunnen къ Staubbach: никакого сходства съ другими каскадами; отъ быстроты и высоты въ пыль; самый высокій; быстрота видна, когда идешь отъ Steinhalde и

---

[1]) Въ черновомъ дневникѣ: „Все новое освѣщеніе Юнгфрау“.

[2]) Тамъ же: „Солнце не показывается“.

[3]) Тамъ же: „вся долина розовая“.

[4]) Тамъ же: „едва ли не предпочтительнѣе и прекраснѣе яснаго. Ясный какъ счастіе, облачный какъ несчастіе“.

[5]) Тамъ же: „Свѣтъ надъ Юнгфрау“.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

ные тюками, оставаясь безъ надлежащаго присмотра, поселяли о себѣ дурную славу въ обитателяхъ Петербургской стороны. По штату 1816 г. число воспитанниковъ ограничено 2.000, которыя составили 8 ротъ; въ томъ же году прекращенъ пріемъ дворянъ, имѣвшихъ болѣе 20 лѣтъ. Суровая дисциплина тогдашняго времени практиковались въ полку во всей силѣ; строй занималъ въ обученіи первое мѣсто; дворянъ муштровали ежедневно по пяти часовъ, а въ 1820 г. былъ отстроенъ для этого обширный манежъ; рядомъ съ нимъ находились столовый залъ и кухня, произведенія которой не отличались ни вкусомъ, ни опрятностью. Спали воспитанники по пяти на двухъ сдвинутыхъ кроватяхъ; бѣлье мѣнялось разъ въ недѣлю. Выпуски были частые: въ 1812 г.—17. Въ общемъ, до 1831 г. заведеніе дало свыше 8 тысячъ офицеровъ.

Въ 1832 г. Дворянскій полкъ совершенно отдѣленъ отъ 2-го корпуса и усилены средства образованія; въ 1834 г. учреждены 4 общихъ и 2 спеціальныхъ класса; по указаніямъ Я. И. Ростовцева, разработаны учебники, и полкъ ни въ чемъ не отличался отъ остальныхъ корпусовъ; въ 1837 г. онъ перемѣщенъ былъ въ существующее по нынѣ красное зданіе на Спасской улицѣ Петербургской стороны. Задачею полка сдѣлалось—довершать образованіе кадетъ губернскихъ корпусовъ, воспитанники которыхъ начали прибывать въ полкъ съ 1838 г., принося освѣжающіе, благотворные элементы и постепенно сливаясь съ корнями [1]).

Переименованный въ 1855 г. въ Константиновскій кадетскій корпусъ, Дворянскій полкъ перемѣщенъ въ 1857 г. на Обуховскій, нынѣ Забалканскій проспектъ, а въ 1859 г. получилъ названіе 2-го военнаго Константиновскаго училища.

«Перенесемся же въ минувшее,—такъ закончилъ свою рѣчь М. Г. Гольмдорфъ,—и начнемъ наше собраніе, какъ и прежде бывало, молитвою за царя и павшихъ товарищей».

Музыка заиграла народный гимнъ, подхваченный всѣми присутствовавшими; затѣмъ оркестръ перешелъ къ молитвѣ за павшихъ, слившейся въ общій аккордъ пѣвшихъ ее бывшихъ воспитанниковъ. Обѣдъ прошелъ съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей кадетскаго быта. Вначалѣ повѣстка барабанщика пригласила къ закускѣ, а затѣмъ бой къ столу перемѣстилъ всѣхъ, какъ было въ заведеніи, къ сервированнымъ въ нѣсколько рядовъ обѣденнымъ столамъ. По сигналу барабанщика пропѣта предъобѣденная молитва, и всѣ заняли мѣста, гдѣ при кувертахъ лежалъ складной погонъ бывшаго Дворянскаго полка и на внутренней его части помѣщено меню обѣда: «супъ съ пентюхами, рыба по-волонтерски, говядина по-нестеровски [2]), пуншъ Леткова». Прислуга разносила кушанья не вразсыпную, какъ на обыкновенныхъ паршествахъ, но, съ блюдами въ рукахъ, строилась въ двѣ шеренги и потомъ, по удару барабана, разомъ направлялась къ столамъ. Послѣ обѣда всѣ построились въ одну общую роту, по выпускамъ, и подъ звуки оркестра, игравшаго «тихій маршъ», по командѣ ген.-лейт. М. Г. Черняева, прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо своего фельдфебеля.

На второмъ обѣдѣ, 14 марта 1883 г., въ первый разъ въ числѣ присутствовавшихъ находилось болѣе 10 человѣкъ изъ юнкеровъ 2-го Константиновскаго училища. Кашеваръ предложилъ сборъ для учрежденія стипендіи въ какомъ-либо среднемъ заведеніи, въ память Дворянскаго полка. Обнесенная имъ шапка дала основаніе будущему капиталу. На собраніи 1885 г. было постановлено: поручить собирателямъ товарищеской копилки ходатайство объ испрошеніи разрѣшенія учредить, на проценты съ капитала, стипендіи, и было собрано 300 р.

На обѣдѣ 14 марта 1888 г. М. И. Семевскій предложилъ образовать при библіотекѣ Константиновскаго училища особый отдѣлъ изъ трудовъ бывшихъ воспитанниковъ Дворянскаго полка.

Обѣдъ 1892 г. былъ безъ винъ, такъ какъ деньги, обыкновенно расходуемыя на вина, пожертвованы были въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

Праздникъ 1895 г. былъ особенно торжественъ: Константиновское артиллерійское училище, въ первый годъ своего существованія, праздновало 88-ю годовщину рожденія своего прадѣда—Дворянскаго полка.

Въ 1899 г. «Дворяне» и «Константиновцы» праздновали 92-ю годовщину своей almae matris. Вотъ программа этого праздника: 1) вступленіе съ сферу дѣйствій; 2) подступъ къ чаркѣ; 3) занятіе позицій; 4) повѣстка; 5) кулинарная смѣна въ 3 пріема; 6) передовые тосты; 7) донесенія отсутствующихъ; 8) тризна по выбывшимъ изъ строя; 9) здравицы; 10) разрядка курительныхъ патроновъ; 11) докладъ о товарищеской копилкѣ; 12) отбой и переходъ къ зеленому полю, 30-го января 1899 г., на совѣщательномъ собраніи 38 лицъ, разсмотрѣнъ былъ проектъ устава «Общества вспомоществованія бывшимъ «Дворянамъ» и «Константиновцамъ», который и былъ утвержденъ 2-го марта.

Особенно подробно описано празднованіе 14-го марта 1901 г.

Въ концѣ книги помѣщены: перечень литературныхъ трудовъ бывшихъ воспитанниковъ Дворянскаго полка и преемственныхъ ему заведеній, доставленныхъ въ особый отдѣлъ библіотеки Константиновскаго артиллерійскаго училища, по 1-е мая 1901 г., списокъ «Дворянъ» и «Константиновцевъ», участниковъ товарищескихъ собраній 14-го марта 1882—1901 г., по годамъ выпуска изъ заведенія, а также имена участниковъ этихъ собраній, не бывшихъ питомцами заведенія, но служившихъ и служащихъ въ немъ.

Н. К-ш-ъ.

---

[1]) Корнями назывались воспитанники, поступавшіе прямо въ полкъ.

[2]) Е. П. Нестеровъ былъ экономомъ съ 1836 по 1856 г., капитанъ А. Г. Летковъ—командиръ роты служителей и учитель пѣнія въ 50-хъ годахъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1901 г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину“** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1900 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно**.

Издатель **С. Зыковъ**. Редакторъ **Н. Дубровинъ**.